АРСЕН МАРТИРОСЯН

22 ИЮНЯ 1941:
ТАЙНЫ БОЛЬШЕ НЕТ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ

Москва
«Вече»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
М15

Мартиросян, А.Б.

М15 22 июня 1941: тайны больше нет. Окончательные итоги разведывательно-исторического расследования / Арсен Мартиросян. — М. : Вече, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-4484-2812-8

Знак информационной продукции **12+**

В новой книге известного историка Арсена Мартиросяна «22 июня 1941: ТАЙНЫ БОЛЬШЕ НЕТ» приводятся глубоко уточненные на основе архивных документов, воспоминаний и многолетних исследований итоги уникального разведывательно-исторического аналитического расследования военно-стратегических обстоятельств, приведших в итоге к кровавой трагедии 22 июня. В краткой, но высокоинформативной форме показан выдающийся вклад разведывательного сообщества СССР в обеспечение высшего политического руководства и военного командования всей необходимой информацией, разгромлены несколько особо опасных мифов о предвоенных событиях, в частности, установлены подлинные причины появления легендарного Сообщения ТАСС от 13/14 июня 1941 г., документально разоблачен особо мерзкий миф о якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции на донесении разведки за пять дней до нападения, строго по германским данным выявлены подлинные причины ее нападения именно 22 июня. В книге показаны и подлинные причины кровавой трагедии 22 июня, не исключая прямой причастности высшего военного командования к порождению этих причин.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность генерал-лейтенанту И.П. Гиоргадзе, генерал-майору О.А. Гудымо, консультанту начальника Генерального штаба ВС РФ полковнику В.В. Харитоновичу и майору в отставке О.Ю. Козинкину за искреннее содействие при подготовке этой книги к печати.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-2812-8

© Мартиросян А.Б., 2021
© ООО «Издательство «Вече», 2021

Глава 1

Не оскорбляйте разведку — она доложила не только точно, но и информативно емко. Резюме итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования[1]

Когда в послевоенное время дело дош-ло до воспоминаний и размышлений, то предвоенный начальник Генерального штаба, впоследствии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, «осчастливил» историческую науку и всевозможных толкователей и комментаторов его «воспоминаний и размышлений» множеством всевозможных — письменных и устных — «перлов», основное назначение которых состояло в том, чтобы как можно подальше убрать собственную голову от откровенно грозившего сорваться с тонкой нити дамоклова меча ответственности за трагедию 22 июня 1941 г. В наше время этим увлеченно

[1] «Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического расследования причин трагедии 22 июня» потому, что автор уже более пятнадцати лет публикует книги с исследованиями на эту тему: 22 июня. Правда Генералиссимуса. М., 2005; Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина. М., 2007; Том 1 пятитомника «200 мифов о Сталине». М., 2008; Том 2 пятитомника «200 мифов о Великой Отечественной войне». М., 2008; Фундаментальное исследование в двух томах: 22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна. 1-й том; 22 июня. Детальная анатомия предательства. 2-й том. М., 2012; Сталин и разведка накануне войны. М., 2014; Трагедия 22 июня. Итоги исторического расследования. М., 2016; Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии? М., 2019. Кроме того, в расчет взяты также и книги коллеги и единомышленника автора — Олега Юрьевича Козинкина: Кто проспал начало войны? М., 2011; Адвокаты Гитлера. М., 2011; Сталин. Кто предал вождя накануне войны? М., 2012; Почему не расстреляли Жукова? В защиту Маршала Победы. М., 2013; Защита Сталина. Кто пытается опорочить страну и Победу? М., 2015; Тайна трагедии 22 июня в двух томах: Т. 1. Внезапности не было. Т. 2. Первый день войны. М., 2016; Мифы 22 июня. Что скрывал Маршал Победы? М., 2019; Перед 22 июня. Хронология событий «запрограммированной катастрофы». Неудобные факты... М., 2019.

занимается кандидат исторических наук Алексей Валерьевич Исаев, вещающий в эфире едва ли не всех доступных ему электронных СМИ, наплодив в результате, не гнушаясь ничем, кучу всевозможных, вежливо говоря, несуразностей (если не использовать более хлесткие и крепкие определения), лишь бы только уберечь голову давно покинувшего этот суетный мир маршала от ответственности за трагедию 22 июня 1941 г. Увы, но этот, с позволения сказать, историк не желает понимать или же просто не понимает того, что давным-давно отметил пострадавший при жизни Сталина маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, который, говоря о войне, счел наиболее честным сказать так: «**Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 г., черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлечься от всего личного и следовать только правде, непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фашистской Германии только на И.В. Сталина. В бесконечных сетованиях наших военачальников о "внезапности" просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев — от командующих фронтами до командиров взводов обязаны держать войска в состоянии боевой готовности. Это их профессиональный долг, и объяснять невыполнение его ссылками на И.В. Сталина не к лицу солдатам»[2]. Увы, но упомянутый выше историк — не солдат…**

Среди тех, с позволения сказать, «перлов» особо выделяются утверждения Жукова о том, что-де до войны они что-то там недоучли, не в полной мере учли опыт современной на тот момент войны, разведка плохо работала и ничего толком не сообщила, и поэтому они ничего не знали о предстоящем нападении, проклятые нацисты, оказывается, лучше да глубже думали и работали, но при любом раскладе его «воспоминаний и размышлений» во всем виноватым оказывался Сталин. И чем дальше количество переизданий его мемуаров уходит от первого издания — тем больше становится вина Сталина, причем

[2] Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи / Сост. М. Лобанов. М., 1995. С. 446—447.

на основе якобы почерпнутых из оригинала маршальской рукописи данных, но с такой оглядкой на текущую политическую конъюнктуру, что, вежливо говоря, не приведи Господь!

Его предвоенный напарник, являвшийся накануне войны наркомом обороны и, увы, первым Главнокомандующим на войне Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко ни воспоминаниями, ни тем более письменными размышлениями отечественную историческую науку и общественность не «осчастливил». Но, тем не менее, успел-таки при жизни брякнуть такое, что, вежливо говоря, также не приведи Господь… То, что случилось 22 июня 1941 г., он собственным языком обозвал **«безграмотным сценарием вступления вооруженных сил в войну»,** отметив заодно, что **вообще «не было оборонительного варианта плана»**[3].

А любимец Сталина, создатель советской авиации дальнего действия, Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов с откровенной прямотой никогда не предававшего своего Великого Верховного Главнокомандующего честного солдата и вовсе был убийственно краток: «**Генеральный штаб войну проморгал»!**[4]

* * *

Свой крайне жесткий, очень нелицеприятный для Жукова вердикт Голованов сопроводил не менее жесткими разъяснениями. В нескольких беседах (13.06.1973 и 24.02.1974) с писателем Ф. Чуевым Главный маршал авиации А.Е. Голованов красочно описал Жукова на посту начальника Генерального штаба. Вот запись Ф. Чуева под названием «Генштаб» из его же книги «Несписочный маршал» (запись от первого лица): «Не раз мы говорили о Генеральном штабе. Особенно после книг Штеменко и Василевского. Однажды я заметил:

— Василевский пишет, что Сталин не придавал значения роли Генштаба...

— А как он мог придавать, — откликнулся Голованов, — если до Сталинграда Генштаб был такая организация, которая неспособна была действовать и работать. Какое значение можно было придавать

[3] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 109—110.

[4] *Чуев Ф.* Несписочный маршал. М., 1995. С. 22.

этому аппарату, который не в состоянии был собрать даже все необходимые материалы! **Все основные предложения о ведении войны были от Сталина** — я там каждый день бывал, а иногда и по нескольку раз в день.

Генеральный штаб войну проморгал — вот что такое Генеральный штаб!

И я, между прочим, пишу так: **"Генеральный штаб в первый год войны особой роли не сыграл".**

Жуков командовал дивизией, корпусом, округом. А что такое начальник Генштаба? Это человек, который все суммирует и докладывает без своего мнения, без навязывания идей, а когда все доложат, обсудят и спросят его мнение, он скажет.

<…> Жуков — вон Василевский пишет: решение о боевой готовности приказали отдать в 8 часов вечера, а они только в час ночи передали, а в 4 часа уже немцы напали. С восьми до часу ночи! Это, знаешь, что, за одно место нужно повесить за такие вещи! Василевский пишет: конечно, мы запоздали с этим делом.

Но мы же знаем, кто был начальником Генштаба. Каждый должен быть на своем месте. Когда козел ест капусту, а волк — ягненка, это одно дело, а когда волк начинает капусту жрать, ничего не получается. Жуков полгода не просидел, наверно, на этом деле, его поставили на свое место — командовать фронтом, замом Верховного — вот это его место... Все встало на свои места, когда начальником Генштаба опять стал Шапошников. Жуков никаким начальником Генштаба не был и быть им не мог — для этого надо иметь не такой характер...»[5]

* * *

В 1992 г. под всеми разбирательствами на тему о том, почему произошла столь кровавая трагедия 22 июня 1941 г. и кто в этом виноват, жирную черту подвело одно из лучших исследований о причинах трагедии начала войны — **«1941 год — уроки и выводы».** Этот фан-

[5] *Чуев Ф.* Несписочный маршал. М., 1995. С. 22—23.

тастически блестящий по глубине, разносторонности и тщательности аргументации, беспристрастному, но исключительно объективному признанию огромного количества негатива аналитический труд явился фактическим ответом военных профессионалов — сотрудников Военно-научного управления ГШ ВС РФ, научных работников Института военной истории и преподавателей военной истории ряда военных академий ВС РФ на подлый бред беглого предателя из ГРУ В.Б. Резуна, нагло присвоившего себе псевдоним «Виктор Суворов»[6].

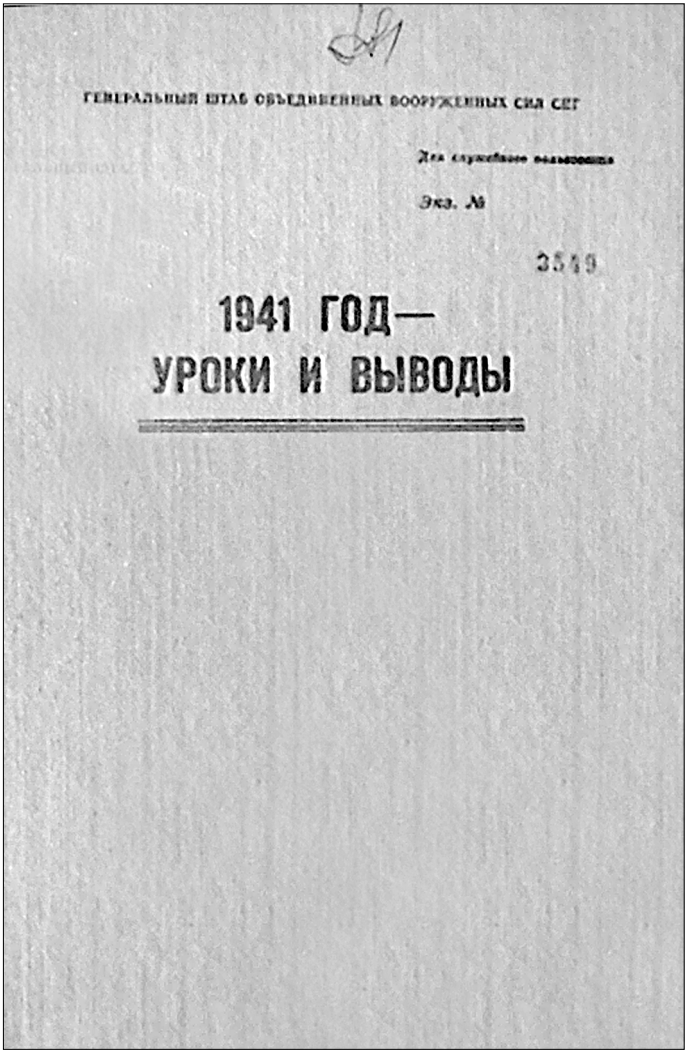
Единственное, о чем приходится сожалеть, так это о том, что этот труд долгое время имел гриф **«Для служебного использования»,** вследствие чего не мог сразу стать достоянием широких читательских масс в полном объеме. Правда, тут следует отметить, что формально сам текст этого исследования появился в Интернете еще в начале 2000-х гг., но только в мае 2020 г. он наконец-то появился в Интернете не просто в открытом доступе, а именно со всеми приложениями, схемами и ссылками на источники.

В результате длительного безумства с ограничением допуска для ознакомления с этим великолепным трудом было открыто широчайшее поле для любых подлых инсинуаций на тему о незабываемой кровавой трагедии 22 июня 1941 г. Принявшее решение о наложении ограничительного грифа на этот великолепный труд профессионалов высшего класса руководство нанесло фантастический ущерб исторической науке, историческому самосознанию общества, фактически

[6] В аннотации Военного издательства указано: Труд подготовлен коллективом авторов: руководитель авторского коллектива доктор военных наук, старший научный сотрудник генерал-майор В.П. Неласов (введение, заключение, гл. 1 и 4), заместитель руководителя кандидат исторических наук, доцент полковник А.А. Кудрявцев (гл. 2, подразд. 3.1, 3.4, гл. 4), кандидат исторических наук А.С. Якушевский (подразд. 1.2), кандидат военных наук В.Г. Сусоев (гл. 4), кандидат исторических наук полковник Б. Н. Петров (подразд. 3.2), кандидат исторических наук полковник А.А. Гуров (подразд. 3.2), подполковник В.А. Семидетко (подразд. 3.2), полковник Ю.П. Тюрин (подразд. 3.3). В сборе и подготовке материалов, а также в изготовлении приложений для труда активное участие принимали подполковник Н.М. Васильев, полковник В.Б. Маковский, полковник В.А. Дорофеев, полковник В.А. Сизов, а также офицеры ряда академий и центрального аппарата Главного командования объединенных Вооруженных Сил СНГ. Рассчитан на широкий круг военных читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

дав зеленый свет разгулу порой самого изощренного издевательства над и без того кроваво-трагической историей начала войны.

Между тем на основе огромного количества архивных материалов, часть из которых полностью не рассекречены до сих пор и потому хранятся в практически наглухо закрытом для исследователей архиве Генерального штаба ВС РФ, военные историки показали, какие на самом деле


ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ОБЪЕДИНЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СЕГ

Для служебного пользования

Экз. №

3549

1941 ГОД—
УРОКИ И ВЫВОДЫ

были планы НКО/ГШ на случай войны с Германией, к какой на самом деле войне готовился наш генералитет, какие на самом деле ошибки были допущены при составлении наших мобилизационных и оперативных планов в 1941 г., особенно в планах прикрытия, имевшихся в западных приграничных военных округах.

А наиглавнейший вывод, который сделали авторы этого выдающегося и ныне, слава богу, уже широко известного исследования о причинах поражения советских войск в начальный период войны, был крайне нелицеприятный:

«**Советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако, в отличие от немецкого блицкрига, наши так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению».**

<u>Вопрос</u>: так при каких же обстоятельствах «мозг армии» — Генеральный штаб (да и в целом высшее военное командование) — мог (могло):

— непродуманно подойти к выбору стратегических действий,

— вследствие чего состряпать «безграмотный сценарий вступления вооруженных сил в войну», но при этом вообще не иметь «оборонительного варианта плана»

— и в итоге «проморгать войну»?!

Если покопаться в анналах истории, то истоки того, что **«Генеральный штаб войну проморгал»,** можно найти в ноябрьской 1930 г. аттестации на Г.К. Жукова, которую тогда дал впоследствии Великий Полководец и Подлинный Суворов Красной Армии, Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, который указал, что Жуков **«на штабную и преподавательскую работу назначен быть не может —**

органически ее ненавидит»![7] Рокоссовский был его командиром и знал Георгия Константиновича как облупленного. Кстати говоря, Жуков и сам неоднократно признавался, в том числе даже и лично Сталину, что штабная работа не для него.

Ну а если не стремиться через тернии в академические выси, то произойти это могло только в одном из трех случаев:

— при неосведомленности о планах наиболее вероятного противника, его силах и вооружениях, наиболее вероятном сроке нападения и т.п., проще говоря, в том случае, если разведка заблаговременно не обеспечила высшее военное командование необходимой ему информацией;

— при неосведомленности о стратегии и тактике противника, то есть при отсутствии аналитически обобщенных данных об уже прошедших боевых действиях наиболее вероятного противника на других театрах военных действий;

— при откровенном игнорировании самим высшим военным командованием не только исторических закономерностей и очевидностей, но и всех сведений разведки о планах наиболее вероятного противника, его стратегии и тактике, силах и вооружениях, сроках нападения и т.п., а заодно и аналитически обобщенных данных об уже прошедших боевых действиях наиболее вероятного противника на других театрах военных действий, особенностей последних, в том числе и непосредственно прилегающих к границе, причем, что, увы, особенно печалит, при фактическом игнорировании состояния собственных войск и коммуникаций на наиболее вероятном театре военных действий в случае агрессии.

Первые два случая составляют основу нещадно эксплуатируемых нескольких ключевых тезисов, суть которых сводится всего лишь к тому, **что-де высшему военному командованию ничего не было известно о стратегии и тактике, силах и вооружениях, планах и сроках нападения немцев, а Сталин никому и ничему не верил, особенно данным разведки, писал на них матерные ре-**

[7] Военно-исторический журнал. 1990, № 5. С. 22.

золюции, но при этом верил убаюкивающим письмам Адольфа Гитлера!?

Да, действительно, при нападках на Сталина за трагедию 22 июня под удар первым делом попадает разведка (как сообщество разведывательных служб СССР того времени). Это старинная генеральско-маршальская традиция — во всех неудачах обвинять разведку. С подачи наиболее известных маршалов (и генералов) военной поры, особенно предвоенного начальника Генерального штаба, как бы самоутвердилось главное «обвинение» — что-де разведка, видите ли, ничего толком не установила, ни планы противника, ни направление главного удара, ни его силы и вооружения, ни время, ни даже дату нападения, а тому, что установила, якобы мнительный и подозрительный Сталин не верил, но материл письменно. В результате на панели исторической проституции до нынешних времен шастают аж целых полсотни крайне оскорбительных мифов о советской разведке.

На самом же деле, несмотря на ряд серьезных сложностей в разведывательной работе, колоссальные препятствия со стороны контрразведки противника, крайне подлое поведение (до 22 июня 1941 г., да и после тоже) будущих союзников по антигитлеровской коалиции, стремившихся во что бы то ни стало ускорить столкновение Третьего рейха и СССР в смертельной схватке, невзирая на ряд негативных обстоятельств в деятельности самих разведывательных служб СССР того времени, **советская разведка — именно же как сообщество всех разведывательных и контрразведывательных (они также добывали крайне необходимую информацию) служб Советского Союза** — накануне войны совершила фантастический по своей непревзойденной значимости подвиг во имя безопасности Родины, не допустив при этом принципиальных ошибок как при добывании разведывательных данных, так и при прогнозировании наиболее вероятных ответов на возникавшие тогда вопросы.

Разведывательное сообщество СССР накануне войны включало в себя значительное количество служб и подразделений. Это разведывательное управление НКВД СССР, после разделения на НКВД

и НКГБ — Первое управление НКГБ СССР, «легальные» и нелегальные резидентуры НКВД/НКГБ СССР в зарубежных странах. Это и Разведывательное управление Главного управления пограничных войск НКВД СССР, разведывательные отделы пограничных отрядов, разведывательные отделы и отделения НКВД Украинской, Белорусской, Молдавской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Разведывательные поручения и задачи выполняли также различные контрразведывательные подразделения органов госбезопасности. Активную разведывательную деятельность вела, естественно, и военная разведка в лице Разведывательного управления Генерального штаба — так тогда именовалось славное ГРУ[8]. Это и «легальные» и нелегальные резидентуры ГРУ в зарубежных странах, разведывательные отделы штабов западных приграничных округов, их разведывательные отделения и пункты в приграничной зоне. Это и Разведывательное управление Наркомата военно-морского флота и его представителя за рубежом, а также разведывательные отделы штабов Черноморского, Балтийского и Северного флотов. Это и разведка Коминтерна. Это и дипломатическая разведка Наркомата иностранных дел. Это и отдел анализа иностранной прессы ТАСС.

Поток всевозможной информации от разведывательного сообщества был чрезвычайно велик. Общий информационный вклад советских официальных разведывательных служб таков. Только по каналам ГРУ и только за период с 1 января по 21 июня 1941 г. включительно в Центр поступило **267** донесений[9] (по утверждению бывшего начальника ГРУ ГШ РФ генерал-полковника Ф. Ладыгина — **264**[10]). В них детально была отражена подготовка Германии к нападению на СССР[11]. Из них **129 (48,3 %; если от 264, то 48,86 %)** были доложены высшему

[8] Аббревиатура ГРУ появилась только 16 февраля 1942 г. До этого — РУ ГШ РККА. Во времена «фельдмаршала Табуреткина» сменили на ГУ ГШ ВС РФ. Слава богу, что в связи со 100-летием военной разведки букву «Р» наконец-то решили вернуть. Автор сознательно использует аббревиатуру ГРУ и для довоенных времен — как наиболее известное и фактически легендарное обозначение славной военной разведки нашей Родины.

[9] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 71.

[10] Военно-промышленный курьер. 2011, № 33.

[11] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 71.

политическому руководству СССР и командованию Красной Армии[12]. Правда, из-под пера того же автора — увы, ныне покойного В. Лота — вышла также и другая цифра: «По указанию генерал-лейтенанта Ф. Голикова, **174 донесения (из 267, то есть чуть более 65 %. —** *А. М.*), поступившие в этот период от резидентов военной разведки, были доложены политическому руководству СССР. **Практически ежедневно военная разведка докладывала Сталину, Молотову, Тимошенко, Жукову и другим руководителям о нарастании угрозы со стороны Германии»[13]**.

В свою очередь внешняя разведка НКВД—НКГБ СССР только в адрес руководства и военного командования СССР направила более **120** детальных сообщений о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР[14]. И как минимум столько же было направлено в адрес НКО, ГШ и ГРУ, в том числе и информации разведки погранвойск, контрразведки, а также Главного транспортного управления НКВД СССР.

* * *

Информационным отделом ГРУ, например, было подготовлено и издано **более двадцати справочников** по вооруженным силам Германии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Японии. Составлено подробное описание возможных театров военных действий. Общий объем этих документов только в первом полугодии 1941 г. составил примерно **600** печатных листов. Печатный лист — это **40** тысяч знаков. Следовательно, **600** печатных листов — **24 МИЛЛИОНА ПЕЧАТНЫХ ЗНАКОВ!** Общий же тираж разведывательных сводок и справочников, которые рассылались в штабы различных частей и соединений Красной Армии, составил **600** тысяч экземпляров, что составило примерно **28 тонн[15].**

[12] Там же.

[13] *Лота В.И.* Увидеть красный свет. Приводится по Интернету.

[14] *Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.* Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 13.

[15] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 102.

* * *

Многолетний начальник ГРУ генерал П.И. Ивашутин отмечал, что **«тексты почти всех документов и радиограмм, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались по следующему списку: Сталину (два экземпляра), Молотову, Берии, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба»[16].** А предвоенный начальник ГРУ Ф.И. Голиков на одной из послевоенных встреч с сотрудниками военной разведки почти полвека назад прямо заявил, что **вся информация, которая докладывалась Сталину, в копиях направлялась Молотову, Ворошилову, Тимошенко и Жукову[17]. Об этом же свидетельствует и расчет рассылки, указанный на каждом таком документе[18]**.

В то же время невозможно отрицать, что перед войной для советской разведки сложилась очень непростая ситуация. Традиционно, но совершенно необоснованно такое выражение воспринимают как якобы следствие якобы обрушенных на разведку Лаврентием Павловичем Берией репрессий. Увы, немало авторов, которые совершенно безосновательно муссируют подобное. В реальности же именно Л.П. Берия восстановил внешнюю разведку после далеко не всегда обоснованных и законных ежовских репрессий. Более того. Именно он взрастил тактическую по своей природе разведку пограничных войск до уровня, когда она смогла решать даже стратегические задачи. А приведя в нормальное состояние все органы государственной безопасности, включая и военную контрразведку, права которой были ограничены и строго очерчены, и подчинив их деятельность действовавшему в то время законодательству, Л.П. Берия тем самым способствовал также и восстановлению военной разведки, которую ежовские репрессии — в ряде случаев небезосновательные — очень сильно затронули.

---

[16] *Ивашутин П.* Докладывала точно// Военно-исторический журнал (далее ВИЖ), 1990, № 5. С. 56—59.

[17] *Калинин В.* Первый урок// Независимое военное обозрение, 2000, № 38.

[18] *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 273.

Ко всему прочему следует иметь в виду, что резко изменившаяся и осложнившаяся международная обстановка потребовала коренной реорганизации разведывательной работы за рубежом. Перед разведывательными службами были поставлены иные, более сложные задачи, которые она была обязана решать с максимальной результативностью.

Но очень непростая ситуация в разведывательном сообществе СССР накануне войны сложилась не только по этим причинам — она оказалась очень непростой прежде всего из-за побегов на Запад в конце 30-х гг. XX в. нескольких в прошлом видных сотрудников разведки, в том числе и нелегалов, включая также и резидентов, знавших многие десятки агентов, доверенных лиц и оперативных контактов, прежде всего на основных направлениях разведывательной деятельности.

В таких случаях достаточно продолжительное время сохраняется угроза или расшифровки источников противником и соответственно игры под диктовку противника, или же использование противником этих источников «втемную» для продвижения своей дезинформации. Такое положение дел вынуждало, по меньшей мере, с определенной долей скепсиса и подозрительности относиться к информации ряда источников, которые ранее ничем себя не скомпрометировали. Увы, но это жестокая и суровая необходимость, которая является специфической реальностью разведывательной деятельности, которую надо априори воспринимать и не пытаться ёрничать на эту тему. Тем более недопустимо из-за этого выдвигать в адрес разведки облыжные обвинения. Ибо во всех подобных случаях руководство разведки вынуждено с большой настороженностью относиться к информации таких источников и докладывает ее руководству страны только после тщательной проверки и перепроверки.

Подчеркиваю, что это жестокая, быть может, кажущаяся неуместно нелицеприятной, но сурово диктующая свои правила беспрецедентная, неповторимая, нередко отчаянно не воспринимаемая и не понимаемая различными исследователями специфика разведывательной деятельности.

Что же до конкретики, то извольте. Под пресс незаслуженных подозрений попали, к примеру, легендарный Рихард Зорге («Рамзай»),

тот же Шандор Радо («Дора») и некоторые другие нелегальные резиденты и агенты. Но если наветы на Р. Зорге проистекали главным образом из недр самой военной разведки, усиленные к тому же еще и особыми отделами в 1937—1938 гг., то Ш. Радо умудрился добиться этого самостоятельно, своими, мягко говоря, зачастую неадекватными, непроверенными сообщениями в Центр, вызывая сильное раздражение у руководства ГРУ (об одном таком «ярком» случае будет сказано далее).

Объективности ради следует сказать, что постепенно Центр (ГРУ) пришел к более взвешенной позиции в отношении этих резидентов, проявляя все большее доверие к их информации, тем более что и они тоже стали более профессионально, более строго подходить к оценке добываемой информации, прежде чем направлять ее в Центр. Тем более что после начала войны нелегальная резидентура Ш. Радо — «Дора» — получила возможность направлять в Центр информацию исключительной стратегической ценности[19].

В разведке Лубянки неуместные подозрения накануне войны некоторое время высказывались даже в адрес великолепной «кембриджской пятерки». Последнее, например, было связано с тем, что разведка вынуждена была пойти на превентивные подозрения, так как источники информации были известны тому или иному предателю, сбежавшему к противнику. Например, в адрес передававшейся «кембриджской пятеркой» ценнейшей информации в Центре некоторое

[19] В начале 1941 г. Шандор Радо познакомился с проживавшим в Швейцарии немецким эмигрантом **Рудольфом Рёсслером,** который в то время готовил к изданию свою книгу **«Театр войны и условия ее проведения»** с анализом стратегии и тактики вермахта. **Рёсслеру** необходимо было дополнить свой труд соответствующими картами, а Шандор Радо по прикрытию являлся владельцем картографического издательства «Геопресс». Вот так началось их сотрудничество, в процессе которого Р. Рёсслер именовался уже псевдонимом **«Люци»,** поставляя ценнейшую разведывательную информацию стратегического характера непосредственно из ставки Гитлера и Генерального штаба вермахта **(Орнелли А.С. Позывной «FRX». В книге «Тайные операции и интриги спецслужб», сост. и пер. с польского языка В.С. Живодеров. М., 2006. С. 174).** Несмотря на то, что книга Р. Рёсслера оказалась в руках советской военной разведки и попала в Москву, ее дальнейшая судьба неизвестна, в том числе и то, был ли проведен какой-либо анализ ее содержания, были сделаны какие-либо выводы и были ли они как-то применены на практике.

время выказывалось, увы, недоверие. Но отнюдь не потому, что там поголовно страдали манией подозрительности. Нет. Дело в том, что, к глубокому сожалению, среди сбежавших на Запад предателей из числа бывших высокопоставленных сотрудников советской разведки, были двое, которые знали об этих агентах. Один — Лейба Лазаревич Фельдбин, он же Александр Орлов, бывший резидент советской внешней разведки в Испании — знал об этих агентах чуть ли не все, поскольку начинал работу с ними еще в Англии. Второй — Самуил Гершевич Гинзбург, он же Вальтер Кривицкий, бывший нелегальный резидент в Нидерландах, — увы, тоже кое-что знал о них и в начале 1941 г. выдал британской контрразведке «концы», которые могли привести к расшифровке этой агентуры — дело в том, что в начале 1941 г. Кривицкого вытащили из Америки, куда он сбежал, на Британские острова, где его основательно «выпотрошила» одна из лучших контрразведчиц МИ-5 того времени — Джейн Арчер. Правда, благодаря усилиям А. Бланта советская разведка заполучила материалы опроса В. Кривицкого британской контрразведкой — ее доклад с помощью А. Бланта был переправлен в Москву.

От разгрома и ареста «кембриджская пятерка» тогда уцелела чудом. Но, к сожалению, это обстоятельство некоторое время осложняло возможность для проявления полного доверия к поступающей от них информации. Точнее, ей и доверяли, но в то же время постоянно стремились как можно тщательней перепроверить ее, дабы исключить возможность продвижения в советские верхи направленной британской информации. Ведь Англия в тот период чрезвычайно стремилась ускорить начало смертельной схватки между Германией и СССР, видя в этом единственный шанс для своего спасения. И не подозревать, нет, точнее будет так — не предполагать, хотя бы временно, до окончания проверки, того, что через членов пятерки многоопытная британская разведка не пытается втемную продвинуть дезинформацию или даже просто направленную информацию, наша разведка просто физически не могла позволить себе такого. Вот корень того вынужденного недоверия, с которым воспринималась их информация.

Но, слава богу, еще в том же 1941 г. все это частичное недоверие постепенно исчезло. Уже в том же 1941 г. лондонская резидентура НКГБ, обладавшая этими пятью (а на самом деле куда больше) фантастической ценности «бриллиантами» стала самой продуктивной резидентурой, передав в Москву **7867** политических и дипломатических документов, **715** — по военным вопросам, **121 —** по экономическим делам и **51** — о британской разведке[20].

В порядке же иллюстрации противоречий в поступавшей тогда в Москву информации, ее алогичности в ряде случаев уместно привести следующие примеры.

20 апреля 1941 г. резидент ГРУ в Бухаресте — **«Ещенко»** — сообщил в Москву, что **«…как предполагают, сроком для начала наступления на СССР называют время от 15 мая до начала июня 1941 года… Вместе с этим фактами, которые бы характеризовали соответствующую подготовку Германии и Румынии к нападению на СССР в мае месяце, — имеющиеся у нас данные пока не подтверждаются…»**[21]. А на следующий день — **21 апреля 1941 г. — тот же «Ещенко»** сообщил, что **«война между Германией и СССР возникнет очень скоро, может быть даже в половине мая»**[22]**.**

Не обращая внимания на далекий от изысканности эпистолярный стиль изложения, зададим один простой вопрос: **как в ГРУ должны были понимать эти две телеграммы, если просто отбросить элементарное, но естественное в таком случае чертыханье?.. Вот то-то и оно, что…**

Почти на каждой телеграмме из резидентур ГРУ есть соответствующие резолюции руководителя военной разведки, главным образом требовавшие скорейшего уточнения и проверки тех или иных аспек-

[20] *Лоуни Эндрю.* Англичанин Сталина. Несколько жизней Гая Бёрджесса, джокера кембриджской шпионской колоды. Пер. с англ. М., 2017 (на англ. яз. 2015). С. 143.

[21] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 606—609. Копия. Имеются пометы: «НО-9. Копии дать НКО и НГШ… Голиков. 21.4.41 г. К учету. 21.4.41 г.». Документ рассекречен 28.4.1989.

[22] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 717. Документ рассекречен 4.6.2003.

тов сообщенной информации. Это непоколебимо «железное» правило разведки, действующее, что называется, испокон веку.

И во внешней разведке (Лубянки) имели место свои «перлы». В отечественных исследованиях о кануне войне принято особенно напирать на то, что-де, например, **ценный и проверенный агент «Старшина» давал бесценную информацию, а вот Москва, Центр, Сталин ей не верили. Так ведь правильно делали, что в ряде случаев не верили!** И вот почему. На одной из страниц своих мемуаров, ныне, к глубокому сожалению, покойная, легендарная советская разведчица Зоя Ивановна Воскресенская/Рыбкина — **«Под псевдонимом Ирина. Записки Разведчицы»** (М., 1997) — прямо в первой же главе своей книги привела интересный документ, в котором есть любопытная характеристика **«Старшины»:**

«ПИСЬМО № 46

от *5/*V 1941 г. тов. Захару. Берлин. О Старшине и Корсиканце

<…> Работу со **Старшиной** следует максимально активизировать… **Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их. Между прочим, в одном из сообщений Старшина указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой.**

В следующем сообщении Старшина говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы — румынский город. Такое невежество со стороны Старшины, который специально занимается этим делом, выглядит странно…»[23]

На языке разведки такой упрек в адрес агента означает как минимум в мягкой форме обвинение в дезинформации! Пока в мягкой форме…

Не менее часто в отечественных исследованиях о кануне войны усердно критикуют и советскую внешнюю разведку, и Сталина за излишнее доверие к информации **агента «Лицеиста» — Ореста Бер-**

[23] В данном случае мемуары З.И. Воскресенской/Рыбкиной цитируются по Интернету.

линкса. Посмотрите, как на самом деле оценивали на Лубянке его информацию. Павел Анатольевич Судоплатов в письме на имя резидента в Берлине Амаяка Кобулова (**«ЗАХАРА»**): «Вы просили сообщить оценку сведений "Лицеиста". …Наряду с ценными сообщениями **его информация содержит много неточностей, противоречий и сомнительных данных, а также изобилует общими местами. Это объясняется тем, что "Лицеист" является журналистом и черпает свою информацию у лиц, предназначенных германским государственным аппаратом для подпитывания прессы. Об этом мы вам пишем не для того, чтобы охаять источник, а для того, чтобы отвести ему в нашей сети должное место и понять перспективы правильного его использования. Надо отдать себе отчет в том, что это еще далеко не то, что нам нужно…»**[24]

И это, не говоря уже о том, что, по словам самого Павла Анатольевича Судоплатова, в Москве прекрасно знали, что **«Лицеист» подстава гестапо: «В Москве знали, что "Лицеист" — это двойной агент. Оценка этого агента была довольно сложной: с одной стороны, от него поступала ценная информация, но с другой — в ней содержалось много слухов и домыслов, почерпнутых из журналистских и дипломатических кругов…»** Но иногда и с подставой надо работать — это тоже источник информации, потому что в таком случае можно узнать, что же конкретно противная сторона хочет подсунуть нам. И не только это. Работа с установленной подставой позволяет также отвлекать усилия и внимание контрразведки противника от работы резидентур на других направлениях и с другими источниками.

К слову сказать, это далеко не единственные случаи подобных упреков со стороны Центра в адрес берлинской резидентуры НКГБ СССР. Берлинская резидентура, на информации всего двух агентов которой постоянно ссылаются практически во всех исследованиях о кануне войны (что, кстати говоря, вызывает недоумение, ибо навязчиво формируют впечатление, что других агентов ни у нее, ни в целом у разведки не было, что абсолютно не соответствует действитель-

[24] Цит. по: *Жданов М.* Советские разведчики в Германии. СПб, 2007. С. 60.

ности) **«нередко получала от руководства разведки и наркомата НКВД (с февраля 1941 г. НКГБ), в состав которого она входила, замечания о том, что ее загранаппарат в ряде случаев становится жертвой дезинформации, которую шлет в Москву без проверки на месте, или драматизирует события. Считая своим долгом объективно информировать Центр, резидентура сопровождала свои агентурные сообщения оговорками, в частности, о необходимости "дополнительной проверки"»**[25].

Проще говоря, все аспекты разведывательной информации тщательно анализировались на предмет достоверности. На веру ничего не воспринималось. И если то было обосновано, резидентурам прямо указывалось на недостатки, в том числе и в нелицеприятной форме.

К слову сказать, и дипломаты вносили не меньший «вклад» в пополнение коллекции «перлов» противоречий, несуразностей и алогичности. Полюбуйтесь, что же присылали послы СССР в Англии и Франции — соответственно И.М. Майский и А.Е. Богомолов — непосредственно накануне войны.

1. И.М. Майский **18 июня 1941 г.** прислал в Москву срочную телеграмму, в которой сообщал, что нападение Германии на СССР произойдет **в середине июня!?**

Как такой исключительно образованный человек, как посол СССР в Великобритании Иван Михайлович Майский (Ляховецкий) не смог отличить 18 июня от середины июня, то есть от 15 июня — до сих пор непонятно. Но факт остается фактом — такую телеграмму он действительно прислал в Москву. Кстати говоря, небезынтересно отметить, что в известной многотомной публикации **«Документы внешней политики СССР»** именно этой телеграммы Майского нет, что, очевидно, не случайно. И вот что прикажете думать по этому поводу? Как Сталин мог доверять таким информациям? Тут ведь просто на дурь или описку не спишешь — **Иван Михайлович Майский (Ляховецкий)** был действительно очень высокообразованным человеком. Тогда что же надо думать?..

[25] Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995, примечание № 42. С. 223.

2. Ну, а посол Богомолов и вовсе отколол совершенно непонятный финт. 19 июня он прислал в Москву телеграмму следующего содержания: **«Сейчас здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии и прочее. Слухи эти идут не только от англичан и американцев, но и из немецких кругов. По-видимому, немцы, пользуясь этой агитацией, и готовят решительную атаку на Англию»[26].**

19 июня уже и круглому дураку было очевидно, что ни о какой атаке Германии на Англию и речи быть не может. Едва ли не все силы Германия сосредоточила против СССР. Уже были очевидны переброски ударных частей, прежде всего авиации, из Франции в районы, прилегающие к германо-советской границе. О какой же атаке на Англию могла идти речь? Ведь военный атташе Суслопаров докладывал Богомолову о той информации, которую он добывал по своим каналам. **Как у Богомолова повернулась рука накатать такое послание в Москву — вообще невозможно понять.** Ведь это даже не уровень посла, а просто какой-то базарной бабы — **«сейчас здесь все журналисты болтают…»!?** Вот уж источник сведений для телеграммы за подписью посла так источник!

Ведь знал же и понимал Богомолов, что это дезинформация, исходящая от крайне заинтересованных в вооруженном столкновении между Германией и СССР англичан и американцев, и тем не менее послал такой бред в Москву. Очевидно, решил подыграть Сообщению ТАСС от 13/14 июня, не поняв его истинное значение (об этом см. в другой главе). И как Молотов терпел такого м…ка в своей епархии?! Кстати говоря, и телеграммы Богомолова в известной публикации «Документы внешней политики СССР» также нет. Неужели надо поверить, что и это — случайность?..

Короче говоря, несмотря на все это, подлинным итогом столь интенсивной разведывательной деятельности всего разведывательного сообщества СССР стало следующее. **Во-первых, то, что фиксирова-**

[26] Архив внешней политики (впредь АВП) РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2373. Л. 159.

ние разведкой факта переориентации сначала тайных помыслов, а затем уже и конкретных агрессивных устремлений Гитлера на Восток, против СССР, было осуществлено более чем своевременно. Между прочим, еще до того, как сам Гитлер отдал распоряжение о разработке плана нападения на СССР. **В феврале 1940 г.** военными разведчиками были добыты сведения о завершении подготовки Германии к широкомасштабному наступлению против Франции и **замыслах войны против СССР**[27]. **8 апреля 1940 г.** источник из Берлина сообщил о том, что Гитлер **«…намерен осуществить разрешение восточного вопроса путем расчленения Советского Союза на несколько отдельных национальных государств»**[28]. А **5 июня 1940 г.** под грифом **«Совершенно секретно. Особой важности. Немедленно»** резидент ГРУ в Болгарии полковник И.Ф. Дергачев направил в Москву сообщение о том, что через несколько месяцев после капитуляции Франции Германия намерена напасть на Советский Союз в коалиции с Италией и Японией[29].

* * *

Тут следует иметь в виду, что непосредственно о войне против СССР верхушка вермахта завела разговор при обсуждении итогов кампании на Западе еще **25 июня 1940 г.,** то есть уже на третий день после подписания перемирия в Компьене[30].

В последующие дни проблема поворота внимания Германии с Запада на Восток обсуждалась представителями высшего немецко-фашистского командования в частном порядке. Официально вопрос о войне против СССР был обсужден **21 июля 1940 г.** на совещании Гитлера с командующими видами вооруженных сил, где были определены основные цели и замысел похода на Восток[31].

---

[27] Из статьи В. Лота «Увидеть красный свет». Приводится по Интернету.

[28] Там же.

[29] Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 220. Приводится по: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941. Составитель Гаврилов В.А. М., 2008. С. 434.

[30] *Шпеер А.* Воспоминания (на нем. яз.). Франкфурт н/М., 1968. С. 188.

[31] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 60.

Исходя из полученных указаний, главнокомандующий сухопутными войсками Браухич 22 июля 1940 г. поручил начальнику Генерального штаба ОКХ Гальдеру начать предварительную разработку замысла похода на Восток, представить предложения о необходимых силах, сроках и районах стратегического развертывания, операционных направлениях и т.д. Аналогичные указания начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель дал начальнику штаба оперативного руководства генералу артиллерии А. Йодлю. По поручению главнокомандующего ВМС гросс-адмирала Э. Редера начальник оперативного управления Главного штаба ВМС контр-адмирал К. Фрикке к 28 июля подготовил «Соображения о России», в которых изложил позицию своего командования по поводу войны против СССР.

* * *

Проще говоря, доложенная Сталину, Молотову и Тимошенко информация разведки свидетельствовала о том, что Гитлер всерьез настроен развязать очередную войну. Да, конечно, нельзя отрицать, что тут была неточность, касавшаяся временных рамок агрессии. Хотя, если честно, как сказать. Дело в том, что такая мысль действительно посещала тайные закоулки коричневых мозгов фюрера, но он вынужден был быстро отбросить ее, так как за столь короткий период времени невозможно было ни подготовиться к нападению на СССР, ни тем более перебросить необходимые для этого войска к границам Советского Союза. Особенно если учесть, что на военные действия того времени сильнейшее воздействие оказывал сезонный фактор. А ведь с момента окончания западного похода вермахта на горизонте замаячила ежегодная перспектива осени, когда нападение, тем более в режиме блицкрига, становилось трудно осуществимым.

Далее. Благодаря ГРУ Москва уже **26 июня 1940 г.** знала, что министерство путей сообщения Германии **еще 19 июня** получило указание подготовить к концу 1940 г. план перевозки войск с Запада на

Восток[32]. И когда этот график был утвержден Гитлером в качестве неотъемлемой части системы мероприятий (план «Отто») по подготовке агрессии в соответствии с директивой № 21 от 18.XII.1940 г. (план «Барбаросса»), то благодаря усилиям уже берлинской резидентуры НКВД СССР тот график попал в Москву.

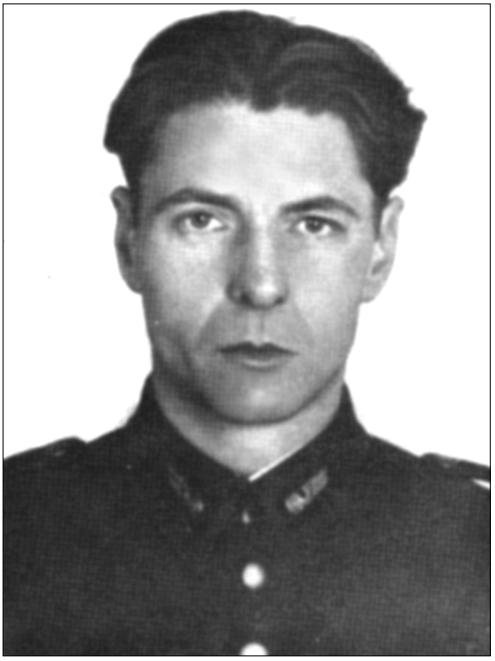
* * *

Речь идет о заслугах до сих пор, увы, официально не рассекреченного ценного источника берлинской резидентуры НКВД—НКГБ СССР, крупного железнодорожного чиновника Третьего рейха. Его имя пришлось устанавливать окольными путями, хотя, если честно, его имя никто специально и не скрывал, но, увы, и не упоминал. Этого неизвестного героя германского движения Сопротивления, **видного функционера КПГ** звали **ЙОН ЗИГ — один из руководителей берлинского железнодорожного узла.**

Должность ого-го! Практически во всех государствах мира столичный железнодорожный (и вообще транспортный) узел является самым главным. Там сходятся все данные о железнодорожных (и не только) перевозках. О том, что советская внешняя разведка располагала таким источником, стало понятно лишь в конце 90-х гг. прошлого века, когда были опубликованы мемуары выдающейся советской разведчицы (ныне, к сожалению, покойной) Зои Ивановны Воскресенской/Рыбкиной, в которых она вскользь упомянула о нем на одной из страниц своих воспоминаний, правда, не назвав его имени, но четко указав его должностной статус и статус в разведке — агент[33]. Перед войной **ЙОН ЗИГ** находился на связи у берлинской резидентуры НКГБ СССР. Агентура из числа ж.-д. чиновников, тем более крупных, для того и приобретается разведкой, чтобы заранее быть в курсе того, что, как и особенно когда и куда перевозится. Тем более это актуально в угрожаемый период, так как по интенсивности и направлениям военных перевозок можно делать практически однозначные выводы о времени начала тех или иных военных операций, не говоря

[32] Из сводки Пятого управления РККА по событиям на западе.
26 июня 1940 г. № 74/251964сс. РГВА. Ф. 33988. Оп. 4. Д. 35. Л. 38сс-39сс. Машинопись на бланке. Копия. Автограф.

[33] *Воскресенская З.* Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997. С. 49.



Йон Зиг

уж о силах, которые будут задействованы в них. К тому же данные о конечных пунктах этих перевозок позволяют более или менее точно выявить основные направления грядущего (грядущих) удара (ударов) противника[34]. В этом, собственно говоря, и есть основное предназначение такой агентуры. Именно от этого агента в том числе и стало известно о разработке графика воинских перевозок на Восток, так как в мае 1941 г. он сообщил данные о переводе этого графика в режим отсчета времени **«Х»** или, если на немецком штабном языке, в **«режим максимально уплотненного графика движения эшелонов»**. Этот график был переведен в такой режим в 00 ч. 00 мин. 23 мая, а уже 24 мая Сталин провел расширенное заседание с участием высшего во-

[34] Во всех советских фильмах о партизанском движении во время Великой Отечественной войны всегда присутствуют эпизоды о сборе партизанской разведкой разведывательной информации о железнодорожных перевозках германских войск и направлении этой информации в Москву. А задания по сбору разведывательной информации ставили Генеральный штаб и военная разведка.

енного командования, в том числе и приграничных округов, где прямо заявил о том, что в самое ближайшее время СССР подвергнется внезапному нападению.

ЙОН ЗИГ также передал своему куратору из резидентуры полученное им **письменное предписание верховного командования вермахта на пятые сутки с начала военных действий Германии против СССР возглавить Минский железнодорожный узел.** Увы, этой части его документальной информации в Москве не поверили и Сталину не докладывали. По крайней мере, нет таких данных ни по линии НКГБ СССР, ни по линии ГРУ, ни по линии Генштаба. Доложили только информацию о переводе графика воинских перевозок вермахта на Восток в **«режим максимально уплотненного графика движения эшелонов».**

* * *

Но как бы там ни было, любые басни и россказни маршалов и генералов, что-де они не предполагали такого сосредоточения войск вермахта, не предвидели-де направление главного удара и т.п., не стоят даже и раздавленной скорлупы от выеденного яйца. Потому как уже только само содержание этого плана-графика позволяло получить едва ли не исчерпывающие ответы на все интересовавшие наше военное командование вопросы. Подчеркиваю, что на все вопросы или как минимум едва ли не на абсолютное их большинство. **Ибо в таком плане указывают, куда, когда, сколько и каких войск надо перебросить, и соответственно явно не представляло труда определить и масштабы концентрации сил вермахта, а соответственно — их ударную мощь, и направления главных ударов, в том числе, что особенно было важно, — направление центрального из них.**

Но разве признают маршалы и генералы такое?! Это же будет похлеще самоубийства. Куда проще все валить на «лицо кавказской национальности», или, как тогда говорили, на «усатого» — Иосифа Виссарионовича Сталина. Однако, как видите, знаменитая пословица

о том, что **«сколько веревочке не виться, конец-то все равно найдется»,** вновь нашла свое подтверждение в реальных фактах Подлинной Истории. А то ведь маршальскими и генеральскими баснями сыт не будешь. Кстати, советский план-график воинских перевозок вступил в действие только в феврале 1941 г[35].

Более того, 4 июля 1940 г. аналогичная сообщению Дергачева информация прошла и по каналам внешней разведки НКВД СССР. 9 июля 1940 г. из внешней разведки ГУГБ НКВД СССР за № 5/8175 в ГРУ поступила одна из первых информаций, которая так и называлась — «О подготовке Германии к войне против СССР»[36]. Одно название более чем красноречиво…

А **26 сентября 1940 г.** из берлинской резидентуры внешней разведки НКВД СССР в Москву поступило сообщение, основанное на данных источника **«Албанец»** (он же Хайнц Тициенс, промышленник, эмигрант, бывший царский офицер, обладавший обширными связями в ОКВ), в котором говорилось: **«…Офицер из Верховного командования вермахта (ОКВ) рассказал Тициенсу, что в начале следующего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом станет военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время. Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской территории по линии Ленинград — Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство. На заседании "Комитета экономической войны" возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются»**[37].

---

[35] Независимое военное обозрение. 2005, № 22.

[36] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 216.

[37] *Соцков Л.Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. В данном случае приводится по Интернету.

Несмотря на некоторые неточности, которые стали понятны несколько позже, это по всем признакам стратегическая по своему характеру информация. Точно указано уже оформившееся твердое намерение Гитлера напасть на СССР ради отторжения колоссальной по площади суверенной территории СССР.

* * *

Правда, невозможно не заметить, что еще не совсем точно, но вполне ясно показан уже в то время вынашивавшийся стратегический замысел командования вермахта — захватить советские территории до линии Ленинград — Черное море (впоследствии он будет уточняться германским командованием в сторону расширения). Точно показана очередность действий — сначала военная оккупация Румынии (как главного в то время источника нефти для Германии), потом нападение на СССР. Перефразируя слова знаменитой песни из легендарного советского фильма 30-х гг. прошлого века «Волга-Волга» — и в те времена без нефти было «и не туды, и не сюды».

Забегая слегка вперед, следует особо подчеркнуть еще и то, что на тот момент это, пожалуй, одно из первых сообщений разведывательных служб СССР о том, что германское вторжение на Британские острова откладывается.

Кстати говоря, в перехваченной советской контрразведкой телеграмме госсекретарю США от **28 сентября 1940 г.** посол США в Москве Л. Штейнгардт со ссылкой на высказывания сотрудников германского посольства в Москве (между прочим, американцы имели среди них прекрасно осведомленную агентуру, а советская контрразведка обладала не менее информированной агентурой в этой же среде, да к тому же прекрасно знала, кто является информатором американцев) отмечал, что **«…они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет»**[38]**.** Естественно, что ставшие из-

[38] FRUS. 1940. Vol. I. P. 565. Так что оценки американцев в отношении позиции СССР к Тройственному пакту были известны Лубянке, а соответственно и Сталину...

вестными эти данные американской дипломатической разведки были доложены и Сталину, и Молотову.

* * *

Наконец, в той информации были показаны и политические планы высшего руководства Третьего рейха — на отторгнутой от СССР территории создать вассальное государство, а на оставшейся части — посадить вассальное правительство, что автоматически подразумевало государственный переворот при помощи немцев в целях свержения советской власти на оставшейся территории и формирование нового правительства из числа представителей «пятой колонны» в СССР, которой, к глубокому сожалению, Германия располагала. Немногочисленной, правда, но она, увы, имелась. По крайней мере, кандидат на пост главы якобы нового Советского правительства у абвера имелся, в связи с чем небезынтересно отметить, что в программе **«Военная тайна с Игорем Прокопенко» от 28 мая 2012 года** был показан фрагмент интервью с известным германским историком **Матиасом Уль,** который без обиняков на чистом русском языке (правда, с небольшим акцентом) заявил, **что, по данным немецких архивов, у германского абвера был агент в советском Генеральном штабе — высокопоставленный генерал,** в отношении которого на совещании у Гитлера перед решающим наступлением вермахта на Москву глава абвера адмирал Канарис заявил, что, **во-первых,** у него действительно имеется такой агент, а, **во-вторых,** и это еще более важно, **что этот агент может возглавить временное правительство после захвата Москвы.** Правда, Матиас Уль с сожалением признал, что ввиду недоступности ряда материалов (надо же, и в демократической Германии такие же проблемы с архивами, как и в России!) пока не удается установить имя этого агента-генерала.

Уважаемые читатели, наверное, обратили внимание на несколько необычное начало этого пункта — **«фиксирование разведкой факта переориентации агрессивных устремлений Гитлера на Восток, против СССР».** Дело в том, что в принципе об агрессивных планах

Гитлера против СССР было известно давно. Несмотря на то, что сценарий войны Германии против СССР в Берлине разрабатывался медленно, скрупулезно и в строжайшей тайне, тем не менее советские разведывательные службы уже в конце 1936 г. — начале 1937 г. знали, что ориентировочный срок потенциально возможного начала войны приходится на 1941 г.[39], а также то, что в недрах германского Генерального штаба разработан и апробирован на стратегических командно-штабных учениях на картах первый вариант плана нападения на СССР, имевший тогда непритязательное название **«восточная кампания».** Об этом внешняя разведка НКВД СССР доложила Сталину еще 10 февраля 1937 г.[40]

Если не сильно углубляться в историю, а ограничиться только постмюнхенским периодом, то уже в январе 1939 г. Сталин был проинформирован о добытых агентурным путем данных об итогах августовского 1938 г. совещания высших чинов вермахта и МИД Третьего рейха в Ютеборге. В представленной ему разведывательной сводке говорилось, что наиболее характерными чертами прозвучавших на этом совещании выступлений являлись:

— откровенное признание общеизвестного стремления германского фашизма на Восток, прежде всего, против СССР;

— стремление использовать малейшее затруднение и осложнение во внешнеполитическом положении Советского Союза для организации военного нападения[41].

В самом начале 1939 г. в конфиденциальный контакт с советской внешней разведкой вступил в прошлом ближайший соратник Гитлера, но впоследствии не только отошедший от него и нацизма, но и ставший их яро фанатичным противником Вальтер Стеннес, возглавлявший тогда разведку и службу безопасности китайского лидера Чан

[39] *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. М., 2002. С. 284.

[40] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 6; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 147. Абсолютно идентичный текст содержится и на С. 194—195 его же книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы». М., 1997.

[41] РУ РККА. Разведывательная сводка № 1 (по Западу). М., 1939. С. 3—4, 11—13, 14.

Кайши. На встрече 14 марта 1939 г. В. Стеннес (псевдоним **«Друг»**) прямо заявил резиденту советской разведки, что он, В. Стеннес, **«считает своим долгом предупредить, что Германия усиленно готовится к войне против СССР»**[42].

А к концу второй декады марта 1939 г. по каналам ГРУ стало известно о том, что высшее руководство Германии отказалось от планов использования Польши как плацдарма для совместного нападения на СССР и **заняло жесткую позицию о необходимости физической ликвидации польского государства как особо необходимого пролога для нападения на СССР, прежде всего в плане создания там подконтрольного только Германии плацдарма для нападения на Советский Союз**[43]. Информация поступила от агентурной группы ГРУ в германском посольстве в Варшаве, которой руководил ценный агент ГРУ **«Арбин»** (псевдоним того времени; он же **Герхард Кегель**). Чуть позже, в середине второй декады апреля 1939 г., разведка НКВД сообщила руководству СССР, что 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал план нападения на Польшу под названием **«Вайс»**[44]**,** а также основные положения этого плана.

Начиная уже с мая 1939 г., военная разведка стала получать сведения о замыслах Гитлера, который начал подготовку к походу на Восток[45]. В начале мая 1939 г. Сталину была доложена информация от ценного агента ГРУ **«Ариец»** (он же **Рудольф фон Шелия**)**,** которая подтверждала данные о готовящемся нападении Германии на Польшу. Более того, в этой же информации раскрывались и дальнейшие планы Гитлера: «**Покончив с Польшей, Германия со всей яростью обрушится на западные демократии, сломит их гегемонию, указав одновременно и Италии более скромную роль. После того, как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует крупная схватка Германии с Россией, которая окончательно разрешит германские потребности в жизненном пространстве и сырье»**[46]**.**

[42] *Мотов В.* НКВД против Абвера. М., 2005. С. 273.
[43] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 245—254.
[44] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 290.
[45] Из статьи В. Лота «Увидеть красный свет». Приводится по Интернету.
[46] ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 350—360.

Ценный агент ГРУ «АВС» — немецкий дипломат Курт Велкиш

С **17 по 19 июня 1939 г.** по каналам внешней разведки НКВД СССР стало известно, что Гитлер и Риббентроп нацелены всего лишь на временное урегулирование германо-советских отношений, **причем в расчете примерно на два года, в течение которых фюрер намерен решить проблемы с Западной Европой**[47]. Информация также была доложена Сталину. **9 июля 1939 г.** аналогичные сведения поступили также и по каналам ГРУ — от агента **«АБЦ» (он же Курт Велкиш)**[48]. Информация была доложена Сталину, Молотову, Ворошилову, Берии, Шапошникову.

[47] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 559 (в прим.) со ссылкой на архив бывшего КГБ СССР.

[48] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 418—431.

19—20 июня 1939 г. по каналам внешней разведки НКВД СССР руководству Советского Союза стало известно, что Гитлер и Риббентроп нацелены всего лишь на временное урегулирование германо-советских отношений, **причем примерно на два года,** в течение которых фюрер намерен решить проблемы с Западной Европой[49]. Кстати говоря, если отсчитывать от времени получения этой информации, то как раз и упремся в двадцатые числа июня 1941 г. Правда, это было бы слишком просто даже в ретроспективе.

Проще говоря, вот когда уже фиксировались и тайные помыслы нацистского руководства, и их первые практические потуги в реализации агрессивных устремлений на Восточном направлении. Так что об агрессивных замыслах и устремлениях Гитлера, этапах их претворения в кровавую практику высшее руководство СССР, включая и высшее военное командование, было информировано более чем полно.

Во-вторых, разведка своевременно установила основные цели грядущей агрессии Германии против СССР. Прямое упоминание об этих целях фигурировало даже в аналитическом документе разведки — ныне ставшим широко известным докладе ГРУ от 20 марта 1941 года, в котором говорится: **«Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и "красочно" изложенных в его книге "Моя борьба"…»**[50] А содержание этой «библии нацизма» хорошо было известно высшему советскому руководству со второй половины 20-х гг. Так что для установления самого факта наличия подобных целей в плане нападения на СССР разведывательная информация в принципе не требовалась. Но она была очень нужна именно для конкретизации этих целей, так как от этого напрямую зависит методика эффективного противодействия их реализации. А вот тут-то разведка сработала великолепно. И уж где-где, но в ГШ-то это прекрасно знали, по крайней мере, обязаны были знать.

[49] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. С. 559 (в прим.) со ссылкой на архив КГБ СССР.

[50] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12—21.

И если внимательно проанализировать все, что сообщали разведывательные службы СССР, то картина по этому вопросу вырисовывается следующая. Разведывательные службы Советского Союза достаточно глубоко конкретизировали цели грядущей агрессии (перечисление по значимости):

1. Полномасштабное уничтожение СССР как государства, его государственного, общественно-политического и экономического строя. В упреждающем режиме должна была быть уничтожена Красная Армия как основной силовой компонент военной безопасности СССР.

Как заявил на собрании хозяйственников, назначенных для организации экономического грабежа определенных для оккупации советских территорий ближайший подручный фюрера, **Альфред Розенберг, «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты»**[51]. До сих пор неизвестно, в полном ли объеме по каналам разведки в Москву было передано содержание выступления одного из видных нацистских главарей Альфреда Розенберга 20 июня 1941 г. Ныне текст этой речи (как трофей) и ее перевод с немецкого языка на русский язык хранятся в российском архиве. Так вот Розенберг открыто говорил тогда о том, что намеченная ими, главарями преступного Третьего рейха, преступная война против Советского Союза **есть война за продвижение далеко на Восток сущности Европы!** Вот его подлинные слова: **«...Сегодня же мы ищем не "крестового похода" против большевизма только для того, чтобы освободить "бедных русских" на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил... Мы должны продвинуть далеко на Восток сущность Европы...»**[52]

2. Отторжение от СССР территории западнее линии Ленинград — Черное море и далее продвижение вплоть до Кавказа и Урала с одно-

[51] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 50—52.
[52] РГАСПИ. Ф. 7445. Оп. 2. Л. 140—352.

временным лишением Советского Союза выхода в моря с его европейской территории[53]. Аналогичные данные были получены и военной разведкой — там указывалось, что гитлеровское командование планирует отторжение по линии Ленинград — Одесса.

Впервые данные на этот счет по каналам внешней разведки НКВД СССР поступили еще **26 сентября 1940 г.**, то есть еще задолго до установления самого факта принятия Гитлером конкретного плана агрессии против СССР. Впоследствии все это подтвердилось. Источником этих сведений был один из ключевых агентов «Красной капеллы» — **«Корсиканец»,** ссылавшийся в свою очередь на **«Албанца».**

3. Быстрый захват Москвы[54].

4. Формирование в Москве нового правительства[55].

5. Организация новым, вассально зависимым от Третьего рейха правительством гражданской войны против большевиков при материальной поддержке немцев[56]. Одновременно были получены данные о надеждах высшего руководства Третьего рейха на переворот в СССР в общегосударственном масштабе.

6. Создание вассально зависимых от Третьего рейха «национальных правительств» на Украине, в Белоруссии и в Прибалтийских республиках для политического и экономического сотрудничества с Германией[57].

7. Захват и эксплуатация в своих интересах источников сырья и продовольствия, главных промышленных центров СССР в его европейской части, превращение населения оккупированных тер-

---

[53] *Соцков Л.Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службе Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. В данном случае приводится по Интернету.

[54] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 279—280. Копия. См. также: ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 606—609; *Гладков Т.* Король нелегалов. М., 2000. С. 222, 224. Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 427. ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 117, 118.

[55] ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 118.

[56] Там же.

[57] Там же.

риторий в дармовую рабочую силу для экономики Третьего рейха, проще говоря, полное его порабощение[58].

8. Привлечение Финляндии к участию в нападении на СССР в порядке войны «мщения»[59].

Подобные сведения поступали по каналам как военной разведки (ГРУ), так и внешней разведки (НКВД/НКГБ). Например, один из источников военной разведки в Германии **еще 8 апреля 1940 г.** сообщил о том, что Гитлер **«…намерен осуществить разрешение восточного вопроса путем расчленения Советского Союза на несколько отдельных национальных государств»[60].** А военный атташе СССР и резидент военной разведки в Берлине генерал-майор В.И. Тупиков и вовсе открыто указал в одном из своих докладов, **что главная цель нацистов — захват Москвы в кратчайшие сроки.** Да еще и схему направлений главных ударов вермахта прислал в Москву, на которой четко обозначена главная цель — Москва, о чем будет сказано ниже.

В-третьих, разведка своевременно — уже к концу декабря 1940 г. — установила факт принятия Гитлером плана агрессии против СССР, а в самом начале февраля 1941 г. подтвердила эти сведения после соответствующей проверки.

В этом заслуга прежде всего двух ценнейших агентов ГРУ — **«Альты» (Ильзе Штёбе) и «Арийца» (Рудольф фон Шелия)[61].**

Аналогичными данными по линии внешней разведки НКВД/НКГБ СССР, относящимися именно к этому периоду, в настоящее время нет возможности располагать — очевидно, еще не все рассекречено. Однако нельзя не отметить, что, например, то же сообще-

---

[58] См. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. Сообщений разведки по этому вопросу было много.

[59] Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 118.

[60] См. статью В. Лота «Увидеть красный свет …». Есть в Интернете.

[61] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. Заверенная копия. ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 6—7. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия. Имеются в виду информации резидента военной разведки «Метеора» (полковник Скорняков) от 29 декабря 1940 г. и 4 января 1941 г., основанные на данных «Альты» и «Арийца». Приводится по: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. Составитель В. Гаврилов. М., 2008. С. 499, 527.

ние **«Албанца»,** направленное в Москву, свидетельствовало о том, что в Германии активно ведется разработка плана агрессии и подготовка к нападению.

С другой стороны, нельзя не отметить также и того, что берлинской резидентурой внешней разведки НКВД СССР в декабре 1940 г. был зафиксирован чрезвычайно тревожный факт, о котором она немедленно сообщила в Москву. **18 декабря 1940 г.** (как впоследствии выяснилось, именно в тот самый день, когда фюрер подписал пресловутую **директиву № 21 — «Вариант Барбаросса»**) Гитлер выступил перед пятью тысячами выпускников военных училищ рейха с пространной, но крайне резкой антисоветской речью, в которой, в частности, высказался против **«несправедливости, существующей на земле, когда 60 млн великороссов владеют $^1/_6$ частью земного шара, а около 90 млн немцев ютятся на клочке земли» и призвал молодых офицеров к устранению этой несправедливости»**[62]**.** И хотя в Германии эта речь Гитлера не была напечатана (правда, каким-то образом текст этой речи оказался за океаном и был опубликован в «Нью-Йорк таймс» 19 декабря 1940 г.), резидентура, тем не менее, сразу зафиксировала и сам факт, и суть речи фюрера, о чем и сообщила в Москву. Публично высказанные Гитлером крайне резкие пассажи в адрес СССР в переводе на нормальный язык — без разницы, хоть немецкий, хоть русский — **означали, что фюрер призвал молодых офицеров к войне против Советского Союза.** Главы государств, а Гитлер в тот период был не просто глава государства, а некое подобие рекламного слогана **«пять в одном флаконе»** — фюрер партии, нации, рейхсканцлер и президент, да еще и верховный главнокомандующий — просто так подобные заявления не делают, тем более перед такой аудиторией.

Вывод Кремля мог быть и на самом деле был однозначен — началась реальная военно-политическая подготовка к нападению.

Тогда же, **18 декабря 1940 г.,** в Москву поступила **телеграмма-молния полномочного представителя СССР в Великобритании**

[62] Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 11.

И.М. Майского в НКИД СССР следующего содержания: «18 декабря 1940 г. Немедленно. Строго секретно.

1. Из чешских источников сообщают как вполне достоверную информацию следующее: 29 ноября Кейтель выступал в Берлине на собрании высшего командного состава германской армии (начальники корпусов и дивизий, Генштаба и прочие) и сделал ряд важных сообщений и разъяснений. Прежде всего, он коснулся визита т. Молотова в Берлин, с удовлетворением констатировав, что СССР продолжает сохранять нейтралитет и что таким образом Германии с Востока не угрожает опасность, но затем в чрезвычайно резких выражениях заявил, что по большим вопросам политики "с русскими очень трудно разговаривать", что "русские слишком отсталые и некультурны" и что в силу этого они в таких вопросах "ничего не понимают". Кейтель дал при этом явно понять, что фюрер очень недоволен нежеланием "русских" вести разговоры о "новом порядке в Европе и вообще о разделе мира на сферы влияния"»[63].

[63] АВП РФ Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2237. Л. 272—274. Под «чешскими источниками» Майский подразумевал (а в Москве абсолютно точно это знали) непосредственно президента Чехословакии в эмиграции Эдуарда Бенеша, который к этому времени уже обосновался в Лондоне и установил дружески-деловые отношения с советским полпредством и лично с Майским. К тому же следует иметь в виду, что отношения Бенеша с советским представителем были настолько тесными, что однажды даже Черчилль выразил Бенешу свое недовольство по этому поводу. После визита Молотова в Берлин, по итогам которого Сталин сделал однозначный вывод о необходимости всемерного усиления подготовки к отпору грядущей агрессии Германии, подобное сообщение вряд ли удивило Иосифа Виссарионовича. **Справка:** Черчилль как-то напрямую спросил Бенеша, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: **«Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?»** (Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 76). Между тем через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. И Сталин очень активно пользовался этим каналом и информацией, получаемой по этому каналу. Ведь Бенеш еще с довоенных времен имел неплохие деловые отношения со Сталиным, который, невзирая на всевозможные выкрутасы Бенеша, все-таки поддерживал с ним конфиденциальные отношения и даже снабдил его очень солидной по тем временам суммой в долларах (10 тысяч дол. США 1939 г. — по тем временам это огромная сумма, в современных долларах это примерно 2,5 млн) для жизни в лондонской эмиграции. Кроме того, будучи многоопытным, прошедшим через тернии всевозможных подлых интриг политиком и масоном высокой степени посвящения, Бенеш прекрасно понимал, что возрож-

Сочетание упомянутых выше трех информаций, не говоря уже об иных, в том числе упомянутых выше, а также пока еще не рассекреченных и потому не преданных гласности, могло привести действительно только к одному выводу — **началась реальная военно-политическая подготовка к грядущему в скором времени нападению на СССР.**

В-четвертых, разведка своевременно вскрыла основную суть стратегического замысла плана «Вариант Барбаросса», правда, без установления точного названия плана агрессии и соответствующего документального подтверждения.

20 марта 1941 г. начальник военной разведки генерал-лейтенант Ф.И. Голиков подписал **«Доклад Начальника Разведуправления Генерального штаба Красной Армии в Народный Комиссариат обороны СССР, в Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) "Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР"» от 20 марта 1941 г. (б/н)[64]** для

дение (им же, Бенешем, преданной) Чехословакии возможно только в результате разгрома гитлеровской Германии, а единственное государство, которое может остановить и разгромить нацизм — это Советский Союз. Именно поэтому он и поддерживал тесные конфиденциальные связи с советским полпредом, а через него — со Сталиным. В упомянутом выше случае Бенеш действовал в соответствии с секретным соглашением от 16 мая 1935 г. о взаимном обмене разведывательной информацией по Германии. Оно было подписано между чехословацкой и советской разведками в рамках советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. о взаимопомощи в отражении агрессии. До оккупации Чехословакии Третьим рейхом советско-чехословацкое сотрудничество по линии разведки успешно развивалось к полному удовлетворению обеих сторон. Естественно, что, поскольку никто не отменял и даже не дезавуировал упомянутое соглашение, обмен информацией продолжался и после того, как руководство Чехословакии оказалось в эмиграции в Лондоне. Что же до источников самого Э. Бенеша, то это прежде всего чехословацкая военная разведка и ее глава полковник (впоследствии генерал) Франтишек Моравец, который еще до оккупации гитлеровцами Праги был вывезен английской разведкой вместе со своими архивами и сотрудниками в Лондон. В абвере у Ф. Моравца имелся ценнейший, прекрасно информированный о многих тайнах Третьего рейха агент — **А-54, он же полковник абвера Пауль Тюммель.** Советская разведка знала о Пауле Тюммеле, неоднократно получала от чехословацких коллег его информацию, которая всегда отличалась достоверностью, секретностью и актуальностью. П. Тюммель имел возможность выйти на связь с советской разведкой в Праге, чем иногда и пользовался.

[64] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 14750, Д. 1, Л. 12—21.

высшего государственного и военного руководства СССР — доклад, который к нашему времени стал самым знаменитым и легендарным документом военной разведки накануне войны. И хотя в докладе был сделан вполне аргументированный вывод о том, что вероятность нападения Германии весной 1941 г. ничтожна и муссируется лишь стараниями английской и германской разведок, сам доклад был посвящен не этому, точнее, не столько этому.

Основное его содержание лаконично указано прямо в названии **«Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР».** Проще говоря, в первую очередь, но в прогнозном стиле, причем не отдавая предпочтения, тем более категоричного, какому-либо из ставших известными разведке вариантов боевых действий германской армии, в докладе излагались разведывательные данные о наиболее вероятных направлениях главных ударов германской армии. В этом, прежде всего, главная суть основного содержания этого доклада. К докладу была приложена представлявшая особую ценность графическая «**Схема возможных вариантов действий фашистской Германии против СССР»,** которую лично составил и передал в Москву резидент военной разведки в Берлине, он же военный атташе СССР в Германии генерал-майор В.И. Тупиков. Один из трех представленных В.И. Тупиковым вариантов действий немецких войск точно отражал замысел германского командования нападения на СССР.

Более того. В период добывания подробной разведывательной информации о грядущей агрессии Третьего рейха против СССР произошло редчайшее в мировой разведывательной практике, уникальное по всем параметрам событие. Внешняя разведка НКГБ СССР смогла предоставить высшему военному командованию Советского Союза картографический сценарий прототипа **«Варианта Барбаросса»,** который по своей принципиальной сути мало чем отличался от варианта 1941 г., тем более если учитывать текущую разведывательную информацию того периода, которая прямо подтверждала этот «сценарий». Добыть разведывательные данные о генезисе плана агрессии, что на-

зывается, от истоков — это действительно редчайшая удача в разведывательной деятельности.

К исключительно глубочайшему сожалению, эта документально реконструированная с помощью одного из арестованных агентов германской военной разведки информация была воспринята на всех руководящих уровнях советской военной и разведывательной иерархии, причем даже в руководстве ГРУ и внешней разведки, с нескрываемым скепсисом, и ей не поверили из-за ее якобы фантастичности. **Прежде всего из-за того, что в ней указывалось, что гитлеровское командование запланировало взятие Минска на пятые сутки с начала нападения** (что, увы, почти так и произошло, правда, благодаря фантастическому мужеству и героизму простых советских солдат и их адекватно обстановке действовавших командиров, с опозданием почти на сутки, из-за чего, как было установлено благодаря утечкам из ближайшего окружения Гитлера, бесноватый фюрер закатил очередную истерику).

Фантастический парадокс этого скептического недоверия, проявленного к упомянутым данным, состоит не только в том, что не поверили документально реконструированной информации конца 1936 г., когда впервые был разработан прототип будущего плана агрессии Германии против СССР — кстати говоря, захват Минска на пятый день с начала агрессии был запланирован еще тогда, в 1936 г., — но и даже тому, что внешняя разведка НКГБ СССР представила прямое документальное подтверждение, полученное в мае 1941 г. от одного из ценных источников берлинской резидентуры НКГБ СССР — уже упомянутого выше **ЙОНА ЗИГА,** крупного железнодорожного чиновника Третьего рейха, который передал в распоряжение разведки адресованное лично ему письменное предписание верховного командования вермахта возглавить минский железнодорожный узел на пятые сутки с момента начала нападения.

А ведь эта информация прямо подтверждала то, что разведка практически очень быстро и, самое главное, безальтернативно установила,

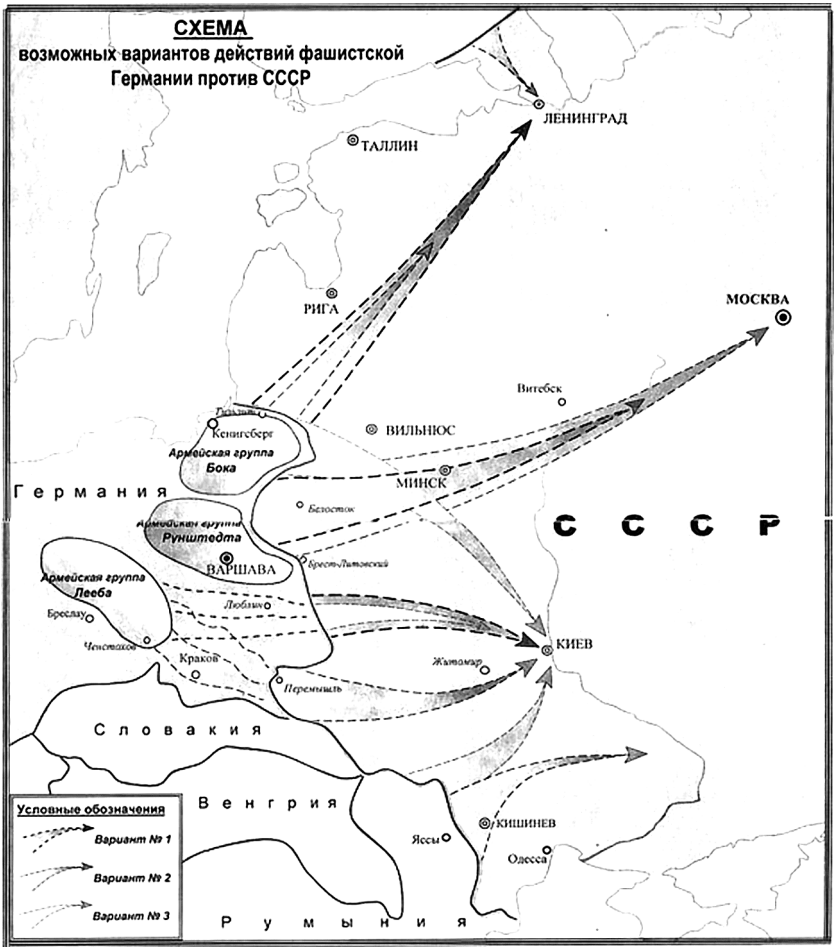


Схема возможных вариантов действий фашистской Германии против СССР, представленная генерал-майором В.И. Тупиковым в РУ ГШ Красной Армии. На схеме фамилии командующих группами армий вермахта указаны по состоянию на март 1941 г. на основании имевшихся у Тупикова в тот момент агентурных и иных данных. К 22 июня Гитлер перетасовал командующих: фон Лееб возглавил ГА «Север», Рундштедт — ГА «Юг», фон Бок — ГА «Центр»

что нападение произойдет в соответствии с принципами стратегии молниеносной войны — то есть блицкрига, ибо к тому времени было четко установлено, что будет нанесен внезапный и молниеносный удар всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми для нападения силами. Убедительно свидетельствовавшие в пользу этого факты разведка предоставляла если и не в изобилии, то, по меньшей мере, в очень значительных объемах. **Более того, эта же информация четко указывала и на направление главного удара противника.**

Невозможно не отметить, что эта информация, увы, не была доведена до сведения Сталина, по крайней мере вплоть до сегодняшнего дня нет даже самого глухого намека на самую иллюзорную тень того, что эти данные хоть в какой бы то ни было форме были сообщены Сталину.

В-пятых, своевременно и с высокой степенью точности были установлены количество группировок, нацеленных на вторжение на территорию СССР, их численность, боевой состав и вооружения этих ударных группировок вермахта, их основные цели, которых они должны достичь и захватить Ленинград, Москву, Киев.

Несмотря на это, одним из **излюбленных занятий** отечественных (и даже зарубежных) исследователей кануна войны является **беспрерывная критика разведки за резкое завышение численности войск германских войск, сосредотачивавшихся у советских границ.** Подобными нападками изобилуют многие исследования кануна войны.

Да, это имело место на определенном этапе, отрицать бессмысленно. Разведки действительно иногда грешат этим, особенно на начальном этапе добывания информации по какому-либо вопросу, правда, одновременно активно стремятся и прилагают все усилия, чтобы как можно быстрее и объективнее все уточнить, проверить и перепроверить информацию. К слову сказать, накануне войны и германская военная разведка также грешила этим. Например, в последней предвоенной разведывательной сводке **№ 5 от 13 июня 1941 г.** аналитики

абвера сильно завысили общее количество советских частей в приграничных военных округах[65].

Ну а если по существу, то далеким от разведки людям кажется, что это так просто — пошли разведчики и агенты на дело и за один раз единым махом все выяснили. Надо быть круглым идиотом, чтобы именно так представлять себе сложнейший разведывательный процесс. На практике же это чрезвычайно сложная, порой длительная, а нередко и очень длительная, очень опасная работа, требующая особой изобретательности, кропотливости и высокого профессионализма, опирающегося на колоссальный объем знаний в разных сферах деятельности, чтобы выяснить истинное положение дел. Ведь очень часто необходимая информация добывается в буквальном смысле по крупицам, и чтобы составить целостную картину, необходимы порой сотни и даже тысячи крупиц. Как известно, из одного зернышка муки не смолоть и батона, и даже маленькой булочки, не испечь. Далеко не всегда даже с третьей попытки разведчикам удается выяснить истину. Так что прежде чем пускать критические стрелы в адрес разведки, лучше всего сначала подумать и попытаться представить себе, что такое противоборство разведки и контрразведки, тем более если последняя была представлена, увы, более чем серьезными профессионалами абвера и РСХА. И уж тем более не грех было бы просто осознать, что при подготовке военных действий командование вооруженных сил любого государства, тем более агрессора, осуществляет гигантский комплекс мощных дезинформационных мероприятий, дабы ввести в заблуждение противную сторону. В части, касающейся гитлеровской Германии, об этом ныне хорошо известно по давно опубликованным документам верховного командования Третьего рейха.

Более того. Не следует полагать, что в разведслужбах СССР не понимали, что противник часто блефует, манипулируя численностью войск в целях ее завышения для устрашения противной стороны.

[65] Военно-исторический журнал. 1989, № 5. С. 30—32.

Очень даже понимали, фиксировали это и делали соответствующие выводы профессионального характера. Характерно, что именно разведка штаба приграничного округа зафиксировала это. Обратите, пожалуйста, пристальное внимание на **п. 2 раздела «Выводы»** разведывательной сводки **№ 14 РО штаба КОВО на 10 мая 1941 г. [(за период с 1 по 10 мая) —** фото документа ниже приводится[66]. — *А.М.*]: **«<…> 2. Наряду с действительным увеличением войск в полосе против КОВО, германское командование одновременно занимается маневренностью, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой с тем, чтобы создать туманность в оценке действительного наличия войск…»[67]**

Главное тут в том, что разведка штаба КОВО четко зафиксировала сознательное манипулирование германским командованием численностью своих войск в целях введения в заблуждение, дезинформации и дезориентации советского командования.

Когда эта сводка попала в центральный аппарат ГРУ, то руководство военной разведки остро отреагировало на упомянутый вывод РО штаба КОВО. Потому что при анализе разведывательных материалов, в том числе и из НКВД/НКГБ и разведки погранвойск, в ГРУ и ранее возникали проблемы с идентификацией немецких частей и соединений, связанных с их массовыми перебросками у границы с места на место и с проводимыми перемещениями в ходе учений. И вот результат этой острой реакции: **ЗАПИСКА РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В НКГБ СССР С ОЦЕНКОЙ ПОЛУЧЕННЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХДАННЫХ И ПЕРЕЧНЕМ ВОПРОСОВ ПО ДОБЫВАНИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПЕРЕДВИЖЕНИИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК**

[66] Фотокопия документа любезно предоставлена автору его коллегой и единомышленником О.Ю. Козинкиным.

[67] ЦА МО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 198—204, 19906—20406. Типографское издание. Копия.

265

СЕКРЕТНО

Экз. № 80

ДЕКАДНАЯ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА

№ 14

Разведывательного Отдела Штаба КОВО

на 10 мая 1941 г.

Разведотдел Штаба КОВО
Киев — 1941

ВЫВОДЫ

1. Усиление германских войск и проводимые мероприятия по ускоренной подготовке театра в приграничной полосе против КОВО как качественно, так и количественно началось с 10-15 апреля.

2. Наряду с действительным увеличением войск в полосе против КОВО, германское командование одновременно занимается и маневренностью, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой с тем, чтобы создать туманность в оценке действительного наличия войск.

3. С учетом новоприбывших войск, в полосе против КОВО, группировка германских войск составляет: 24-25 пехотных дивизий (две из них требуют проверки), 5 моторизованных дивизий, 4-5 танковых дивизий (три из них требуют проверки), 2 кавполка и свыше 600 самолетов.

2. ВЕНГРИЯ

Мобилизационные мероприятия

По данным РУ Генштаба Красной Армии и РО Штаба КОВО накануне войны Германии с Югославией, Венгрия провела скрытую мобилизацию своих вооруженных сил.

6 и 7 апреля были призваны контингенты 23, 27, 28, 30, 48 и 52 лет.

Общая численность венгерских вооруженных сил на 5 мая равняется 650-700 тыс. человек.

Мобилизация частей 1 армии продолжается. Призываются все возрасты, прошедшие военную подготовку.

Сосредоточение войск на советской границе

По данным РУ Генштаба Красной Армии в Прикарпатской Украине сосредотачиваются 6, 7 и 8 армейские корпуса, а также имеются сведения, требующие перепроверки, о сосредоточении в Прикарпатскую Украину отдельных частей 2 и 5 арм. корпусов.

№ 660533

21 мая 1941 г.

«Германское командование усиливает группировку войск в пограничной с СССР полосе, производя массовые переброски войск из глубинных районов Германии, оккупированных стран Западной Европы и с Балкан. Это усиление не вызывает никакого сомнения. Однако **наряду с действительным увеличением войск в пограничной полосе германское командование одновременно занимается и маневрированием**, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой, с тем, чтобы в случае их оценки **у нас создалось нужное германскому командованию впечатление.**

Кроме того, в последнее время германским командованием в пограничной с СССР полосе проводится **ряд учений** войсковых частей, **которые также связаны с передвижением войск**. Поэтому, для того чтобы не допустить ошибки в оценке группировки и легче разобраться, какие части, откуда и куда прибывают, убедительно прошу в ваших разведсводках указывать:

1) откуда идут войска (из Франции, Бельгии, Югославии, Германии и т.д.);

2) когда и через какие пункты проходят войска;

3) какие войска (пехота, артиллерия, танки и т.д.);

4) в каком количестве (полк, дивизия);

5) нумерацию этих частей (№ полка, дивизии);

6) в состав каких корпусов и армий входят обнаруженные войска;

7) когда и куда они прибывают…»[68]

Естественно, последовала и соответствующая реакция НКГБ СССР — **ЗАПИСКА НКГБ СССР НАРКОМАМ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ, ЛИТОВСКОЙ, КАРЕЛО-ФИНСКОЙ И МОЛДАВСКОЙ ССР, НАЧАЛЬНИКАМ УНКГБ ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ И ОДЕССКОЙ ОБЛАСТЯМ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОРЯДКА СБОРА ИНФОРМАЦИИ О КОНЦЕНТРАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В ПРИГРАНИЧНОЙ С СССР ПОЛОСЕ**

[68] ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 3. Л. 65—67. Машинопись, заверенная копия.

№ 2/7/6358

24 мая 1941 г.

«Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии сообщает, что германское командование, усиливая группировку войск в приграничной с СССР полосе за счет массовых переброс войск из глубинных районов Германии, оккупированных стран и с Балкан, в то же время занимается и маневрированием, перебрасывая отдельные части в пограничных районах из одного населенного пункта в другой, чтобы ввести нас в заблуждение в оценке действительного наличия войск.

Кроме того, в последнее время германским командованием в приграничной с СССР полосе проводятся учения войсковых частей, которые также связаны с передвижением войск.

В связи с этим, для того, чтобы не допустить ошибки в оценке группировки германских войск и легче разобраться в том, какие части, откуда и куда прибывают, необходимо в разведсводках указывать:

1) откуда идут войска (из Франции, Бельгии, Югославии, Германии и т.д.);

2) когда, через какие пункты и куда проходят войска;

3) род войск (пехота, артиллерия, танки и т.д.);

4) количество (полк, дивизия);

5) нумерацию частей (полка, дивизии);

6) в состав каких корпусов и армий входят обнаруженные войска.

Также нуждаются в проверке и уточнении сведения о строительстве автострад в приграничной полосе:

1) Какая ширина проезжей части автострады;

2) примерная толщина бетонного покрытия;

3) в какой степени применяются машины на строительстве автострад.

Зам.начальника 1 Управления НКГБ СССР

Майор госбезопасности Судоплатов»[69].

Кстати говоря, подобные фокусы германского командования фиксировала и разведка штаба ЗАПОВО. Так, в разведывательном донесе-

[69] ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 3. Л. 154—155 об.

нии № 33 от 9 июня 1941 г. Брестского оперативного пункта РО штаба ЗАПОВО, в котором приводились данные по состоянию на 7 июня, отмечалось, **что «немцы перекидывают несколько частей с одного места на другое и этим показывают, что они действительно группируют части»**[70]. Небезынтересно заметить также, что это донесение Брестского ОП РО штаба ЗАПОВО было зарегистрировано в секретариате Военного совета ЗАПОВО только 12 июня 1941 г.[71]

И вот еще что. Очевидно же, что между разведывательными отделами штабов приграничных военных округов постоянно существовал горизонтальный обмен разведывательной информацией, в чем можно убедиться, взглянув на первую же строчку раздела **«О передвижении немецких войск в полосе против Зап.ОВО»,** который приведен на 5-й странице разведывательной сводки № 10 РО штаба КОВО (см. фото).

Так что разведывательные службы СССР прекрасно понимали, что происходит, откровенно информировали и предупреждали друг друга об этом. Один из руководителей ГРУ накануне и во время войны — генерал И.И. Ильичев (после войны — высокопоставленный советский дипломат) — **в послевоенное время признал, что данные советских разведывательных служб о сосредоточении немецких войск у советских границ к моменту нападения Германия расходились с реальностью на две дивизии!!! Причем эти дивизии не были развернуты, они были только на подходе.** Это признание Ильичева чрезвычайно дорогого стоит. Конечно, при определенных обстоятельствах и две дивизии могут решить исход боя или сражения. Но это на поле конкретного боя или сражения. Однако, когда речь идет о столь гигантских масштабах сосредоточения войск противника на протяжении **3375 км** (линия первоначального вторжения вермахта), то расхождение в две дивизии, о которых к тому же знали, что они еще только на подходе, всего лишь едва заметная статистическая погрешность. Об этом не без удовольствия рассказывал в своих прижизненных выступлениях, увы, ныне

[70] ЦА МО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 369—374. Машинопись на бланке Брестского оперативного пункта. Копия. Автограф.

[71] Там же.

О передвижении войск

(По агентурным данным)

В г. Холм 7 апреля выгрузился эшелон пехоты и на следующий день походным порядком убыл в сторону **Дорогуск** (вост. Холм). В составе колонны также следовали 12 повозок со станковыми пулеметами и 6 орудий (в декадной разведсводке № 13 сообщалось о прибытии в Дорогуск пехполка).

С 17 по 20 апреля из **Катовице** на **Кельце** через каждые полчаса, следовали воинские эшелоны с пехотой, артиллерией, автомашинами и обозом.

С 12 апреля отмечается движение воинских эшелонов через **Краков** на восток и переброска войск и военных грузов через **Бохня, Тарнов, Жешов** к границе с СССР. Во второй половине апреля через ж. д. станции **Дембица** и **Мелец** прибыло 100 эшелонов, через **Жешов** к границе — 20 эшелонов и через ст. **Ясло** — 120 эшелонов.

О передвижении немецких войск в полосе против Зап. ОВО

По данным РО Зап. ОВО в течение апреля отмечалось большое передвижение войск как по железным, так и по шоссейным дорогам непосредственно к границе с СССР. Так, с 7 по 17 апреля через Варшава на восток двигались колонны с пехотой и артиллерией, а по железной дороге проследовали эшелоны с артиллерией, автомашинами и пулеметами.

С 15 по 17 апреля отмечено движение через Варшава 2 бронепоездов и до 165 орудий ПТО; 19 апреля через Варшава на восток проследовало 4 эшелона с танками и артиллерией, а в р-н Остров, Малкиня прибыло 4 пех. полка.

Перевозка военных материалов

По агентурным данным, 17 апреля на ст. **Холм** выгружено несколько эшелонов с горючим, снарядами, патронами, понтонами и инженерным имуществом, которые после выгрузки, автотранспортом перебрасывались в направлении

покойный бывший ответственный работник ЦК КПСС, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ, при жизни видный современный историк и авторитетный политолог — В.М. Фалин, который немало поработал совместно с Ильичевым, когда того перевели в МИД СССР на ответственную должность[72].

Короче говоря, с завышением сил противника советская разведка в итоге разобралась, если так можно сказать, с беспрецедентно высокой для разведки точностью. И не нюхавшим разведывательного пороха якобы исследователям, а в действительности «специалистам по левой ноздре», по меткому определению Ф.М. Достоевского, бросать булыжники критики в адрес разведки!..

Именно поэтому Маршал Советского Союза **Ф.И. Голиков** в недавно опубликованных **«ЗАПИСКАХ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года»** с полным на то правом отмечал: **«Советская военная разведка с поразительной для разведки точностью своевременно и полно вскрыла общий состав и группировку вооруженных сил гитлеровской Германии перед нападением, ее дислокацию и нумерацию основных соединений»[73].** В этом заслуга не только военной разведки, но и внешней разведки НКГБ СССР, разведки пограничных войск НКВД СССР, контрразведки НКГБ СССР и многих других подразделений.

А заместитель начальника одного из Управлений Генерального штаба СССР генерал-полковник Г.А. Михайлов еще в 1989 г. честно заявил: «**Вопреки некоторым бытующим представлениям в Центр регулярно поступала достоверная информация о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. С большой точностью были переданы боевой состав, численность, группировка войск противника, сообщено решение Гитлера о нападении на СССР, поступала информация о первоначальных сроках нападения и о последующих изменениях в них. Исследования трофейных документов показали, что данные советской разведки**

[72] Из выступления В.М. Фалина 28 августа 2011 г. перед учеными и специалистами Института динамического консерватизма.

[73] *Голиков Ф.И.* Записки начальника РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018. С. 87.

о противнике были очень близки к реальным. Иными словами, информация была. Другое дело — как она использовалась».

К этому следует добавить, что в мае 1941 г. удалось узнать не только количество стянутых к нашим границам дивизий, но и места их дислокации — вплоть до расположения батальонов, штабов частей. Уточнялись даже огневые позиции отдельных артиллерийских и зенитных батарей»[74].

Говоря об этом, трудно обойти вниманием тот факт, что периодически в различных исследованиях в адрес разведки высказываются упреки о том, что-де она якобы далеко не все даже приблизительно точно указала. Как правило, в этих целях оперируют данными последней перед войной разведывательной сводки **№ 5,** в которой была раскрыта практически вся группировка вермахта **по состоянию на 1 июня 1941 г.**, о чем свидетельствует приложенная к ней схема[75].

Да, невозможно отрицать, что и в ней были некоторые неточности. Однако при анализе разведывательных данных нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что неточности, **во-первых,** увы, неизбежный спутник разведывательной информации, особенно если она не документальная. Да и в этом случае тоже могут быть неточности. Потому что противник яростно противодействует, в том числе и путем широкомасштабного распространения массированной дезинформации, не исключая и продвижения противоборствующей разведке даже якобы документальной информации. И если это ясно осознавать и априори воспринимать как неизбежную специфику разведывательной деятельности, тем более в угрожаемый период, то нетрудно будет осознать и тот очевидный факт, что**, во-вторых, упомянутая сводка давала аналитический обзор по состоянию на 1 июня 1941 г., а до нападения еще был 21 день.** Увы, но гитлеровское командование в эти три недели перебросило еще несколько десятков дивизий — начиная с 25 мая и до 20 июня включительно, проще говоря, на финишном этапе сосредоточения и развертывания группировок нападения,

[74] Аргументы и факты. 1989. № 4; «Красная звезда», 16 июня 2001 г.
[75] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 101.

гитлеровское командование перебросило на Восток, к границам СССР **47** дивизий, в том числе **28** танковых и моторизованных[76].

Эти переброски, к слову сказать, также были зафиксированы советскими разведывательными службами. Но вот в последнюю перед войной сводку они уже никак не могли попасть, однако высшее военное командование и командование на местах было проинформировано об этих перебросках. Почему-то это обычно выскальзывает из поля зрения любителей пускать критические стрелы в адрес разведки.

В-шестых, разведка своевременно добыла необходимые высшему командованию данные об оперативных планах германского командования по разгрому Красной Армии.

Этот факт до сих пор никак не признается официальной историей — все ориентируются на мемуары и вербальные высказывания маршала Жукова и других военачальников военной поры. И это несмотря на то, что СВР РФ уже более двадцати лет назад открыто предала гласности эти факты. Речь идет о том, что в последние полгода перед войной внешняя разведка НКГБ СССР сумела добыть в большом количестве данные не только о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР, **но и в том числе об оперативных планах германского командования по разгрому Красной Армии.** В этом колоссальном успехе внешней разведки НКГБ СССР огромную роль сыграли:

1. Члены легендарной «кембриджской пятерки» — Джон Кернкросс, который с января по май 1941 г. передал советской разведке большое количество материалов о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР, которые поступали по различным каналам в английское правительство, прежде всего от британской разведки и Службы радиоперехвата в Блетчли-Парке[77], а также шведской радиоразведки, и **Дональд Маклин,** который в первой половине 1941 г. также информировал советскую разведку о подготовке Германии к нападению на СССР. Среди документов, которые он передал в этот период, особое место занимает сводка министерства экономической войны Англии, подготовленная для доклада военному каби-

[76] Начальный период войны. М., 1974. С. 189; Вторая мировая война. М., 1958. С. 140.

[77] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 182.

нету Великобритании, о неминуемом нападении Германии на СССР. **Именно в этой сводке содержались данные о военных приготовлениях Германии против СССР, в том числе и о ее оперативных планах по разгрому Красной Армии**[78]. **В свою очередь от шведской радиоразведки британская разведка получила данные, в которых детально излагался план операции против СССР на трех главных направлениях, назывались три конкретные ударные группировки германских войск под командованием фельдмаршалов фон Бока, фон Рунштедта и фон Листа**[79]**. Вся эта информация была передана агентами представителям советской внешней разведки.**

2. Главная резидентура НКГБ СССР в Китае, которая под руководством главного резидента и полномочного представителя (с 9 мая 1941 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Китае) Александра Семеновича Панюшкина не только своевременно информировала Центр об основных проблемах внешней и внутренней политики Китая, планах Японии и других стран, **но за полтора месяца до нападения нацистской Германии на СССР добыла и направила в Москву сведения о планах германского военного командования, в частности, об основных направлениях продвижения фашистских войск, полученные агентурным путем у военного атташе Берлина в Чунцине**[80].

В сочетании с приведенными выше данными военного атташе и резидента военной разведки в Берлине генерал-майора В.И. Тупикова, с документально реконструированной информацией о прототипе плана агрессии и иными, не упомянутыми здесь сведениями, все это означало одну из высших степеней осведомленности советского высшего военного командования о планах германского командования! И в этом величайшая заслуга разведывательных служб СССР!!!

И вот еще одно подтверждение тому, что у нашего командования были данные о планах германского командования. В середине

[78] Там же. Т. IV. М., 1999. С. 78.

[79] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L, 1970. Vol. 1. P. 604—605.

[80] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. В данном случае приводится по Интернету: https://litvek.com/br/338755?p=136

60-х гг. XX в. бывший предвоенный начальник Генерального штаба (НГШ) едва ли не до озверения довел одного из влиятельных в ту пору военных историков — **генерал-лейтенанта Н.Г. Павленко,** который тогда был главным редактором и поныне очень авторитетного **Военно-исторического журнала**. Генералу надоело выслушивать очевидные в своей беспардонной лживости байки предвоенного НГШ о том, что он, видите ли, ничего не ведал и не знал о приготовлениях немцев к нападению на СССР, пришла в голову простенькая, но воистину блестящая идея. Обычно этим пользуются опытные следователи, видя, что подследственный наотрез отказывается признать очевидные факты своей вины. Они предъявляют ему неопровержимые, документально зафиксированные факты, свидетельствующие о его непосредственной вине. Генерал-лейтенант Н.Г. Павленко так и сделал, а реакцию Г.К. Жукова описал следующим образом: **«Жуков уверял меня, что он ничего не знал о "Плане Барбаросса" накануне войны, что он и в глаза не видел донесения разведки. На следующий день я приехал к Жукову и привез те самые сообщения разведки о плане войны с СССР, на которых стояли их — Тимошенко, Жукова, Берии и Абакумова подписи. Трудно передать его изумление. Он был просто шокирован»[81].**

В-седьмых, разведка своевременно установила также и ряд тактических особенностей реализации стратегического замысла германского командования, причем откровенно предупреждая об их крайне негативных последствиях для советских войск.

25/26 апреля 1941 г. резидент военной разведки в Берлине, он же военный атташе СССР в Германии, генерал-майор **Василий Иванович Тупиков** направил в Центр новый подробный доклад о вермахте, его стратегии и тактике, вооружениях, технике и т.п., что традиционно интересует военную разведку, тем более в угрожаемый период. Проанализировав военно-стратегическую ситуацию на основе имевшихся у него различных материалов, Тупиков, который прекрасно знал также и со-

[81] Журнал «Родина», 1990, № 6. С. 90. Кстати говоря, подобное Г.К. Жуков заявлял и в интервью ныне покойному, а при жизни широко известному советскому военному историку В. Анфилову в мае—июне 1965 г. (см. ВИЖ, № 3, 1995).

стояние РККА, особенно в приграничных округах, сделал поразительно точный вывод-предупреждение, от которого прошибает холодный пот, волосы дыбом встают, а по спине начинают бегать мурашки: **«Красная армия, не имея подготовленных рубежей обороны внутри страны, широко разветвленной аэродромной сети и заранее подготовленных путей сообщения, после первого удара будет стремительно отходить назад, не имея возможности задержаться ни на одном заранее подготовленном рубеже… Немцы одновременным ударом в нескольких направлениях прорвут фронт и разъединят Красную армию на отдельные группы, в дальнейшем будут стремиться окружить и уничтожить их. Особую роль сыграют подвижные войска, которые после прорыва быстро проследуют в глубину, выйдут на пути отхода Красной армии и произведут окружение. Большая роль в этих действиях отводится авиации и воздушным десантам. По времени всю эту операцию (разгром армии и выход на меридиан Москва) предполагается осуществить в один-полтора месяца»[82].**

Правда, холодный пот прошибет не только от существа приведенной выше цитаты, но и от того, что впервые эта часть доклада Тупикова появилась в открытом доступе только в 2018 г., а в ранее публиковавшихся выдержках из его доклада этого страшного вывода нет. А волосы в очередной раз встанут дыбом от этой информации, если принять во внимание, что даже руководитель военной разведки генерал Голиков ознакомился с этим докладом только **3 июня 1941 г.[83] Более месяца доклад резидента военной разведки в Берлине не изучался руководством ГРУ!?**

Более того, разведка откровенно предупреждала также и о том, что:

а) «военный главный удар против Красной Армии будет проведен при большой массированности и, по мнению немецкого военного руководства, в благоприятном для Германии исходе бой будет в пределах трех недель;

[82] Военно-промышленный курьер. № 23, 19.06. 2018.

[83] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7277. Д. l. Л. 140—152. Машинопись. Копия. Автограф.

б) механизированная русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита наголову в кратчайший срок»[84];

— Красная Армия «будет окружена и расколота быстро бронемеханизированными частями по испытанной немецкой тактике, и будет иметь судьбу польской армии»[85];

— «стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши»[86], причем с акцентированием на то, что **«узловые пункты жел. дорог, шоссе, аэродромы западной части СССР будут в кратчайший срок разрушены немецкой авиацией» [87]** (такие первостепенные объекты ударов германской авиации фигурировали в донесениях разведки неоднократно. — *А.М.*). Проще говоря, в донесениях разведки излагались основные элементы стратегии и тактики блицкрига. И такая информация поступала не единожды.

А ведь в распоряжении Генерального штаба имелись не только донесения разведки, но и, например, прекрасная книга **«Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн)» Г.С. Иссерсона, которую попросту проигнорировали, а автора с санкции Тимошенко и Жукова засадили за решетку[88]**.

---

[84] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 864—874. Копия.

[85] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л.737—740, 744—745.

[86] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 381.

[87] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737—740, 744—745. Копия.

[88] Вежливо говоря, с Георгием Самойловичем Иссерсоном обошлись более чем неласково. На самом же деле более чем грубо и, не побоюсь этого слова, очень подло. **7 июня 1941 г.** Г.С. Иссерсон арестован 3-м Управлением (военная контрразведка) НКО СССР. За что не столько конкретно, сколько за что реально арестовали — непонятно до сих пор, а то, что известно, привязано якобы к каким-то старым грехам еще за финскую кампанию. Однако, учитывая его генеральское звание (звание комдива тогда приравнивалось к званию генерал-майора), хоть и разжалованного до полковника в начале 40-го как раз за финскую кампанию, пребывание в 1940—1941 гг. в распоряжении НКО и существовавший тогда порядок ареста (высших) офицеров, санкцию на его арест, судя по всему, выдали либо Тимошенко, либо Жуков. Скорее всего, Жуков, потому что Академия Генерального штаба, где работал Иссерсон, находилась в непосредственном ведении начальника ГШ, и куда вернуть Иссерсона, распорядился лично Сталин еще в июне 40-го! Без согласия вышестоящего командования — таковы были правила в то время — ни один военнослужащий не мог быть арестован. 7.06.41 г. Г.С. Иссерсон был арестован (военной контрразведкой, которая тогда входила в состав Наркомата обороны

Обладал Генеральный штаб и обстоятельным, детально анализирующим причины и обстоятельства молниеносного разгрома англо-французских войск в ходе западной кампании вермахта докладом ГРУ, в основу которого был положен **«Официальный отчет французского Генерального штаба о франко-немецкой войне 1939—1940 гг.»,** переданный советскому военному командованию через военного атташе СССР во Франции. На нем до сих пор красуется фантастически неадекватная для предвоенного планирования резолюция начальника ГШ **— «Мне это не нужно»**[89].

Имелся в распоряжении Генерального штаба полный текст глубокого, превосходно аргументированного анализа стратегии и тактики вермахта под названием **«Театр войны и условия ее проведения»,** автором которого был ставший впоследствии легендой в мировой истории разведывательных служб и истории Второй мировой войны **Рудольф Рёсслер, впоследствии «Люци»** — главный источник ценной разведывательной информации нелегальной резидентуры ГРУ «Дора» — Шандора Радо. Именно этот труд, который Р. Рёсслер в начале 1941 г. готовил к изданию, и явился основным поводом для знакомства с нелегальным резидентом советской военной разведки в Швейцарии. Рёсслеру необходимо было дополнить свой труд соот-

и подчинялась наркому обороны и начальнику ГШ), но лишь 21 января 1942 г. он был осужден Военным трибуналом Приволжского военного округа на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован Иссерсон **01.06. 1955 г.,** освобожден из ссылки **14.07.1955 г.** И вот еще что. Странно, но Г.С. Иссерсон почему-то не фигурировал в списке на немедленную реабилитацию из **101** репрессированного генерала и адмирала, который Жуковым был подан Хрущеву в 1953 г. как требование оплаты услуг маршалитета и генералитета за поддержку его антигосударственного переворота 26 июня 1953 г. Генеральское звание Иссерсону так и не восстановили. Ну и чем же им так не угодил Г.С. Иссерсон? Увы, не остается иного шанса, кроме одного — признать, что своей упомянутой выше книгой и, очевидно, активными попытками привлечь внимание к важности содержавшихся на ее страницах выводов, что сам Иссерсон отлично понимал, он, очевидно, допек высшее военное руководство, и оно решило избавиться от назойливого и принципиального советчика, дабы разногласия между ними не докатились до ушей Сталина, тем более что военная контрразведка в то время подчинялась лично им. Избавиться-то избавились, причем весьма подло, шкуры свои обезопасили, как им тогда явно казалось, но ведь какие океаны крови советских людей в итоге пролили, столь яростно проигнорировав бесценный анализ талантливого аналитика?!

[89] Военно-исторический архив. 1998, № 3. С. 250—280.

ветствующими картами, а Шандор Радо по прикрытию являлся владельцем картографической фирмы «Геопресс». Вот так этот труд попал в руки советской военной разведки и оказался в Москве[90]. Увы, но московская судьба книги Р. Рёсслера и вовсе неизвестна, скорее всего, явно аналогична судьбе доклада ГРУ…

Кроме того, разведка откровенно предупреждала и о том, что:

— **Красную Армию ожидает разгром в варианте Канн[91], п**ричем исходя только из того, что официально рассекречено, предано гласности и опубликовано — дважды предупреждала[92]. А сколько на самом деле — точно неизвестно до сих пор. **Между тем вариант Канн просто кричал непосредственно с карты, даже при самом беглом взгляде на позиции советских войск во Львовском и Белостокском выступах, причем особенно в последнем случае,** так как войска вермахта сосредотачивались на **100—150 км восточнее,** чем основная группировка советских войск в этом выступе, проще говоря, немцы изначально занимали куда более выгодную позицию для нападения и молниеносного разгрома, обложив данную группировку советских войск с северного и южного фаса этого выступа**!**

— наиболее сильный удар вермахт нанесет левым флангом, то есть севернее Полесья[93]. Знаете, какова была судьба такого предупреждения (как, впрочем, и многих других) — «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая»[94]. Так было оценено это предупреждение Рихарда Зорге — Рамзая.

А что уж говорить о предупреждениях Зорге о том, что, по оценкам германского командования, система обороны советских войск очень слаба, что немцы зафиксировали, что главные силы Красной Армии сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара[95].

---

[90] *Орнелли А.С.* Позывной «FRX». В книге «Тайные операции и интриги спецслужб», сост. и пер. с польского языка В.С. Живодерова. М., 2006. С. 174.

[91] *Лота В.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 303.

[92] Там же, а также ЦА МО РФ. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87—98.

[93] Цит. по: *Гаврилов В., Горбунов Е.* Операция Рамзай. М., 2004. С. 364. Все подчеркивания в тексте телеграммы сделаны рукой начальника ГРУ Ф. Голикова. Выделение жирным цветом — *А.М.*

[94] Там же.

[95] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 683—684. ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 340—341.

И сколько еще было таких сообщений — знают только безмолвные архивные папки…

В-восьмых, разведка своевременно — с середины лета 1940 г. — осуществила вскрытие начала переброски и сосредоточения войск вермахта у советских границ, а затем в непрерывном режиме осуществляла тщательное наблюдение за динамикой и характером этого процесса. В этом колоссальная заслуга также и разведки пограничных войск НКВД СССР. В настоящее время опубликовано огромное количество разведывательных донесений по этой тематике, которые убедительно свидетельствуют об этом.

В-девятых, разведка своевременно осуществила определение временных рамок завершения процесса сосредоточения и развертывания войск вермахта у границ СССР, затем определила сначала наиболее вероятные временные рамки нападения, затем приблизительную дату нападения и, наконец, четко, ясно, однозначно и неоднократно назвала также и точную дату, и даже точное время начала нападения. Всего на данный момент удалось выявить 135 подтвержденных соответствующими источниками фактов установления приблизительного времени нападения и точной даты начала агрессии[96].

Начиная с февраля 1941 г. был установлен наиболее вероятный временной промежуток, когда состоится нападение Германии, то есть июнь месяц, причем еще на ранней стадии несколько раз были установлены хотя формально и косвенные, но тем не менее четко указывавшие на наиболее вероятные сроки нападения признаки — после окончания сева, дабы захватить посевы зерновых зелеными, что возможно было только до конца июня. На это обстоятельство практически никогда никто не обращал и не обращает внимания. А зря, хотя бы потому, что в разведке далеко не всегда все устанавливается напрямую — в разведке очень часто бывают такие ситуации, когда наиважнейшая стратегическая информация может быть облачена в такие слова и такие формулировки, не говоря

ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 527—529. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия. Это сообщение Р. Зорге от 3 июля 1941 г. на запрос в ответ на его телеграмму от 1 июня.

[96] См. мою книгу «Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии?». М., 2019.

уже об их сути, которые на первый взгляд вообще не имеют ни малейшего отношения ни к политике, ни тем более к военной стратегии. Мировая разведывательная практика изобилует такими примерами.

Да, нельзя отрицать, что подавляющее большинство из этих выявленных **135** случаев установления наиболее вероятного времени нападения носили приблизительный, ориентировочный характер. **Но все они, и это есть самое главное, откровенно указывали на июнь месяц.** Однако с начала мая открылся процесс более четкой конкретизации (хотя дата 22 июня и ранее звучала в отдельных сообщениях) времени и даты нападения, причем все более концентрируясь на 20-х числах июня. И в итоге в промежутке с 5 мая по 21 июня 1941 г. дата была названа ориентировочно **76 раз,** с 11 по 21 июня включительно дата и время начала агрессии были установлены как ориентировочно, так и точно, причем час начала агрессии был установлен **17 раз** приблизительно (типа «на рассвете», «ранним утром», «в ближайшие часы» и т.п.) и, наконец, **7 раз** точно были названы и дата, и час начала агрессии, причем как по среднеевропейскому (оно же берлинское) времени, так и по-местному (имеется в виду местное время на границе)!!! **Одновременно дважды своевременно было осуществлено вскрытие начала выдвижения ударных группировок на исходные для нападения позиции.**

Проще говоря, Генеральный штаб располагал всеми необходимыми для организации решительного и эффективного отпора агрессору данными, причем в большей своей массе уже к исходу весны 1941 г.

И вот как при таких данных можно верить тем утверждениям, которые наплели маршалы и генералы, особенно маршал Г.К. Жуков, которые по сию пору тиражируются историками? Как можно верить таким их заявлениям:

— Маршал Г.К. Жуков: «Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»?![97]

[97] РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 10. Л. 95.

— Маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский (в порядке тезиса): «В Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще»?![98]

Как после всего, что было изложено в этой главе, можно верить нападкам на разведку? Но самое обидное в нападках на разведку заключается в том, что нередко их источниками являются, увы, сами отечественные разведчики, точнее, отдельные из них. А что уж говорить о представителях официальной исторической науки. Так, еще в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны редакцией авторитетной военной газеты «Красная звезда» были проведены 12 заседаний «круглого стола», и прямо на первом же заседании, состоявшемся 16 июня 2001 г., полковник СВР Владимир Николаевич Карпов прямо так и заявил: **«К сожалению, разведка не назвала точной даты, не сказала однозначно, что война начнется 22 июня»**[99]. И с тех пор «просвещенные» непосредственно авторитетным человеком — разведчиком же! — «исследователи» без малого два десятка лет «демократическим» хором голосят, что-де советская разведка не справилась со своей основной задачей — не установила точную дату начала агрессии гитлеровской Германии. А и вправду, чего не голосить-то, если столь авторитетный — из-за служебного статуса — человек сказал такое, а до него не одно десятилетие то же самое утверждали маршалы, а также генералы, в том числе и разведки?! Продолжается это и в наше время. Правда, с некоторыми топорными попытками как-то подправить положение — как-то не с руки уж совсем-то очернять разведку, когда сам Президент РФ родом из разведки…

И в результате в очередном **«исправленном и дополненном по рукописи автора»** издании мемуаров Г.К. Жукова еще в 2002 г. появилась любопытная фраза: «Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала и план войны. **Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня, о чем нами тотчас же было доложено**

[98] РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 12. Л. 48. *Василевский А.М.* Накануне войны// Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 7.

[99] *Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.* Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 11.

И.В. Сталину. Он тут же дал согласие на приведение войск в боевую готовность. Видимо, он и ранее получал такие важные сведения по другим каналам...»[100] От старого варианта с перебежчиком не отказались, но добавили в бочку с дегтем ложку прогорклого меда…

Между тем на одной из страниц до сих пор неопубликованного «Военного дневника» Маршала Советского Союза С.М. Будённого есть следующая запись:

Источник: Стоп-кадр из документального фильма «Маршал Будённый. Конец легенды». В стоп-кадре — одна из страниц дневника Буденного

«<…> И.В. Сталиным в 1941 году 21 июня в 19 часов были вызваны Тимошенко, Жуков (начштаба РККА) и я (замнаркома обороны). **И.В. Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя нам войны, могут напасть на нас завтра, т.е. 22 июня, и поэтому, что мы должны и можем предпринять сегодня же и до рассвета завтра**

[100] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 254.

22.6.41. Тимошенко и Жуков заявили, что если немцы нападут, то мы их разобьем на границе, а затем на их территории. И.В. Сталин подумал и сказал: "Это несерьезно". Обратился ко мне и спросил: "А Вы как думаете?" Я предложил следующее. **Во-первых**, немедленно снять всю авиацию с приколов и привести ее в полную боевую готовность всех погранв. воен. округов и МВО, ПриВО и СКВО. **Во-вторых**, войска погран. воен. округов выдвинуть на границу и занять ими позиции, приступить немедленно к сооружению полевых фортификаций. **В-третьих**, в этих же округах объявить мобилизацию, а также воен. округах. МВО, ПриВО и СКВО. **В-четвертых**, приступить к устройству оборонительной линии от устья реки Припять, Жлобин, Орша, и по р. Зап. Двина, Витебск, Полоцк, Минск и Рига». И.В. Сталин сказал: **"Ваши соображения правильные"».**

ТО ЕСТЬ СТАЛИН САМ СООБЩИЛ ВЫСШЕМУ ВОЕННОМУ КОМАНДОВАНИЮ О ТОМ, ЧТО ЗАВТРА ВОЙНА, А НЕ НАОБОРОТ!!!

* * *

Ну вот как тут не отметить, что именно Сталин **еще 20 июня** открыто предупредил руководителей крупнейших партийных организаций страны о нападении Германии[101], что именно Сталин **еще в 14.00 21 июня** потребовал от командующего Московским военным округом генерала И.В. Тюленева повысить боевую готовность ПВО МВО, что даже столь ненавистный лично Жукову начальник ГЛАВПУРа РККА Лев Захарович Мехлис **еще утром 21 июня** точно знал и потому категорично заявил, что **«вот-вот начнется война, немцы нападут на нас»**[102], а **вечером 21 июня** лично Сталин вызвал к себе московских руководителей А.С. Щербакова и В.П. Пронина, проинформировал их о предстоящем нападении Германии и приказал им задержать всех секретарей райкомов на своих местах, а также запретить им выезжать за город[103]. И произошло это за несколько часов

[101] Досье гласности. История и современность. 2003, № 6.
[102] *Ортенберг Д.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995. С. 22.
[103] Досье гласности. История и современность. 2003, № 6.

до того, как при нарушении советской границы был пойман пресловутый Альфред Лисков, на информацию которого постоянно ссылался Жуков как якобы единственный источник информации о предстоящем 22 июня нападении Германии, не отдавая себе отчета в том, что первая же строка за несколько часов до поимки А. Лискова пограничниками инициированной и санкционированной лично Сталиным и собственноручно Жуковым же изложенной на бумаге директивы № 1 от 21 июня 1941 г. предупреждала о возможном внезапном нападении немцев. Такие действия Сталина объясняются очень просто:

— 19 июня 1941 г. ГРУ подготовило и направило высшему руководству СССР специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»[104]. Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник ГШ Г.К. Жуков знали содержание этого сообщения, ибо без их визы и подписи спецсообщение такого характера и содержания не могло быть направлено Сталину[105].

20 июня 1941 г. ГРУ подготовило и направило высшему руководству СССР донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»[106]. Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник ГШ Г.К. Жуков знали содержание этого сообщения, ибо без их визы и подписи спецсообщение такого характера и содержания не могло быть направлено Сталину.

Вечером 21 июня 1941 г. ГРУ подготовило и направило высшему руководству Советского Союза срочное донесение **«О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.06 на 22.06».** В 20.00 21 июня 1941 г. оно было срочно доставлено в Кремль

[104]Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108. Это энциклопедическое издание написал и подготовил огромный коллектив наиболее авторитетных современных авторов.

[105] Небезынтересно привести здесь свидетельство находившегося в эти дни в Москве по вызову ГШ и НКО начальника штаба Среднеазиатского военного округа генерала армии М.И. Казакова, который в мемуарах подчеркнул, что **командование РККА уже к 18 июня ясно понимало, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать.** *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. М., 1965. С. 69—70.

[106] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108. Это энциклопедическое издание написал и подготовил огромный коллектив наиболее авторитетных современных авторов.

в двойном конверте, на котором было написано «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать». Адресатами были И.В. Сталин, В.М. Молотов и С.К. Тимошенко[107]. Учитывая, что в это время Тимошенко и Жуков уже находились в Кремле у Сталина, этот документ не был ими завизирован из-за особой срочности. Там стояла подпись только самого Голикова.

* * *

Кстати говоря, обратите особое внимание на процитированные выше отрывки из мемуаров и высказываний Жукова и Василевского. Исходя из заложенного в них смысла, получается, что ни предвоенный начальник ГШ, ни Василевский, занимавший перед войной должность заместителя начальника Оперативного управления ГШ, то есть должность одного из руководителей главного «мозгового треста» Генерального штаба, даже и не ведали ни о какой иной информации, что есть абсолютная ложь. Потому что вся информация, о которой шла речь в этой главе, в обязательном порядке докладывалась также наркому обороны и начальнику ГШ напрямую. В опубликованной с опозданием на целых **38 лет** статье «**Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР»** Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков отмечал: «Система донесений Главного разведывательного управления вышестоящим инстанциям установилась давно, задолго до моего назначения в ГРУ в [первой] половине июля 1940 года. **Свои документы мы представляли, как правило, одновременно в Политбюро ЦК КПСС (И.В. Сталину и некоторым его членам), наркому обороны и начальнику Генерального штаба**. **Очень часто во все эти адреса мы представляли в срочном порядке копии шифровок из числа поступающих [к] нам с места, а иногда и копии целых докладов. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда мы, представляя что-то И.В. Сталину, не представили того же наркому обороны и начальнику Генерального штаба.** Бывать же

[107] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108. Это энциклопедическое издание подготовил огромный коллектив наиболее авторитетных современных авторов.

лично у Сталина по вопросам разведки мне ни разу не приходилось. Ни разу не приглашали меня к нему вместе с собой ни нарком, ни нач[альник] Генштаба (чуть-чуть ошибся Голиков — с 1 января по 21 июня 41-го он был у Сталина всего один раз — **11 апреля.** — *А.М.*) Должен подчеркнуть, что **за весь период моей работы в ГРУ ни на один наш документ — ни на разведсводку, ни на шифровку, ни на доклад или спецдонесение мы не получили ни одного замечания ни из одной вышестоящей над ГРУ инстанции.** Мои личные доклады наркому Тимошенко С.К. и начальнику Генерального штаба Жукову Г.К., на которые я по обыкновению брал много схем и карт, воспринимались ими всегда с вниманием и одобрением. Эти контакты могли быть еще лучше и глубже, **если [бы] названные военные руководители хотя бы изредка меня к себе вызывали с докладами по их собственному почину»[108].**

А через каналы обмена разведывательной информацией между НКВД/НКГБ и РУ ГШ регулярно происходило взаимное информирование. С 29 апреля 1941 г. действовала новая **«Инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе»** (хотя и до этого непрерывно действовал режим обмена информацией). Документ был подписан наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым, заместителем наркома внутренних дел СССР (по пограничным войскам) И. Масленниковым, начальником РУ ГШ НКО Ф.И. Голиковым и начальником РУ НК ВМФ Н. Зуйковым. **Один из важнейших пунктов инструкции гласил, что разведывательные органы НКО, НК ВМФ, НКВД и НКГБ как в Центре, так и на местах должны в целях наиболее пол-**

[108] Военно-исторический журнал, 2008, № 1. С. 30. Небольшое уточнение. Согласно выпискам из журналов записи лиц, принятых И.В. Сталиным в период с июля 1940 г. по июнь 1941 г. (включительно), генерал-лейтенант Ф.И. Голиков был у Сталина три раза: 11 октября 1940 г. с 21 ч 45 мин до 22 ч 25 мин; 20 ноября 1940 г. с 23 ч 40 мин до 0 ч 15 мин (в присутствии председателя СНК СССР и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова и тов. Герасимова); 11 апреля 1941 г. с 23 ч 15 мин до 23 ч 45 мин (в присутствии В.М. Молотова и заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского). Перечни обсужденных у И.В. Сталина вопросов в опубликованных выписках из журналов отсутствуют. См. 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. I. С. 282, 331; Кн. 2. С. 7.

ного и своевременного использования разведывательных материалов осуществлять взаимный обмен этими материалами[109]. Подобная практика существовал и ранее. Просто перед войной ее усилили.

Если еще вспомнить о другом, например, о том, что среди документов фонда Политического архива МИД ФРГ, в котором хранятся также и донесения, поступившие в мае—июне 1941 г. из Москвы в Берлин через германский разведцентр в Праге «Информационенштелле III», а также по другим каналам, есть не вызывающее никаких сомнений у специалистов сообщение, из содержания которого видно, что, **по данным германской разведки, Генеральный штаб РККА, то есть лично Жуков, считал — подчеркиваю, по состоянию на май 1941 г., — возможным удар Германии по трем направлениям: из Восточной Пруссии на Ленинград (полоса ответственности ПРИБОВО), из района Варшавы — через Брест, Минск и Смоленск (полоса ответственности ЗАПОВО) на Москву, из района Люблина (Южная Польша) и с территории Румынии (полоса ответственности КОВО и ОДВО) — на Киев[110].**

Еще более поразительно то, что среди последних предвоенных разведывательных донесений агентуры германской разведки из Москвы есть сообщение о том, что **«наиболее вероятным и опасным направлением возможного удара Германии по СССР в Кремле считают северо-западное — из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Ленинград, что именно здесь, по мнению советского руководства, должны будут развернуться главные сражения германо-советской войны[111]. То есть, если обобщенно, наше высшее военное командование, по сути дела, всерьез прогнозировало 50 % сути основного замысла операции «Вариант Барбаросса», проще говоря, 50 % замысла основного удара вермахта левым крылом.**

---

[109] *Лота В.И.* РКС. Разведывательный клуб союзников. М., 2016. С. 64—65.

[110] *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 65—66 с массированными ссылками на документы указанного фонда Политического архива МИД ФРГ.

[111] *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 65—66 с массированными ссылками на документы указанного фонда Политического архива МИД ФРГ.

Хуже того. Даже высшее военное командование Третьего рейха, оказывается, действительно прекрасно знало об очень высокой степени осведомленности высшего советского командования о планах германского командования, что подтверждается немецкими документами. Так, **14 мая 1941 г. от агента «Старшина» резидентура внешней разведки НКГБ СССР в Берлине получила сведения о том, что «в штабе авиации опубликован приказ верховного командования вооруженных сил, датированный 7 мая. В приказе говорится, что германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу»[112].** Если это так, то сие означает серьезную утечку совершенно секретной информации из Генерального штаба и аппарата ГРУ…

Так что кровавая трагедия 22 июня 1941 г. произошла не потому, что советская разведка (как сообщество разведывательных служб СССР) не смогла установить планы германского командования и точную дату нападения. Заявлять об этом и тем более постоянно талдычить об этом в наше время, когда открыты многие архивы, рассекречено и опубликовано колоссальное количество документов различных разведывательных служб СССР — бессовестно, не говоря уже о том, что просто подло. Уже и за океаном поняли, что все это ложь и клевета. Вот научно обоснованное мнение американского историка, профессора Техасского университета **Роджера Риза.** В 2003 г. он опубликовал книгу **«Сталинские солдаты поневоле: социальная история Красной Армии. 1925—1941 гг.»,** в которой попытался вскрыть подлинные причины катастрофы Красной Армии в 1941 году. Его вывод не менее шокирующий: **«Большинство нападок на Сталина (а соответственно также и на разведку. —** *А.М.*) **инициировали советские военные, им же принадлежит формулировка причин отступления в 1941 г. Одна из целей представляется достаточно ясной: избежать ответственности за бедствия. Несмотря на случайные вкрапления правды, многие из этих аргументов просто не выдерживают критики.**

[112] 100 лет Службе Внешней Разведки Российской Федерации. Документы и свидетельства. Юбилейное издание. М., 2020. С. 81.

Легенды о катастрофической "внезапности" зародились в командирской среде в первые недели войны и охотно распространялись самими военными для оправдания своих не слишком успешных боевых действий. Неприятная для многих командиров истина состоит в том, что германское нападение было неожиданным только для гражданского населения СССР[113], но не для... военачальников...»[114]

Р. Риза трудно упрекнуть в просоветских симпатиях, тем более к Сталину (и советским спецслужбам), чьё имя и на Западе, и в России то и дело служит поводом для распространения всевозможных небылиц, лжи и мифов, в том числе и устами высокопоставленных лиц, не исключая высших государственных мужей. И тем особенно интересна его книга. Ибо Риз даёт жёсткую и, как ни странно, строго научно обоснованную отповедь мифам, порождённым небезызвестным хрущёвским «закрытым» докладом перед делегатами XX съезда КПСС[115], не говоря уже о всевозможных мемуарах маршалов и генералов. Кстати говоря, по исключительно аргументированному мнению другого заокеанского ученого-историка — Г. Ферра — из **61** положения того самого доклада Хрущева нет ни одного правдивого, все без исключения лживы и фальшивы[116].

И если подвести окончательный итог всему сказанному выше в этой главе, то с полным на то основанием можно категорично утверждать, что кровавая трагедия 22 июня 1941 г. ни в малейшей степени не связана с какой бы то ни было внезапностью, незнанием стратегии, тактики, оперативных планов германского командования, группировок вторжения, сил и вооружений противника, времени, точной даты и часа начала нападения. Тем более по вине Сталина. Особенно в силу его якобы каких-то просчетов, ошибок, недооценок или переоценок сложившейся накануне войны ситуации и намерений Гитлера.

---

[113] Далеко не для всего гражданского населения Советского Союза — жители приграничных районов СССР прекрасно знали, что **«22 июня ровно в четыре часа...» начнется война и даже предупреждали об этом военных.**

[114] Цит. по: *Бобров В.Л.* Большая ложь о Великой Войне. Спецназ России, 2003, № 5.

[115] Данные о книге Р. Риза приводятся по: *Бобров В.Л.* Большая ложь о Великой Войне. Спецназ России, 2003, № 5.

[116] *Ферр Гровер.* Антисталинская подлость. Пер. с англ. М., 2007. *Он же*: Тени XX съезда или антисталинская подлость. Пер. с англ. М., 2010.

Глава 2

Уповал ли Сталин на то, что пока Гитлер не разберется с Англией, он не рискнет напасть на СССР, переносил ли фюрер дату нападения на СССР, какую роль в этих упованиях Сталина и переносах Гитлером даты нападения сыграл и сыграл ли вообще государственный переворот в Королевстве Югославия весной 1941 года?

Одним из особо подлых «коронных номеров» при нападках на Сталина из-за трагедии 22 июня 1941 г. давно стало абсолютно неадекватное историческим реалиям утверждение о том, что-де он полагал, что Гитлер не рискнет развязать войну на два фронта, проще говоря, пока не разберется с Англией, то не рискнет нападать на СССР. В любом исследовании на тему кануна войны и ее трагического начала — что в советские времена, что в постсоветский период, по сию же пору всенепременно содержатся разной степени резкости выпады в адрес Сталина (а заодно и разведки) по этому вопросу. Фактически это стало уже каким-то особым «ритуалом» — обязательно охать Сталина по этому вопросу. Из-за этого же серьезно достается также и разведке.

Всенепременным «прицепом» к подобным утверждениям обязательно «пришпандоривается» (термин великого Аркадия Райкина) не менее подлое утверждение о том, что-де ради того, чтобы оттянуть время неумолимо приближавшегося нападения гитлеровской Германии, советские спецслужбы совместно с коммунистами Югославии устроили государственный переворот в этой стране в марте 1941 г., и тем самым Гитлер был вынужден еще раз перенести дату нападения на СССР.

А, что называется, до кучи пристегивается еще и абсолютно не соответствующее реальным историческим фактам и давно рассекреченным и опубликованным документам утверждение, что-де Гитлер неоднократно переносил дату нападения, причем якобы государственный переворот в Югославии весной 1941 г. сыграл едва ли не одну из решающих ролей в переносе даты нападения на 22 июня 1941 года.

Наконец, через 15 лет после начала войны свою идиотскую лепту в распространение этого многоаспектного мифа внес и пресловутый кукурузник — Никитка Кузькина Мать, он же Н.С. Хрущёв, о чем скажем отдельно.

Когда точно родилась эта комплексная глупость и кто конкретно ее породил — установить невозможно, но парадокс заключается в том, что никогда ни один из исследователей не удосуживался более внимательно, более тщательно подойти к исследованию этого весьма сложного вопроса. Впрочем, не делали этого даже представители официальной истории. Причем даже в постсоветское время, когда уже были рассекречены и официально преданы гласности путем различных публикаций донесения различных разведывательных служб и дипломатии СССР именно по этому вопросу. Не говоря уже о том, чтобы сопоставить их с опубликованными данными югославской компартии. Между тем, если бы это было сделано, то любой, даже маловменяемый исследователь, едва ли не автоматически вынужден был бы признать, что не водилось за Сталиным такого греха. Проще говоря, не уповал он на то, что пока Гитлер не разберется с Англией, он не рискнет нападать на СССР, хотя и всерьез считался с немалым риском иного поворота (и других зигзагов) событий, но вне зависимости от этого предпринимал все необходимые меры по подготовке страны к отражению гитлеровской агрессии. И уж тем более не устраивал он государственный переворот в Югославии. Как, впрочем, и Гитлер никогда, тем более неоднократно, не переносил дату нападения на СССР.

И вот чтобы в дальнейшем не сталкиваться с необходимостью детального разоблачения всех составляющих этого, увы, постоянно эксплуатируемого мифа, а они — как подводные камни — будут по-

падаться на всем пути нашего расследования, осуществим это прямо сейчас.

Как ни странно, начать придется с той части этого многоаспектного мифа, в которой утверждается, что Гитлер якобы неоднократно менял дату нападения на СССР. На этом постоянно спекулируют практически во всех исследованиях и высказываниях о кануне войны, причем нередко делая из этих спекуляций даже некое, но весьма кривоватое подобие не то оправдания и разведки, и Сталина за столь трагическое начало войны, не то обвинение…

§ 1. Сколь бы парадоксально сие ни прозвучало, однако Гитлер никогда радикально не менял дату нападения на СССР, тем более неоднократно!

Это абсолютно неадекватный историческим реалиям миф, ибо эта сволочь коричневая изначально задумала нападение на 21 июня 1941 года, держа в уме до 30 апреля 1941 г. окончательно точную дату нападения, которая отличалась от упомянутой в его директивных документах всего лишь на три часа по берлинскому (среднеевропейскому) времени!

Да, невозможно отрицать, что в то время советская разведка не располагала текстом самой директивы **№ 21 от 18 декабря 1940 г. —** плана **«Вариант Барбаросса».** Он оказался в руках СССР только после победного 9 Мая 1945 г. План **«Вариант Барбаросса»** был обнаружен в 1945 г. при разборе захваченных трофейных документов гитлеровского военного командования. **Впервые полностью опубликован в газете «Правда» 28 ноября 1945 г.**

В сборнике «**Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России»**, на который ссылается автор настоящей книги, его текст приведен по следующему изданию: В.И. Дашичев. **«Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы».** В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» 1941—1945 гг. М., 1973.

Так вот прямо в преамбуле плана **«Вариант Барбаросса»** указано: **«Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»**[117] Но ведь дата окончания необходимых приготовлений не есть установленная верховным командованием дата нападения, так как быть ею не может по определению.

Вот откуда «поплыла» очень многим помутившая мозги дата **15 мая 1941 г. — как якобы дата нападения на СССР.** Уж сейчас-то не надо оспаривать, что это не соответствует исторической реальности. Но она «поплыла» всего лишь как дезинформация, хотя в каком-то смысле даже точная информация, но о чем конкретно — ведь тогда, в 1941 г., не знали. Всего было составлено **9** экземпляров **директивы № 21, шесть** из которых Гитлер держал у себя в сейфе, а **три** были у командующих трех ударных группировок армий. И никто из советских агентов своими собственными глазами не видел этот документ, по крайней мере на момент издания настоящей книги никаких других данных на этот счет нет, да и вряд ли что-либо на эту тему предвидится в ближайшем будущем.

Сведения же, которые передавали агенты, проистекали главным образом из их вербального общения с теми или иными носителями той или иной части секретной информации, а также слухов, которые уже агентами, но еще более самой разведкой трактовались весьма однобоко — раз (подготовительные) мероприятия должны быть закончены к этой дате, значит, и нападение якобы должно произойти тогда же.

Но ведь и распространители слухов, а также те, кто «по секрету» сообщал агентам ту или иную информацию, всех деталей тоже не знали. И, обратите на это особое внимание, никто из агентов и иных источников советских разведывательных служб никогда и не утверждал, что речь идет всего лишь **о «приготовлениях, требующих более продолжительного времени, которые, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.».** К слову сказать,

[117] Коллектив авторов. «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России». М., 1995. С. 188.

полное завершение **«приготовлений, требующих более продолжительного времени»,** а под этим выражением подразумевалось прежде всего выполнение плана железнодорожного строительства в рамках программы **«Отто»** (подготовка к вторжению в СССР), произошло **только к 15 июня 1941 г.,** хотя должно было произойти **еще 10 мая 1941 г.**[118]

Многим исследователям, постоянно оперирующим не до конца осознанными, но вырванными из ее текста отдельными положениями директивы № 21, каким-то мистическим образом удается обходить стороной ту часть этой директивы, в которой прямо указано: **«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я** (то есть Гитлер. — *А.М.*) **отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции»**[119]**. То есть за 56 дней до нападения!**

Еще более парадоксально, но факт, что от остро необходимого в данном случае пристального внимания очень многих исследователей не менее мистическим образом ускользают прямые констатации в тексте этой директивы, в которых ясно и однозначно указано, подчеркиваю, **еще 18 декабря 1940 г. было указано, что срок начала операции уже намечен, а точная конкретная дата будет озвучена только за 56 дней до нападения. В приведенной выше цитате из директивы № 21 эти констатации выделены не только жирным шрифтом, но еще и подчеркнуты.**

В итоге преступник № 1 всех времен и народов так и сделал — **впервые точная дата нападения была озвучена им перед своими генералами только 30 апреля 1941 г. — по факту получилось, что он объявил дату за 53 дня до нападения!**

Но тогда, в 1941 г., все это не было известно, тем более в деталях, не говоря уже о документальном подтверждении. По крайней мере, никаких сведений на этот счет в открытом доступе нет, зацепиться не

[118] *Верхотуров Д.Н.* Фиаско 1941: Трусость или Измена? М., 2015. С. 89 со ссылкой на немецкие источники.

[119] Коллектив авторов. «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России». М., 1995. С. 88.

за что. Но сейчас-то, когда уже давным-давно все известно и опубликовано, можно же не вводить своих читателей и зрителей в откровенное заблуждение заявлениями о том, что Гитлер якобы преднамеренно и неоднократно менял даты нападения?!

Забегая вперед, сразу же отмечу, что буквально через несколько дней после **30 апреля 1941 г.** в донесениях советской разведки **уже безапелляционно настойчиво зазвучал июнь месяц, как именно тот самый временной промежуток, в течение которого следует ожидать нападения, с постепенной, но ускоряющейся по частоте упоминания конкретизацией на середину — двадцатые числа этого месяца.** Хотя сам июнь месяц упоминался и раньше.

Если в директиве № 21 от 18 декабря 1941 г. был изложен замысел операции «Вариант Барбаросса», а также вскользь упомянуто, что срок нападения уже намечен, то вот в разработанной по распоряжению Гитлера другой директиве, подписанной командующим сухопутными войсками Германии Браухичем — **от 31 января 1941 г. —** которая называлась «**Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск («Вариант Барбаросса»)»,** впервые письменно была указана дата нападения: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день "Б") могло быть начато 21.6.»**[120] Этот документ попал в руки СССР также только после победного 9 Мая 1941 г. Но опять же, и эта дата, как оказалось, не была окончательной, что опять-таки не было известно советской разведке.

В этой директиве не случайно было указано **«чтобы наступление (день "Б") могло быть начато 21.6» —** фюрер явно страховался от возможных утечек информации, правда, зря старался...

Как видите, в своих совершенно секретных документах военного планирования агрессии против СССР ни фюрер, ни его генералы не врали — **срок нападения действительно был намечен заранее, с самого начала.** Но, еще раз подчеркиваю это обстоятельство, тогда,

[120] Коллектив авторов. «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России». М., 1995. С. 206.

в 1941 г., советские разведывательные службы документально не знали этого. По крайней мере, на момент издания книги иных данных на этот счет, увы, не имеется.

Не имея прямого доступа к особо секретным документам высшего командования, — к сожалению, на сегодня иное практически неизвестно, — источники разведки поглощали те слухи и сведения, которые так или иначе выбалтывали их визави по общению, которые распространяли, причем далеко не всегда умышленно, лица, выполнявшие различные приказы высшего командования Третьего рейха по реализации положений упомянутых выше директив, прежде всего директивы № 21. К примеру, наш агент имел беседу с каким-то генералом, который рассказал, что ему поручено сделать то-то и то-то к 15 мая, а другим его коллегам поручено сделать другое, но к 1 июня. И что, эти две даты надо воспринимать как даты нападения? Нет, естественно. К слову сказать, военная разведка, чье мнение в таких случаях играет ключевую роль, всегда точно и жестко определяет разницу между понятиями **«закончить такие-то мероприятия к такому-то числу»** и **«назначить датой нападения такое-то число такого-то месяца текущего года».**

Так что, в сущности-то, поступавшие от различных источников данные о различных датах в подавляющем большинстве случаев не преднамеренная дезинформация германского командования (хотя и это также имело место быть) и уж тем более не неоднократные переносы Гитлером даты нападения. Это всего лишь, еще раз обращаю на это внимание, особенности восприятия и агентурой, и непосредственно разведкой разнобоя в сообщаемых различными источниками датах и сроках в и без того противоречивых данных. Увы, это имеет место быть в разведывательной деятельности.

А нападение Германии на СССР началось, как известно, в 3 часа утра по берлинскому (среднеевропейскому) времени (в 4 часа утра по московскому времени) 22 июня 1941 г.!

Исторической точности и объективности ради следует указать также и тот факт, что 14 июня 1941 г. на совещании у Гитлера в Берлине были заслушаны доклады командующих группами ар-

мий, армиями, танковыми группами и равных им командующих ВМС и ВВС о готовности к выполнению плана «Барбаросса». Там же были уточнены последние детали нападения. Было решено, что начало наступления переносится с 3.30 (первоначально установленное время начала нападения на СССР согласно директиве от 10 июня 1941 г. начальника Генерального штаба Ф. Гальдера, о чем подробно будет сказано ниже, но забегая вперед отметим, что час начала агрессии, как, впрочем, и саму дату нападения советской разведке все-таки удалось установить с абсолютной точностью) на 3.00 22 июня 1941 г.[121]

Исходя из приведенных выше данных, расценивать подобные незначительные корректировки даты нападения и часа начала агрессии как неоднократные переносы будет означать, вежливо говоря, отсутствие способности здраво воспринимать документальную информацию, не говоря уже о фактически преднамеренном игнорировании давно опубликованных исторических документов!

§ 2. До нападения на СССР Гитлер проявлял в отношении Англии какое-то странноватое подобие подобострастной алогичности, зачастую превращавшееся в не менее странноватое подобие алогичного подобострастия.

Истоки столь странноватого поведения Гитлера в отношении Англии следует искать прежде всего в его поганой книжонке «Майн кампф». Речь идет о постоянно цитируемом во всех без исключения исследованиях о Второй мировой войне следующем пассаже бесноватого фюрера: **«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени** (т.е. до Первой мировой войны XX в. — *А.М.*). **Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на Юг и Запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную**

[121] 1941 — уроки и выводы. М., 1992. Приводится по Интернету.

и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь»[122]. На протяжении всего послевоенного периода вплоть до наших времен в отечественных исследованиях о Второй мировой и Великой Отечественной войнах при цитировании приведенного выше пассажа фюрера поразительнейшим образом исчезает его начальная часть. Между тем перед этим Гитлер изволил рассуждать о союзе с Англией и преимуществах этого союза. И что начало приведенной выше цитаты в действительности выглядит так: **«Этим альянсом мы, национал-социалисты...»[123]**

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что Гитлер в буквальном смысле слова был повязан финансовыми путами и обязательствами перед западным финансовым капиталом. Так, в своем выступлении на радио «Спутник» 4 марта 2021 г. авторитетный доктор политологических наук и бывший сотрудник органов госбезопасности Игорь Панарин заявил, что «Банк Англии еще в 1932 году финансировал избирательную кампанию Гитлера, и фактически с помощью денег британского государственного банка Гитлер и пришел к власти». Другим спонсором Гитлера, по обоснованному утверждению Игоря Панарина, были Морганы — одна из старейших и крупнейших финансовых групп США, имевшая отношение к британской разведке[124].

* * *

Во-первых, уважаемый коллега Панарин не совсем точно выразился. Гитлер не пришел к власти в результате избирательной кампании — он и его партия в 1932 г. не добились реального большинства в парламенте, в связи с чем он и его окружение пребывали в глубо-

[122] Этот пассаж изложен на стр. 296—297 немецкого издания поганой книжонки фюрера в 1940 г.

[123] Там же.

[124] https://sputnik.by/radio/20210304/1047032864/Kto-na-samom-dele-sponsiroval-Gitlera-Politolog-o-rassekrechennykh-dokumentakh.html

ком ступоре. В действительности же Гитлер был приведен к власти в результате откровенного шантажа президента Веймарской Германии Гиндебурга угрозой оглашения его криминально-коррупционных делишек. Проще говоря, Гинденбург круто поучаствовал в разворовывании государственных средств, но скрывал это — вот его и прижали финансовые магнаты безапелляционно жестким требованием назначить Гитлера рейхсканцлером, что он и сделал 30 января 1933 г., иначе престарелый фельдмаршал вошел бы в историю как банальный ворюга.

Во-вторых, Гитлера финансировали не только Банк Англии и Морганы. Это исчадие ада еще с 1929 г. финансировали американский банкир Сидней Уорбург — передал тогда партии Гитлера 10 млн долларов, в 1931 г. — еще 15 млн долларов[125]. Причем первая банковская проводка средств для Гитлера была осуществлена через амстердамский банкирский дом «Мендельсон и К°» на счета берлинского банкирского дома «Мендельсон и К°». Кстати, именно на эти средства Гитлер приобрел для своей партии трехэтажный особняк в Мюнхене, прославившийся затем как штаб-квартира НСДАП, или просто «Коричневый дом». И на эти же средства в сентябре 1929 г. Гитлер впервые приобрел для себя квартиру из девяти комнат в самом фешенебельном районе Мюнхена. Впоследствии финансовые каналы банкирского дома «Мендельсон и К°» неоднократно использовались для перевода гигантских по тем временам валютных, в том числе и долларовых, «инъекций» Гитлеру, которые осуществляли также и американские банкиры Лимэны, Лазары из США и Лазары из Лондона, Макс Варбург из Гамбурга и Феликс Варбург из Нью-Йорка (Варбург — немецкое звучание фамилии Уорбургов, это все родственники. — *А.М.*), Мендельсоны из многих стран Старого Света и влиятельнейшие немецкие банкиры Бляйхрёдеры. Как правило, банковские операции по финансированию Гитлера и его партии осуществлялись также и при

[125] См. Einheit. 1949. № 1. S. 74. *Гинцберг Л.И.* О связях реакционных кругов США и Англии с гитлеровской партией//Вопросы истории. 1955. № 2. С. 106; *Гус М.* Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М., 1951. С. 28.

помощи Роттердамского банковского консорциума и Римского коммерческого банка. Только в первой половине 30-х гг. прошлого века Гитлер получил по этим каналам свыше 126 млн долларов[126].

* * *

Но когда столь откровенно взращенный западным финансовым капиталом ради нападения на СССР и его уничтожения главарь бандитского Третьего рейха посмел заключить договор о ненападении с СССР, то Англия отвесила ему более чем звонкую оплеуху, обвинив его ни много ни мало… **в «клятвопреступлении».** Именно такое обвинение в адрес фюрера бросил не кто иной, как министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс по прозвищу «Святая лиса» (по-английски **HALIFAX — HOLY FOX —** весьма созвучны, чем и воспользовались острые на язык британские журналисты)[127]. А ведь всего несколько месяцев назад — **2 января 1939 г.** — журнал **«Тайм»** назвал Гитлера **«Человеком года»** по итогам 1938 г. — судя по всему, за варварский антиеврейский погром в общегерманском масштабе, который вошел в историю под печальным названием **«Хрустальная ночь»,** и при этом **пожелал фюреру сделать «1939 г. таким, о котором мы еще долго будем вспоминать».** Он так и сделал! С тех пор каждое 1 сентября каждого года весь мир судорожно икает, вспоминая начало Второй мировой войны. А 3 сентября 1939 г. Англия отвесила фюреру вторую, еще более звонкую оплеуху, объявив Германии войну, из-за чего коричневый баран и вовсе впал в ступор, но войну против Польши не прекратил.

Вот откуда проистекали безуспешные попытки Гитлера примириться с Англией сразу же после разгрома Польши в 1939 г., в связи с чем по каналам абвера уже в октябре 1939 г. были установлены необходимые контакты и неофициально велись зондирующие конфиденциальные переговоры, и его остро негативно воспринятый высшим генералитетом рейха пресловутый стоп-приказ в момент, когда вер-

[126] См.: *Кожинов В.В.* Великая война России. Почему непобедим русский народ? М., 2005. С. 270.

[127] См.: Вопросы истории. 1989, № 4. С. 182—183.

махт прижал к водам Ла-Манша английский экспедиционный корпус (а также французские войска) в Дюнкерке, что позволило английскому правительству эвакуировать свои войска на остров, и его повторную попытку примириться с Англией в июле 1940 г., и конфиденциальные зондирующие переговоры в Женеве в августе 1940 г. между влиятельными представителями правящих кругов Англии и эмиссарами Рудольфа Гесса, и мирную оккупацию некоторых малых принадлежащих Англии островов, где немецкая администрация мирно уживалась с английской, и направление Рудольфа Гесса в Англию с целью заключения сепаратного мира на якобы взаимоприемлемых условиях, и т.п.

Но наиболее ярко эти странности проявились в истории разработки операции «Морской лев» (план высадки в Англии) и демонстративных попытках ее реализации.

Алогичность в действиях Гитлера по отношению к Англии стала проявляться еще до окончания западного похода вермахта. 14 июня 1940 г. Гитлер издал приказ о демобилизации **39** дивизий и поэтапном сокращении вермахта «до уровня мирного времени». **500 тыс.** военнослужащих предусматривалось возвратить в сферу промышленности Германии. Однако уже в середине июля 1940 г. Гитлер отменил эти меры[128].

16 июля 1940 г. фюрер подписал **директиву № 16,** она же операция **«Морской лев»** (план высадки в Англии). Быть может, именно в тот момент советские разведывательные службы не зафиксировали такой факт. Быть может, потому, что достоверных данных на этот счет нет, зацепиться не за что, по крайней мере на момент публикации настоящей книги такие данные в открытом доступе не обнаружены. Зато точно известно другое — что всего-то через три дня, **19 июля 1940 г.,** Гитлер **публично** предложил Англии мир без всяких условий, что, естественно, стало известно и Москве, потому как это предложение он сделал в процессе выступления в рейхстаге, на что, естественно, обратили внимание и советское (тогда) полпредство и, конечно же, резидентуры внешней и военной разведки, о чем и сообщили в Москву.

[128] Zwei Wege nach Moskau. München, 1991. S. 115, 121.

Правительство Англии, само собой разумеется, с порога отвергло это предложение. Отвечая на эти «предложения» по поручению своего правительства, лорд Галифакс в выступлении по радио **22 июля 1940 г.** охарактеризовал их как **«призыв сдаться на милость врагу, вознамерившемуся подорвать мощь Британии»**[129].

К слову сказать, со стороны Германии летом 1940 г. предпринимались и иные различные акции относительно возможности «мирного урегулирования» в Европе.

Выше уже отмечалось, что непосредственно о войне против СССР верхушка вермахта завела разговор еще 25 июня 1940 г., то есть уже на третий день после подписания перемирия в Компьене, при обсуждении итогов кампании на Западе[130].

В последующие дни проблема поворота внимания Германии с Запада на Восток обсуждалась представителями высшего немецко-фашистского командования в частном порядке. Официально вопрос о войне против СССР был обсужден **21 июля 1940 г.** на совещании Гитлера с командующими видами вооруженных сил, где были определены основные цели и замысел похода на Восток[131].

Исходя из полученных указаний, главнокомандующий сухопутными войсками Браухич 22 июля 1940 г. поручил начальнику Генерального штаба ОКХ Гальдеру начать предварительную разработку замысла похода на Восток, представить предложения о необходимых силах, сроках и районах стратегического развертывания, операционных направлениях и т.д. Аналогичные указания начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель дал начальнику штаба оперативного руководства генералу артиллерии А. Йодлю. По поручению главнокомандующего ВМС гросс-адмирала Э. Редера начальник оперативного управления Главного штаба ВМС контр-адмирал К. Фрикке к 28 июля подготовил «Соображения о России», в которых изложил позицию своего командования по поводу войны против СССР.

---

[129] Earl of Halifax. Fullness of days. L., 1957. P. 224.

[130] *Шпеер А.* Воспоминания (на нем. яз.). Франкфурт н/М., 1968. С. 188.

[131] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 60.

По какому-то «мистическому совпадению» именно 22 июля 1940 г., вручая главе Управления специальных операций английской разведки (УСО МИ-6. — *А.М.*) Хью Дальтону Хартию УСО, то есть Положение об УСО, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль отдал следующий приказ — «Теперь разожгите в Европе пожар»[132].

* * *

«Мистика» состоит в том, что идея нападения на СССР и его разгрома изначально напрямую увязывалась с возможностью победы над Англией и установлением гегемонии Германии во всей Европе, включая и Балканы, суть чего Гитлер сформулировал на совещании с руководителями вермахта **31 июля 1940 г.** Заслушав их предложения о замысле войны против СССР, фюрер заявил своим генералам: **«Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком... Продолжительность операции — пять месяцев»[133].**

Каким образом получилось так, что именно в это самое время Черчилль отдал упомянутый выше приказ, который можно было исполнить только на восточном азимуте, то есть против СССР, — увы, никогда не установить с абсолютной точностью. Но ведь мистических совпадений в политике, тем более высшей мировой политике, отродясь не бывало, не бывает и никогда не будет. Значит, как минимум Черчилль очень трезво и, увы, очень точно — явно не без помощи разведки — оценил сложившуюся после разгрома Франции ситуацию в Европе и понял именно то и так, что и как Гитлер заявил своим генералам 31 июля 1940 г. Если по-простому, то и Гитлер ясно понимал, на кого может надеяться Англия, а Черчилль — практически абсолютно точно понял ход мыслей Гитлера.

---

[132] *Найтли Ф.* Шпионы XX века. М., 1994. С. 118.

[133] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 80—81.

* * *

Получив такой приказ, мужики из УСО МИ-6 столь резво принялись исполнять этот приказ, что, впрочем, им было не впервой, что чуть позже в Москву по каналам разведки по нарастающей стали поступать сведения (в том числе и даже в первую очередь от выдающегося советского разведчика, блестящего представителя легендарной «кембриджской пятерки» ценнейших источников советской внешней разведки Кима Филби) о том, что «британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР», что «британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом», что, по этим слухам, войну должен был начать СССР превентивным ударом в направлении Южной Польши, а также что «британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне...», «об усилившихся контактах зондирующего характера британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта»[134]. «Естественно», за счет нанесения прямого ущерба СССР (России) — по-другому Великобритания патологически не может[135]. К слову сказать, подобными, вежливо говоря, неблаговидными делишками английская разведка занялась сразу же после того, как стало известно о подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Да и до этого немало нагрешила на этой же стезе…

* * *

Слегка отвлекаясь от генеральной линии, не могу не отметить, что идея контрнаступления советских войск в направлении Южной Поль-

[134] *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136.

[135] **Для сведения читателей.** Буквально на следующий же день после нападения Германии на СССР советская разведка зафиксировала зондаж-переговоры между британским и германским послами в Турции при посредничестве министра иностранных дел этой страны, которые были посвящены обсуждению условий сговора Лондона и Берлина против Москвы по принципу **«мир на Западе в обмен на полную свободу рук на Востоке»** (Журнал «Молодая гвардия». М., 1995. С. 342). Вот такие у нас были союзники по антигитлеровской коалиции!..

ши с 14 октября 1940 г. действительно фигурировала в самом секретном документе военного планирования того времени — находившихся в статусе в целом одобренных высшим руководством СССР, но официально и письменно им не утвержденных **«Соображениях о стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.»,** которые требовалось еще доработать (было поставлено требование разработать два варианта — **«северный» и «южный»**), в связи с чем в них постоянно вносились различные дополнения и изменения. Об этом речь еще впереди.

Здесь же для нас главным является тот факт, что, по сути дела, имела место утечка за рубеж сведений и о самом этом сверхсекретном документе того времени, и тем более о его содержании. Особое звучание этому факту придают следующие данные. **Во-первых,** у британской разведки еще с начала 30-х годов был очень хорошо информированный обо всех мобилизационных мероприятиях СССР агент в самом высшем звене кремлевского руководства. Его непосредственным куратором был тогда майор (впоследствии полковник) британской разведки Гарольд Гибсон, в прошлом — до октября 1938 г. — региональный резидент МИ-6 в Праге, где он лично организовывал необходимые для официального Лондона условия для совершения Мюнхенской сделки, едва ли не в прямом смысле слова выкручивая руки чехословацкому руководству, особенно президенту Чехословакии Эдуарду Бенешу. А до этого Г. Гибсон активно участвовал в заваливании заговора Тухачевского в 1937 г. Впервые утечку мобинформации в МИ-6 советская разведка обнаружила еще в 1936 г. с помощью блестящего агента из «кембриджской пятерки» — Дональда Маклина. Однако вследствие предательской деятельности наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды этой информации не был дан ход. Вторично советская разведка вышла на этого же агента только в самом конце 1940 г., и опять-таки с помощью представителя «кембриджской пятерки» — благодаря А. Бланту. На этот раз удалось наконец разоблачить агента и поставить его к стенке. Как выяснилось, этот агент работал в секретариате члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна[136].

[136] *Попов В.* Советник Королевы — Суперагент Кремля. М., 1995. С. 86; *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. М., 1995. С. 224 со ссылкой на Архив СВР, Дело Маклина. № 83791. Т. 1. С. 75—82.

Во-вторых, 4 января 1941 г. в ГРУ поступило сообщение резидента ГРУ в Белграде генерал-майора А.Г. Самохина (оперативный псевдоним — **Софокл**), в котором содержались выдержки из доклада югославского Генштаба, констатировавшего международную ситуацию на тот момент. Одна из выдержек гласила: **«...Россия имеет новый оперативный план... где центр тяжести будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе... Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...»**[137]

Не вникая пока в суть того, какое могло быть дело югославскому Генштабу до нашего плана отражения агрессии (об этом чуть позже), отметим, что поразительно, но факт, что содержание этого сообщения белградского резидента ГРУ почти полностью — за исключением одного аспекта — совпало с приведенной выше информацией легендарного советского разведчика Кима Филби, в частности, с той ее частью, где говорилось о том, что неизбежную войну между Германией и Советским Союзом **(якобы) должен начать СССР превентивным ударом в направлении Южной Польши.**

---

[137] Это свидетельство было почерпнуто на **201-й странице** интересной книги **«Без грифа "Секретно". Тайны архивов и материалов спецслужб».** Ее автор — доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского университета Игорь Николаевич Кузнецов. Книга вышла в ростовском издательстве «Феникс» в 2007 г. К сожалению, И.Н. Кузнецов не указал точной ссылки на источник, из которого он взял этот факт. Во время телефонной попытки автора настоящей книги все-таки уточнить источник столь важного факта, Кузнецов сослался на то, что это была давнишняя газетная публикация в одном из петербургских печатных СМИ, вырезку из которого он потерял. Предпринятые меры по проверке данного факта, увы, до сих пор не увенчались успехом — среди официально рассекреченных и преданных гласности на данный момент, в том числе и путем публикаций, сведений такое сообщение белградского резидента ГРУ найти до настоящего времени не представилось возможным. Не исключено, что, быть может, эта информация официально и не рассекречена, или, что, наверное, будет более точно, рассекречена, но официально так и не опубликована, потому как ее содержание, мягко выражаясь, очень уж удручающее и наводит на очень грустные мысли. Однако, учитывая, что остальное содержание книги И.Н. Кузнецова изложено с хорошим знанием многих специфических особенностей истории спецслужб и отличается достоверностью, автор рискнул принять во внимание упомянутый им факт и использовал его в своих книгах.

В-третьих, среди высшего советского военного руководства того времени в полном объеме содержание документа знали только четверо — Тимошенко, Мерецков, Ватутин и Василевский, но из этой четверки только один плотно контактировал с югославами. Осенью 1940 г. и вплоть до середины января 1941 г. в силу целого ряда внешнеполитических обстоятельств, связанных с ситуацией на Балканах, с посланником Королевства Югославии в СССР и **особенно югославским военным атташе по указанию советского правительства встречался и вел с ними секретные переговоры начальник Генерального штаба РККА генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков[138].**

* * *

Начавшаяся 5 августа 1940 г. воздушная битва за Англию, особенно итоги ее первого этапа, ясно показала командованию вермахта и самому Гитлеру, что надеяться на успех операции «Морской лев», то есть десантной операции против Англии — оснований практически нет, ибо без воздушного прикрытия она попросту провалится, едва начавшись. А Англия сопротивлялась крайне упорно и ожесточенно.

Но вот что любопытно. Уже в том же августе все того же 1940 г. в Женеве (Швейцария) состоялись конфиденциальные переговоры между группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским и уполномоченным Гесса — профессором Альбрехтом Хаусхофером (старший сын легендарного германского геополитика первой половины XX века — Карла Хаусхофера; А. Хаусхофер был арестован гестапо по делу о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. и затем казнен). Англичане тогда изъявили готовность начать мирные переговоры с Германией, выставив предварительным условием расторжение советско-германского договора о ненападении от 23.08.1939. Было известно также, что принципиально Гитлер и Гесс были согласны на это условие, но хотели отложить дальнейшие переговоры до решения своих проблем на Балканах

[138] *Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 133.

(естественно, что англичанам они такое не заявляли). По каналам разведки Москва отслеживала ход этих переговоров. И вот некоторые из последствий этих переговоров:

— **26 сентября 1940 г.** из берлинской резидентуры внешней разведки НКВД СССР в Москву поступило уже процитированное выше сообщение, основанное на данных источника **«Албанец»** (он же Хайнц Тициенс, промышленник, эмигрант, бывший царский офицер, обладавший обширными связями в ОКВ), в котором, в частности, говорилось: **«…На заседании «Комитета экономической войны» возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются»**[139]**.**

— Как уже отмечалось в предыдущей главе, в перехваченной советской разведкой телеграмме госсекретарю США **от 28 сентября 1940 г.** посол США в Москве Л. Штейнгардт отмечал, что сотрудники германского посольства в Москве (американцы тогда располагали в германском посольстве серьезными агентурными позициями, которые находились в прямом смысле под плотным «колпаком» агентурных и технических позиций советской контрразведки в этом же посольстве) **«откровенно говорят, что СССР недоволен тройственным (Берлинским) пактом (заключен между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. —** *А.М.*)**. Они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР, по их словам, на германо-советской границе находится неоправданно большое количество немецких войск. При этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет»**[140]. Естественно, что об этом своевременно было доложено Сталину.

---

[139] *Соцков Л.Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. В данном случае приводится по Интернету.

[140] FRUS. 1940. Vol. I. P. 565. Так что оценки американцев в отношении позиции СССР к Тройственному пакту были известны Лубянке, а соответственно и Сталину...

Само собой разумеется, что зимой и до весны 1941 г. включительно подобную операцию осуществить было невозможно. Это понимали и в Берлине, и в Лондоне, и, естественно, в Москве.

Дальнейшее развитие событий, их освещение разведывательными службами и дипломатией, а также особенно результаты визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. привели к тому, что уже и Сталин дал четкое определение попыткам Германии расправиться с Англией. Подводя 18 ноября 1940 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) итоги визита Молотова в Германию, Сталин выразился на этот счет более чем определенно: **«…Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовилась десантная операция»**[141].

Обратите внимание на использованные Сталиным слова **«демонстративно готовилась» — это означает, что Иосиф Виссарионович уже тогда ясно отдавал себе отчет в том, что вся эта подготовка к высадке десанта в Англии — блеф, тем более что он использовал прошедшее время!** Подчеркиваю, что уже в ноябре 1940 г. Сталин ясно осознавал это. А у нас и в третьем тысячелетии все еще есть историки, уверяющие, что-де Сталин «верил в то, что Гитлер не нападет на СССР, пока не разобьет Англию»!

В укрепление убежденности Сталина в том, что вся эта возня Германии с десантной операцией против Англии — откровенный блеф, немалую лепту внесли и советские разведывательные службы. Ниже приводятся некоторые данные из официально рассекреченных и преданных гласности путем соответствующих публикаций **Перечня донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь — июнь 1941 г.)** и **Календаря сообщений «Корсиканца» и «Старшины» (январь — июнь 1941 г.)** (цитируются только те части сообщений агентуры и резидентур разведки, в которых речь идет только об Англии. — *А.М.*).

[141] *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. М., 2005. С. 475.

Из Перечня донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь — июнь 1941 г.)[142]

7	Дож	17.1.41 г.	Март 1941 г.	В военных и дипломатических кругах говорят, что **после поражения Англии или заключения с нею мира ближайшим врагом Германии будет СССР**
12	Софокл, ВАТ	9.3.41 г.	Апрель—май	От министра двора в Белграде известно, что **германский генеральный штаб отказался от атаки английских островов**
25	Юрий (Токио)	25.3.41 г.		Наступление немцев на Англию может провалиться
27	Скорняков	11.3.41 г.	В течение 4—6 месяцев	Оценка ситуации китайским ВАТ: **«1. Вторжение в Англию в настоящее время представляется как очень трудно осуществимое дело...»**
38	«Х»	27.3.41 г.		В кругах НСДАП господствует мнение, если Германия в ближайшее время не достигнет решительной победы над Англией, то Германия выступит против СССР для захвата Украины

[142] *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940—1942. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 220—234. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941. Составитель Гаврилов В.А. М., 2008. С. 701—713.

Из Календаря
Сообщений «Корсиканца» и «Старшины»[143]

07.01.41 «Корсиканец»	В кругах, группирующихся вокруг «Херрен клуба» («Клуб господ» — влиятельная неформальная организация в Третьем рейхе — А.М.), **нарастает мнение, что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой с тем, чтобы повернуть оружие на восток**
07. 01. 41 «Корсиканец» (со слов «Старшины»)	**…Позиции Геринга все больше склоняются к заключению соглашения с Америкой и Англией**
20.3.41 «Корсиканец» (со слов О. Доннера)	**В Бельгии, помимо оккупационных войск, находится только одна активная дивизия, что является подтверждением, что военные действия против Британских островов отложены**
20.04.41 «Старшина» (со слов сотрудника штаба авиации Хольцхаузена, из наблюдения в МИД и других влиятельных кругах Германии)	**Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и поэтому необходимо заключение мира с ними…**
14.05.41 «Старшина»	**…Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны**

Естественно, что на этом информация, подтверждавшая отсутствие у Германии намерения осуществить вторжение в Англию, не исчерпывалась. Из того, что официально рассекречено и опубликовано (не только в России, но и за рубежом), достоверно известно следующее.

[143] 100 лет Службе Внешней Разведки Российской Федерации. Юбилейное издание под редакцией директора СВР РФ С.Е. Нарышкина. М., 2020. С. 79—81.

24 марта 1941 г. Лондон получил из Швеции сообщение о том, что немцы отложили вторжение на Британские острова и решили «молниеносно атаковать Россию и оккупировать ее вплоть до Урала»[144]. Обычно эту информацию, полученную от шведской радиоразведки, подают только в таком виде. На самом же деле и обстоятельства ее получения, и ее источник заслуживают особого внимания, так как подача в такой форме опускает ряд важных моментов. Дело в том, что это информация из доклада британского посла в СССР С. Криппса в Форин Оффис. А содержавшиеся в нем данные базировались на информации берлинского источника шведского посланника в Москве Вильгельма Ассарассона. И вот что интересно.

Во-первых, в этой информации был четко указан алгоритм уже запланированных Гитлером агрессивных действий.

А) Немецкий план заключается в следующем: **военные действия против Англии будут продолжены с подводных лодок и с воздуха, но вторжения не будет. В то же время будет совершено вторжение в Россию.** Проще говоря, это прямое свидетельство того, что Гитлер был откровенно готов на войну на два фронта.

Б) Вторжение (точнее, нападение на СССР. — *А.М.*) будет осуществлено тремя большими армиями: первой, базирующейся в Варшаве под командованием Бека, второй, базирующейся в Кенигсберге, третьей, базирующейся в Кракове под командованием Листа.

В) Все подготовлено до мельчайших деталей, так что нападение может быть начато в любой момент. Нападение может произойти уже в мае[145] (на неопределенность срока нападения здесь внимание обращать не будем, поскольку об этом уже достаточно было сказано в предыдущей главе).

---

[144] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L, 1970. Vol. 1. P. 604—605.

[145] Foreign Office (далее FO) 371 26518 C2924/19/18, Криппс — Форин Оффис, 24 марта 1941. V. Assarasson, I Skuggan av Stalin. Stockholm, 1963, p. 56; G. Gafencu, Prelude to the Russian campaign, London, 1945, pp. 134—136; W. Duranty, The Kremlin and the People, New York, 1942, pp. 151—152; A. Werth Moscow 1941. London, 1942, p. 133; H. Elvin, A Cockney in Moscow. London, 1958, p. 54. B. Whaley, Codeword Barbarossa. Cambridge, Mass., 1973, pp. 50—51. FO 371 26518 C2919/19/18, Криппс—Форин Оффис, памятные записки, 24—28 марта 1941.

Во-вторых, эти данные шведской радиоразведки полностью совпадали с тем, что Лондон ранее получил также из Швеции. По свидетельству видного шведского дипломата Г. Хаглофа, шведское правительство уже к началу февраля 1941 г. располагало сведениями, полученными от германского политического деятеля Карла Герделера (одного из лидеров политической оппозиции и Сопротивления в Германии и, к слову сказать, родственника агента советской внешней разведки «Старшины»), что **«Гитлер принял решение совершить генеральное нападение на Россию,** по-видимому, в конце мая месяца» (на неопределенность срока нападения обращать внимание здесь не будем, так как речь об этом уже шла в предыдущей главе), что подтверждалось также и полученными шведами в феврале и марте 1941 г. сведениями о массовых передвижениях германских войск на Восток и другими данными. Генеральный секретарь МИД Швеции Э. Богеман незамедлительно информировал об этом британского посланника в Стокгольме[146]. **Так что очень похоже на то, что берлинским источником информации В. Ассарассона был именно Карл Герделер…**

А в начале апреля 1941 г. британским правительством были получены сведения из Белграда, Вашингтона и Афин о том, что Гитлер сказал югославскому принцу-регенту о намерении начать нападение Германии на СССР **до 30 июня этого же года[147].**

Увы, но все эти сведения официальный Лондон не передал Москве, а последнюю из приведенных выше информацию англичане довели до сведения Сталина при помощи югославского посланника в Москве Милована (Милана) Гавриловича, которого откровенно подозревали — практически на грани категоричной убежденности — в сотрудничестве с английской разведкой и английским послом С. Криппсом. Что, естественно, не могло вызвать особого доверия к ней со стороны высшего советского руководства.

---

[146] *Hagloff G.* Diplomat. Memoirs of a Swedish Envoy in London, Paris, Berlin, Moscow, Washington. L, 1972, P. 169.

[147] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L, 1970. Vol. 1. P. 604—605.

Тем не менее благодаря резкой интенсификации разведывательной деятельности лондонской резидентуры внешней разведки НКВД/НКГБ СССР высшее советское руководство своевременно было ознакомлено со всеми этими сведениями. Дело в том, что, как уже отмечалось в предыдущей главе, с января 1941 г. наконец-то был восстановлен контакт с **Джоном Кернкроссом** (оперативный псевдоним **«Мольер»**) — одним из членов великолепной «кембриджской пятерки» блестящих агентов советской внешней разведки. **Дж. Кернкросс** с июня 1940 г. работал личным секретарем лорда Хэнки, который в кабинете У. Черчилля **«вел работу по линии секретных служб и был председателем десятка комиссий, которые занимались вопросами обороны, безопасности, научных исследований и др. ... К Хэнки поступали материалы из кабинета министров, спецслужб, научно-исследовательских организаций и других важных учреждений. Все они аккумулировались у Кернкросса. От Кернкросса были получены переписка МИД с посольствами, еженедельные доклады английской разведки кабинету, протоколы заседаний военного кабинета, доклады начальника Генштаба, материалы по экономической разведке и другие важные секретные документы. С января по май 1941 года от источника было получено большое количество материалов, которое свидетельствовало о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз»[148].**

Информация, которую английское правительство получило в марте, в том числе и 24 марта, а также в начале апреля 1941 г. из Швеции, прошла через руки Дж. Кернкросса, а также другого члена «кембриджской пятерки» — Дональда Маклина — и потому попала в Москву. Но не только по этому каналу. В то время советская разведка обладала уникальной возможностью для контроля и проверки исходящей из Швеции информации **— в шведской службе радиоразведки она располагала агентом по фамилии Нюблад.** В 1994 г. шведы сами предали гласности эту историю. Все, что шведы тогда чи-

[148] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 182.

тали в немецких радиограммах[149], а затем передавали в Лондон, читали также и в Москве, нередко даже раньше, чем руководство Швеции или Англии, и уж, как правило, одновременно с ними. Не говоря уже о том, что эти данные позволяли советской радиоразведке самостоятельно раскалывать немецкие коды и знать как о планах немцев, так и об уровне их осведомленности о советских войсках и предпринимаемых мерах по укреплению обороны СССР[150].

Все приведенные выше данные не менее ясно, чем ранее изложенные в этом же параграфе аналогичные сведения, показывали, что никакого намерения действительно осуществить вторжение в Англию, и тем более предпринимать какие бы то ни было реальные меры для этого, у Гитлера нет, что все, что на эту тему вбрасывалось в информационное пространство, не более чем блеф. А вот душить Англию в морской и воздушной блокадах Гитлер был настроен действительно решительно.

И все это, не говоря уже о том, что ранее не раз упоминавшийся в донесениях разведки июнь, как возможный временной отрезок, когда состоится нападение Германии, с начала мая 1941 г. уже безапелляционно настойчиво зазвучал практически во всех донесениях разведки (на момент издания настоящей книги автором установлено, что общее количество подобных информаций достигло **135) в статусе наиболее вероятного временного промежутка, когда произойдет нападение, с постепенной, но быстро ускорявшейся по частоте упоминания конкретизацией на середину — двадцатые числа этого месяца. Какая уж тут десантная операция против Англии?!**

Так что Сталин прекрасно знал, что вся эта возня вокруг якобы планируемой десантной операции против Англии — демонстративный блеф Берлина. Но зная это, он не только не уповал на такой исход, но и имел все глубоко аргументированные и потому обоснованные

[149] Заслуга в «раскалывании» немецких шифров принадлежит выдающемуся шведскому математику Арне Берлингу.

[150] *Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П.* Криптография: страницы истории тайных операций. М., 2008. С. 233—234.

резоны всерьез подозревать, скорее даже едва ли не категорически предполагать, что между Англией и Германией может быть достигнуто некое тайное соглашение, которое развязало бы Гитлеру руки на Востоке, что, собственно говоря, и случилось в итоге. **Сразу отметим главное — Англия гарантировала Гитлеру, что Второй фронт на европейском континенте не будет открыт до 1944 года! Увы, так оно и случилось.**

Иосиф Виссарионович прекрасно знал и то, что это за «гусь» такой — Уинстон Черчилль, еще со времен Гражданской войны прекрасно знал. А к описываемому периоду времени этот якобы джентльмен успел так нашкодничать против СССР, что все подозрения Сталина были действительно глубоко аргументированы и обоснованы. Чтобы не быть голословным, приведу один, но очень характерный пример.

Выше, но в этом же параграфе уже отмечалось, что в августе 1940 г. в Женеве (Швейцария) состоялись конфиденциальные переговоры между группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским и уполномоченным Гесса — профессором Альбрехтом Хаусхофером. Англичане тогда изъявили готовность начать мирные переговоры с Германией, выставив предварительным условием расторжение советско-германского договора о ненападении от 23.08.1939. Было известно также, что принципиально Гитлер и Гесс были согласны на это условие…

* * *

В таких случаях переговорные позиции, тем более изначально выдвижение тех или иных условий, как правило, санкционируются высшим руководством государства, в данном случае премьер-министром Великобритании, коим тогда был У. Черчилль. И хотя он лично в женевской истории открыто не засветился, но без его, хотя бы устного, согласия такое условие было бы просто пустым звуком.

* * *

Ориентировочно два месяца спустя после женевских переговоров и примерно за восемь месяцев до нападения Германии на СССР

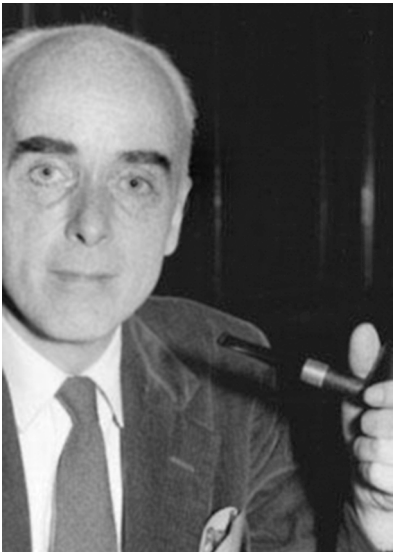
У. Черчилль уже лично осуществил грязную провокацию против СССР, направленную на обострение советско-германских отношений: «Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину **с предложением отказаться от договоренностей с Германией** и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера в обмен на признание публично осуждаемой английскими правящими кругами советской (якобы. — *А.М.*) оккупации Прибалтики, Восточной Польши и Северной Буковины. Таким образом, Черчилль наглядно подтвердил, что судьбы народов этих стран, политическое устройство западных районов СССР — не более чем разменная монета в большой политической игре, и что геополитические интересы Советского Союза в этом регионе законны и оправданны. Предложение англичан было явно провокационным, поскольку буквально через две-три недели британский Форин Оффис (МИД Англии. — *А.М.*) предал гласности секретное обращение Черчилля к советским властям в открытой печати с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы Советского правительства Молотова в ноябре 1940 г.»[151] Ну и как Вам сей джентльмен?! Не правда ли, хорош «гусь»?!

§ 3. Но за этим «гусем» Черчиллем и, не приведи Господь, «джентльменом» по тому времени числится еще одна, еще более подлая провокация против СССР. На этот раз на Балканах.

Вот ее суть в изложении, увы, ныне покойного легендарного руководителя советской нелегальной разведки генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, о чем он поведал еще при жизни в 2012 г.: «…Вина за то, что немцы в 1941 году напали на СССР, в том числе лежит и на США. Об этом почему-то сейчас не вспоминают, но ведь в 1940 году советник английского премьер-министра Черчилля — Монтгомери Хайд, который помогал Уильяму Донована (один из руководителей американских спецслужб. — *А.М.*) создавать Управление стратегических служб, передал ему **для вручения президенту США Рузвельту письмо Черчилля, где тот писал: поскольку США не находятся**

[151] *Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 127—128.

в состоянии войны с Германией, то не могли бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России. С той поры прошло уже много лет и многим на Западе кажется, что про это письмо все забыли...»



Зато мы не забыли, тем более что об этом письме советская внешняя разведка узнала тогда же, в 1940 г. — бок о бок с Монтгомери Хайдом работал агент советской внешней разведки Седрик Белфрейдж…

[Седрик Хеннинг Белфрейдж, англ. Cedric Henning Belfrage — псевдоним **«Чарли»,** как утверждается в книге А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова — «Дело Ханссена. “Кроты” в США»]

А 3 апреля 1941 г. тот же Уинстон Черчилль — премьер-министр Великобритании — поручил британскому послу в Москве Р.С. Криппсу лично передать И.В. Сталину свое послание. Парадоксально, но факт, что куда большее значение имела специальная памятка к беседе при передаче этого послания, **в которой МИД Англии (по согласованию с Черчиллем) предложил своему послу разъяснить Сталину, что Гитлера ничто не остановит, если только он не попадет в сложное положение на Балканах. Вот что конкретно говорилось в этой памятке-инструкции, к составлению которой приложил свои лапы Черчилль:**

«<…> **2. Лучшим способом укрепления Советским Правительством своих позиций было бы оказание материальной помощи Турции и Греции, а через посредство последней и Югославии. Эта помощь могла бы увеличить трудности немцев на Балканах и еще отсрочить нападение немцев на Советский Союз, чему име-**

ется так много признаков. Если же не воспользоваться шансом и не вставить палку в немецкое колесо, опасность может вновь возникнуть через несколько месяцев.

3. Не примите это за наше стремление получить помощь Советского правительства или ожидание, что русские будут действовать в чьих-то интересах, а не в своих собственных. Мы хотим лишь, чтобы они поняли, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на них, если будет в силах сделать это...»[152]

Ишь какой заботливый «гусь»! И ведь, ничуточку не стесняясь, поручает своему послу осуществить прямую провокацию против СССР с целью столкнуть Москву и Берлин в смертельной схватке прямо на Балканах! Вежливо говоря, одно слово, Черчилль, не приведи Господь!..

Надо отдать должное британскому послу — у него хватило ума не напрашиваться на личную аудиенцию у Сталина при наличии такой инструкции. 5 апреля 1941 г. Криппс телеграфировал в МИД Англии, что для него личная передача письма Черчилля Сталину **«немыслима».** Естественно, это вызвало бурю возмущения у авторитарного премьер-министра. Но Криппс действительно правильно сделал, ибо полученная им памятка — инструкция о том, что следует сказать Сталину во время личной аудиенции, в сущности означала, что надо передать Сталину пожелание Черчилля сцепиться с Гитлером прямо на Балканах, чтобы Гитлер отвлекся от военных действий против Англии, в том числе и на Балканах. Проще говоря, чтобы СССР стал спасать Англию, сцепившись в смертельной схватке с Третьим рейхом прямо на Балканах. И повторил бы трагическую судьбу царской России 1914—1917 гг., когда она, «заступившись» за Сербию и сцепившись с кайзеровской Германией и Австро-Венгрией, влезла в Первую мировую войну, к концу которой попросту канула в Лету, правда, вместе с той же кайзеровской Германией и Австро-Венгерской империей.

В итоге британский посол направил послание Черчилля в НКИД СССР при своем письме от 19 апреля, адресованном А.Я. Вышинскому, и тот уведомил его 23 апреля, что оно вручено Сталину.

[152] FO 371 29479 N366/78/38, 4 апр. 1941.

Но за кулисами этих фактов имели место и другие не менее, если не более, важные события. Дело в следующем. **В июне 1940 г.** с Балкан раздался внешне, казалось бы, весьма благожелательный для СССР, но на самом-то деле первый особо тревожный для Советского Союза звонок — не признававшее в течение почти двух десятилетий СССР Королевство Югославии решило установить дипломатические отношения с Советским Союзом. С 24 июня 1940 г. это стало дипломатическим фактом. Но так уж сложилась история, что когда «братушки» начинают вспоминать о России вне зависимости от того, какой в ней режим и власть, то Москве волей-неволей приходится сразу же сильно напрягаться в поисках точного ответа на один из древнейших вопросов: **QUI PRODEST? — КОМУ ВЫГОДНО?**

Ведь Балканы издавна «славятся» своим весьма специфическим статусом **«пороховой бочки»** Европы, не говоря уже о том, что это зона не столько скрещивания интересов и великих держав мира, и региональных государств, сколько именно же их схлестывания, столкновения этих интересов, нередко очень острого. Даже самый малограмотный в современном мире (численность которых, увы, стремительно увеличивается) прекрасно знает, что 1 августа 1914 года каленым железом навсегда врезано в мировую историю — «пороховая бочка» Европы умышленно была взорвана выстрелом Гаврилы Принципа, и мир получил Первую мировую войну XX века со всеми ее трагическими для человечества последствиями, заложив попутно и необходимые предпосылки для возникновения Второй мировой войны XX века.

Одна из ведущих ролей в том, что Балканы тогда сохраняли (и, увы, продолжают сохранять) этот неблаговидный статус «пороховой бочки» принадлежала (и, увы, принадлежит) Великобритании, которая издавна рассматривала (и поныне рассматривает) этот регион как передовой форпост на пути к **«бриллианту в британской короне» — Индии,** а также к зоне английского владычества на Ближнем Востоке.

Английское влияние на Балканах всегда было (и, увы, есть) очень сильно, всевозможной английской агентуры в регионе всегда было (и, увы, есть) хоть отбавляй, а ее действия в этом регионе даже под про-

российскими лозунгами (к сожалению, это не редкость), увы, не всегда поддавались (и, увы, не всегда поддаются) быстрому разоблачению. Уж слишком хитра и ловка британская лиса — такое может замутить, так запутать следы, что далеко не сразу выйдешь на них. И Королевство Югославии в этом отношении еще в довоенные времена — характерный тому пример.

Но, с другой-то стороны, проявленная Королевством Югославии инициатива по установлению дипломатических отношений с СССР отвечала интересам самого Советского Союза (как и прежде России), никогда не занимавшему безучастную позицию по отношению и к этому региону, и конкретно к Югославии. Тем более что в то время установление дипломатических отношений способствовало укреплению прогрессивных и антифашистских сил Югославии и прежде всего Коммунистической партии Югославии.

В условиях нарастания давления нацистской Германии и фашистской Италии на Югославию, преследовавших цель втянуть эту страну в орбиту своего влияния, это позволило СССР предпринять целый ряд акций, направленных на поддержку борьбы народов Югославии за суверенитет и независимость своей страны. Так, 17 октября 1940 г. Советский Союз заявил **о своем «сочувствии Югославии в борьбе югославских народов за свою политическую и экономическую независимость»**[153]. **А в ноябре 1940 г. СССР и вовсе потребовал от гитлеровской Германии не распространять зону войны на Балканах, о чем Советское правительство поставило в известность и правительство Югославии**[154]**.**

Объективно такая политика СССР в известной мере соответствовала и интересам Великобритании, которая также не была заинтересована в расширении зоны войны на Балканах. Не заинтересована-то не заинтересована, но еще никто не смог (и никогда не сможет!) вылечить Англию от ее абсолютно неизлечимой болезни, именуемой **«английская благодарность»,** которая особенно бурно «прогрессирует», когда на Балканах активизируется роль России вне зависи-

[153] История дипломатии. М., 1975, т. 4. С. 157.
[154] Там же.

мости от правящего в ней режима и власти. Тут уж **PERFIDIOUS ALBION — КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН** (авторство в изобретении этой клички принадлежит прусскому королю Фридриху Великому) столь резво пускается во все тяжкие, что только успевай парировать.

Так вот и в этом случае за кулисами инициативы Королевства Югославии по установлению дипломатических отношений с СССР, поначалу не выпячиваясь, уже маячила тень Англии. И очень скоро и в Кремле, и в советских спецслужбах увидели и почувствовали хорошо знакомый почерк английской разведки и английской тайной дипломатии, особенно на примере деятельности югославского посла в СССР — Милована (Милана) Гавриловича. Но тогда это было еще только начало.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, 22 июля 1940 г. в соответствии с распоряжением Гитлера главнокомандующий сухопутными силами Германии Браухич отдал начальнику Генерального штаба ОКХ Ф. Гальдеру приказ начать разработку плана нападения на СССР. А 22 июля 1940 г., вручая главе Управления специальных операций (УСО МИ-6. — *А.М.*) Хью Дальтону Хартию УСО, то есть Положение об УСО, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль отдал следующий приказ — «Теперь разожгите в Европе пожар». Что за этим последовало, также было указано выше. В предыдущем параграфе также отмечался факт крайне подозрительной утечки особо важной стратегической информации.

Памятуя о нем, но оставляя в стороне контрразведывательные аспекты этого факта, обратим внимание на военно-политические, особенно в свете упомянутой выше памятки-инструкции Черчилля МИД Англии своему послу в Москве.

И тут выясняется, что Королевство Югославии откровенно предлагало СССР наладить военное, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество, ибо ничего другого начальник Генерального штаба обсуждать с югославами не мог. Подобные вопросы — это как раз его компетенция, что называется, его «епархия».

Югославская сторона мотивировала свою позицию тем, что на нее оказывает сильное давление гитлеровская Германия, требующая присоединиться к Тройственному (Берлинскому) пакту, заключенному 27 сен-

тября 1940 г. между Германией, Италией и Японией. Проще говоря, королевство как бы просило военной и военно-технической помощи.

Однако обсуждение таких вопросов обсуждением, только ведь за этим предложением Королевства Югославии не столь уж и трудно было всерьез заподозрить реальность провокации, ибо дай СССР согласие на такое сотрудничество и тем более пойди он на реализацию такого сотрудничества на практике, то автоматически столкнулся бы в смертельной схватке с нацистской Германией и фашистской Италией прямо на Балканах еще осенью 1940 г., ибо державы «оси» более чем косо взирали на советско-югославские отношения того времени.

Но кому могла быть важна и тем более остро нужна такая провокация, тем более со стороны, по сути дела, главного детонатора «пороховой бочки Европы»? Югославия и ее предложение о военном, военно-политическом и военно-техническом сотрудничестве с СССР — это всего лишь разменная монета и инструмент. Не более того. А кому в тот период времени надо было во что бы то ни стало спасать свою шкуру, переориентировав агрессивные устремления и военные действия Германии на другой азимут? В Европе осталось только одно государство, которое из кожи вон лезло, дабы спасти свою шкуру от агрессии Германии, устроившей и морскую блокаду, в которой это государство постепенно задыхалось, и воздушную войну с непрерывными варварскими бомбардировками, и еще много чего. И это государство — Англия. А куда можно было в то время направить агрессивные устремления и военные действия Германии, дабы облегчить свое положение? Только на Восток, только против СССР.

Эта, с позволения сказать, «технология» внешней политики Англии давно известна и не меняется уже много столетий. Основополагающий принцип этой «технологии» известный политический деятель Англии Уильям Питт-старший сформулировал еще в XVIII веке, во время смертельной схватки ведущих европейских держав (за исключением России) за американские колонии, заявив, что он **«завоюет Америку в Германии».** И ведь сделал же именно так. Если по-простому, то суть этой технологии в том, что тот, кто угрожает интересам (особенно алчным) и безопасности Англии, особенно как

метрополии, должен быть всенепременно отвлечен на войну с другим государством, причем любыми средствами и методами. И пусть они дерутся до умопомрачения и полного истощения, дабы более не мешали Англии. Вовсе не случайно, что уже в XIX веке появились сильно ядовитые характеристики такой «технологии» внешней политики Англии, наиболее яркую из которых сформулировал «железный канцлер» Германии Бисмарк: **«Англия в войне употребляла европейские государства как "отличную пехоту", как "здорового дурня" всемирной истории, что уже в XVIII веке вести войны в интересах Англии стало "обязанностью" континентальных государств»**[155]**.**

Между тем и в Лондоне, и в Берлине в то время исповедовали одну и ту же мысль, что-де СССР — последняя надежда Англии, причем, что более чем знаменательно, исповедовали в одинаковом понимании. В Лондоне прекрасно знали и понимали, зачем в свое время они привели к власти в Германии Гитлера — только для того, чтобы уничтожить СССР войной, а в ситуации 1940—1941 гг. **«последняя надежда»** Англии могла быть реализована действительно только и именно нападением Германии на СССР. Ну, а у Германии и лично у Гитлера это вообще было центральным пунктом всей деятельности. Вот что в действительности означал приказ Черчилля Управлению специальных операций МИ-6 **«Теперь разожгите в Европе пожар».** В тот период разжечь пожар в Европе можно было действительно только на восточном азимуте, то есть против СССР.

Однако британская лиса действительно очень хитра, чрезвычайно искусна и ловка, и уж если решит гадить России, то обязательно сделает это исключительно тонко, дабы нельзя было бы ее поймать с поличным. Внимательно наблюдая за тем, какие массированные усилия прилагает Гитлер, чтобы втянуть Балканские государства в орбиту своего влияния, в том числе и путем принуждения их к подписанию Тройственного пакта, что в немалой степени фюреру удалось, в Лондоне обратили внимание на то, что камнем преткновения становится Югославия. Белград отчаянно отбивался от любых попыток Германии

[155] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 497.

втянуть его в сферу своего влияния, тем более на антисоветской основе, что было понятно уже в 1940 году.

В конце концов Германии удалось-таки сломить сопротивление Белграда и заставить от имени Югославии подписать Тройственный пакт. 25 марта 1941 г. в Вене Королевство Югославии поставило-таки свою официальную подпись под Тройственным пактом.

Весть о присоединении к этому нацистскому пакту была воспринята в Югославии как предательство национальных интересов, вызвав колоссальный взрыв народного негодования. Повсюду под лозунгами **«Нет! Лучше война, чем пакт», «Белград — Москва — единственное спасение»** прошли массовые митинги протеста, достигшие своего апогея 27 марта 1941 г. Учитывая обстановку в стране, широкое недовольство народных масс, но стремясь не допустить революционного взрыва, который мог бы снести буржуазный строй в стране, группа высших офицеров, в основном ВВС, свергла 27 марта 1941 г. правительство Цветковича-Мачека, подписавшее пакт. На престол был возведен молодой король Петр, а новое правительство возглавил генерал авиации Д. Симович.

Придя к власти на волне всенародного возмущения, **правительство Д. Симовича уже 30 марта обратилось к СССР с предложением заключить военно-политический союз «на любых условиях, которые предложит Советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах»[156].**

В политике это называется провокация… из самых «дружеских» побуждений. Именно провокация, потому как югославы предложили, по сути дела, осуществить экспорт социалистических идей на свою территорию, то есть то, в чем и без того весь межвоенный период обвиняли СССР — в экспорте революций! Новые лидеры Югославии едва ли не отдавали себе отчет в том, какие негативные последствия могут последовать, если гитлеровская Германия нападет на их страну и оккупирует ее…

[156] Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989, № 15. С. 55—63.

3 апреля 1941 г. это же правительство пошло еще дальше в своей провокации и выразило готовность **«немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию», а также передать Советскому Союзу разведывательные данные, в том числе и полученные от шведского посланника в Берлине, сведения о том, что немцами разработан план нападения на СССР[157].**

А это уже была фактически ничем не прикрытая военно-политическая провокация, крайне негативные последствия которой были столь очевидны, в том числе и своей аналогичной тождественностью с событиями 1 августа 1914 г., что в итоге это отразилось даже и на сути подписанного двумя днями позже советско-югославского договора, о чем скажем ниже. Ну, а теперь особое внимание.

Группа высших офицеров ВВС во главе с генералом авиации Д. Симовичем — это все люди, получившие военное образование в Англии. Более того. Все они, но особенно сам Д. Симович, были так или иначе связаны тайными узами с пресловутой и хорошо известной по трагическим событиям 1 августа 1914 г. тайной националистической организацией **«Объединение или смерть» («Ujedinjenje ili Smrt»),** более известной под прижившимся в истории названием **«Черная рука» («Црна рука»).** Организация была создана в мае 1911 г. начальником осведомительного отдела контрразведки Генерального штаба сербской армии полковником Драгутином Дмитриевичем. Организация преследовала цель объединения южнославянских народов в одно государство, провозглашая лозунги национального суверенитета и независимости, но по сути-то — преследуя цель создания Великой Сербии. Но вот что особенно важно — с давних пор у этой организации были действенные связи с английской разведкой и английским политическим масонством, которые хозяйничали на Балканах практически бесконтрольно. И вовсе не случайно, что переворот подготовили и дирижировали им британские разведчики **Лео и Джулиан Эмери** при непосредственном содействии белградского резидента МИ-6 **Томаса Мастерсона.**

[157] Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989, № 15. С. 55—69.

Все дело в том, что президент США Ф.Д. Рузвельт, судя по всему, не стал тогда открыто влезать в балканские интриги Черчилля и потому не стал оказывать влияние на Гитлера, как об этом в своем письме просил британский премьер-министр, чтобы он, Адольф Гитлер, отстал от этого региона и поскорее напал бы на СССР. Американский изоляционизм в тот момент сыграл положительную роль. Но при этом во второй половине января 1941 г. Рузвельт направил на Балканы со специальной миссией своего личного представителя — одного из руководителей американской разведки полковника Уильяма Донована (впоследствии возглавил Управление стратегических служб — УСС — предтечи современного ЦРУ). У. Донован посетил Афины, Стамбул, Софию и Белград, где призывал правительства Балканских государств проводить выгодную США и Англии политику[158]. К слову сказать, советские разведывательные службы внимательно отслеживали вояж Донована по Балканам…

Давление американской дипломатии на Балканские страны не ослабевало и в последующие месяцы, особенно на Турцию и Югославию. Правительствам Балканских государств направлялись ноты, меморандумы, личные послания президента. И что самое главное, все эти действия США координировали с английским правительством, которое в это же время также направило в регион своих представителей — министра иностранных дел А. Идена и начальника имперского Генерального штаба Джона Дилла. Правда, особых успехов они не достигли.

В итоге Черчиллю пришлось осознать, что Рузвельт не будет выполнять его письменную просьбу повлиять на Гитлера, чтобы он отстал от Балкан и развернул бы свои агрессивные действия против СССР. Это осознание и привело к тому, что в итоге началась подготовка к перевороту в Югославии, которая и завершилась так, как это было указано выше. Английская разведка, сколь это ни прискорбно констатировать, блестяще разыграла карту пророссийских настроений в доминировавшем в Югославии сербском обществе и именно под этими лозунгами осуществила переворот, правда, не смогла удержаться от дальнейших

[158] *Валев Л.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период Второй мировой войны). М., 1964. С. 180.

провокаций, потому как именно с их помощью и надеялась втянуть наконец-то СССР в смертельную схватку с Гитлером прямо на Балканах, что, естественно, ослабило бы наброшенную на Англию удавку в виде германской морской и воздушной блокад.

Именно с подготовкой к этому перевороту и связаны, например, те данные, которые поступили и от Кима Филби, и от белградского резидента ГРУ, о чем говорилось выше. Естественно, что на этом провокации англичан не закончились. Их продолжение можно увидеть в следующих фактах.

Выше уже было указано на политическую и военно-политическую провокации, с которыми выступило новое югославское правительство. Закулисным хозяевам нового югославского правительства казалось, что в Кремле никто ничего не соображает, и потому на волне пророссийской эйфории, царившей тогда в Югославии, Москва поддастся на соблазн влезть в регион с военно-политическим союзом с Королевством Югославии, что автоматически привело бы к вооруженному столкновению с нацистской Германией. Но в Кремле очень хорошо знали, что из себя представляет «пороховая бочка Европы», прекрасно знали ситуацию в Югославии — советская разведка прекрасно там работала, прекрасно отдавала себе отчет в реальности самых негативных последствий для СССР в случае неверного шага.

Именно поэтому еще до того, как со стороны этого правительства прозвучали упомянутые выше провокационные предложения, со стороны Исполкома Коминтерна последовали прямые предупреждения югославской компартии. **29 марта 1941 г.** глава Исполкома Коминтерна Георгий Димитров направил руководителю югославских коммунистов Иосипу Броз Тито радиограмму, в которой прямо советовал следующее:

«Не забегайте вперед. Не поддавайтесь на провокации врага. Не подставляйте под удар и не бросайте преждевременно в огонь авангард народа. Еще и близко не наступил момент решительной схватки. Основная задача партии сейчас состоит в том, чтобы неустанно разъяснять свои взгляды и всесторонне готовить себя и массы. Примите это к сведению и исполнению. Подтверди-

те прием этого письма. Информируйте нас регулярно. Д.»[159] Здесь надо иметь в виду следующее — в то время Г. Димитров вообще не делал ни одного шага без согласования со Сталиным и Молотовым, а ввиду особой остроты югославской проблемы весной 1941 г. без прямого согласования со Сталиным Димитров вообще не рискнул бы отправить такое предупреждение Тито. В свою очередь это означает, что Сталин всерьез опасался обвинений в адрес СССР в причастности к этому перевороту, а, следовательно, СССР действительно не причастен к нему.

Когда же в предложении югославского правительства помимо высказанного пожелания установления военно-политического союза с СССР прозвучало еще и намерение **«передать Советскому Союзу разведывательные данные, в том числе и полученные от шведского посланника в Берлине, сведения о том, что немцами разработан план нападения на СССР»,** то тут-то и выяснилось, что эта информация англичан, а не югославов — ведь к этому времени уже были получены данные из лондонской резидентуры внешней разведки НКГБ СССР, о которых говорилось выше. Естественно, это не вызвало прилива доверия к предложениям югославов, хотя и не вызвало откровенного отторжения продолжать с ними переговоры. Просто со стороны Кремля стала проявляться еще бóльшая осторожность.

А когда югославская делегация прибыла в Москву, то провокационное намерение втянуть-таки СССР в военно-политический союз с Королевством Югославии оказалось еще раз подтвержденным. Вот как это выглядело согласно записям бесед первого заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского с посланником Королевства Югославия в СССР М. Гавриловичем:

— Из записи беседы от 2 апреля 1941 г. Секретно. (Разослано: т. Сталину и т. Молотову).

«…Перейдя к вопросу о предстоящих переговорах с нами в связи с ожидаемым приездом в Москву делегации, Г[аврилович] выра-

[159] Источник: Jugoslavija, 1918—1988. Tematska zbirka dokumenata. Drugo, izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd, 1988. S. 445—446. Цитируется по: Ю.С. Гиренко. Сталин — Тито. М., 1991. С. 86.

зил уверенность, что мы быстро договоримся и что делегаты через день-два смогут вернуться в Белград, **при этом Г[аврилович] как бы между прочим добавил, что хорошо было бы, если бы СССР согласился опубликовать в печати результаты наших переговоров. "Это было бы ударом грома. Немцы сразу же поняли бы, как им следует вести себя по отношению к Югославии", — заявил Г[аврилович]. Выслушав Г[авриловича], я поблагодарил его за информацию, но специально на этом вопросе не стал останавливаться, чтобы не дать оснований думать, что этой информации я придаю значение.**

Касаясь вопроса о позиции Югославии, я повторил сказанное вчера, что эту позицию мы считаем правильной и что в нынешних условиях по-другому этот вопрос решать нельзя.

Г[аврилович] подхватил это, заметив, что эта позиция обеспечивает единство югославского правительства… Переходя к вопросу о переговорах с прибывающей в Москву делегацией, я также выразил уверенность в быстром и успешном ходе переговоров. Что же касается вопроса о возможности опубликования каких-либо сообщений в связи с этими переговорами, то, как я заявил Г[авриловичу], говорить об этом сейчас не стоит, преждевременно… **А. Вышинский»**[160]**.**

— Из записи беседы от 3 апреля 1941 г. Сов. Секретно (Разослано: т. Сталину и т. Молотову).

«…Беседа с Г[авриловичем], Симичем и Савичем сосредоточилась на вопросе о соглашениях, проекты которых в черновом виде мне вручил Г[аврилович]. Копии этих проектов (с сохранением орфографии) прилагаю.

Прочтя эти проекты, я заявил, что **до сих пор г. Гаврилович со мной говорил лишь о материальной и военной помощи. Вопрос о соглашениях поставлен передо мной впервые. Это сложный вопрос, с которым мне необходимо внимательно ознакомиться и по которому мне необходимо получить инструкции правительства. Сейчас я должен ограничиться сказанным; могу лишь добавить,**

[160] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 4—6.

что, по-моему, едва ли целесообразно заключение таких соглашений. На это Гаврилович заметил, что югославское правительство очень хотело бы заключить с СССР соглашение.

"Наше правительство, — сказал Г[аврилович], — горячо желает и ожидает союза с СССР". Симич добавил: "Симович мне поручил передать Советскому правительству, что Югославия целиком и полностью на стороне СССР. Симович просил особо заверить Советское правительство, что Югославия никаких договоров ни с Англией, ни с каким-либо другим государством без согласия СССР не заключит". Савич со своей стороны просил обратить на это внимание. Савич к этому добавил, что считает весьма желательными дипломатические шаги со стороны СССР в целях повлиять на Германию в интересах сохранения на Балканах мира. Я обещал все это доложить правительству и, по возможности, завтра встретиться для сообщения ответа. На мой вопрос, какие именно материалы Югославия желала бы получить, Симич по-русски сказал: «Все, что можно доставить самолетом». На мою просьбу уточнить Савич ответил (по-сербски, перевод сделал Гаврилович), что завтра они смогут сказать более точно. Я просил уточнить… **А. Вышинский»**[161].

— <u>Из записи беседы от 4 апреля 1941 г.</u> Секретно. (Разослано: т. Сталину, т. Молотову).

В 14 ч. я принял Гавриловича и Савича и **сообщил им ответ Советского правительства на сделанные ими 3 апреля предложения. Ответ, данный мною, сводился к следующему: Советское правительство согласно заключить соглашение в виде договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией**.

Предложенные делегацией проекты пакта мы не можем принять, так как заключение такого договора требует времени для взаимного ознакомления с тем, какими силами располагают договаривающиеся стороны. Развив в этом духе свою аргументацию и подчеркнув, что мы к заключению договоров относимся очень серьезно, что пакты, которые подписываются без должной под-

[161] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 7—10.

готовки, а потом забываются, нам не подходят, я указал также и на другое существенное обстоятельство. У нас имеется договор с Германией. Мы не хотим дать повода предполагать, что мы склонны его нарушить. Первыми мы этого договора нарушать не хотим. По этим соображениям мы предлагаем свой проект, с которым я и прошу делегацию ознакомиться.

В 18 ч. 30 м. я принял Г[авриловича] в четвертый раз.

Г[аврилович] заявил, что военные настаивают на прежней редакции. Он, Г[аврилович], еще раз ознакомился с полномочиями делегации и убедился, что делегация прислана для заключения военно-политического союза. Сейчас же дело идет о другом. Г[аврилович] просит отложить подписание договора до завтрашнего дня, так как он не может взять на себя ответственность за окончательное решение вопроса и решил запросить свое правительство.

Г[аврилович] добавил, что он имел от своего правительства указание подписать договор о военном союзе; югославское правительство дало такое указание, основываясь на сообщении советского полпредства в Белграде о том, что т. Молотов дал на заключение такого договора согласие.

Я категорически опроверг эту ссылку, напомнив Гавриловичу, что он до вручения мне своего проекта ни о каком военном союзе не говорил и на согласие Советского правительства не ссылался. Г[аврилович] не настаивал на своей ссылке, заявив, что, может быть, это недоразумение.

Что касается существа вопроса, то он, Г[аврилович], опасается, что указание в нашем проекте на нейтралитет без добавления тех слов, на которых настаивают югославы («и не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»), может развязать немцам руки.

Я возражал, указывая, что опубликование договора о дружбе и ненападении, в котором имеется такой параграф, как § 1, исключает такую возможность. Он, Г[аврилович], сам час тому назад подчеркивал исключительно важное значение для судеб Югославии договора о дружбе и ненападении. Наш проект договора дает максимум возможного в нынешних условиях. Он направлен на сохранение мира.

О нашем принципиальном решении подписать договор с Югославией информирован Шуленбург, что само по себе представляет важный шаг в деле укрепления мира на Балканах.

Я, конечно, не могу возражать против отложения подписания договора, но должен все же заметить, что время уходит и что то, что возможно сделать сегодня, может быть невозможно будет сделать завтра. Г[аврилович] сказал на это, что он это хорошо понимает, лично он согласен с нашим проектом целиком, но просит отложить подписание по изложенным им обстоятельствам.

Во все время этой беседы Г[аврилович] был чрезвычайно смущен. Все время ссылался на военных. Ввиду близких связей Г[авриловича] с Криппсом, я не исключаю в данном случае и влияния Криппса, с которым Г[аврилович] безусловно советуется. Уходя, Г[аврилович] просил принять его, как только он получит от своего правительства ответ. Я, конечно, обещал. **А. Вышинский»**[162].

Поразительно, но факт, что именно в эти дни Черчилль направил своему послу С. Криппсу то самое письмо с предупреждением для Сталина и памяткой-инструкцией, как и что говорить Сталину, что было проанализировано выше.

Но Уинстон Черчилль, М. Гаврилович и члены его делегации не на тех нарвались. В Кремле все поняли, разобрались что к чему, и потому с Королевством Югославии в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. был заключен всего лишь договор о дружбе и ненападении, который уже утром того же 6 апреля 1941 г. прекратил свое существование вследствие нападения Германии на Югославию, а через 10 дней прекратилось существование и самого независимого Королевства Югославии. Кстати говоря, с Югославией Гитлер «разбирался» параллельно с разгромом Греции. Впоследствии бывший генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс заявил, что **главная цель этих операций состояла в том, чтобы «позднее, при реализации "плана Барбаросса", оставить свободным правое плечо»**[163].

[162] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 905. Л. 71—75.
[163] Нюрнбергский процесс. М., 1954. Т. 1. С. 363.

Английская провокация в исполнении югославов потерпела крах — именно в тот момент Лондону не удалось втянуть СССР в смертельную схватку с Гитлером непосредственно на Балканах, но, увы, английской разведке все же удалось сильно взбеленить Гитлера против СССР самим фактом переворота, попыткой сотрудничества с СССР, заключением договора о дружбе и ненападении. Не зря же югославское правительство и направленная в Москву делегация столь отчаянно бубнили о своем горячем желании военно-политического союза с СССР — английский приказ они исправно исполняли…

А теперь о самом письме Черчилля — вот его содержание (вступление и окончание опущены): **«Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов»**[164].

Ну вот что тут оценивать, скажите на милость?! И, тем более, как можно было это расценивать за предупреждение о нападении на СССР, как это сделал мерзавец по фамилии Хрущёв на Иудином XX съезде КПСС?! И как можно постоянно упоминать хрущёвский бред в наше время, в третьем тысячелетии?!

Кстати говоря, небезынтересно заметить следующее — поняв, что эта провокация провалилась, Черчилль разразился **хамским меморандумом, в котором от имени** британского правительства, **по сути дела, открыто шантажировал Москву возможностью сговора с Германией! Там, в частности, подчеркивалась мысль о том, что в случае затягивания войны определенные круги в Англии могут положительно воспринять идею о прекращении войны с рейхом на германских условиях, вследствие чего Берлину откроется простор для экспан-**

[164] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1986. Т. I. С. 442—443.

сии в восточном направлении. Более того, в тексте меморандума содержался и вовсе хамский, но донельзя характерный для Великобритании выпад против СССР: «Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран»! Не менее хамской была и концовка меморандума: «Намерено ли Советское правительство улучшить отношения с Англией или оно желает оставить их в таком состоянии, в каком они находятся сейчас?»[165] Вот ведь как обидно стало Черчиллю, что СССР не сцепился с Гитлером на Балканах!..

Подводя итог изложенному в этом параграфе, не могу не сказать, правда, слегка забегая вперед, о следующем. Сталин не оставил без ответа крайне агрессивную реакцию Гитлера на заключение с Королевством Югославия договора о дружбе и ненападении.

Выждав момент и фактически отвечая на еще более серьезную провокацию, на этот раз германского посла в СССР Шуленбурга, Сталин отдал распоряжение о публикации его статьи **«О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма". 19 июля 1934 года. Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б)»** в **№ 9** журнала **«Большевик» (предшественник советского журнала «Коммунист»),** что и было осуществлено **в середине мая 1941 г.**[166]

Она была написана Сталиным еще в 1934 г. в ответ на попытку **от 18 июля того же года** внутренней оппозиции опубликовать эту статью Энгельса. 19 июля 1934 г. Сталин подготовил упомянутую статью-письмо, в которой более чем аргументированно вдребезги разнес все тезисы «классика», а **22 июля того же года** провел решение Политбюро о нецелесообразности печатания статьи Энгельса. Как, впрочем, отказался тогда публиковать и свое письмо.

В 1934 г. самим фактом попытки публикации статьи Энгельса на страницах главного теоретического печатного органа ЦК ВКП(б) — журнала **«Большевик»** — оппозиция намеревалась придать статье

[165] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London. 1970. Vol. I. P. 604.

[166] «Большевик», 1941, № 9. С. 1—5.

Энгельса руководящий или во всяком случае глубоко поучительный характер. **Но в том-то все и дело, что руководящий или, по меньшей мере, поучительный характер, который обрела бы эта статья, будь она опубликована в «Большевике» в то время, означал бы едва завуалированный призыв к государственному перевороту в СССР под видом революции! В том числе и при нападении Германии, но уже не кайзеровской, а гитлеровской, нацистской. Более того. Она означала бы приветствие и без того грядущей войне нацистской Германии против СССР. Хуже того. Она означала бы необходимость создания режима наибольшего благоприятствования Гитлеру и его бесчеловечному режиму для нападения на СССР. Оппозиция уже откровенно готовилась к этому, в том числе и с подачи Л.Д. Троцкого.** Ведь генеральный лейтмотив этой яро антироссийской статьи Энгельса заключался в том, что, поскольку внешняя политика России якобы является агрессивной по определению, чему бородатый «классик» дал ложное, но облеченное в псевдонаучную мантию объяснение, то, следовательно, грядущая война кайзеровской Германии против царской России есть война якобы справедливая, едва ли не освободительная. Чуть ли не единственный способ устранения якобы имеющей место быть «русской угрозы», в роли «источника» которой был выставлен русский царизм, причем именно на том основании, что он является «последней твердыней общеевропейской реакции». Получивший в свое время прозвище «Генерал», «классик научно обоснованного» международного бандитизма выдал на-гора и «рецепт» единственного, по его мнению, шанса для предотвращения мировой войны: свержение русского царизма в результате буржуазной революции. Попутно «Генерал» четко описал и причину будущей Первой мировой войны XX в., а также систему взаимодействия механизмов войны и «революции», то есть антигосударственного переворота силами местной «пятой колонны» (хотя такого термина в те времена еще не было, но само это понятие, точнее сокрытый в нем смысл, известно фактически с библейских времен), а также стратегию и тактику их применения в отношении России. А спустя всего четыре месяца после публикации второй части статьи Энгельса на русском

языке — на Рождество 1890 г. — произошло то, что определило весь ход Истории в XX веке. Со страниц принадлежавшего влиятельнейшему представителю британской элиты масону Генри Лабушеру журнала **«THE TRUTH» («Правда»)** могущественнейшие силы англосаксонского Запада объявили России Перманентную мировую войну на полное уничтожение вплоть до состояния **«РУССКОЙ ПУСТЫНИ».** Все изложенное выше касается ситуации 1934 года, но тогда эта статья Сталина нигде не публиковалась — она была разослана членам Политбюро в качестве письма.

И вот в середине мая 1941 г. по указанию Сталина эта статья была опубликована. Сам факт ее публикации именно в это время невозможно расценить иначе, кроме как непосредственную реакцию Сталина не только на ряд тревожных сообщений разведки, в том числе и тех, в которых прямо говорилось о надеждах нацистского руководства на государственный переворот в СССР, на восстания и т.п., но и на провокацию Шуленбурга, но и также на югославские события. Ведь сам факт публикации этого письма в середине мая 1941 г. в главном идейно-теоретическом печатном органе ЦК ВКП(б) нес колоссальной силы пропагандистский заряд острой политической направленности. Это был очень мощный, как ныне принято говорить, «месидж» различным силам за рубежом и внутри самого СССР. Ведь это было осуществлено после:

— известных событий в Югославии в апреле 1941 г.,

— назначения Сталина главой советского правительства,

— его знаменитой речи 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, поставившей на уши едва ли не все посольства в Москве,

— и взбудоражившего весь мир перелета заместителя Гитлера по партии, наци № 2 Рудольфа Гесса в Англию,

— резкого нарастания угрозы скорого в ближайшем же будущем вооруженного столкновения с гитлеровской Германией.

Соответственно подавляющая часть смысла такого послания была связана с внешнеполитическими проблемами конкретного отрезка времени того периода. В частности, антианглийские выпады в этой статье Сталина получили новое звучание в той конкретной обстановке. Проще говоря, тем самым Сталин пока еще тонким, но

вполне прозрачным намеком на очевидные толстые обстоятельства попытался дать понять Англии, чтобы она не шалила и не использовала факт прилета Гесса для провоцирования дальнейшего усиления агрессивной активности Гитлера, интенсивно сосредотачивавшего свои войска в непосредственной близости от советских границ.

[Как «шалила» Англия в то время — безудержно активно и крупномасштабно — выше уже было показано.]

Кроме того, в той конкретной обстановке послание четко показывало Англии, что не следует использовать балканскую проблему для антисоветских и антироссийских действий. Прежде всего, потому что Советский Союз не преследует цели использовать против Англии Балканы, которые со времен постройки Суэцкого канала Лондон рассматривал как ближайший подступ к самому сердцу своей колониальной империи — Индии.

Одновременно это было послание и самому фюреру. И в той конкретной ситуации смысл послания сводился к тому, что Берлину дали понять, что Москва отлично понимает, что в своих агрессивных устремлениях на Восток Третий рейх действует не самостоятельно, а как готовый уничтожить «русское варварство» подрядчик Запада, прежде всего Англии (и США тоже).

Более того, учитывая события на Балканах, Сталин тем самым одновременно давал понять и Гитлеру, что не стоит переоценивать стремление СССР к Балканам. В том числе не стоит переоценивать и последние — апрельские 1941 г. — события в Югославии.

Здесь надо отчетливо иметь в виду, что в тот конкретный период времени у Сталина была одна сверхзадача — не унижая достоинства СССР и не унижаясь самому, любыми путями, средствами и методами оттянуть насколько возможно отчетливо осознаваемую им неминуемую неизбежность нападения Германии на СССР в самом ближайшем тогда будущем и одновременно не допустить, чтобы СССР был бы представлен в роли якобы агрессора, чем постоянно Запад пугал Гитлера, стремясь поскорее стравить СССР и Третий рейх в смертельной схватке. О других целях этой знаковой публикации будет сказано в другой главе.

Глава 3

«Спасибо» Бенито Муссолини, острому дефициту зерновых резервов Германии, или Почему Гитлер выбрал именно июнь 1941 г. для нападения на СССР?

Уважаемые читатели едва ли запамятовали о том, что выше уже цитировалось заявление Гитлера от **31 июля 1940 г.** Тогда автор сознательно опустил в этой цитате одну короткую фразу, которую теперь возвращает на законное место, — она подчеркнута: **«Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком... Начало — май 1941 года. Продолжительность операции — пять месяцев»[167].** И в итоге первоначально разработка плана агрессии против СССР действительно ориентировалась на май месяц 1941 г. Проще говоря, первоначально Гитлер действительно планировал напасть на СССР именно в мае месяце!

Но тут некстати — по мнению Гитлера — «медвежью услугу» фюреру оказал его ближайший союзник в Европе Б. Муссолини, наглухо увязший в своей греческой авантюре. Точнее, военная операция дуче в Греции, начатая им 28 октября 1940 г., затянулась и Гитлеру пришлось задуматься об организации помощи «славно» обделавшимся в блицкриге против греков «легионерам» Муссолини…

[167] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 80—81.

Дело в том, что агрессия фашистской Италии против Греции, крайне неудачный для «макаронников» ее ход и исход (а что можно было ожидать от «макаронников», если даже немцы шутили, что у итальянских танков пять скоростей назад и только одна — вперед), фактически создали на Балканах новую ситуацию. Именно это обстоятельство стало катализатором резкой активизации политики Германии в этом регионе, и Гитлер решил воспользоваться складывающейся ситуацией, чтобы под предлогом оказания действенной помощи терпящему поражение союзнику закрепиться на балканском плацдарме — прикрыть свой тыл от англичан на Балканах! И уже **12 ноября 1940 г.** фюрер подписал директиву **№ 18** о подготовке «в случае необходимости» операции против Северной Греции с территории Болгарии. В этих целях директивой предусматривалось создание на Балканах, прежде всего в Румынии, группировки немецких войск в составе не менее 10 дивизий вермахта. А параллельно шла разработка плана агрессии против СССР.

Замысел операции в помощь Италии дорабатывался и уточнялся и в ноябре, и в декабре 1940 г., причем все расчеты увязывались с параллельной разработкой операции «Вариант Барбаросса», и свое окончательное оформление получил в директиве **№ 20 от 13 декабря 1940 г.,** получившей название операция **«Марита»** (небезынтересно отметить гомосексуальный юмор фюрера — на латыни **marita** означает **«супруга»).** Директивой были определены не только задачи по оккупации всей Греции силами уже 24 дивизий, но и поставлено требование своевременно высвободить привлеченные для операции против Греции силы для выполнения «новых задач». А **18 декабря 1940 г.,** как известно, на свет появилась директива **№ 21 — «Вариант Барбаросса».** К моменту ее утверждения педантичные немцы уже просчитали, что ни хрена у них не выйдет подготовиться так, чтобы нападение на СССР осуществить уже в мае 1941 г. Именно поэтому-то от высказанного фюрером еще 31 июля 1940 г. пожелания начать операцию против СССР в **мае 1941 г.** осталось только следующее упоминание — **«приготовления, требующие более продолжительного**

времени, которые, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.».

А далее разрабатывалась еще более важная директива германского военного командования, в соответствии с **которой и должно было проходить развертывание вермахта на границе с СССР** — та самая, что датирована **31 января 1941 г.** «**Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск («Вариант Барбаросса»)».** К моменту завершения ее разработки педантичные немцы еще раз все просчитали и пришли к выводу, что раньше июня они не смогут начать операцию против СССР, в связи с чем именно в этой директиве впервые письменно и была указана дата нападения: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день "Б") могло быть начато 21.6.»!**

Проще говоря, **именно дуче Италии — Бенито Муссолини,** точнее, его бездарная военная операция на Балканах против Греции, которую он начал 28 октября 1940 г., явилась одной из тех непосредственных причин, в силу которых Гитлер в итоге вынужден был определить время нападения на СССР на июнь 1941 г. Причем еще на стадии разработки плана агрессии.

Но есть еще одна, еще более важная причина, вынудившая Гитлера утвердиться в своем решении осуществить нападение на СССР в июне 1941 г. Сыгравший одну из решающих ролей в переносе времени нападения от пожеланий фюрера с мая на июнь фактор давно известен, но по какой-то странной причине практически всегда находится в тени, не привлекает особого внимания и практически никогда не принимается в расчет, по крайней мере всерьез. А зря, ибо речь идет об очень тяжелом продовольственном положении Германии на рубеже 1940—1941 гг. **Ведь в 1941 г. Третий рейх вступал при полном отсутствии национальных зерновых резервов**[168], о чем, кстати говоря, в подробностях было известно советскому руководству по донесениям разведки.

И когда в Берлине окончательно решался вопрос о времени военного выступления против СССР, то в расчет времени нападения было

[168] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 437. Л. 1—12.

принято также и то обстоятельство, что необходимо захватить зерновые посевы Советского Союза, пока они еще зеленые, чтобы Советы не смогли бы их поджечь. Советские разведывательные службы неоднократно об этом сообщали. А сделать это было возможно только в июне — потому как посевная в европейской части СССР заканчивается в первой декаде июня. В мае такого эффекта добиться невозможно, потому что озимые только-только просыпаются, а сев яровых только-только начинается. Причем все это еще очень сильно зависит от погодных условий, точно прогнозировать которые на полгода вперед не могут даже в наше время, несмотря на всю техническую и интеллектуальную мощь современных метеослужб. А уж в те времена — тем более. Еще зелеными посевы озимых и яровых могут оставаться только до конца июня, максимум в стадии негорючей молочно-восковой спелости (в первую очередь это касается озимых).

Именно этот фактор и сыграл одну из решающих ролей в переносе времени нападения, наряду, естественно, с другими, выше уже упомянутыми. Уж что-что, но заранее учитывать экономические цели своей агрессии и просчитывать экономический эффект от своего военного бандитизма немцы умели, как никто другой.

Так что если уж всерьез говорить о каком-то переносе времени нападения, именно времени, то он действительно имел место, но только еще на стадии разработки плана агрессии против СССР. То есть в период с ноября — декабря 40-го по январь 41-го включительно! Реальные причины, заставившие передвинуть время нападения на июнь, были показаны.

А вот с момента утверждения директив от 18 декабря 1940 г. и особенно от 31 января 1941 г. — никаких радикальных переносов времени нападения не имело место быть!

Любые иные утверждения на этот счет в наше время — абсолютная ложь в силу нежелания тщательно вникать в содержание давным-давно опубликованных документов!

Что же касается того, почему в итоге Гитлер назначил нападение именно на **3.00** утра (по берлинскому времени) **22 июня** датой нападения на СССР, а не оставил **21 июня,** то в качестве возможно имевших

какое-то значение для фюрера и формально якобы очевидных ответов можно привести два:

1. Это день летнего равноденствия, самый длинный световой день в году, когда очень рано всходит солнце, и соответственно боевые действия можно вести примерно 16—18 часов, так как заход солнца очень поздний.

2. По законам СССР, о чем Гитлеру было известно, воскресенье в то время было единственным выходным днем в СССР, когда практически все население и даже вооруженные силы находятся в более расслабленном состоянии, в связи с чем их легче застать врасплох. Увы, частично гитлеровцам удалось это, но не из-за их собственной хитрости, впрочем, не будем забегать вперед.

В какой-то мере, но лишь частично следует также иметь в виду, что Гитлер мнил себя Наполеоном — его ведь даже так и называли в Европе — **«воскресший Бонапарт»**. **Правда, этот австрийский баран во главе Германии никак не учитывал, что того, настоящего Бонапарта, как понесло в «Дранг нах Остен Криг», кстати, почти в тот же день и практически с того же рубежа, так и стремительно вынесло из России: остатки его «великой» армии — вперед ногами, его самого — впереди собственного визга и страха за собственную шкуру.** Кстати говоря, давно опубликованные данные о военном планировании Гитлера свидетельствуют, что вообще-то напасть на СССР Гитлер предполагал **не ранее 1942—1943 гг.** Собственно говоря, похоже, что именно с этим сроком и были связаны как ожидания Сталина, так и его отчаянные попытки как можно более оттянуть время нападения, о чем он впоследствии не раз говорил. Однако, когда стало окончательно ясно, что уже в самое ближайшее время войны с Германией не избежать, то основные политические усилия Сталина плавно перетекли в плоскость максимального — насколько было возможно в то время — предотвращения формирования из СССР образа якобы агрессора, чем Запад непрерывно пугал Гитлера, стремясь поскорее стравить СССР и Третий рейх в смертельной схватке. Особенно усердствовала на этой отнюдь не самой благородной стезе Англия, особен-

но ее разведка, а англо-американская пресса по всему миру раздувала невероятный по своей визгливости вой на эту же тему.

С этими сроками были связаны и планы окончания перевооружения и реорганизации РККА, подготовки ТВД, включая и строительство «линии Молотова», которую спланировали и начали строить еще в конце лета 1940 г.! И кто знает, как тогда все обернулось бы, если РККА завершила бы свое перевооружение и реорганизации, если в строю были бы реально полностью боеготовые механизированные корпуса, ВВС в полном объеме обладали бы новейшими, хорошо освоенными летным составом истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками и т.д.?! Кстати говоря, в своих заявлениях по случаю нападения на СССР Гитлер и Риббентроп откровенно выдали свой неподдельный страх перед ясно осознаваемым ими таким результатом перевооружения и реорганизации РККА, о чем скажем в одной из последующих глав.

Увы, но это понимали не только главари Третьего рейха, но и их западные покровители. Именно они и именно поэтому стали негласно поторапливать фюрера с нападением на СССР. Сдали ему Рейнскую область, сдали Австрию, Чехословакию, предали Польшу, лишь бы только у Германии сложилась общая с СССР граница, с рубежа которой легче нападать, да и сами ляхи не без удовольствия быстренько легли под Гитлера, сдали Францию, Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию, Люксембург, короче говоря, кого только не сдали и не предали фюреру, лишь бы только он и Германия были бы как следует накачены в военно-экономическом смысле, чтобы поскорее всей мощью могли бы обрушиться на СССР! А уж сколько европейских ублюдков, негодяев и подонков встало под знамена Третьего рейха — уж и не говорю! Вся мразь со всей Европы, даже из нейтральных, казалось бы, стран…

А мерзавец Черчилль, прекрасно зная, что Гитлер вот-вот нападет на СССР, все равно планировал разбомбить кавказские и закавказские, прежде всего бакинские, нефтепромыслы, откуда Советский Союз получал в те времена более **86,5 %** всей потребляемой в стране нефти, чтобы в век моторов у Советов не осталось бы нефти и нефтепродук-

тов для борьбы с агрессором[169]. Но не только их. Были запланированы бомбежки также и кавказских месторождений марганцевой руды. А ведь на Кавказе и в Закавказье (в Грузии, Чиатурское месторождение) добывалось **56,6 %** марганцевой руды, без которой, при 100-процентной ориентированности металлургической промышленности

[169] Безудержно возвеличиваемый на Западе, да и у нас тоже, особенно в среде т.н. «демократических историков», У. Черчилль на самом деле был еще тот подлец! Примерно за 8 месяцев до нападения Германии на СССР У. Черчилль лично провел одну очень грязную провокацию против СССР. Вот как ее описывает в своей посмертной книге **«Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»** П.А. Судоплатов: «Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину с предложением отказаться от договоренностей с Германией и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера в обмен на признание публично осуждаемой английскими правящими кругами советской оккупации Прибалтики, Восточной Польши и Северной Буковины. Таким образом, Черчилль наглядно подтвердил, что судьбы народов этих стран, политическое устройство западных районов СССР не более чем разменная монета в большой политической игре и что геополитические интересы Советского Союза в этом регионе законны и оправданны. Предложение англичан было явно провокационным, поскольку буквально через две-три недели британский Форин Оффис (МИД Англии. — *А.М.*) предал гласности секретное обращение Черчилля к советским властям в открытой печати с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы советского правительства Молотова в ноябре 1940 г.» **(Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 127—128).** Ну а во время войны вся русофобия поперла из Черчилля фонтаном. Подписав с СССР союзные соглашения и заверяя Сталина в союзнической поддержке, У. Черчилль с первого же дня агрессии Германии против Советского Союза пустился во все тяжкие, пытаясь договориться с Гитлером. Британский посол в Анкаре уже 23 июня 1941 г. попытался вступить в тайные сепаратные переговоры с нацистским послом в Турции Ф. фон Папеном. В 1942 г. Черчилль даже подготовил секретный меморандум **«Об Объединенной Европе»,** в котором призывал все европейские страны, включая и нацистскую Германию, объединиться для уничтожения России, хотя бы и советской. Более того, в 1942 г. даже вступил в секретные переговоры с гитлеровской Германией по сепаратному разделу территории и имущества СССР, о чем у нас мало знают **(Платонов О.А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1996. С. 132—139).** А уж о планах бомбардировки советских нефтеносных районов на Кавказе и в Закавказье, о попытках ввести на территорию СССР под видом оказания помощи британские войска и не говорю! И вот подлец и негодяй Черчилль — великий политик XX века, а вместе со своими солдатами уничтоживший фашизм и освободивший мир от коричневой чумы Сталин — злодей! До чего же подла и мерзка историческая память нашего общества! Какого-то забугорного деятеля-пьяницу и ярого русофоба восхваляют, а своего Великого Верховного Главнокомандующего втоптали в грязь!.. Да так втоптали в грязь, что, как однажды горько сыронизировал В.М. Молотов, у нас есть не только Могила Неизвестного Солдата, но и Неизвестный Верховный Главнокомандующий.

СССР на военные нужды, последняя просто замерла бы. И еще — это ведь был и богатейший сельскохозяйственный край.

Так зачем, почему так торопили Гитлера, что даже планы оборонительных мероприятий Франции — главного в то время в Западной Европе противника Германии, который мог если и не разгромить в пух и прах Третий рейх, то, по крайней мере, сильно его ослабить на длительное время — Гитлеру сдал экс-король Великобритании Эдуард VIII, в 1940 г. всего лишь герцог Виндзорский, имевший прямой доступ к этим данным, как английский генерал, прикомандированный к французскому командованию?[170] Ведь в результате поражения Франции Гитлеру достались **5 (ПЯТЬ!) миллионов тонн нефти из стратегического запаса Франции, чего вполне хватало как раз на 2—3-месячный блицкриг, 5 тысяч (ПЯТЬ ТЫСЯЧ) паровозов и 250 тысяч (ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ) вагонов[171], что позволило в резко ускоренном темпе перебрасывать войска к местам назначения, десятки тысяч автомобилей, особенно грузовых, что также резко повысило уровень мобильности вермахта. О неисчислимых запасах вооружений, танков, боеприпасов и прочих материальных ценностей, но особенно о военно-индустриальной базе — уж и не говорю. И так ведь практически в каждой оккупированной Гитлером европейской стране.**

И еще одно обстоятельство, поверить в которое трудно, по крайней мере сразу, но, увы, это факт. В Европе Гитлера называли не только и даже не столько **«воскресшим Бонапартом», сколько, причем с бóльшим умилением, «воскресшим Карлом», то есть Карлом Великим, Карлом-европейцем, как на Западе издавна величают этого императора и главного в истории Запада бандита, но основателя не только всего того, что мы и поныне привычно называем**

[170] По данному вопросу см.: *Мортон Эндрю.* Шпион трех господ. Невероятная история человека, обманувшего Черчилля, Эйзенхауэра и герцога Виндзорского. Пер. с англ. М., 2017.

[171] История Второй мировой войны. М., 1982, т. 12. С. 195.

Запад в геополитическом смысле, но и основоположника самой идеи «Дранг нах Остен».

А в 1942 году исполнялось 1200-летие со дня рождения этого особо почитаемого в Западной Европе бандита (ныне даже одна из самых престижных наград в Западной Европе — медаль Карла Великого)[172]. Так вот к поганому юбилею этой, еще при жизни натворившей много кровавого, сволочи другая сволочь, по факту ставшая преступником № 1 всех времен и народов — Адольф Гитлер — должна была преподнести всему Западу поверженную Россию в подарок.

Однако за просто так таскать каштаны из огня для англосаксонских дядей мнивший себя великим фюрером Третьего рейха австрийский баран явно не был склонен. Его позиция заключалась в незатейливом приглашении Англии и США поделить шкуру неубитого русского медведя или, по крайней мере, не мешать ему, Адольфу, убить этого медведя, возможность чего ему тогда грезилась чуть ли не наяву. Москва достоверно знала, что прилетевший в Англию Рудольф Гесс от имени Гитлера предложил официальному Лондону не только не препятствовать Германии одержать быструю победу над СССР, но и присоединиться к ее блицкригу, обещая взамен согласие Берлина на участие Лондона и Вашингтона в дележе добычи, то есть в расчленении Советского Союза на зоны оккупации. В сущности, Гесс использовал Лондон как ретранслятор для доведения позиции Гитлера до сведения США.

Фюрер был «неслыханно щедр». Например, Англии предлагался район от р. Оби до р. Лены, Америке — районы восточнее Лены, включая Камчатку и Охотское море. Ну а своему поганому Третьему рейху бесноватый ефрейтор отвел территорию до р. Обь. Про своего единственного союзника на Дальнем Востоке, на активное участие которого в нападении на СССР он сильно рассчитывал, то есть о Японии, в горячке своего геополитического сумасшествия Гитлер попросту забыл. От

[172] К слову сказать, несмотря на поражение под Москвой, в Третьем рейхе отпраздновали-таки поганый юбилей бандита Карла Великого. Пили, ели, веселились, а потом со страшной силой грянул Сталинград, и пришлось нацистским тварям не столько прослезиться, сколько безальтернативно лечь костьми в промерзлую, но священную русскую землю, где их проклятые останки для сих пор ее отравляют.

Лондона и Вашингтона требовалось одно — официально присоединиться к Гитлеру[173] (в послевоенное время эта информация советской разведки получила независимое подтверждение сразу из двух источников: из мемуаров сына герцога Гамильтона, Джеймса Дугласа, и Феликса Керстена, являвшегося личным врачом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, одновременно врачевавшего также и министра иностранных дел Третьего рейха Йоахима фон Риббентропа. Небезынтересно также отметить, что мемуары Керстена в этом отношении совпали с данными советской разведки за 1941 г. практически на 100 %[174]).

Из донесений шанхайской резидентуры НКГБ (а та в свою очередь опиралась на данные сотрудничавшего с советской разведкой начальника разведки Чан Кайши Вальтера Стеннеса, поддерживавшего тесные контакты с резидентами США и Англии в Китае), Москве было известно, что посол США в Лондоне Дж. Уайнант именно по этому вопросу (поступали также, правда, непроверенные сведения о том, что послу даже предоставили возможность встретиться и переговорить с самим Гессом) срочно вылетал в Вашингтон для консультаций с президентом Рузвельтом[175]. Правда, обратно в Лондон он вернулся с прямым указанием Ф. Рузвельта поддержать любое заявление английского правительства в пользу СССР — послание президента США Ф. Рузвельта гласило, что **«президент США поддержит любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»**[176].

Суть всего этого интриганства Лондона была неказиста и незатейлива. Ведь то, что было намечено полвека назад — еще в конце

[173] *Розанов Г.Л.* Сталин и Гитлер. 1939—1941. М., 1991. С. 198—206; Sunday Times, 1988. Apr. 5; «Советская Россия», 1990. 10 мая; Очерки истории Российской Внешней Разведки. М., 1997, Т. 3. С. 433—440; Т. 4. С. 263; *Manwell R., Fraenkel H.* Heinrich Himmler. London, 1965. P. 158—160.

[174] *Подьяпольский А., Непомнящий Н.* Несостоявшиеся фюреры. Гесс и Гейдрих. Загадки Третьего рейха. М., 2004. С. 54—55.

[175] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. С. 489; *Маслов С.* Как наши с другом Гитлера в разведку ходили // «Комсомольская правда». 2000. 24—25 апреля; *Улитвинов А.* Дальневосточный Штирлиц // Независимое военное обозрение (НВО). 2002. № 18.

[176] *Майский И.В.* Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 161; *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1977. С. 332—333.

XIX века, когда именовавшийся тогда Адольфом Шикльгрубером бастард еще и под стол-то пешком не начал ходить, — **превратить Россию в Русскую Пустыню в процессе Первой мировой войны, кровавых революций, Гражданской войны, многочисленных волн иностранных интервенций, достигнуто не было.**

Нашей Великой Родине была уготована судьба Русской пустыни

Напротив, из целенаправленно устроенного ей кровавого ада Россия — как птица Феникс из пепла — возродилась и неустанными трудами советского народа во главе со Сталиным превратилась в могучий Советский Союз, и чем дальше, тем сильнее он становился. Гитлер это давно усвоил. И еще тогда, когда в первой половине 20-х гг. на него обратил пристальное внимание Трумэн Смит — американский военный атташе в Германии.

Знал Гитлер и то, что наиболее могущественные силы англосаксонского Запада ой как давно мечтают уничтожить Россию, присоединить и подчинить себе всю территорию, которую мы с гордостью за свою Родину величаем Россией, и поработить оставшееся население. Вот потому-то Гитлера и торопили, чтобы СССР не превзошел бы по

силе и мощи Третий рейх, да и весь Запад. Собственно говоря, Гитлер и так это знал. Но напрасно все они старались…

И еще одно обстоятельство, в силу которого Гитлера торопили с нападением на СССР. Советский Союз, как и прежде императорская Россия, являлся оплотом славянства (хотя бы уже только по факту проживания на его территории практически абсолютного в те времена большинства славян). Запад же давно вынашивал планы уничтожения славянства, особенно в Европе, или как минимум сокращения его численности до демографически безопасного для Запада (в его античеловечном понимании) уровня.

Вот обоснование славянофобского геноцида: **«В 1810 г. в Европе проживало (включая Россию) 187 млн человек, из них по одной трети германцев, романских народов и славян. К 1910 г. славяне насчитывали уже 42 %, ныне (1938 г.) — 46 %. В 1950 г. более половины европейцев составят славяне. На этом основании специалист по народонаселению Ф. Бургдерфер высказал предположение, что Европа превращается в преимущественно славянскую часть света» —** отмечал в 1938 г. в своей книге **«Европа и душа Востока»** известный германский философ **В. Шубарт[177].** После чего В. Шубарт сделал круто припечатывающий Запад к позорному столбу Истории вывод: **«В своей расовой гордости европеец презирает восточную расу. Причисляя себя к разряду господ, он считает славян за рабов (уже звуковое подобие этих слов соблазняет его на это). (По-английски slav — славянин, slave — раб; по-немецки slawe — славянин, sklave — раб)»[178].**

Кстати, Шубарт далеко не первым провозгласил подобные античеловечные идеи против славянства. Подобным идеологическим бандитизмом, обосновывавшим необходимость уничтожения славян, занимались еще К. Маркс и Ф. Энгельс:

— «…Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве... славян не играет никакой роли»!

[177] *Шубарт В.* Европа и душа Востока. Пер. с нем. М., 2003. С. 49.
[178] Там же. С. 98.

Хуже того. Они утверждали, что русским (как, впрочем, и сербам) **«обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них»[179].**

— «Славяне... оттесненные к востоку немцами, покоренные частично немцами, турками и венграми, незаметно объединяя после 1815 г. отдельные свои ветви... впервые заявляют теперь о своем единстве и тем самым объявляют смертельную войну романо-кельтским и германским народам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм — это не только движение за национальную независимость; это движение, которое стремится свести на нет то, что было создано историей за тысячелетие; движение, которое не может достигнуть своей цели, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, а добившись этого результата, не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы... Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянам, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России»[180].

С чего это бородатые «интеллектуалы» — бандиты международного уровня решили, что Россия является центром именно наступательной силы славянства — до сих пор непонятно.

Почти в унисон и едва ли не одновременно с «классиками» международного «научно обоснованного» бандитизма подобные мысли рождались и в других, не менее буйных германских головешках. Вообще-то это старинная мечта германских поклонников политики **«Drang nach Osten»** — таких, как Ф. Лист, П. Легарт, Э. Мариц Арндт, Р. Мартини и других. П. Легарт, например, еще в конце XIX в. писал: **«Россия должна быть отброшена от Черного моря, а тем самым от южных славян. Мы должны получить на Востоке обширные территории для немецкой колонизации»[181]. П. Легарт утверждал, что западное**

[179] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 6. М., 1957. С. 289—306.

[180] *Энгельс Ф.* Германия и Панславизм. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Соч. Т. 11. С. 202—209.

[181] Цит. по: *Кисловский Ю.Г.* От политики «Drang nach Osten» к доктрине «открытых дверей». М., 2000; *Он же*. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 12.

и северное побережье Черного моря должны достаться немцам. Если же Россия не согласится добровольно отдать Германии свои западные и южные провинции, то она вынудит ее к их изъятию, то есть к войне»[182]. А за полвека до него известный германский экономист, основатель теории немецкой «национальной экономики» и основоположник концепции экономической автаркии Ф. Лист уже проповедовал идею экспансии Германии на восток и завоевания юга России до Кавказа и Черного моря[183].

В изданной в 1892 г. брошюре **«Videant consules...»** германский генерал Фридрих фон Бернарди изложил политическое обоснование необходимости завоевания русских прибалтийских губерний следующим образом: «**Нам необходимо более обширное побережье с большим населением для дальнейшего расширения военного и торгового флота. Мы нуждаемся в Балтийском море, оно должно стать германским морем, чтобы создать прочную основу для нашей торговли. Только в борьбе с Россией мы можем достигнуть поставленной цели. Все обстоятельства подталкивают нас к неизбежному конфликту... Грядущая историческая эпоха пройдет под знаком борьбы германского духа с панславизмом. Русские являются нашими национальными врагами... Антирусская позиция не является следствием сиюминутного политического положения. Напротив, сегодняшняя ситуация... подводит нас непосредственно к войне, которая станет необходимым выражением состояния, имеющего глубокие корни... Вся наша политика должна быть пронизана основной мыслью... бросить все силы народа на весы решения больших германских... задач в борьбе против России»[184].**

Правда, Ф. фон Бернарди был «пророком», поющим с чужого голоса. Задолго до него эти идеи проповедовал известный германский экономист **Вильгельм Георг Фридрих Рошер** (1817—1894), профес-

[182] Цит. по: *Кисловский Ю.Г.* От политики «Drang nach Osten» к доктрине «открытых дверей». М., 2000; *Он же.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 12.

[183] *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1950. С. 200—201.

[184] Цит. по: Война Германии против Советского Союза 1941—1945 гг. На русском языке. Берлин, 1992. С. 14.

сор национальной экономики Лейпцигского университета. Во времена Бисмарка Рошер выступал с идеей о том, что все славянские земли, прежде всего русские, должны быть захвачены Германией и колонизированы немцами. Еще один горе-«теоретик» — **М. Гартман** — также во времена Бисмарка выступил с детальным проектом уничтожения и расчленения России на отдельные королевства под протекторатом Германии — Балтийское и Киевское при одновременном оттеснении России за Днепр и Волгу[185]. Кстати говоря, по донесениям разведки Москва знала, что и нацисты планируют аналогичное — **раздробить СССР на 20—30 микрогосударств.**

Обратите внимание на то, что всякий раз запредельно агрессивно настроенные по отношению к России тевтонские «мыслители» (в том числе и в погонах) разглагольствовали **о политике, имеющей глубокие корни.** Как это ни странно, но тут они не лгали. Ведь «научно обоснованная» идея уничтожения и расчленения Русского, подчеркиваю, именно Русского государства появилась еще в конце XVII века — увы, из-под пера знаменитого германского ученого, математика и физика, но также и очень серьезного экономиста, о чем не столь уж широко известно, Вильгельма Лейбница. Правда, и до него, увы, тоже германец, идейный наследник Антония Поссевина — католического мерзавца и шпиона, папского легата и монаха-иезуита, автора до сих пор гуляющей гнусной версии о том, что Иван IV Грозный посохом убил своего сына, — такой же ярый русофоб некто Генрих Штаден еще в конце XVI века разработал едва ли не самый первый проект завоевания Московского централизованного государства, его уничтожения, включая уничтожение православия вместе с церквями и монастырями, и превращения русских людей в рабов.

Так что сами видите, что это имело место задолго до появления объединенной Германии в лице кайзеровской Германии, это было и до Первой мировой войны, это было и до появления нацистов на политической арене Германии, это имело место и до привода Гитлера к власти,

[185] *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 2-х томах. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1950. С. 200—201. За указанный труд в 1949 г. П.И. Лященко была присуждена Сталинская премия первой степени.

и это же имело место быть уже при Гитлере, в том числе накануне нападения на СССР (увы, но то же самое имеет место быть и сейчас, только от имени всего Запада, ядовитой слюной исходящего от обуявшего его намерения уничтожить Россию). И обратите особое внимание на то, какое «трогательное» единомыслие наличествует между тем, что писали якобы представлявшие передовую науку бородатые «интеллектуалы» — бандиты международного уровня и глашатаи германского милитаризма и экспансионизма (а заодно сопоставьте с современностью)! Черт бы побрал всех этих германских горе-«теоретиков» (и не только германских, но прежде всего англосаксонских)!

Короче говоря, вот она, главная во всех своих аспектах причина, по которой Гитлера так торопили его европейские (и не только) покровители. Европейцы, не приведи Господь!..

Ведь принципиальный сговор между Западом и Гитлером накануне его привода к власти в том и заключался, что он был допущен к ее кормилу лишь тогда, когда поклялся всеми коричневыми «святыми», что на блюдечке преподнесет Западу «РУССКУЮ ПУСТЫНЮ», то есть в том числе и без славян или как минимум с резко уменьшенной численностью славян при одновременном максимальном подрыве их биологического потенциала! Войны-то пожирают прежде всего наиболее способное в демографическом плане мужское (да и женское тоже) население. Поэтому-то европейские покровители коричневой сволочи и торопили его с нападением на СССР! Даже гарантировали Гитлеру фактическую безнаказанность однофронтового разбоя на Востоке, против СССР, то есть гарантировали неоткрытие Второго фронта аж до 1944 года! И ведь сдержали свое слово, проклятые мерзавцы! И обратите внимание, что гарантии выдали именно европейцы — англичане! Ведь это же сделал именно Черчилль!

Но Гитлер был слугой, как говорится, двух господ. Были у него еще и заокеанские покровители. Скорее даже подлинные хозяева. Осмелюсь еще раз привести замечание ныне покойного выдающегося руководителя советской нелегальной разведки генерал-майора КГБ СССР Юрия Ивановича Дроздова: **«Вина за то, что немцы в 1941 году на-**

пали на СССР, в том числе лежит и на США. Об этом почему-то сейчас не вспоминают, но ведь в 1941 году советник английского премьер-министра Черчилля — Монтгомери Хайд, который помогал Уильяму Донована создавать Управление стратегических служб, передал ему для вручения президенту США Рузвельту письмо Черчилля, где тот писал: **«поскольку США не находятся в состоянии войны с Германией, то не могли бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России».**

Слава богу, что благодаря агенту советской внешней разведки Седрику Белфрейджу Москва своевременно узнала об этой подлости Черчилля…

Глава 4

Доверял ли Сталин Гитлеру и имел ли место обмен посланиями между Сталиным и Гитлером накануне войны, или Как на самом деле родилось знаменитое Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г.?

Другим из особо подлых «коронных номеров» при нападках на Сталина из-за трагедии 22 июня 1941 г. давно стало абсолютно неадекватное историческим реалиям утверждение о том, что-де Сталин доверял Гитлеру, что-де он полагал, что Гитлер не рискнет развязать войну на два фронта, о чем уже говорилось выше, и т.д. и т.п. В роли одного из якобы подтверждающих это утверждение аргументов с конца советского периода используется якобы имевший место в реальной истории факт обмена письменными посланиями между Сталиным и Гитлером накануне войны, вследствие чего Сталин якобы поверил письменным заверениям Гитлера, в результате чего и произошла кровавая трагедия 22 июня 1941 г. Естественно, что одновременно сверх всякой меры достается и знаменитому Сообщению ТАСС от 14 июня 1941 г., которое якобы кого-то там расхолаживало и дезориентировало.

В принципе этот бред давно был подвергнут уничтожающей критике. Однако по непонятной причине летом 2020 года этот давно не только раскритикованный, но и вдребезги разбитый бред почему-то вытащил на божий свет известный тележурналист Андрей Караулов и попытался устроить из его обсуждения шумное шоу. И несмотря на то что выступившие в его программах (их было несколько) известные историки, ученые и общественные деятели, что называется, в прямом

эфире вновь в пух и прах разнесли этот бред, Андрей Викторович, увы, не угомонился и опять, уже без какого-либо участия историков, выпустил в эфир программу, в которой выступил, что называется, с сольным номером, преподнеся этот факт — якобы имевшее место в реальной истории письмо Гитлера Сталину, которому Иосиф Виссарионович якобы поверил — как якобы заслуживающий если не полного доверия, то по крайней мере пристального внимания документ, правда, с оговоркой, что по-прежнему требуется дальнейшее углубленное изучение вопроса.

Трудно сказать, какими конкретно мотивами руководствовался известный тележурналист, но в одном можно быть уверенным точно. Увы, но явно не тяга к познанию подлинной истины явилась главным движущим мотивом — в противном случае он мог бы вполне удовлетвориться серьезными и аргументированными доказательствами, в том числе и письменными, которые ему предъявили выступавшие у него в программе историки, в том числе и автор настоящей книги.

В итоге получилось то, что получилось — летом 2020 г. своего апогея достиг нешуточный спор между историками и журналистом на тему о том, имел ли место в истории обмен посланиями между Сталиным и Гитлером или нет. В этом споре приняли участие многие историки и общественно-политические деятели. Но в центре полемики тогда оказался небезызвестный современный историк Евгений Юрьевич Спицын, который в различных интервью — как «Красному радио» (4 июля 2020), так и в интервью тележурналисту А.В. Караулову (25 августа 2020) — категорически отверг этот бред в принципе. И, как увидим из дальнейшего анализа, был абсолютно прав, безоговорочно заявив, что это фальшивка. Правда, тут следует отметить, что он отнюдь не одинок в таком своем убеждении — едва ли не полтора десятка лет тому назад о том же откровенно заговорили многие историки, в том числе и автор этой статьи.

Но... и вот в этом **«но»** вся загвоздка. **Во-первых,** кто же первым выпустил на панель исторических версий эту якобы историю о имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером?

Во-вторых, и это еще более важно, как и зачем выпустили эту версию гулять по историческим весям и во что это в итоге превратилось?

Такая постановка вопроса отнюдь не случайна. Дело в том, что весь ход событий, связанный с появлением, распространением, утверждением (включая и так называемое «самоутверждение»), «освящением» этой версии очень большими и авторитетными именами и возведением едва ли не в непреложную, не могущую быть подвергнутой даже тени сомнения аксиому очень смахивает на долгоиграющую операцию по оказанию всепроникающего влияния на историческое сознание нашего общества.

В своем интервью «Красному радио» Е.Ю. Спицын в качестве точки отсчета в этой истории взял пресловутую книгу ныне покойного, а при жизни вызывавшего неподдельный интерес у эскулапов от психиатрии ленинградского диссидента Игоря Львовича Бунича **«Гроза: Кровавые игры диктаторов»,** которая была издана громадным тиражом еще в 1997 г., а затем несколько раз переиздавалась. Правда, сначала появилась книга **«Лабиринты безумия»** (1993—1995, она же **«Операция "Гроза"»),** затем вышла книга **«Операция "Гроза"» или Ошибка в третьем знаке»** в 2 томах. СПб., 1994 (переиздана в 2005 г.).

И да простят меня уважаемые читатели, но в данном месте на пару мгновений отвлеку их внимание на не имеющий прямого отношения к теме этой главы и вообще всей книги краткий анализ. Ибо необходимо сразу же зафиксировать, что **никакой «Операции "Гроза"» в природе никогда не существовало.** Давно и четко, строго документально доказано, что эта откровенная фальшивка создана беглым предателем из ГРУ Владимиром Богдановичем Резуном, нагло присвоившим себе псевдоним «Виктор Суворов» (дважды победитель, что ли?! Интересно кого?!) по заказу британской разведки МИ-6 во исполнение одного из положений плана психологической войны против СССР (России), более известного как **«Операция "Лиотэ"».** Она осуществляется до сих, хотя стартовала еще в самом начале 50-х гг. прошлого столетия (весь план

был добыт советской нелегальной разведкой и переправлен в Москву еще в те времена).

А подлинное происхождение столь звучного названия того бреда, что накатал Резун, таково. Еще в середине 70-х гг. прошлого столетия известный в те времена военный историк доктор исторических наук, увы, ныне покойный В.А. Анфилов в книге **«Провал "Блицкрига"» (М., 1974. С. 217)** прямо указал, что слово **«Гроза»** играло роль общегосударственного пароля, по которому командующие войсками приграничных округов обязаны были вскрыть так называемые «красные пакеты» и немедленно ввести в действие находившиеся в них планы прикрытия государственной границы. Еще тогда Анфилов четко указал координаты архивного документа: по тем временам **Архив МО СССР, ныне ЦА МО РФ Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. Л. 1.** На местах пароль **«Гроза»** имел соответствующие аналоги, например **«Кобрин-41», «Гродно-41»** и т.д.

Автор настоящей книги, участвуя еще в 1997 г. в телепрограмме **«Национальный интерес»** (тогда она проходила на Шаболовке), которую вел ныне широко известный на канале «Россия» тележурналист, во время телемоста с Лондоном, откуда вещал Резун, прямо обвинил его в том, что он просто позаимствовал термин **«Гроза»** у Анфилова, умышленно забыв указать, что на самом деле означает этот термин. Увы, но при выходе программы в эфир оказалось, что телеведущий тогда все вырезал…

К глубокому сожалению, пандемия историко-политической шизофрении на тему никогда не существовавшей **«Операции "Гроза"»** поразила многих отечественных историков. И одним из наиболее упертых в пропаганде этого бреда после Резуна, Бунича и некоторых других стал Борис Вадимович Соколов. Уже в 2000 году в книге **«Тайны Второй мировой»** Б.В. Соколов на **стр. 99** написал: «В феврале 1941 года был также принят мобилизационный план со зловещим названием **"Гроза"** (окончательная его доработка затянулась до начала войны)» (к слову сказать, Б.В. Соколов то ли и в самом деле не понимал, что означает **«план принят»,** то ли нарочно написал, вежливо говоря, столь неадекватное историческим реалиям — для сведения

читателей не могу не отметить, что во времена Сталина принятый план был равносилен общегосударственному закону, за исполнением которого строго, а порой даже очень строго следили, и просто так вносить в него изменения было невозможно; но самое главное в том, что в реальности мобилизационный план так и пребывал в проектно-рабочем виде до самого начала войны. — *А.М.*). Б.В. Соколов сопроводил это утверждение ссылкой **№ 86.** Но если открыть эту ссылку на **стр. 448** упомянутой его книги, то с удивлением любой прочитает следующее: **«"Грозой" назывался сигнал для введения в действие схемы общей мобилизации»**. Что соответствует тому, что указал еще Анфилов, поскольку одним из самых первоочередных действий после вскрытия «красных пакетов» становилось объявление всеобщей мобилизации.

Проще говоря, более 20 лет назад Б.В. Соколов прекрасно знал, что означает пароль **«Гроза»,** но тем не менее на протяжении более двух десятилетий кряду сознательно вводит в заблуждение и читателей, и зрителей, а заодно и тележурналистов, раздавая им интервью. Увы, но до сих пор Б.В. Соколов далеко не одинок…

Но вернемся к основной теме. Именно в том, с позволения сказать, «творении» — **«Гроза: Кровавые игры диктаторов»** — И.Л. Бунич и поведал о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером, причем сослался как на источник своего «знания» на журнал **«Известия ЦК КПСС», № 2 за 1990 г. Но все дело в том, что там такой публикации нет!** Любой может это проверить — весь архив этого недолго издававшегося журнала оцифрован и доступен в Интернете.

Зачем И.Л. Бунич сослался именно на этот источник? Ответ: по очень простой причине. Занявшись откровенным искажением исторической правды, он физически не мог не знать, что, **во-первых,** в этом источнике такой публикации нет, **во-вторых,** он опять-таки физически не мог не знать, что якобы сведения об имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером появились еще задолго до того, как он стал малевать свою **«Гроза: Кровавые игры диктаторов».** Причем появились именно в партийной печати конца 80-х гг.

прошлого столетия. И дело тут в том, что, например, публикацию в газете «Правда» очень легко было проверить еще в 90-е годы, подшивки газеты были практически во всех библиотеках, а вот журнал «Известия ЦК КПСС» — значительно сложнее, ибо его тираж в разы уступал «Правде».

И, наконец, **в-третьих,** считая себя «гением исторической науки», а у него, по мнению хорошо знавших его, действительно был, образно говоря, «некий сдвиг по фазе», трансформировавшийся в комплекс «непризнанного гения», якобы способного раскрывать не поддающиеся раскрытию тайны прошлого (отчего он и настрочил просто гигантское количество толстенных книг, в которых разоблачал всех и вся направо и налево), Бунич сознательно проигнорировал именно те источники, которые были, что называется, у него под носом. Очевидно, полагая, что одних только «Известий ЦК КПСС» вполне достаточно.

Между тем среди источников, которые были у него, что называется под носом, была и знаменитая книга выдающегося советского писателя-фронтовика К. Симонова **«Глазами человека моего поколения».** М., 1989. Не знать о ней Бунич физически не мог — о ней говорил тогда весь СССР, а Москва и Ленинград — тем более. Да и тираж был огромный.

Так вот именно в этой книге К. Симонова на стр. **345, 350—351,** увы, и начинается вся эта якобы история о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером. И начинается она, увы, со слов якобы маршала Г.К. Жукова. Правда, тут следует иметь в виду, что впервые эти данные были представлены еще в статье **«Заметки К.М. Симонова к биографии Г.К. Жукова»,** которая была опубликована в **Военно-историческом журнале (ВИЖ), № 9, 1987. С. 50—51.** Но тогда этот журнал не был в широком доступе, как, впрочем, и сейчас тоже.

Вообще, следует иметь в виду, что в литературе о кануне войны фигурируют **четыре** случая якобы разглашения Г.К. Жуковым некой истории о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером:

Во-первых, маршал якобы говорил об этом в беседах с К. Симоновым в 1965—1966 гг., о чем, как указано выше, писатель и поведал в своей знаменитой книге **«Глазами человека моего поколения».**

В изложении «властителя дум» того поколения рассказанная ему Жуковым якобы имевшая место история выглядит так: «**В начале 1941 г.** (если исходить из упомянутой выше публикации в ВИЖ, то Жуков тогда заявил Симонову, что это имело место **в начале января 1941 г.** — обратите на это обстоятельство особое внимание, пригодится при дальнейшем анализе. — *А.М.*), когда нам стало известно о сосредоточении крупных немецких сил в Польше, Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру, сообщив ему, что нам это известно, что нас это удивляет и создает у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное и, как подчеркнул он в тексте, доверительное. В этом письме он писал, что наши сведения верны, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, что он намерен строго соблюдать заключенный им пакт, в чем ручается своей честью главы государства. А войска его в Польше сосредоточены в других целях. Территория Западной и Центральной Германии подвергается сильным английским бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на Восток, с тем чтобы иметь возможность скрытно перевооружить и переформировать их там, в Польше. Насколько я понимаю, Сталин поверил этому письму». Такова версия Жукова по Симонову.

Небезынтересно отметить также, что упоминаемый ниже американский автор Дэвид Мерфи в своей книге **«What Stalin knew: the enigma of Barbarossa» — «Что знал Сталин. Загадка плана Барбаросса»** заметил, что упоминание об этой (якобы. — *А.М.*) переписке содержится еще и в книге **William J. Spahr, Zhukov: The Rise and Fall of a Great Captain (Novato, 1993).**

Во-вторых, 20 июня 1988 г. центральный орган ЦК КПСС газета **«Правда»** опубликовала статью генерала Д.А. Волкогонова **«Накануне войны»,** в которой он со ссылкой на Жукова поведал ту же якобы имевшую место историю. В тексте статьи один к одному была использована запись Симонова: **«Как стало известно, в начале 1941 г.,** несмотря на принятые меры предосторожности, поток исходивших из разных источников сигналов о сосредоточении крупных соединений немецких войск в Польше возрос особенно сильно. Обеспокоенный этим И.В. Сталин якобы обратился с личным посланием к Гитлеру, в котором писал, что создается впечатление, что Германия собирается воевать против Советского Союза.

В ответ Гитлер якобы прислал И.В. Сталину письмо, тоже личного характера и, как он подчеркнул в тексте, "доверительное". Гитлер не отрицал, что в Польше действительно сконцентрированы крупные войсковые соединения, но при этом утверждал, что, будучи уверен, что это его откровение не пойдет дальше Сталина, что сосредоточение немецких войск на польской территории преследует иные цели и ни в коем случае не направлено против Советской страны. И вообще, он намерен строго соблюдать заключенный пакт о ненападении, в чем ручается своей честью главы государства.

В "доверительном" письме Сталину Гитлер нашел аргумент, которому, как впоследствии говорил якобы маршал Г.К. Жуков, Сталин, по-видимому, поверил: фюрер писал, что территория Западной и Центральной Германии «подвергается мощным английским бомбардировкам» и хорошо просматривается с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на Восток...»

Одновременно с «Правдой» еще один вариант этой же якобы имевшей место истории был опубликован в журнале **«Коммунист», 1988, № 14. С. 7.** В этом случае якобы рассказ Жукова (взятый, судя по всему, у Симонова) выглядел так: «**Как-то при личном докладе** Сталин говорил, что он вчера получил от Гитлера личное письмо, который его заверяет, что сосредоточение в Польше войск ничего общего не имеет с подготовкой нападения на Советский Союз, что эти войска готовятся совершенно для другой цели, для более круп-

ной цели на Западе. Авиация, сосредотачивающаяся в Польше, на польских аэродромах, также выведена из-под ударов английской авиации. И я вам скажу, что Сталин этой версии, конечно, поверил. Он был убежден, что Гитлер готовит, с одной стороны, вторжение в Англию, а с другой стороны, имел в виду усилить свою африканскую группировку, где действовал корпус Роммеля. Но оказалось это, конечно, глубоко ошибочным. Ухватил ли я, как начальник Генерального штаба, глубокую ошибочность в мыслях Сталина? Я бы соврал, сказав, что вполне понимал, что война неизбежна. Я тогда поверил, был вполне удовлетворен ответом Сталина. У Тимошенко также не было никаких сомнений».

В-третьих, в 1966 г. параллельно беседам с Симоновым Жуков якобы поведал эту же якобы имевшую место историю об обмене посланиями между Сталиным и Гитлером Л.А. Безыменскому, который предал огласке этот факт в своей книге **«Операция "Миф", или Сколько раз хоронили Гитлера» только в 1995 г. (М., 1995. С. 35—37). В 2000 г.** Безыменский повторил то же самое в книге **«Гитлер и Сталин перед схваткой», стр. 470—473.**

Согласно Безыменскому, дело обстояло так: «Основная речь у нас шла о битве под Москвой, но маршал не мог не говорить о предвоенном периоде, о его роли как начальника Генерального штаба Красной Армии. Было упомянуто и злополучное Заявление ТАСС, появившееся в советской печати 14 июня 1941 г. В нем Советское правительство категорически опровергало "спровоцированные враждебными СССР и Германии силами" слухи о якобы готовящемся немецком нападении. Это заявление привело тогда советских людей в полное замешательство: с одной стороны, народ чувствовал, что в воздухе действительно "пахнет войной", с другой — привык верить сообщениям ТАСС как святому Евангелию.

— Но я воспринял его по-своему, — сказал маршал.

— Почему?

Он объяснил это так:

— **Где-то в начале июня** я решил, что должен предпринять еще одну попытку убедить Сталина в правильности сообщений разведки

о надвигающейся опасности. До сих пор Сталин отвергал подобные доклады начальника Генштаба.

Как-то он говорил по их поводу: “Вот видите, нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга”. Вместе с наркомом обороны Семеном Константиновичем Тимошенко мы взяли подготовленные штабные карты с нанесенными на них данными о противнике и его сосредоточении (пойди пойми маршала — то он не вполне понимал, что война неизбежна, то все произошло внезапно, а концентрация войск явилась неожиданностью, то разведка все точно сообщала, аж на картах это отразили, то он чего-то не ухватил в мыслях Сталина, но впоследствии убежденно утверждал, что-де ничего не ведал, обвиняя во всем Сталина и ГРУ, которые якобы чего-то там недосмотрели, не определили, но у Тимошенко не было сомнений (только непонятно в чем, и т.д.! — *А.М.*).

Докладывал я. Сталин слушал внимательно, но молча. После доклада он отправил нас, не сказав своего мнения. Настроение у меня было тяжелое. Прошло несколько дней, и меня вызвал Сталин. Когда я вошел, он сидел за своим рабочим столом. Я подошел. Тогда он открыл средний ящик стола и вынул несколько листков бумаги. “Читайте”, — сказал Сталин. Я стал читать. Это было письмо Сталина, адресованное Гитлеру, в котором он кратко излагал свое беспокойство по поводу немецкого сосредоточения, о котором я докладывал несколько дней назад.

“А вот и ответ, читайте”, — сказал Сталин. Я стал читать. Боюсь, что не смогу столько лет спустя точно воспроизвести ответ Гитлера. Но другое помню точно: раскрыв 14-го утром “Правду”, я прочитал сообщение ТАСС и в нем с удивлением обнаружил те же самые слова, которые прочитал в кабинете Сталина. То есть в советском документе была точно воспроизведена аргументация самого Гитлера...

Жуков не оговорился, когда в беседе со мной рассказал о письме Сталина Гитлеру. Об этом упомянул он и во время своей встречи осенью 1968 г. с писательницей Еленой Ржевской. Он ей прямо сказал, что перед началом войны Сталин писал Гитлеру. Говорил об этом маршал и Константину Симонову. В архивах такой переписки не обнаружено.

Но это ничего не значит. В архиве Сталина следов нет, но они могли быть уничтожены» **(было бы что уничтожать! —** *А.М.*)

В-четвертых, в 1968 г. в беседе с писательницей Еленой Ржевской якобы Г.К. Жуков вновь рассказал об этой имевшей место переписке, о чем уже Л.А. Безыменский поведал со страниц вышеупомянутой книги (там же). Эта вариация не воспроизводится из-за ее полной идентичности третьему варианту.

Едва ли кто-либо из читателей не согласится с тем, что слово **«якобы»** везде поставлено не случайно. Ведь нет никаких абсолютно достоверных данных об этой истории. А слова даже Маршала Советского Союза, даже четырежды Героя Советского Союза, что называется, к делу не пришьешь — достоверных, подлинных документов-то нет! Да еще и непонятно, почему Георгий Константинович пошел на такой странный шаг именно в середине 60-х гг. прошлого века (когда уже кипела работа над его мемуарами, причем кипела и с его стороны, и со стороны его цензоров, выдавших в итоге **500** страниц политически ангажированных замечаний и исправлений), озвучив эту якобы историю перед Константином Симоновым, а попутно еще и другим лицам. А в результате получилась, вежливо говоря, несуразица.

Да вы и сами попробуйте понять, что в этих версиях к чему?! Особенно же то, что как так могло случиться, что в одно и то же время Симонову и другим рассказывается едва ли не все, да еще и в деталях, а в беседе с Безыменским — память-то враз отшибло?! Не говоря уже о том, что Симонову было заявлено, что-де это случилось **в начале 1941 г.,** а как знающие русский язык, и автор статьи, и уважаемые читатели хронологически могут это понять только как не позднее конца первого квартала 1941 г., да и то с колоссальной натяжкой (кстати говоря, в начале 1941 г. еще никакого сосредоточения именно крупных немецких сил в Польше ни одна из советских разведывательных служб не зафиксировала, что четко отразил в своих мемуарах маршал М.В. Захаров). То же самое и в статье в «Правде». Но в таком случае куда деть его же утверждение о том, что-де это произошло **в НАЧАЛЕ января 1941 г.?!**

Но вот уже в публикации журнала «Коммунист» виден явный отход от хронологии — помните **«как-то при личном докладе»** (кто кому докладывал-то?), а когда он имел место быть — не указано. А у Безыменского сия и без того якобы имевшая место история вообще **перенесена на июнь! Причем с откровенной подтяжкой по срокам к знаменитому Сообщению ТАСС от 13/14 июня 1941 года. Зачем?**

Надеюсь, теперь понятно, почему И.Л. Бунич не сослался на эти источники.

На некоторое время, тем более в связи с переходом из одного тысячелетия в другое, эта история в научной полемике отошла на второй, а, быть может, и на третий план. А мы пока воспользуемся возникшей паузой, дабы показать уважаемым читателям, насколько на самом деле Сталин верил Гитлеру, в связи с чем позвольте воспроизвести выступление Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 18 ноября 1940 г. при подведении итогов визита Молотова в Берлин. Лучше него самого никто не объяснит, верил ли он коричневому шакалу или нет. Вот что он тогда сказал (цитирую максимально полно, т.к. это имеет колоссальное значение, тем более что эта запись сделана управделами СНК СССР Я. Чадаевым):

«В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно выступает за мирное урегулирование международных проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении в ноябре этого года совещания в Берлине (это решение было обусловлено точным знанием того, что Гитлер и Гесс ведут тайные зондажные переговоры в Швейцарии с представителями Великобритании по вопросу об англо-германском разделе мира, причем Лондон тогда выдвинул условие

о предварительном расторжении советско-германского договора о ненападении, на что Берлин в принципе согласился. — *А.М.*).

Стало быть, поездка в Берлин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что "германо-советские отношения окончательно установлены"!

Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны.

Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства.

Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии — все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления "глобальных интересов" Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений».

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они были не прочь натравить Германию на СССР.

«**Именно в то время, — подчеркнул Сталин, — нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении...**

Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы, и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопрос о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена.

Спрашивается, а какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством?

Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его "Майн кампф"? Разумеется, нет! История еще не знала таких фигур, как Гитлер.

В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная путаница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами, но фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира.

"Социализм", "национализм" — по сути это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия они используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил (обратите внимание на появление слова "вероломно" — видимо, это начало генезиса будущего выступления Сталина 3 июля 1941 г. и его

трактовки внезапности, т.е. сначала вероломно разрываются договоры и вслед за тем внезапное нападение — нападение без объявления войны. — *А.М.*).

Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом.

Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас.

Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооруженных сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносными ударами разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать не только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла бы сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовилась десантная операция (обратите внимание на использованные Сталиным слова **"демонстративно готовилась"** — это означает, что Иосиф Виссарионович уже тогда ясно отдавал себе отчет в том, что вся эта подготовка к высадке десанта в Англии — блеф, тем более что он использовал прошедшее время! Подчеркиваю, что уже в ноябре 1940 г. Сталин ясно осознавал это. А то ведь до сих пор есть историки, уверяющие, что-де Сталин «верил в то, что Гитлер не нападет на СССР, пока не разобьет Англию»! — *А.М.*).

Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз. Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки,

постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем (от границы — *А.М.*) тылу. Мы должны повести дело так, чтобы скорее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, подпавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии»[186].

Надеюсь, ни у кого не осталось сомнения в том, что у Сталина не было и капли доверия Гитлеру и его заверениям. А вот теперь можно вернуться к дальнейшему анализу этой истории.

Итак, в 2003 г. из печати вышло многотомное исследование **«Офицерский корпус в политической жизни России. Сборник документов»** под редакцией бывшего политработника, полковника в отставке доктора политических наук **Анатолия Ивановича Панова,** в то время являвшегося проректором Московской международной высшей школы «МИРБИС». На страницах 6-го тома своего творения бывший политработник ничтоже сумняшеся привел данные об этом якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером, в том числе опубликовал письмо Гитлера. Причем со ссылкой на Бунича. Трудно понять, как у доктора наук поднялась рука в качестве источника сослаться на художественно-публицистическое произведение…

Буквально через пару месяцев после выхода книги Панова из печати в номере от 26.11. 2003 г. газеты «Красная звезда» появилась

[186] *Карпов В.В.* Генералиссимус. М., 2002. С. 321—324; *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. М., 2005. С. 475.

рецензия **Марины Елисеевой**, в которой вновь была приведена эта история о якобы состоявшемся обмене посланиями. Опять же, приводились отрывки из письма Гитлера со ссылкой на Бунича. Как говорится, и рецензент туда же…

Не осталось в стороне и **«Независимое военное обозрение»**, опубликовавшее 6 августа 2004 г. статью А. Алферова **«Новая гипотеза начала войны»,** в которой в очередной раз была обмусолена та же якобы имевшая место история об обмене посланиями и приведен текст письма Гитлера Сталину со ссылкой на Бунича. И Алферов не избежал того же искушения, продемонстрировав, вежливо говоря, поверхностный подход к отбору источников.

В 2005 г. в Волгограде (Сталинграде) состоялась большая научно-практическая конференция, посвященная 60-летию Великой Победы. На конференции выступил и последний министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, ныне, увы, покойный Дмитрий Тимофеевич Язов, который зачитал якобы имевшее место в истории письмо Гитлера Сталину, а затем дал еще и интервью корреспонденту «Красной звезды» (27 апреля 2005 г.), в котором подтвердил все это. А на простой вопрос корреспондента «Красной звезды» о том, «где же находилось приведенное вами письмо Гитлера?», столь же просто и бесхитростно ответил: «В архиве Сталина или архиве ЦК КПСС. А в прошлом году оно было опубликовано в книге Панова “Офицерский корпус в политической жизни России”, том 6, издательство “Эйдас”».

Не могу в этой связи не отметить одно обстоятельство. Маршалы сами себе не пишут тексты выступлений — не маршальское это дело, для этого у них есть адъютанты и порученцы. И Язов не исключение — знаю это не понаслышке, а по личному опыту. Соответственно и вопрос: **кто и зачем впихнул в текст выступления маршала эту якобы имевшую место историю о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером, кто и зачем убедил (уговорил) честного вояку и патриота до мозга костей, всю жизнь отдавшего честному служению Родине, озвучить эту более чем сомнительную историю, если уже в 2005 году хорошо было известно, что это ничем не подтверждаемая фальшивка?**

В 2005 г. в США вышла книга экс-разведчика ЦРУ Дэвида Мерфи — **«What Stalin knew: the enigma of Barbarossa»** (небезынтересно отметить, что книга была издана в **Yale University Press,** а что такое Йельский университет США, надеюсь, разъяснять особенно не надо), которая в 2009 г. вышла и на русском языке под названием **«Что знал Сталин. Загадка плана Барбаросса»** (кстати говоря, правильное название плана агрессии — **операция «Вариант Барбаросса». — ???***А. М.***),** в которой якобы имевшей место тайной переписке между Сталиным и Гитлером посвящена целая глава **№ 18 — «Тайная переписка»** (неточный перевод с английского языка, ибо Мерфи назвал эту главу **«Секретные письма» — «Secret Letters». —** *А.М.*) с приведением отрывков якобы из письма Гитлера. Небезынтересно отметить, что Мерфи ссылался и на Симонова, и на Жукова, и на Безыменского, и на Бунича, и на Панова, и на Елисееву, короче говоря, на всех, кто засветился в тиражировании этой якобы имевшей место истории с обменом посланиями.

Будучи профессиональным разведчиком, увы, немало крови попортившим советскому КГБ в бытность начальником советского отдела ЦРУ, Дэвид Мерфи все-таки остался, к его чести, верным менталитету профессионального разведчика, который жестко обязывает всегда подтверждать данные точными ссылками на достоверные источники, и потому честно, письменно же признал, что **«не найдено никаких архивных материалов, удостоверяющих подлинность этих документов»,** которые он, увы, привел в приложении № 2 (стр. 319—322 русского издания). Правда, столь честное поведение в одном конкретном вопросе вовсе не предотвратило массированные антисоветские выпады в тексте его книги.

В 2006 г. бывший венгерский эмигрант **Джордж Лукаш (John Lukacs)** издал в США книгу под названием **«June 1941: Hitler and Stalin» (**небезынтересно отметить, что и эта книга была издана в **Yale University Press) — «Июнь 1941 года. Гитлер и Сталин»,** в которой использовал эту якобы имевшую место историю с обменом посланиями, но сослался на книгу Дэвида Мерфи.

В 2008 г. в №№ 205, 210, 215 и 220 газеты **«Красная звезда»** была опубликована статья **А. Савина «Тайна 22 июня»,** в которой опять мусолилась эта же якобы имевшая место история, причем текст письма Гитлера был воспроизведен без каких-либо оговорок как якобы полностью аутентичный документ. Проще говоря, опять был продемонстрирован, вежливо говоря, поверхностный подход к отбору источников.

То же самое произошло и 20 июня 2008 г. — в этот день **«Российская газета»** опубликовала статью авторитетного и весьма влиятельного по тем временам историка, доктора исторических наук, ныне, увы, покойного Анатолия Ивановича Уткина **«Письмо Сталину. О чем писал Адольф Гитлер советскому вождю накануне вторжения».** Увы, но даже столь авторитетный специалист по истории не избежал искушения излишней доверчивости к явной фальшивке.

Идентично использована эта же якобы история и в книге А. Осокина «**Великая Тайна Великой Отечественной»** (М., 2008). Будучи сторонником парадоксально фантасмагорической концепции о том, что Гитлер и Сталин якобы сговорились вместе напасть на Англию, а затем, в последний момент, Гитлер внезапно напал на ничего не ожидавшего Сталина, Осокин с колоссальным удовольствием использовал в своей книге любой бред, лишь бы подтвердить свою, мягко выражаясь, абсолютно неадекватную историческим реалиям версию.

Аналогичная история произошла и в 2009 г., когда из печати вышла книга **Бориса Сыромятникова** «**Трагедия СМЕРШ»,** на страницах которой опять появилась эта история. К сожалению, и этот автор не избежал искушения щегольнуть фальшивкой.

В каждом из приведенных случаев вся эта якобы имевшая место история с обменом посланиями, особенно с якобы направленным Сталину накануне агрессии письмом Гитлера, выставлялась только в негативном свете, особенно в части, касавшейся лично Сталина.

А теперь о главном. По факту выходит, что имели место не просто появление, распространение и целенаправленное муссирование фальшивки, но и существуют все основания категорически утверждать, что весь ход событий, связанный с появлением, рас-

пространением, утверждением (включая и так называемое «самоутверждение») как бы по кругу (каждый новый автор, решивший поучаствовать в распространении этой фальшивки, ссылается на предыдущего), «путешествием» за океан и обратно с такими же ссылками, вольным или невольным «освящением» этой версии очень большими и авторитетными именами и возведением едва ли не в непреложную, не могущую быть подвергнутой даже тени сомнения аксиому действительно очень смахивает на долгоиграющую операцию по оказанию всепроникающего крайне негативного влияния на историческое сознание нашего общества.

Ведь что в результате получилось-то? Все началось с якобы утверждения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, неизвестно откуда взявшего эту якобы имевшую место историю об обмене посланиями между Гитлером и Сталиным (ближайший соратник Сталина — Молотов, являвшийся и Председателем Правительства СССР и народным комиссаром иностранных дел никогда об этой истории не говорил, а ведь за 17 лет общения с писателем Ф. Чуевым 140 бесед имел с ним) и тем более неизвестно, по каким причинам оказалось, что он якобы озвучивал ее разным лицам в разных же, не стыкуемых между собой вариациях, а завершилось все это фактически выступлением Маршала Советского Союза Д.Т. Язова, да еще и с неоднократными якобы подтверждениями как из-за рубежа, так и, вежливо говоря, не совсем уместными (в силу явного отсутствия критического подхода к анализу источников) «творениями» отдельных мало вменяемых историков-аутсайдеров, а также публицистическими «трудами» очень авторитетных историков уровня не менее докторов исторических и политических наук, публикациями в уважаемых и очень авторитетных газетах, и т.д. и т.п.

Проще говоря, многолетняя и без преувеличения оригинальная как по замыслу, так и по технологии осуществления (главным образом, чужими руками, то есть преимущественно руками, увы, наших же историков и писателей) долговременная операция по внедрению в историческое сознание нашего общества и вооб-

ще историков Второй мировой войны и Великой Отечественной войны крайне негативного свойства фальшивки, к глубокому сожалению, практически достигла своей цели.

И только в 2020 г. волею случая и стечения благоприятных обстоятельств возникшая потребность в публичном проведении детального разбирательства как бы дала шанс наконец-то поставить точку в распространении этой якобы имевшей место истории. Хотя и сам факт этой точки еще предстоит довести до сведения широких читательских и зрительских аудиторий, но прежде надо ответить на следующие вопросы:

1. Кто же первым выпустил на панель исторических версий эту якобы историю о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером?

2. Зачем выпустили эту версию гулять по историческим весям?

И еще один, пожалуй, самый главный вопрос: **Так откуда же ветер-то подул, принеся эту, с позволения сказать, историю о якобы имевшем место обмене посланиями между Гитлером и Сталиным?**

Начнем с анализа самых простых фактов. Книга Константина Симонова **«Глазами человека моего поколения»** впервые была издана в 1989 году, а вот ее автор, Герой Социалистического Труда, лауреат шести Сталинских премий и одной Ленинской, первый заместитель председателя Союза писателей СССР и «властитель дум того поколения» Константин Михайлович Симонов скончался за 10 лет до этого — 28 августа 1979 года, а через год и его вторая жена.

Принимая во внимание все изложенное выше, уместно задать вопрос — **на 100 % ли аутентичен опубликованный текст рукописи самого Симонова?..**

Вопрос поставлен не случайно. Дело в том, что и в 70-е годы прошлого века партийно-политическая цензура в СССР не только просто свирепствовала, но и с ужасающе циничной наглостью так редактировала мемуары даже очень высокопоставленных в советской иерархии лиц, что искажала их до неузнаваемости. Причем делала это не

стесняясь, еще при жизни самого автора. О том, что творилось с мемуарами Жукова, уже говорилось выше. А вот не менее характерный пример — с мемуарами Анастаса Ивановича Микояна. Он скончался 21 октября 1978 г., буквально за месяц до своего 83-летия. Еще при жизни он сам передал в существовавший в то время Политиздат рукопись третьего тома своих мемуаров. Тем не менее, когда через несколько недель после похорон А.И. Микояна в Политиздат был вызван его сын, С.А. Микоян, то ему прежде всего заявили, что книга его отца исключена из планов издательства по личному указанию Суслова (был такой «серый кардинал» в ЦК КПСС, редкостная сволочь), а затем возвратили якобы отредактированный текст книги отца. При сравнении диктовок отца с текстом, подвергшимся экзекуции редакторов, Серго Анастасович, по его же собственному признанию, с изумлением обнаружил, что в ряде случаев мысли автора, то есть его отца, были искажены до неузнаваемости!

Но если позволяли себе столь нагло грубое вмешательство в изначальный текст мемуаров не абы кого там, а многолетнего члена Политбюро, который работал еще при Ленине, который десятилетиями находился на Олимпе власти в СССР, причем позволили еще при жизни (пускай и на ее излете) самого автора, то можете себе представить, что могли сотворить с мемуарами хотя и известного, очень авторитетного, но всего лишь писателя, умершего за десять лет до выхода его книги в свет. Тем более что уже настали, увы, времена варварской катастройки нобелевского комбайнера, коим вовсю манипулировал пресловутый А.Н. Яковлев, командовавший Агитпропом СССР.

Так что вовсе не случайно был поставлен оглушительный на первый взгляд вопрос: на 100 % ли аутентичен рукописи самого Симонова опубликованный текст? Наверное, нетрудно будет согласиться, что никаких гарантий на этот счет нет.

И прежде всего потому, что, <u>во-первых</u>, технология введения фальшивок, в частности на исторические темы, в научно-исторический оборот в качестве одного из основных приемов предусматривает широкомасштабное использование имен тех лиц, которые не только исключительно авторитетны в общественном со-

знании того государства и общества, против которых направлена та или иная фальшивка, но и, как правило, давно — по отношению ко времени ввода фальшивки в действие — покинули этот несовершенный мир. Принцип запредельно циничный — мертвые сраму не имут. Увы, но это альфа и омега технологии ввода фальшивок в оборот, особенно на исторические темы. Маршал Жуков ушел из жизни в 1974 г., писатель Симонов — в 1979 г. Что они могли (и могут ли?!) сказать в подтверждение или в отрицание того, что им приписали и приписывают?!

И вот вам подтверждение. Известный и весьма авторитетный при жизни историк, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН, автор 46 трудов, доктор исторических наук, профессор, ныне, увы, покойный Анатолий Иванович Уткин в упомянутой выше статье написал: **«О том, что накануне войны Сталин и Гитлер обменялись письмами, первым узнал писатель Константин Симонов — в ходе личных бесед с маршалом Георгием Жуковым в 1965 году. Достоверность источника, как говорится, не вызывала ни малейших сомнений…»** Даже у столь опытного историка, как А.И. Уткин, и то не возникло ни малейшего сомнения в достоверности источника. Вот так и работает это правило ввода фальшивок в оборот.

Как правило, этот прием востребует еще и то обстоятельство, чтобы эти исключительно авторитетные в общественном сознании лица были бы очень близко знакомы, дружили бы при жизни, о чем должно быть широко известно. Так вот Жуков и Симонов были очень близко знакомы, крепко дружили, хотя и не часто встречались. Например, поздравляя Симонова с пятидесятилетием, Жуков в своем письменном поздравлении обратился к нему со словами **«Дорогой Костя»,** а завершил словами **«мысленно обнимаю Вас и целую».**

Здесь надо четко понимать, что фальсификаторов интересует не сам факт близкого знакомства и дружбы этих лиц при их жизни, а всего лишь как фон, обеспечивающий якобы достоверность утверждения о том, что те или данные были оглашены именно в их приватной беседе.

Положа руку на сердце, ответьте на простой вопрос: разве перечисленное в этом пункте не является приемлемым условием для ввода фальшивки?!

Во-вторых, технология введения фальшивок, в частности на исторические темы, в научно-исторический оборот в качестве одного из основных приемов предусматривает особо точный выбор времени для ее введения в действие. Как правило, это происходит на рубеже смен поколений. Ибо согласно научно обоснованному выводу специалистов по психологическим войнам, для общества временной лаг, отделяющий историческое прошлое от современного ему настоящего, составляет примерно сорок лет (легендарное правило библейского Моисея — не зря же он сорок лет водил евреев по пустыне, дабы выветрить из их памяти все, что было связано с египетским пленом). Укладывающиеся в рамки этого периода события более или менее, но доступны непосредственному восприятию, пониманию и анализу обществом в целом. А все, что за его пределами, — исчезает за горизонтом прошедших десятилетий, а уж когда приходят новые поколения, то... впрочем, да вы и сами, уважаемые читатели, знаете, что у нас происходит с историческим сознанием общества на протяжении последних десятилетий.

Так вот книга Симонова была опубликована не только спустя десятилетие после его ухода из жизни, но и по истечении **44 лет** после Великой Победы 9 Мая 1945 г., то есть в 1989 г. — в самый разгар разрушительной катастройки нобелевского комбайнера, в процессе которой пользовавшийся абсолютной безнаказанностью пресловутый А.Н. Яковлев с помощью подчиненного ему пропагандистского аппарата гигантской страны в буквальном смысле слова «расстреливал» общественное и историческое сознание граждан Великой Державы из пропагандистских орудий огромной мощности. Но не только в самый разгар разрушительной катастройки, но и начавшейся масштабной смены поколений, причем в обстановке стремительно приближавшегося развала Советского Союза, к чему целенаправленно и вели всю эту проклятую катастройку. Результат налицо, последствия расхлебываем до сих пор…

В-третьих, другим особо часто используемым технологическим приемом при введении фальшивок на исторические темы в научно-исторический оборот является **«многозначительное наведение тени на плетень»** или, проще говоря, ссылки на якобы особый режим секретности, в котором находятся те или иные якобы документы, о которых идет речь в изложении этих якобы достоверных источников. Тот же Игорь Бунич, например, когда его, что называется, приперли к стенке в радиоинтервью р/с WMNB (интервью вел журналист Валерий Лебедев) в 1997 г. за то, что он нигде не указал источники, то на предложение назвать-таки архивный номер хранения плана «Гроза» (Бунич и на эту тему не менее рьяно разглагольствовал) или источник письма Гитлера, нагло и высокомерно отослал к своим произведениям, заявив, что-де широким массам неизвестны документы, которые известны, видите ли, только ему одному, но на всякий случай ляпнул, что он взял эти данные в **«Известиях ЦК КПСС», № 2 за 1990 г.** Журнал был открыт прямо в эфире и там, естественно, не было ни ссылок на архивные координаты хранения якобы имевшего место в истории якобы плана «Гроза», ни самого якобы письма Гитлера. Но на это Бунич никак не отреагировал.

А вот позиция А.И. Уткина, которую он показал в той же статье, письменно зафиксировав, что и у него не возникло ни малейшего сомнения в достоверности источника, профессор далее отметил: «… **однако добраться до "переписки вождей" оказалось далеко не просто: засекреченная в свое время, она была еще строже засекречена впоследствии».** И это утверждал доктор исторических наук!?

Безыменский поступил более оригинально, без экивоков на режим секретности: **«В архивах такой переписки не обнаружено. Но это ничего не значит. В архиве Сталина следов нет, но они могли быть уничтожены»!?**

«Ничего это не значит» — и все тут! Таково мнение специалиста по разгадыванию загадок Третьего рейха и, если не ошибаюсь, также доктора исторических наук. А то, что архив Сталина

в момент издания Безыменским его упомянутой книги был еще закрыт, перекочевывая в Архив Президента, куда еще никого не допускали — так себе факт...

В-четвертых, другим особо часто используемым технологическим приемом при вводе фальшивок в научно-исторический оборот является незаметное для постороннего глаза включение в текст рукописи мемуаров авторитетного в общественном сознании лица, искусно составленного в характерной для последнего стилистике фальшивого тезиса (фальшивых сведений) или же просто приписывание ему оглашение в приватном порядке тех или иных якобы фактов, якобы имевших место при его жизни. Обычно это делается либо через публицистику за авторством журналистов, либо через мемуары известных писателей, давно ушедших из жизни, поскольку в их среде нередки случаи завещаний опубликовать такой-то труд только после ухода автора из жизни и не ранее, чем пройдет такой-то срок (к слову сказать, упомянутая книга Симонова имела именно такое ограничение и потому была передана в печать только спустя десятилетие после его кончины). Такая ситуация открывает исключительные возможности для манипуляции с самим текстом, в том числе и для включения в него тех или иных тезисов, которые сам автор при жизни вряд ли бы допустил.

Особая подлость манипуляции в рассматриваемом случае заключается в том, что фальшивку запустили через мемуары писателя Симонова, как действительно «властителя дум того поколения». Расчет прост — кто ж посмеет усомниться в порядочности, честности и объективности известнейшего писателя-фронтовика?! Увы, приходится сомневаться — причина на примере истории с мемуарами того же Микояна была показана, — но не в личной порядочности и честности Симонова, в том числе и как писателя, об этом и речи быть не может (да и не наше это дело), а в порядочности и честности тех, кто столь нагло, подло и цинично использовал рукопись его мемуаров. Ведь никто до сих пор не обратил внимания на то, что, якобы озвучив в приватной беседе с Симоновым такие сенсационные на первый взгляд данные, сам же Георгий

Константинович Жуков никогда и нигде об этом не писал, даже в неопубликованных частях рукописи своих мемуаров, которые изданы в качестве приложения к двухтомному изданию **«1941 год»,** более известному среди историков как **«малиновка».** Ведь куда сподручней было использовать рукопись именно его мемуаров, а не приплетать к этой фальшивой истории известного и авторитетного писателя. Увы…

Приписать хотя бы исходя из того факта, что авторству Г.К. Жукова принадлежит такой, вежливо говоря, жуткий донос на Сталина, который он под грифом «секретно» за № 72с направил в ЦК КПСС 19 мая 1956 г. как проект своей речи на предстоявшем тогда пленуме ЦК КПСС[187]. Но вот беда. Даже в этом, имевшем гриф «секретно» доносе, маршал, который, что называется, «от души» облил несусветной грязью Сталина и свалил на него всю вину за трагедию 22 июня, ничего подобного не написал. А ведь это был самый разгар варварской вакханалии антисталинизма, спровоцированной проклятым докладом пресловутого Хрущёва на Иудином XX съезде КПСС. Ведь запросто, тем более под грифом «секретно», мог такое указать, если оно имело бы место быть в реальной истории. В этой связи небезынтересно заметить, что в упомянутом доносе под грифом «секретно» маршал «вспомнил» и полностью процитировал одну из своих докладных аж от 11 апреля 1941 г. по рутинному тогда вопросу, которую он тогда направил на имя Молотова с просьбой довести до сведения Сталина ее содержание, а вот такой «сенсационный» факт, как ознакомление с якобы взаимными посланиями Сталина и Гитлера, «странным образом» исчез в бездонных глубинах памяти маршала, а через 10 лет после этого не менее странным образом «всплыл»!? Ведь Хрущеву такой факт ох как понравился бы в его совершенно идиотской борьбе с «культом личности».

Более того. Даже ближайший соратник Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов, который в тончайших деталях знал все о советско-германских отношениях накануне войны, за 17 лет общения с писа-

[187] АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188, Л. 4—30. См. также: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. М., 2005.

телем Феликсом Чуевым не то чтобы ни единым словом, но и даже ни единым даже очень глухим намеком не показал, что такое могло быть.

Сейчас уже ни для кого не секрет, что мемуары маршала Жукова от издания к изданию изменяются и дополняются, причем самым парадоксальным образом, учитывая текущую на тот или иной момент современной истории политическую конъюнктуру. И каждый раз утверждается, что все эти изменения и дополнения делаются по рукописи маршала. Но еще более поразительно, что с каждым разом эти изменения приобретают все более негативный по отношению к Сталину характер. Этот пример действительно широко известен всем историкам, занимающимся историей Великой Отечественной войны, а также просто интересующимся этой тематикой, не говоря уже о том, что не менее хорошо известно, что рукопись маршала получила от военно-партийной цензуры замечаний, рекомендаций и пожеланий к исправлению на **500** страницах. Что в мемуарах маршала сугубо лично от Жукова, а что от этих **500** страниц, состряпанных вурдалаками военно-партийной цензуры и прочих, в том числе и современных, манипуляторов, — крайне запутанная история, требующая особого, тщательного, исключительно скрупулезного исследования. И это не считая того, что и сам маршал зачастую наводил такую тень на плетень, что в ряде случаев и поныне невозможно разобраться или, по меньшей мере, крайне трудно разобраться.

Так вот если маршала вынудили включить в текст мемуаров эпизод, над которым весь СССР в буквальном смысле слова закатывался в гомерическом хохоте, — когда он, маршал и представитель Ставки Верховного Главнокомандования якобы заехал к никому не известному во время войны полковнику Л.И. Брежневу, чтобы переговорить да посоветоваться с ним, то почему при всех странных изменениях и дополнениях якобы по рукописи маршала, которые вносятся от издания к изданию уже много лет после его смерти, не внести также и такое «дополнение», как краткое изложение якобы истории якобы с обменом посланиями, с которой он якобы был ознакомлен лично

Сталиным?! **Каким это образом фальсификаторы умудрились избежать такого искушения и не использовали вариант с рукописью самого маршала?!**

А по той простой причине, что тогда пришлось бы уже от имени маршала стряпать новую фальшивку о том, как он беседовал с Симоновым для включения ее в текст его же, маршала, рукописи, а это дало бы возможность сравнения с тем, что уже было включено в текст мемуаров Симонова. При составлении фальшивок именно на такие, вежливо говоря, «обоюдные подтверждения» устанавливается абсолютное табу.

Вот почему и был избран иной вариант — при «помощи» давно ушедшего из жизни Симонова «заставить» давно покинувшего этот несовершенный мир Сталина «ознакомить» давно усопшего маршала Жукова со своей якобы имевшей место якобы личной перепиской с Гитлером и ради этого впихнуть оглашение этой истории в уста давно ушедшего из жизни полководца, который был в дружеских отношениях с авторитетнейшим писателем и потому поделился с ним таким откровением?! Кто будет проверять, было оно или не было?! Весь расчет именно на это — кто посмеет усомниться?! **Разве такой вариант не реален?!**

Что, скажете, перегибаю палку?! Увы, аналогичные факты истории не позволяют. Возьмите, например, до сих пор гуляющую подлую фальшивку о том, что выдающийся русский ученый, врач-психиатр В.М. Бехтерев каким-то непонятным образом, якобы осмотрев Сталина, сделал вывод, что-де он параноик, и едва только озвучил этот диагноз, как тут же и преставился Всевышнему. Между тем еще в **1995 году** в опубликованном на **стр. 3 № 39** еженедельника **«Аргументы и факты»** интервью внучка выдающегося русского ученого, которая и сама при жизни являлась выдающимся деятелем науки — увы, ныне покойная Наталья Петровна Бехтерева вдребезги разнесла эту фальшивку (жаль только, что с опозданием): **«Это была тенденция — объявлять Сталина сумасшедшим, в том числе и использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали. Дедушку действительно**

отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был хороший человек и как погиб, смело выполняя свой врачебный долг. Какой врачебный долг? Он был прекрасный врач, как он мог выйти от любого больного и сказать, что тот параноик? Он не мог этого сделать». И далее добавила: «У нас в семье всем было известно, что отравила Владимира Михайловича его вторая жена — Берта Яковлевна».

Едва ли кому-либо из читателей не стало понятно, откуда ветер дул. Правильно, эта фальшивка в очередной раз вылезла в период резкой активизации антисоветской, прежде всего антисталинской пропаганды времен поздней горбачевщины. А пропагандой в те времена руководил пресловутый «серый кардинал» ЦК КПСС и «мозг» разрушительной катастройки, небезызвестный враг СССР А.Н. Яковлев, который в постсоветское время — пока не преставился — с циничной насмешкой заявлял, что главным для него было уничтожить Советскую власть и социализм, прежде всего путем полной дискредитации в глазах советского народа особенно сталинского периода и самого Сталина.

Вот кто давил на внучку выдающего русского ученого — Яковлев и его присные. А в очередной раз эта фальшивка вылезла потому, что ее уже пытались использовать еще при подготовке свержения Сталина в 1937 г., хотя заготовка на эту тему была состряпана еще в 1927 г. и тогда же планировалось ее использовать впервые. Правда, ни в 1927-м, ни в 1937 гг. не вышло, и на время все затихло. Прошли десятилетия. Но как только настала не столько перестройка, сколько катастройка нобелевского комбайнера Горбачёва и К°, фальшивку вытащили из нафталина, отряхнули и вновь запустили в дело.

Вы спросите, а зачем понадобилось имя Бехтерева, например, в 1927 г.? Так затем и понадобилось, что он был не только выдающимся ученым, врачом-психиатром, но и, увы, еще в годы Первой мировой войны принял активное участие в психологической войне против кай-

зеровской Германии и лично против кайзера Вильгельма II. В 1916 г. вышла брошюра Владимира Михайловича Бехтерева — **«Вильгельм — дегенерат нероновского типа»,** в которой писал: «Ясно, что если Вильгельм не может быть признан душевнобольным человеком, то он не может быть назван и вполне здоровым, ибо вышеуказанные особенности его натуры доказывают его неуравновешенность и склонность к ненормальным психическим проявлениям и расстройствам, которые столь обычны для всех вообще дегенератов…

…Со стороны читателя уместен, однако, вопрос, много ли вообще различия между душевнобольным и дегенератом, и стоило ли защищать Вильгельма от признания его душевнобольным, если приходится признавать его дегенератом с чертами прирожденного преступника, так ярко описанными Lombroso»[188].

Вся эта брошюра не более чем подкрепленное авторитетом выдающегося ученого целенаправленное навешивание крайне оскорбительных пропагандистских ярлыков на предводителя вражеского стана. В период войны так делают все, стремясь морально, психологически деморализовать, психически подавить противника. Например, едва Гитлер был приведен к власти в Германии, он уже был объявлен «бешеной собакой», заведшейся в Берлине. Причем объявлен именно англичанами, которые сыграли немаловажную роль, если не одну из ключевых, в его приводе к власти. Или вспомните хотя бы уникальнейшие карикатуры на Гитлера и его присных, которые во время войны постоянно публиковали наши знаменитые Кукрыниксы, или великолепные цирковые репризы знаменитого клоуна Карандаша во время войны, за что они даже были внесены в список личных врагов Гитлера.

Так что нет ничего удивительного в том, что вновь было востребовано имя выдающегося русского ученого — не обратить внимание на такого специалиста было невозможно. И, кстати говоря, заметьте, что фальшивка выползла сразу после смерти Бехтерева — тогда, в конце 20-х гг. прошлого века, действительно имел место первый приступ ак-

[188] *Бехтерев В.М.* Указ. соч. С. 39—40, 42. Приводится по: *Пыхалов И.В.* Самые подлые мифы о Сталине. М., 2012. С. 64—65.

тивизации антисталинской оппозиции, нацеленной на государственный переворот, что заметил даже знаменитый французский писатель Анри Барбюс, активизирована во второй половине 30-х гг. прошлого века в тех же целях, но тогда все сорвалось, а в следующий раз она была реанимирована уже во времена горбачевщины. И, увы, до сих пор гуляет по темным закоулкам сумрачно слабых умов либерастов...

Или такой пример. После развала СССР полки книжных магазинов России заполонили мемуары всевозможных предателей и перебежчиков из СССР, прежде всего из разведки. Но если часть из них действительно самостоятельно намалевали свои паскудные мемуары, пускай даже и с учетом требований своих западных хозяев, что, кстати говоря, было очень заметно, то вот один из них — Вальтер Кривицкий, он же Самуил Гершевич Гинзбург — не имел даже понятия, что от его имени было опубликовано в его же мемуарах, которые были переведены с английского на русский язык и огромными тиражами издавались в постсоветской России под названием **«Я был агентом Сталина».** Хотя книгу он успел увидеть, прежде чем покончить жизнь самоубийством в очередном припадке страха перед возмездием за измену Родине. На эту книгу до сих пор ссылаются даже солидные и вменяемые историки, не подозревая, что это настоящая фальшивка. Оно так и продолжается до сих пор, хотя **Элизабет Порецки** — супруга его же земляка и друга, с которым вместе служил в советской разведке, и такого же предателя-перебежчика на Запад — Игнация Порецкого (он же Натан Маркович Порецкий), убийство которого он организовал по требованию Ежова, давно разоблачила его мемуары. Удрав на Запад вместе с мужем, эта мадам тоже накропала мемуары (они также переведены на русский язык и опубликованы под названием **«Тайный агент Дзержинского»),** в которых вдребезги разнесла «мемуары» Кривицкого, пояснив, что он не знал английского языка, на котором они написаны, что «мемуары» стряпали некие «литературные негры». На самом же деле один — мерзавец по имени Исаак, он же Айзек Дон-Левин, старый агент-пройдоха британской разведки в США. Что этот мерзавец наплел в «мемуарах» Кривицкого — сам черт не разберет, но все якобы со слов Кривицкого, который приватно

откровенничал с ним, не подозревая о тех баснословных гонорарах, которые отхватывал пройдоха Дон-Левин у различных журналов и издательств, публикуя у них тщательно переработанные рассказы Кривицкого.

Или, например, «мемуары» шефа нацистской внешнеполитической разведки Вальтера Шелленберга, впервые изданные в России под названием **«Лабиринт»** еще в конце прошлого столетия. Вальтер Шелленберг понятия не имел, что же вышло в свет под его именем, а уж о поднятой вокруг его «воспоминаний» шумихе и вовсе был лишен возможности даже догадываться, поскольку к моменту их выхода в свет — а произошло это в августе 1956 г. в Великобритании на английском языке, экс-обер-шпион Третьего рейха уже четыре с лишним года как пребывал в могиле, куда его еще 31 марта 1952 г. спровадила британская разведка, устроив ему «ураганный рак» прямо в клинике Форнака в городе Турине.

В действительности же Шелленберг никаких мемуаров не писал, не редактировал, названия им не давал, а соответственно и не менял (на разных языках они по-разному называются), и уж тем более сам лично ничего не издавал и в отношения с издательством не вступал. Все, что он успел якобы написать с середины мая 1945 г. до своей «ураганной» смерти — свыше **1000** рукописных страниц, — это всего лишь черновые записи адресованного британской разведке **«отчетного доклада»** по передаче **«бесценного опыта»** ведения разведывательно-подрывной деятельности, в том числе и прежде всего против СССР. А в основу его «мемуаров» была положена его детальная, многостраничная автобиография, собственноручно написанная им по требованию британской разведки еще в период пребывания в плену. Между тем даже сами сотрудники МИ-6 (например, высокопоставленный и высококвалифицированный разведчик, политолог и историк Хью Тревор-Роупер) еще в конце 40-х годов XX века считали, что эта автобиография **«не может быть использована как беспристрастный источник свидетельств»** (кстати, его мнение приведено прямо в предисловии к «мемуарам»). К автобиографии были добавлены собственноручные показания Шелленберга

на допросах, а на основе всего этого и были состряпаны «мемуары». И никто никогда не обращал внимания на то, что в предисловии к первому изданию его якобы «мемуаров» на английском языке английский издатель нагло указал, что попавшая ему в руки **«рукопись»** Шелленберга **«находилась в полном беспорядке».** Но разве мог генетически педантичный и аккуратный немец, к тому же прошедший суровую школу в спецслужбах Третьего рейха, столь бессистемно и хаотично излагать на бумаге свои мысли? Такое могло случиться только в одном случае — когда материал был понадерган из разных протоколов допросов и собственноручных докладов Шелленберга. Вот почему все то, что хорошо известно под названием **«Лабиринт»,** есть не что иное, как результат тотальной перекройки и переделки этих «черновиков» в сочетании с крупномасштабными купюрами особо опасных для Великобритании и ее разведки мест. В результате разница между теми, настоящими записями Шелленберга и тем, что в итоге было опубликовано, — принципиальна! Это особенно заметно при сравнении текстов его якобы «мемуаров» на английском, французском и немецком языках (на последнем они были изданы только после двух первых). А ведь на его «мемуары» часто ссылаются даже солидные и вменяемые авторы, особенно когда речь заходит о событиях 1937—1938 гг., прежде всего о ликвидации заговора Тухачевского.

Положа руку на сердце, ответьте самим себе на простой вопрос: ну, а чем плох вариант использования мемуаров давно ушедшего из жизни Константина Симонова? Или чем плохо оригинально состряпанное трехкратное якобы подтверждение, приведенное, например, на стр. 343 и 356—357 первого тома и стр. 9 второго тома десятого издания мемуаров Жукова, о чем подробно скажем чуть ниже?

В-пятых, следующим, но равным по значимости приемом составления и введения фальшивок в научно-исторический оборот является абсолютное табу на дословное воспроизведение и уж тем более прямое цитирование якобы устами этих очень авторитетных лиц текста продвигаемых фальшивок. Обратите пристальное внимание на то об-

стоятельство, что все версии гуляют не только сами по себе, как бы взаимно подтверждая друг друга некой частичной схожестью своего содержания, но и прежде всего только в очень кратком изложении, приписываемом устам Жукова, а вот непосредственно сам текст якобы письма Гитлера — шастает по информационным весям совершенно отдельно от них и в полном виде. И при этом нет ни малейшего намека на какой бы то ни было текст послания Сталина. Только глухое упоминание о том, что-де Сталин был обеспокоен сосредоточением немецких войск у советских границ. Оно и понятно. Попади оно в уста этих лиц, то не миновать реального скандала.

А теперь попробуем проанализировать текст самой этой фальшивки, то есть якобы письма Гитлера Сталину якобы от 14 мая 1941 года:

«Уважаемый господин Сталин,

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства. Как Вам хорошо известно, я давно принял решение на проведение серии военных мероприятий для достижения этой цели. Однако, чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием.

Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир, убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны. Однако английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о “народах-братьях”, применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства.

Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, еще раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самим своим невероятным поступком.

Судя по имеющейся в моем распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня. В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство. При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск. В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы. Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года».

Мне неведомо, какому конкретно идиоту на Западе, скорее всего в Англии, точнее, в МИ-6, пришло в голову состряпать это фальшивое письмо, но могу совершенно определенно, категорично заявить, что идиот он на то и идиот, что допустил ряд характерных проколов, которые ясно указывают на то, что это фальшивка.

1. У этого якобы письма Гитлера Сталину нет ни малейшего признака архивно-документального подтверждения! И соответственно невозможно понять, каким это образом профессиональным историкам (за редчайшими исключениями) столь лихо удается игнорировать этот непреложный и хорошо известный всем факт. У бывшего сотрудника ЦРУ, закоренелого антисоветчика Д. Мерфи хватило ума и профессиональной объективности, дабы прямо оговорить, что у этого письма нет никакого архивно-документального подтверждения, а наши доктора и кандидаты всевозможных наук, не задумываясь, вовсю бубнят, что-де это подлинный документ, да еще и сбивают с толку и без того склонных к жареным сенсациям журналистов.

2. Каким это образом профессиональным историкам (за редчайшим исключением) столь лихо удается не обращать внимания на то,

что якобы письмо Гитлера Сталину начинается и заканчивается откровенными англицизмами: **«Уважаемый господин Сталин»** — по-английски **«Dear sir»** и **«Искренне Ваш, Адольф Гитлер»** — по-английски **«Yours sincerely».**

Примерно лет 11 тому назад автор настоящей книги имел честь беседовать с тогдашним президентом Ассоциации историков Второй мировой войны, к глубокому сожалению ныне покойным, выдающимся отечественным ученым, историком, доктором исторических наук Олегом Александровичем Ржешевским в его кабинете в здании Президиума АН РФ, что на Ленинском проспекте. Речь тогда зашла и об этом якобы письме. О.А. Ржешевский показал автору солидную книгу энциклопедического характера на английском языке — увы, не помню ее названия, — на одной из страниц которой было опубликовано это письмо на английском языке со всем присущим именно английскому языку стилистическим оформлением. Единственное, что помню абсолютно твердо, так это то, что письмо начиналось и заканчивалось именно так, как указано выше.

Кстати, когда на английском языке пишут **«Dear sir Stalin, …»,** то после фамилии адресата обязательно поставят запятую, а далее идет основной текст послания. Так вот **при переводе на русский язык автоматически сохранили эту запятую, хотя по правилам русского языка она здесь не нужна.** Тем не менее основной текст начинается с заглавной буквы, хотя по правилам русского языка это недопустимо. Переводчик, видимо, не зря перестарался…

3. По своему правовому статусу в середине мая 1941 г. Гитлер и Сталин были равны, оба возглавляли правительства своих государств, только в Германии это называлось **рейхсканцлер,** а в СССР (тогда) — **Председатель Совета Народных Комиссаров,** а общеевропейский синоним **— премьер-министр.** И какого же рожна Гитлер нарушил элементарный дипломатический протокол, согласно которому он должен был обратиться к Сталину как минимум в следующей формулировке: **«Его высочеству главе правительства СССР Иосифу Сталину»** или, что более соответствовало бы

реалиям того времени, **«Его Превосходительству Председателю Совета Народных Комиссаров Советского Союза Иосифу Сталину».**

Тем не менее в шастающем на панели исторических фальшивок письме указано всего лишь **«Уважаемый господин Сталин».** Почему к Бенито Муссолини Гитлер обращался как **«Его высочеству главе итальянского королевского правительства Бенито Муссолини, Рим»,** а к Сталину — на минуточку, в момент, когда пушки еще не грохотали, а были хотя и весьма напряженные, но все-таки межгосударственные отношения, когда между двумя государствами существовали официальные дипломатические отношения — далеко не протокольно. Во внешней политике и дипломатии чрезвычайно чувствительно относятся к этим формулировкам обращения, и нарушение этих правил может вызвать крайне негативную реакцию, а то и серьезный скандал.

Тот, кто стряпал эту фальшивку, очевидно, хотел показать этим письмом некий, но якобы существовавший доверительный характер отношений между Гитлером и Сталиным. Зря старался. Потому как перестарался… Ибо никакого доверительного характера в их отношениях не было и быть не могло по определению, как, впрочем, не было и самих отношений. Были всего лишь обусловленные дипломатическим протоколом отношения — например, поздравления с днем рождения, юбилеем, новым годом и т.п., но не более того.

Когда в 1939 г. Гитлер обращался к Сталину с просьбой принять Риббентропа, то в телеграмме он обратился к Иосифу Виссарионовичу так: **«Herrn J.V. Stalin Moskau». — «Господину И.В. Сталину Москва».** И никакой лирики. Или, например, поздравляя Сталина с 60-летием, Гитлер обратился к нему так: **«Господину Иосифу Сталину».**

Кстати говоря, пара слов о лирике. Судя по всему, за образец для составления фальшивки было взято реальное письмо Гитлера Муссолини от 21 июня 1941 г., потому что начало у обоих писем не просто лирическое, а едва ли не под копирку (см. таблицу).

Якобы письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.	Подлинное письмо Гитлера Муссолини от 21 июня 1941 г. (опубликовано в Военно-историческом журнале, 1965, № 5, стр. 89—92
Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства	**Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда** длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения

Очевидно, другого подходящего образца у фальсификаторов не нашлось…

4. А теперь проанализируем другую часть якобы послания Гитлера, где якобы он пишет: «…Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы. Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи…»

Помните, выше автор поставил недоумевающий вопрос — **каким это образом фальсификаторы умудрились избежать такого искушения и не использовали вариант с рукописью самого маршала?!**

Так вот дело в том, что полностью избежать упомянутого выше искушения фальсификаторам все-таки не удалось. А теперь особое внимание. В феврале 1990 г. к печати были подписаны первые два

тома трехтомных мемуаров Жукова (тем, кто не помнит, напомню, что первое прижизненное издание его мемуаров **уместилось в один, подчеркиваю, в один том**), которые в тот момент являли собой неотъемлемую часть так называемого **«десятого издания, дополненного по рукописи автора»,** а в качестве автора указаны наследники — вот как это выглядело в книге: **«Автор (наследники) с доп. 1990 г.».**

Так вот **наследники,** они же **«автор»,** очевидно, слетав в астрал и переговорив там со своим папенькой, умудрились втиснуть на страницу **343 первого тома десятого**, с позволения сказать, **издания** следующую квинтэссенцию сути фальшивого письма Гитлера Сталину, но никак не показывая, что речь идет об этой фальшивке: **«Гитлеровское правительство всеми способами старалось внушить советскому руководству, что переброска войск совершается не для того, чтобы угрожать Советскому Союзу, а для того, чтобы рассредоточить и вывести их из-под удара английской авиации, а также для прикрытия румынских нефтяных промыслов от англичан, высадившихся в Греции.**

Гитлер принимал все меры, чтобы внушить И.В. Сталину мысль о его вполне лояльном отношении к Советскому Союзу, и неоднократно заверял, что Германия никогда не нарушит своих обязательств. И как это ни странно, И.В. Сталин поверил этим фальшивым заверениям».

По всей видимости, этого показалось мало, и этот же «автор», то бишь наследники, вторично слетав в астрал, решили «добавить перцу», то есть более полно раскрыть суть и без того фальшивого письма Гитлера устами самого фюрера, и **на страницах 356—357 того же первого тома десятого издания** — опять-таки от имени давно усопшего папеньки — впихнули следующее (опять-таки никак не показывая, что речь идет об этой фальшивке): **«Помню, как однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И.В. Сталин сказал: “Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером и тот ему конфиденциально сообщил: “Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о кон-**

центрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе". Видимо, И.В. Сталин верил в эту версию, и все мероприятия по обороне страны, по усилению наших вооруженных сил он проводил как-то пассивно. Не скажу, что он отвергал наши предложения, но и не спешил с их принятием и не торопил тех, кто должен был проводить их в жизнь».

Но и этого им показалось недостаточно. У «автора», то есть наследников, вдруг пробудился «кулинарный зуд» — им захотелось засадить еще и вишенку на торте, который они сварганили еще в первом томе. На этот раз решили использовать вариант эзоповой речи, полагая, что никто ничего не заметит. Заметили, все-все заметили, пускай и не сразу. **На стр. 9 второго тома десятого, с позволения сказать, издания с дополнениями 1990 г. от наследников появилась следующая вставка, описывающая реакцию Сталина на первый доклад о начавшейся войне: «Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал:**

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация… — ответил С.К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И.В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города … — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом».

Показанные выше все три фокуса, пардон, «дополнения по рукописи» ихнего папеньки, что учудили, пардон, втиснули наследники в мемуары своего папаши суть фальшивого письма Гитлера и якобы реакция Сталина едва ли не под копирку стыкуются с тем, что было написано в самой этой фальшивке якобы Гитлером. Проще говоря, искусственно была создана ситуация более чем ненавязчивого (потому-то и не сразу заметили) подтверждения того, что-де Сталин якобы действительно получил некое письмо от Гитлера, ибо Иосиф Виссарионович якобы фактически знал содержание некоего фальшивого письма Гитлера и даже от обратного повторил аргументацию фюрера.

Вот же жулье! Но нельзя не признать, что, увы, весьма тонко сработали, негодяи — не наследники, естественно, а те, кто им помог «дополнить» и без того крайне далекие от истины мемуары ихнего папеньки столь чудными вставками…

5. Не меньший интерес вызывает и концовка этого якобы письма, где говорится: «…И немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали. Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам. Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле».

Чистейшей воды провокационная ложь фальсификаторов этого письма! Канал срочной связи с Берлином был один — обычные телефон и телеграф. То есть никакого отдельного канала связи, отдельной линии связи или отдельной частоты для связи по радио между Кремлем и рейхсканцелярией НЕ БЫЛО! Да и вообще, главы государств и правительств так не обращаются друг к другу — «и немедленно сообщите о случившемся…».

Никаких общих целей, которые якобы четко были согласованы, также никогда не существовало и в помине! Вспомните хотя бы приводившееся в главе 1 сообщение советского посла в Англии Майского со ссылкой на чешские источники, от которых поступили сведения об оценке Кейтелем советской внешнеполитической позиции. Вот то-то и оно, что…

Более того. Хорошо известно, что визит Молотова в Берлин окончился ничем в части, касающейся внешнеполитических вопросов, чем Гитлер был сильно раздражен. Еще более раздражен он был, когда поступило ответное предложение Молотова по поводу тех предложений, которые перед его отъездом ему сделал Риббентроп. К середине мая 1941 г. напряженность в германо-советских отношениях стремительно приближалась к своему апогею. Единственное, в чем СССР тогда пошел навстречу Германии, так это в предоставлении отдельного железнодорожного эшело-

на для переброски по Транссибирской магистрали 4 тысяч тонн каучука, закупленного Германией в Юго-Восточной Азии. Но это в рамках торгового соглашения. Кроме того, на взаимоприемлемой основе были еще раз урегулированы торгово-экономические вопросы. Все. Больше ничего такого не было.

Зато чуть ли не каждый день были протесты со стороны советских пограничников по поводу незаконного залета германских самолетов в воздушное пространство СССР и официальные ноты протеста Советского правительства по этому поводу, и т.д.

6. Проанализируем следующее предложение: **«Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле».** Слухи о подобной встрече в то время действительно гуляли и по Берлину и по всему миру. Запустил их Геббельс по прямому указанию Гитлера. Но он запустил их в действие в начале июня — под конец первой декады июня 1941 г., о чем сам и написал в дневнике[189]. Каким образом фальсификатору удалось перенести эту и без того лживую идею на май — так и черт его знает.

Но запущенный Геббельсом слух вышел Берлину боком. Дело в том, что, имея в виду, очевидно, именно этот слух, **18 июня 1941 г.** Сталин и Молотов лично провели блестящую разведывательно-дипломатическую блицоперацию по уточнению истинного замысла Гитлера, в результате чего **было получено неопровержимое доказательство того, что Гитлер действительно принял окончательное решение о нападении на СССР в самые ближайшие дни.** Ее суть в том, что по приказу Сталина Молотов обратился к германскому правительству с предложением срочно принять его с визитом, что четко зафиксировано в записи от 20 июня 1941 г. в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии генерала Ф. Гальдера: **«Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером»[190].** На это предложение Молотова (Сталина) последовал немедленный отказ немецкой стороны. Как уже указывалось выше, впоследствии было установлено, что в дневнике статс-секретаря МИД Германии Вайцзеккера за 18 июня

[189] *Ржевская Е.М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994, переиздано в 2014 г. Приводится по Интернету.

[190] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 579.

1941 г. появилась следующая запись: **«Главная политическая забота, которая имеет место здесь** (то есть в Берлине. — *А.М.*) — **не дать Сталину возможности с помощью какого-нибудь любезного жеста спутать нам в последний момент все карты»**[191].

Проще говоря, столь нехитрым, но более чем эффективным образом Сталин и Молотов получили фактически еще одно неопровержимое подтверждение тому факту, что, отказав в визите наркому иностранных дел СССР Молотову, Гитлер действительно принял окончательное решение о нападении на СССР, которое должно состояться в самые ближайшие дни.

К слову сказать, очень похоже на то, что осуществленная операция была действительно ответным «пасом» Сталина. **Дело в том, что в информации ценнейшего агента ГРУ «Х» (Герхарда Кегеля) от 10 июня 1941 г. проскочило упоминание о том, что-де Гитлер предложил Сталину приехать в Германию. И что ответ по данному предложению должен был быть дан до 12 июня 1941 г.**[192] Подобная информация нигде и ни по каким другим каналам более не проходила. Очевидно, что Г. Кегель напоролся на дезинформацию Геббельса. Так что, исходя из того, что это был действительно блеф, выходит, что Сталин очень ловко отбил этот блеф-«пас», фактически устроив фюреру очередную очень жесткую проверку его подлинных планов.

По приказу Сталина **20 июня 1941 г.** Молотов повторил дипломатический трюк с предложением о своем визите в Германию, но опять получил отказ. Запись об этом сделана Геббельсом в своем дневнике 21 июня[193]. Проще говоря, еще раз Сталин и Молотов столь нехитрым, но более чем эффективным образом получили фактически неопровер-

[191] Die Weizsacker-Papiere 1933—1950 / Hrsg. Von L E.Hill. Frankfurt a. M., etc, 1974. S. 260.

[192] *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Разведка. Открытые материалы. М., 2005. С. 232 со ссылкой на ЦА МО РФ (без указания № фонда). Оп. 7272. Д. 1. Л. 87—98 (Перечень донесений о военной подготовке Германии против СССР. Январь — июнь 1941 г.).

[193] *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 152—153 со ссылкой на немецкие архивы.

жимое подтверждение тому факту, что Гитлер действительно принял окончательное решение о нападении на СССР, которое вот-вот начнется. Ни Ф. Гальдеру, ни Й. Геббельсу не было никакого смысла в то время врать самим себе, тем более в своих же личных дневниках.

7. В тексте фальшивки есть следующее предложение: **«Как Вам хорошо известно, я давно принял решение на проведение серии военных мероприятий для достижения этой цели».**

С какой это стати Гитлер указывает **«как Вам хорошо известно»**?! Это что, попытка фальсификаторов бросить тень на плетень, проще говоря, письменно затвердить тезис о том, что **Сталин якобы не без помощи Гитлера знал о его планах борьбы против Англии**?! Сталин действительно знал, однако же не от Гитлера, а от советской разведки, причем в немалых деталях. Да к тому же не о том, что фюрер собирается осуществить вторжение в Англию, а о том, что он давно отказался от этой идеи, о чем говорилось выше.

8. И, наконец, о совершенно идиотском разглашении Гитлером фактически почти точного срока нападения на СССР. Гитлер был действительно преступником № 1 всех времен и народов. Но он не был, по крайней мере именно в то время, клиническим идиотом и абсолютным болваном, чтобы даже задом наперед эзоповым языком сообщать своему врагу, когда примерно он нападет на него. Тут фальсификаторы круто перестарались в попытке выставить Сталина в роли дурачка, который, видите ли, якобы поверил этим словам нациста № 1. Этого не было и быть не могло по определению. Не тот человек и государственный деятель был Сталин, чтобы поверить или полностью доверять такому негодяю, как Гитлер, в подтверждение чего выше уже приводилось его выступление по итогам визита Молотова. Не говоря уже о том, что и сам Гитлер такого не написал бы.

Кстати говоря, эта совершенно идиотская попытка выставить Сталина в роли поверившего басням Гитлера дурачка была предпринята не спроста. Ведь она же была предпринята практически за полтора года до 50-летия начала Великой Отечественной войны. Фальсификаторам явно был крайне нужен новый убойный, по их мнению, аргумент, который еще раз показал бы, что трагедия 22 июня произошла

сугубо по вине Сталина, который якобы как последний дурень повелся на сладкие речи фюрера и не отдал приказа о приведении войск в боевую готовность.

Только вот перестарались фальсификаторы, заблаговременно, почти за полтора года вбросив на панель исторических версий и измышлений, причем одновременно, то есть в одно и то же время, и якобы письмо Гитлера Сталину, и приведенные выше вставки на стр. 343 и 356—357 первого тома и на стр. 9 второго тома десятого издания мемуаров Жукова. Хотели как лучше для своей разрушительной пропаганды, но получилось-то как всегда. Потому что рассчитывали, что фальшивка закрепится в информационных весях и можно будет ее мусолить вплоть до 50-летия начала войны, в том числе и со ссылкой на мемуары Жукова, но оказалось не с руки — в это время в стране набирал мощь стремительно надвигавшийся тайфун геополитической катастрофы, который всего-то через несколько месяцев после 50-летия начала войны привел к уничтожению СССР, под обломками которого оказалась и эта фальшивка. Правда, не прошло и пары лет, как непонятно с какого перепуга из-под руин великой державы ее вытащил невменяемый И. Бунич и запустил в оборот, затем и вменяемо управляемый Л. Безыменский подоспел и далее другие по приведенному выше списку.

9. А насчет способа, который якобы Гитлер выбрал якобы для доставки письма, за что извинялся в нем, отметим, что прежде всего это попытка завуалированной привязки постфактум к реальному факту внерейсового прилета самолета Ю-52 в Москву.

Прежде всего необходимо раз и навсегда твердо уяснить, что до сих пор нет никаких абсолютно достоверных, документальных данных о том, что это было на самом деле. Проще говоря, что стояло за фактом этого прилета. **Ничего нет, абсолютно ничего!** Зачем он прилетел, что или кого он привез и привез ли вообще, входил в самолет кто-либо или не входил, соответственно кто конкретно, выходил ли кто-либо из самолета или не выходил, соответственно кто конкретно, подавался ли автомобиль к трапу самолета или не подавался, чей и какой автомобиль, короче говоря, ни хрена не известно, тем более

с абсолютной достоверностью. Неизвестен даже бортовой номер этого самолета. **Есть только голый факт — вдруг откуда ни возьмись… прилетел внерейсовый самолет Ю-52.**

И вот на базе этого сугубо голого факта все кому не лень развернули такую фантасмагорическую карусель конспирологии, что многих из ее участников вполне резонно заподозрить в некотором психическом недомогании...

К примеру, ставший легендой советской разведки Павел Анатольевич Судоплатов в своих мемуарах (кстати говоря, также написанных и подготовленных к печати не им лично, и даже не его сыном, а двумя «литературными неграми» из США — семейной парой журналистов из числа эмигрантов из СССР, поскольку сначала они издавались в США на английском языке и только потому были изданы на русском языке) создал впечатление, что этот прилет вызвал переполох в Кремле, после чего начались репрессии против высшего командного состава ВВС РККА. Сообщая об этом в своей знаменитой книге «Разведка и Кремль», П.А. Судоплатов так и написал: **«Это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС. Это феерическое приземление в центре Москвы показало Гитлеру, насколько слаба боеготовность советских Вооруженных сил»[194].**

Эта неадекватная историческим реалиям версия каким-то странным образом осуществила обряд самоутверждения, и очень многие исследователи до сих пор «танцуют» от нее. Даже покойный ныне доктор исторических наук, профессор А.И. Уткин и то «станцевал» именно от этой версии. Так, в упомянутой выше статье он написал: «**Достаточно сказать, что письмо Гитлера от 14 мая 1941 года, которое мы цитируем ниже, было доставлено в Москву специальным самолетом германских ВВС без предупреждения советских ПВО. До сих пор покрыто тайной, каким образом он "прорвался" через заграждения противовоздушной обороны, за что и поплати-**

[194] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 139.

лись жизнями генерал-майор авиации Володин и генерал-майор авиации Грендаль. Но маршал Жуков, видимо, догадывался, что их расстрел был попыткой спрятать концы в воду — не потому ли и сам молчал столько лет?»

С глубоким сожалением вынужден констатировать, что как легендарный разведчик (вряд ли он сам, скорее всего «литературные негры» перестарались), так и очень авторитетный при жизни историк, увы, вполне сознательно навели колоссальную тень на никогда не существовавший плетень.

Прилетевший самолет был гражданским трехмоторным Ю-52 с опознавательными знаками гражданской авиации Германии. Еще в 1990 г. генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов наконец-то разобрался с некоторыми обстоятельствами прилета этого самолета и на **стр. 43—46 № 6 Военно-исторического журнала за 1990 г.** поведал о финале этой истории. Так вот, несмотря на то, что внерейсовый самолет Ю-52 прилетел 15 мая 1941 г., негласное уведомление о его прилете явно было 9 мая. Именно в этот день «почему-то» именно нашими же военнослужащими была нарушена линия связи между Белостокским аэропортом и 4-й бригадой ПВО и 9-й смешанной авиадивизией Западной зоны ПВО, по которой должно было быть передано оповещение о нарушении границы германским самолетом. Причем, если 15 мая посты ВНОС не распознали этот самолет, приняв его за рейсовый ДС-3, то вот Белостокский аэропорт имел телеграмму о вылете именно Ю-52. Более того. Дежурный 1-го корпуса ПВО г. Москвы получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота о том, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

10 июня 1941 г. был издан приказ № 0035 наркома обороны СССР С.К. Тимошенко якобы по итогам расследования этого инцидента, подписанный, кстати говоря, и Жуковым тоже. В постановляющей части этого приказа с изумлением можно обнаружить беспрецедентно мягкие по суровым, казалось бы, условиям того времени наказания для «виновников». **Самое строгое… просто «объявить выговор», далее «объявить замечание» и, наконец, «обратить особое внимание»!**

[Кстати говоря, заметьте интересную деталь. Этот приказ был подписан также и Жуковым. Но во всех вариациях фальшивки, что приписывают ему, он ни разу не упомянул об этом странном прилете германского самолета Ю-52. А ведь, казалось бы, чего проще не только вложить в его уста фальшивую историю об обмене посланиями, но и подкрепить ее на сей раз действительно точными данными о самом факте прилета германского самолета Ю-52, и тогда фальшивка заиграла бы совсем по-другому — из его-то уст…]

Очевидно, из-за давности лет в памяти Судоплатова произошел сдвиг в хронологии (тут явно и «литературные негры» оплошали), обусловивший в свою очередь наложение факта репрессий против командования ВВС на факт этого прилета. В действительности же руководство ВВС РККА, и прежде всего сам начальник ГУ ВВС РККА Рычагов, было снято с должности по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 9 апреля 1941 г. **«Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии».** А поспособствовали этому, как свидетельствуют сохранившиеся в архивах документы, именно Тимошенко и Жуков, которые в начале апреля докладывали Сталину о том, что «из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах гибнут в среднем 2—3 самолета. Только за неполный 1-й квартал 1941 г. произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убит 141 человек и разбито 138 самолетов»[195]. А в год разбивалось от 600 до 900 самолетов. Без всякой войны в год разбивались целые воздушные армии...

Самолет же, как известно, прилетел 15 мая, так что нет ничего удивительного в том, что за давностью лет в памяти Судоплатова стерся разрыв в месяц. Или в «памяти», поскольку оплошали явно «литературные негры», но, быть может, они сделали это специально — им же надо было приготовить мемуары сначала для западного читателя, а для этого надо было что-то погорячей…

Что касается ареста Рычагова, то произошло это позже, буквально накануне войны. А тогда, в апреле, он был снят с должности и направ-

[195] ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 85. Д. 179. Л. 20—21.

лен в Академию Генерального штаба. Вообще же арест представителей командования ВВС РККА был обусловлен негативными результатами инспекций ВВС приграничных округов, о чем будет сказано ниже. Это обстоятельство очень важное, потому как, если ставить все точки над **«и»** строго по архивным документам, то Рычагова сняли с должности, а затем буквально накануне войны упекли за решетку именно Тимошенко и Жуков — без их письменного согласия арестовать лиц высшего командного состава военная контрразведка не имела права, таковы были установленные с начала 1939 г. жесткие правила. Военная же контрразведка с марта месяца 1941 г. по 17 июля 1941 г. находилась в составе Наркомата обороны и подчинялась Тимошенко и Жукову.

Так вот и спрашивается, зачем Судоплатов, Уткин и другие столь упорно нагнетали, а некоторые и сейчас сгущают краски, напирая на то, что-де тут же разразились репрессии?!

Как видим, все обстояло совершенно иначе, и Жуков, которого Уткин не к месту приплел, все знал. Кстати, упомянутого в статье Уткина генерал-майора авиации Владимира Давыдовича Грендаля никто не расстреливал — он с честью прошел всю войну, стал генерал-лейтенантом, скончался в 1975 г., похоронен на Новодевичьем кладбище. Другой же упомянутый в статье Уткина генерал-майор авиации, Павел Семенович Володин, был арестован 27 июня 1941 г. в процессе расследования обстоятельств того жуткого погрома ВВС приграничных округов, что был устроен люфтваффе 22 июня 1941 г. Расследование же имело серьезную подоплеку. Если кратко, то в ВВС РККА с давних пор царил невообразимо колоссальный бардак с маскировкой, который имел достаточно длинную историю. Еще в 1939 г. приказом НКО СССР **№ 0145** ГУ ВВС РККА вменялось в обязанность осуществить обязательную маскировку всех вновь строящихся оперативных, полевых и запасных аэродромов, а также всей имеющейся аэродромной сети ВВС. Однако, как следует из преамбулы приказа **НКО № 0367** от 27 декабря 1940 г., **«ни один из округов должного внимания этому**

приказу не уделил и его не выполнил»[196]. Вследствие именно этого злостного невыполнения приказа 1939 г. и появился этот еще более жесткий приказ **№ 0367 от 27.12.40 г.** Но опять ничего не было сделано. В том числе и генерал-инспектором ВВС (между прочим, в это время им был Я.В. Смушкевич), который должен был установить контроль и о ходе работ докладывать ежемесячно. В марте — апреле 1941 г. состоялась масштабная инспекция ВВС ЗАПОВО, осуществленная командующим ВВС Московского военного округа полковником (впоследствии маршал авиации) Сбытовым. Результат — невообразимый бардак по-прежнему царил. Рассерженный столь злостным бардаком Сталин, ознакомившись с выводами инспекции, 4 мая дал команду привлечь к ответственности виновных в этом бардаке. После этого вновь направляется комиссия ВВС РККА для проверки авиации приграничных округов, которая **всего-то за два дня «выяснила», что «все в порядке»[197]**.

В конце второй — начале третьей декады мая 1941 г. в Генштабе были проведены малоизвестные командно-штабные игры (КШИ) с участием высшего командного состава по проверке Планов прикрытия западных округов и **в первую очередь действий ВВС РККА ПРИБОВО и ЗАПОВО в случае нападения Германии.** Сталин принял участие в этих КШИ, наблюдал за ними, а 24 мая подвел итоги этим КШИ!

Когда же в последние 10 дней до начала войны окончательно прояснилось, что именно 22 июня Германия нападет на СССР, на командование ВВС приграничных округов посыпались строгие приказы от Тимошенко — Жукова. Ведь комиссия во главе с Рычаговым отчиталась, что **«все в порядке».** Но когда грянула трагедия 22 июня и произошел хотя и не смертельный, но все-таки жуткий погром ВВС приграничных округов (за исключением ВВС Одесского округа), то Сталин вполне обоснованно, законно и жестко припомнил им это самое **«все в порядке»**. И все они прекрасно знали, что, вежливо говоря, ничего наподобие **«все в порядке» не было.** Тем более, если учесть, что за неделю до нападения состояние ВВС ЗАПОВО по личному приказу

[196] ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 82. Л. 49—58.
[197] *Грибанов С.* Заложники времени. М., 1992. С. 102—103.

Сталина еще раз проверял другой заместитель наркома обороны — К.А. Мерецков.

Тимошенко и Жуков издали тогда крайне сердитый приказ **№ 0039 от 18 июня 1941 г. о развертывании оперативных аэродромов[198]. На следующий день ими же был издан** очередной приказ **НКО № 0042 от 19 июня 1941 г. по маскировке,** первая же фраза которого вновь констатировала факт злостного бардака: **«По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано»[199].** А на следующий день после этого вновь был издан приказ **№ 0043 от 20 июня 1941 г.[200]** уже конкретно **по маскировке** для ВВС, в преамбуле которого опять содержалась прямая констатация отсутствия какой-либо маскировки в ВВС. Более того, подчеркивалось, что **«такое отношение к маскировке как к одному из главных видов боевой готовности ВВС дальше терпимо быть не может».** Но в эти дни уже абсолютно точно было известно, что нападение произойдет ранним утром 22 июня, в связи с чем войска, а особенно ВВС и ПВО западных округов, стали приводить уже в повышенную и полную боеготовность. И когда случился погром, то судьба многих руководителей ВВС РККА оказалась предрешена, хотя часть из них была арестована еще до начала войны, буквально за несколько дней, что, судя по всему, явилось следствием в том числе и злостного невыполнения в подчиненных им частях и соединениях ВВС упомянутых выше приказов. Еще раз подчеркиваю, что аресты этих лиц военной контрразведкой происходили с письменных санкций Тимошенко и Жукова — таковы были правила того времени. Так что прежде чем сгущать краски и облаивать сталинский период, сначала надо четко разобраться — ведь большинство документов давно рассекречено и опубликовано.

И еще о прилете этого самолета. Фальсификаторам явно не было известно, каким образом фальшивка будет вводится в пропагандистский оборот, как она будет привязана хронологически. Судя по всему,

[198] Русский архив. Великая Отечественная. Т. 2 (1). М., 1994. С. 279—280.
[199] ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 201—203.
[200] ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 204—205.

именно поэтому-то и было использовано столь дипломатично обтекаемое выражение **«…прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам».** С этим же обстоятельством связан и разнобой в хронологии, который зафиксирован в приведенных версиях этой якобы истории.

В-шестых, следующим и также равным предыдущим по значимости приемом составления и введения фальшивок в научно-исторический оборот является абсолютное табу на точную хронологию. Используется прием «воспоминаний», позволяющий, в случае реальной поимки за мягкое место, отыграть ситуацию назад — мол, память человека подвела, ведь столько лет (а то и десятилетий) прошло. Причем при использовании этого приема нередки разнообразные хронологические вариации, дабы приписывание одного и того же якобы факта или явления одному и тому же лицу не выглядело бы как под копирку.

Помните, при цитировании варианта Симонова в скобках было дополнение, в отношении которого была высказана просьба запомнить его, ибо далее пригодится. Так вот дело в том, что первичный вариант якобы рассказа Жукова Симонову был увязан **с началом января 1941 г.** Но этого физически не могло произойти по очень простой причине. В начале января 1941 г. Г.К. Жуков был всего лишь командующим Киевским особым военным округом (КОВО). На должность начальника Генерального штаба он был назначен только в середине января 1941 г. — **постановление от 14 января 1941 г. № 92/сс Совета Народных Комиссаров СССР «О назначении начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны генерала армии Жукова Георгия Константиновича», которому в этот же день предшествовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О начальнике Генерального штаба и командующих военными округами» аналогичного содержания.**

А теперь, соблюдая полное спокойствие, попытайтесь хотя бы самим себе честно ответить на один простой вопрос. Возможна ли была в те времена такая ситуация, чтобы еще не назначенному на должность начальника ГШ генералу, пока еще являющемуся только командующим КОВО, Сталин в начале января 1941 г. рассказал бы один из

высших государственных секретов, если, конечно, этот, с позволения сказать, секрет, то бишь обмен посланиями между Сталиным и Гитлером, имел место быть в реальной истории.

Ответ у всех нормальных людей будет один — нет, такого просто физически быть не могло. И это абсолютно верно. Потому что в то время Жуков еще не пользовался столь высоким доверием, чтобы информировать его по таким вопросам, не говоря уже о том, что у Сталина вообще не было, тем более в то время, привычки информировать высшее военное командование по крупнейшим политическим вопросам. Не говоря уже о том, что не было у него и привычки едва ли не всем подряд рассказывать государственные секреты. Вопросы высшей международной политики обсуждались только на Политбюро, причем, как правило, сначала Сталин и Молотов между собой обсуждали тот или иной вопрос, в том числе и с участием экспертов по международным вопросам, не исключая представителей разведки, а затем выносили его на заседание Политбюро. И далее обычно это выражалось для военных (так делается и поныне — принципиальная схема неизменна) постфактум — **«в связи с такими политическими обстоятельствами Вам поручается то-то и то-то…».**

Оно не могло быть еще и потому, что в варианте **«в начале января 1941 года»** Жуков излагал якобы имевший место вариант якобы июньского письма Гитлера!? А это уже не лезет ни в какие ворота! Поэтому явно была дана команда (одно только ясно, что это осуществлялось под общим руководством пресловутого А.Н. Яковлева) подкорректировать рассказ Жукова, и при публикации самой книги Симонова перевели эту команду в вариант **«в начале 1941 года». Пожалуйста, разнообразили — появился второй вариант… Затем появился вариант Безыменского…**

А до кучи, что называется, и вариант с упоминанием имени Елены Ржевской — известной, но не масштаба Симонова и даже Безыменского писательницы и переводчицы с немецкого. Ее-то зачем приплели?..

Но не могло быть и того варианта, который якобы Жуков изложил Безыменскому в той вариации, в которой он опубликовал это. Вооб-

ще, надо иметь в виду, что Лев Александрович Безыменский в послевоенное время являлся, вежливо говоря, придворным, хотя и весьма талантливым журналистом, публицистом и писателем, специалистом по Германии, понятливо способным выполнить любую пропагандистскую задачу, поставленную партийными верхами. Что он и делал всю жизнь. Так что принять на веру то, что он опубликовал, приписав анализируемую историю устам Жукова, физически невозможно.

Прежде всего, потому что в случае с Безыменским уже сработали предыдущие правила, которые были указаны выше. Но в варианте Безыменского непонятно вот что. Почему Сталин столь откровенно проигнорировал непосредственного начальника Жукова, то есть наркома обороны СССР, на минуточку, Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, с которым Жуков всегда ходил на доклад к Сталину (о чем он многократно указал даже в мемуарах), прямо как в известной прибаутке — «мы с Тамарой ходим парой». Почему Сталин вызвал к себе только одного Жукова?! Всего лишь заместителю наркома обороны, хотя и начальнику Генерального штаба, неизвестно, за что особое доверие, а самому наркому — фига в кармане?! Что, нарком обороны в таком случае не должен был быть проинформирован об этом?! Почему именно Жукову, а не его непосредственному начальнику, маршалу Тимошенко Сталин дал почитать якобы имевшую место переписку? Ведь Сталин прекрасно знал, что такое военная субординация, и не нарушал ее даже во время войны, даже обладая неограниченными правами Верховного Главнокомандующего. А тут Жукову даются для прочтения якобы документы особой государственной важности, а Тимошенко, видите ли, игнорируется?! В мемуарах Жуков преподносит себя чуть ли не как близкого друга Сталина, с которым Иосиф Виссарионович советовался по всевозможным вопросам войны, однако если обратиться к Журналу посещений кремлевского кабинета Сталина, то любой с удивлением обнаружит, что с момента назначения на должность начальника Генерального штаба и вплоть до ночи с 21 на 22 июня 1941 г. именно в статусе начальника ГШ Жуков побывал в кабинете Сталина всего 27 раз, причем только вместе с Тимошенко.

Да и вообще, когда Жуков мог быть ознакомлен с этой якобы перепиской между Сталиным и Гитлером, совершенно непонятно, потому что, по данным журнала записей лиц, принятых Сталиным, Жуков за 15 мая не числится. До этого он был у Сталина только 12 и 14 мая, но тогда еще не было факта прилета самолета якобы с ответным посланием фюрера. Следующий раз Жуков побывал на аудиенции у Сталина только 19 мая, но в это время под контролем Сталина происходили малоизвестные майские командно-штабные игры, затем 23 и 24 мая, а в эти дни состоялось расширенное заседание Политбюро с участием высшего командного состава РККА, далее 3, 6, 7, 9 (дважды), 11 (дважды) июня, а в эти два дня, когда он дважды побывал в кабинете Сталина, согласовывались вопросы о начале выдвижения войск приграничных округов по планам прикрытия в целях подготовки к отражению грядущей агрессии, 18 и 21 июня, а в эти дни уже откровенно кипела работа по приведению войск в боевую готовность. Причем следует иметь в виду, что, всякий раз бывая в кабинете Сталина, Жуков заходил туда вместе с Тимошенко[201].

И еще один несуразный момент в рассказе якобы Жукова по Безыменскому. Как-то весьма странно выглядит утверждение Жукова, что-де Сталин открыл ящик своего стола и достал оттуда эти якобы письма. Документы такого рода держат в сейфе, а Сталин всю жизнь очень тщательно соблюдал режим секретности в работе с документами. Так что очень даже непонятно, каким это образом ему пришло в голову держать такие документы просто в ящике письменного стола…

Если якобы Жуков действительно именно так изложил Безыменскому и без того абсолютно не внушающую ни малейшего доверия якобы имевшую место эту историю, а тот, ничего не преувеличивая и не приукрашивая, опубликовал ее в аутентичном якобы рассказу маршала виде, то это как раз то, за что после войны Георгий Константинович Жуков был серьезно наказан — за необоснованное выпячивание и раздувание своей роли в тех или иных делах. Это обстоятельство и подвело и фальшивку, и Безыменского. Потому что нельзя

[201] Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 333—337.

было с помощью фальшивки так показывать эту реальную черту характера Жукова. При тщательном анализе этой якобы имевшей место истории сие сразу вскрывается и потому сразу же вызывает сильное подозрение.

Короче говоря, не зря вся эта якобы имевшая место история оказалась приведенной только на страницах книги, изданной лишь спустя десятилетие после смерти Симонова. Если, конечно, все то, что в книге Симонова приписано якобы Жукову, действительно было написано его, Симонова, собственной рукой, в чем, увы, приходится — и да простительна будет мне еще раз такая вольность — более чем глубоко сомневаться.

Потому что два варианта **«в начале января 1941 г.»** и **«в начале 1941 года»** свидетельствуют не в пользу того, что якобы Симонов это услышал якобы от самого Жукова. Да и вряд ли лично Симонов вообще причастен к этому. Ведь что получилось. Случайно или не случайно, что абсолютно неважно, но в обоих случаях изложено якобы содержание якобы имевшего место июньского письма Гитлера Сталину. А ведь это чистейшей воды нонсенс! По состоянию якобы на начало января или даже просто на начало 1941 года излагать то, что было якобы в июньском (или якобы в майском) письме Гитлера, для этого надо было иметь при себе как минимум одного Нострадамуса, ибо маршал таким даром предвидения не обладал. Все это показывает, что тот (или те), кто дирижировал (дирижировали) постановкой этой фальшивой пьесы, явно хотели привязать эту и без того откровенно неадекватную реалиям того времени и подлинному характеру Сталина как государственного деятеля якобы имевшую место историю к чему-то конкретному из истории внешней политики и дипломатии СССР того времени. А вот этот был очередной очень серьезный прокол фальсификаторов, суть которого покажем ниже. Автором же этого прокола явился Безыменский — ведь в его изложении вся эта история откровенно перенесена на июнь, причем якобы со слов Жукова.

Кстати говоря, в варианте Безыменского не менее очевидны все те же признаки фальшивки, принципиальная суть которых была изложена выше.

Опубликовал он это только в 1995 г., то есть спустя 30 лет после якобы имевшей место беседы с Жуковым на эту тему. Небезынтересно также отметить, что в то время какое-то умопомрачительное поветрие захлестнуло некоторых видных военных историков того периода — внезапно они начали с невероятной для человеческой памяти точностью вспоминать, что им приватно рассказывал Жуков тридцать лет назад. И не только Безыменский совершил этот «подвиг» памяти, но и упоминавшийся выше военный историк В.А. Анфилов незадолго до своей кончины также «умудрился» вспомнить точную дату одной из своих бесед с Жуковым в 1965 г. — через 34 года «вспомнил»!

А в это время СССР уже нет, в РФ царит варварская вакханалия либерастии, непрерывно сдабриваемой монструозного типа и масштаба антисталинской истерией. Пиши и публикуй, что хочешь, лишь бы только погрязней да поувесистей булыжник в адрес Сталина запустить, что многие и делали. А для пущей убедительности якобы рассказ об этой якобы истории Безыменский предварил утверждением, что вначале-то у них речь шла об обороне Москвы. Ну и как тут не поверить — ведь Жуков командовал Западным фронтом в конце 1941 г., и он действительно частенько говаривал на эту тему, и не только с Безыменским.

Этот нюанс, очевидно, должен был всех убедить, что и беседа была, и все, что было сказано в ее процессе, — все правда. И туда же приплетена Елена Моисеевна Ржевская (урожденная Каган), с которой Жуков якобы также поделился такой зловещей информацией. Да, покинувшая этот мир 2 апреля 2017 г. в возрасте 98 лет Е.М. Ржевская при жизни была весьма авторитетным человеком, уважаемым фронтовиком, награждена многими медалями и орденами СССР, как, впрочем, и премией имени А.Д. Сахарова, являлась как членом Союза писателей СССР, а затем и России, так и русского ПЕН-центра. Автор ряда книг. Она была отличным специалистом по Германии, превосходным знатоком и переводчиком с немецкого, прекрасно знавшим все обстоятельства поисков Гитлера в мае 1945 г., расследования его самоубийства и т.п.

При всем искреннем уважении к Елене Моисеевне и памяти о ней, ну никак не взять в толк, с какой стати маршал Жуков должен

был рассказывать ей якобы историю об обмене посланиями между Гитлером и Сталиным? Кстати говоря, Елена Моисеевна прекрасно знала и личные архивы главарей Третьего рейха, особенно Геббельса, и даже издала отличное исследование — **«Геббельс. Портрет на фоне дневника»** (1994 г., переиздано в 2014 г.). Но даже там, в дневнике Геббельса, нет ни единого слова об этой якобы имевшей место истории с обменом посланиями (книгу Е.М. Ржевской специально еще раз внимательно проверял). Уж кто-кто, но колченогий Геббельс должен был бы знать о том, что в порядке дезинформации Гитлер направил письмо Сталину. Дезинформационные акции высшего уровня в Третьем рейхе Гитлер, как правило, согласовывал с ним, Геббельсом, как министром пропаганды — в его дневнике это четко прослеживается, особенно когда началась активная фаза финишного этапа подготовки к нападению на СССР. Но в его дневнике, подчеркиваю, об этом нет и речи. Как, впрочем, нет на эту тему и ни единого слова, выведенного рукой и пером покойной Елены Моисеевны Ржевской. Более того. Лично с ее уст также не слетело ни одного слова, что история с обменом посланиями могла иметь место в реальности. И это при том, что, вежливо говоря, Сталина она не очень-то и жаловала…

Наконец, нельзя не обратить внимания и на слова уже упомянутого выше известного при жизни историка, директора Центра международных исследований Института США и Канады РАН, автора 46 книг, профессора А.И. Уткина, который в свой статье, о которой речь шла выше, указал: **«Германские военные архивы, захваченные американскими войсками, долго лежали не разобранными в городе Александрия, штат Вирджиния. Впервые с ними смог ознакомиться Уильям Ширер, автор знаменитой книги “Взлет и падение Третьего рейха”. “Переписка вождей” свелась к обмену двумя посланиями с января по май 1941 года — в первом случае через послов».**

Да, американцы захватили огромное количество документов верхушки Третьего рейха — около полутысячи тонн. Да, они хранились в г. Александрия штата Вирджиния. Все это правда, как, впрочем,

и то, что разбором и анализом этих документов американцы всерьез занялись только в 1955 г.

Но вот что послужило основанием для утверждения профессором, что-де «**“Переписка вождей” свелась к обмену двумя посланиями с января по май 1941 года — в первом случае через послов» —** ну никак не понять. У Ширера на этот счет ничего нет — специально проверял текст его книги. Получилось, как в известной поговорке: ложечки-то серебряные в итоге нашлись, а вот осадок-то — остался…

Но вариант Безыменского именно тем «хорош», что позволяет наконец-то установить, к чему же конкретному из истории внешней политики и дипломатии СССР того времени фальсификаторы хотели привязать эту якобы имевшую место историю. Не слишком уж трудоемкие поиски показали, что, да, накануне войны в дипломатической практике СССР была одна кратковременная ситуация, к которой действительно можно было бы привязать всю эту фальшивку. Л.А. Безыменский собственноручно ясно подсказал, где и что искать. Но собственноручно показав это, Лев Александрович собственноручно же заложил фугас огромной мощности под всю эту историю с обменом письмами, в том числе и в его собственной вариации.

Дело в том, что при описании этой якобы истории он пошел, как, очевидно, ему казалось, на вполне логичный и закономерный шаг — предварил свое изложение беседы с Жуковым документальными фактами из истории советской дипломатии, использовав записи состоявшихся в начале мая 1941 г. бесед посла СССР в Германии В. Деканозова с послом Германии в СССР графом В.Ф. фон Шуленбургом. Однако приведя содержание этих документов в качестве преамбулы к якобы рассказу Жукова, Безыменский, по сути, не только дезавуировал все то, что он явно приписал маршалу, но и вдребезги разнес даже тень намека на какую бы то ни было возможность обмена посланиями между Сталиным и Гитлером. И, кстати говоря, совершенно не заметил, что же на самом деле он натворил.

Инициатива проведения этих встреч и бесед исходила от Шуленбурга. Не разделяя коммунистических убеждений, граф Вернер фон Шуленбург был противником войны между Германией и СССР. Зная,

что это вот-вот случится — побывав незадолго до этого в Берлине и получив в конце апреля 1941 г. аудиенцию у фюрера, — Шуленбург понял, что войны не миновать в ближайшее же время (судя по всему, перед отъездом из Берлина он каким-то образом узнал о совещании Гитлера со своими генералами и ответственными чиновниками МИД 30 апреля 1941 г., во время которого фюрер впервые лично озвучил дату нападения на СССР — 22 июня). Едва только возвратившись в Москву из Берлина, Шуленбург уже в донесении от 2 мая 1941 г. в МИД Германии особо почеркнул, что **«слухи о неизбежном германо-советском военном столкновении»** настолько распространились по советской столице, что ему и его сотрудникам в немецком посольстве стало просто трудно с этим бороться. **«Пожалуйста, имейте в виду, — писал он в Берлин, — что попытки противодействовать этим слухам здесь, в Москве, неминуемо окажутся неэффективными, если такие слухи будут непрерывно поступать из Германии и если каждый приезжающий в Москву или проезжающий через нее, принося с собой эти слухи, сможет и подтвердить их, ссылаясь на конкретные факты»[202].**

Вот почему он и решился (или **«решился»**?!) на крайне нехарактерный для посла поступок: предупредить Советское правительство об агрессивных замыслах своего правительства. Самостоятельно ли додумался до этого или же с чьей-то подачи — абсолютно точно неизвестно до сих пор, да это и неважно теперь, хотя все расценивают этот его поступок чуть ли не как проявление антигитлеровских настроений. В реальности же он был всего лишь патриотом своей страны, который прекрасно понимал, какой трагедией для Германии обернется война против СССР — ведь русские войска до этого уже дважды брали Берлин в прошлые века. И не ошибся, правда, сам Шуленбург не дожил до того момента, когда русские войска под красным знаменем взяли Берлин в третий раз — сгинул в застенках гестапо...

Всего встреч было три — 5, 9 и 12 мая. В качестве «исходной точки» Безыменский использовал факт первой встречи Деканозова

[202] *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. В 3-х кн. Пер. с англ. Приводится по Интернету.

и Шуленбурга и их беседы 5 мая 1941 г. в Москве. Слегка «лягнув» содержание беседы 5 мая, поскольку в середине 90-х годов прошлого столетия это было особым шиком оголтелого антисталинизма, Л.А. Безыменский тут же перешел к развернутому цитированию записи беседы двух послов **от 9 мая 1941 г.** Она была сделана личным переводчиком Сталина и Молотова В. Павловым и до 1993 г. хранилась в секретном архиве Молотова.

Согласно этой записи, оттолкнувшись от содержания их беседы **5 мая,** в которой Шуленбург пытался продвинуть тезис о необходимости каких-то совместных советско-германских действий на высшем уровне в целях предотвращения войны между двумя государствами, Деканозов с санкции Сталина и Молотова выдвинул следующую идею: **«Я продумал вопрос о мерах, которые можно было бы предпринять. Мне казалось, что поскольку речь может идти об обоюдных действиях, то можно было бы опубликовать совместное коммюнике, в котором, например, можно было бы указать, что с определенного времени распространяются слухи о напряженности советско-германских отношений и назревающем якобы конфликте между СССР и Германией, что эти слухи не имеют под собой основания и распространяются враждебными СССР и Германии элементами»**[203].

И не посвященному в тайны высшей политики нетрудно заметить, что с помощью Деканозова Сталин активно зондировал реальность возможности крепко повязать Гитлера совместным заявлением-коммюнике. Прежде всего, для того, чтобы в случае, если он и в самом деле посмеет в одностороннем порядке нарушить договор о ненападении от 23.08.1939 г., то всем в мире без объяснений было бы ясно и понятно, что именно он, Адольф Гитлер, и есть вероломный агрессор! Это, между прочим, вполне рутинная практика во взаимоотношениях между лидерами государств, тем более потенциальных противников, особенно по наиважнейшим вопросам политики, каковыми и являются вопросы войны и мира. Вспомните приведенное

[203] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 162—168. Цит. по: Дипломатический вестник.1993. № 11—12. С. 75—77.

выше выступление Сталина 18 ноября 1940 года по итогам визита Молотова в Берлин.

Будучи опытным разведчиком и дипломатом с огромным стажем, Шуленбург мгновенно понял замысел Сталина. Однако зная практику своего фюрера — по возможности избегать ситуаций связывания рук, тем более совместными публично-письменными заявлениями, — выдвинул совершенно противоположную идею. Идею, которую спонтанной или даже сугубо личной, то есть «домашней заготовкой» самого Шуленбурга, ну никак не назовешь. В изложении Деканозова и записи Павлова, в точности которых сомневаться действительно не приходится, потому что, **во-первых,** не те времена были, чтобы что-то не так излагать, а, **во-вторых,** все встречи и беседы контролировались в том числе и техническими средствами НКГБ СССР, идея Шуленбурга прозвучала так: «В ответ на мое предложение Шуленбург заявил, что у него имеется другое предложение. Он полагал бы целесообразным воспользоваться назначением Сталина главой советского правительства. По мнению Шуленбурга, **Сталин мог бы в связи с этим обратиться с письмами** к руководящим политическим деятелям ряда дружественных СССР стран, например, к Мацуоке, Муссолини и Гитлеру, "может быть, — добавил Шуленбург, — и к Турции", и указать в этих письмах, что, став во главе правительства (Шуленбург опять как бы ошибочно сказал — "государства"), заявляет, **что СССР будет и в дальнейшем проводить дружественную этим странам политику**. Текст писем, адресованных указанным странам, мог бы быть одинаковым, но в письме, адресованном Гитлеру, во второй его части могло бы быть сказано, например, так, что **до Сталина дошли сведения о распространяющихся слухах по поводу якобы имеющегося обострения советско-германских отношений и даже якобы возможности конфликта между нашими странами. Для противодействия этим слухам Сталин предлагает издать совместное германо-советское коммюнике примерно указанного мною содержания.** На это последовал бы ответ фюрера, и вопрос, по мнению Шуленбурга, был бы разрешен. Передав мне это, Шуленбург добавил, что, по его мнению, мое предложение о коммюнике хорошее, но надо действовать быстро,

и ему кажется, что можно было бы, таким образом, объединить эти предложения.

В дальнейшей беседе Шуленбург отстаивал свое предложение, говорил, что надо сейчас очень быстро действовать, а его предложение можно очень быстро реализовать. Если принять мое предложение, то в случае передачи текста коммюнике в Берлин, там может не оказаться Риббентропа или Гитлера, и получится задержка. **Однако если Сталин обратится к Гитлеру с письмом, то Гитлер пошлет для курьера специальный самолет, и дело пройдет очень быстро.**

Видя, что Шуленбург не поддерживает предложение о совместном коммюнике, я сказал, что не настаиваю на своем предложении, которое было мною сделано по просьбе посла, выразившего беспокойство по поводу слухов. Кроме того, разговор о письме т. Сталина Гитлеру вообще является гипотетичным, и я не могу входить в подробности его обсуждения. К тому же я предвижу трудности в его реализации. Я еще раз повторил, что мне кажется, что мое предложение наиболее соответствует пожеланиям посла и не расходится с моим убеждением о полезности такой акции, и оно, безусловно может быть быстрее реализовано, чем предложение Шуленбурга.

В заключение беседы Шуленбург предложил еще раз вернуться к этой теме и встретиться у него на завтраке завтра или послезавтра, ибо это дело, мол, очень спешное. Он просил меня все же довести о его предложении до сведения т. Молотова. 10 мая я обещал позвонить ему, чтобы условиться о времени следующей встречи. При беседе присутствовал т. Павлов В.Н. Беседа продолжалась 2 часа. В. Деканозов»[204].

А перед встречей 12 мая Деканозов в тот же день получил от Молотова согласованную со Сталиным инструкцию о том, что надо сказать Шуленбургу. Вот текст этой инструкции, которая была написана в виде как бы прямой речи самого Деканозова: «Инструкции В.М. Молотова послу СССР в Германии В.Г. Деканозову для беседы с послом Германии в СССР Ф. фон Шуленбургом от **12 мая 1941 г.**:

[204] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 162—168. Цит. по: Дипломатический вестник. 1993. № 11—12. С. 75—77.

“Я говорил с т. Сталиным и т. Молотовым насчет предложения Шуленбурга об обмене письмами, в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов сказали, что в принципе они не возражают против такого обмена письмами, но считают, что обмен письмами должен быть произведен только между Германией и СССР (**для сведения читателей:** в дипломатии ничто с порога не отвергается, за исключением случаев грубого вмешательства в дела государства — всегда делается вид, что выдвинутое противной стороной предложение можно как-нибудь да обсудить за столом переговоров, а в период обострения отношений не заинтересованная в этом сторона всячески стремится втянуть противную сторону в переговоры. — *А.М.*). Так как срок моего пребывания в СССР истек и сегодня я должен выехать в Германию, то Сталин считает, что Шуленбургу следовало бы договориться с Молотовым о содержании и тексте писем, а также о совместном коммюнике”»[205].

В первом пункте записи беседы Деканозова с Шуленбургом 12 мая говорится: «…1. Шуленбург не проявлял инициативы и не начинал разговора о предмете наших последних бесед. Он только упомянул о том, что получил из Берлина с курьером, прибывшим сегодня, пачку почты, в которой были также письма от Вайцзеккера и Вермана. Но ничего нового или интересного в этих письмах нет. **Я взял инициативу и сказал Шуленбургу следующее: я говорил со Сталиным и Молотовым и рассказал им о предложении, сделанном Шуленбургом об обмене письмами в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов сказали, что в принципе они не возражают против такого обмена письмами, но считают, что обмен письмами должен быть произведен только между Германией и СССР. Так как срок моего пребывания в СССР истек и сегодня я должен выехать в Германию, то Сталин считает, что г-ну Шуленбургу сле-**

[205] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 174. Рукопись, подлинник, автограф В.М. Молотова. Имеется помета: «Секретный архив» и «Заявлено т. Деканозовым 12 мая 1941 г.» — в том смысле, что заявлено им Шуленбургу. — *А. М.*

довало бы договориться с Молотовым о содержании и тексте писем, а также о совместном коммюнике. Шуленбург выслушал мое заявление довольно бесстрастно и затем ответил, **что он, собственно, разговаривал со мной в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий. Он вел эти переговоры со мной как посол в интересах добрых отношений между нашими странами. Он, Шуленбург, не может продолжить этих переговоров в Москве с Молотовым, так как не имеет соответствующего поручения от своего правительства. В настоящее время он сомневается даже, получит ли он такое поручение. Он, конечно, сделает все, чтобы такие полномочия получить, но он не уверен, что их получит.** Они в германском посольстве, конечно, обратили [внимание] на шаги, предпринятые в последнее время Сталиным, т.е. на заявление советского правительства о прекращении деятельности в СССР дипломатических миссий Норвегии, Бельгии и Югославии. Посольство и представитель Германского информационного бюро своевременно телеграфировали об этом мероприятии советского правительства в Берлин, но, насколько им известно, германская пресса еще никак не реагировала на это событие. Конечно, не исключено, что германская печать в ближайшее время еще откликнется на заявление советского правительства. Не исключено, что они в своем посольстве не заметили (пропустили) такого сообщения, может быть, вследствие радиопомех или по причине расстройства аппарата "Сименс-Хелл", по которому они получают информацию из Берлина. **Однако, во всяком случае, отсутствие немедленной реакции обращает на себя внимание, и это заставляет его, Шуленбурга, сомневаться в том, получит ли он поручение из Берлина вести в Москве переговоры о содержании письма Сталина Гитлеру и о последующем коммюнике. Было бы хорошо, чтобы Сталин сам от себя спонтанно обратился с письмом к Гитлеру.** Он, Шуленбург, будет в ближайшее время у Молотова (по вопросу обмена нотами о распространении действия конвенции об урегулировании пограничных конфликтов на новый участок границы от Игорки до Балтийского моря), но, не имея полномочий, он не имеет права затронуть эти вопросы в своей беседе. Хо-

рошо бы, если Молотов сам начал бы беседовать с ним, Шуленбургом, на эту тему или, может быть, я, Деканозов, получив санкцию здесь, в Москве, сделаю соответствующие предложения в Берлине Вайцзекеру или Риббентропу.

Он же, Шуленбург, подчеркивает еще раз, что свои предложения он сделал, не имея на то полномочий. В процессе разговора Шуленбург давал понять, что у Берлина нет оснований давать ему полномочия и что он, Шуленбург, сомневается, что если бы он даже поставил сам этот вопрос, то такие полномочия он получил бы. При этом он несколько раз "просил" не выдавать его, Шуленбурга, что он внес эти предложения. Я ответил, что в связи с моим отъездом Шуленбург, очевидно, продолжит свои переговоры с Молотовым. Шуленбург заявил, что он постарается сделать все возможное в этом направлении…»[206] На оригинале этого документа имеется помета следующего содержания: **«за завтраком у него (Шуленбурга) на квартире».** Это означает, что и в этот раз ход и содержание беседы между Деканозовым и Шуленбургом контролировались НКГБ СССР техническими средствами записи разговоров, так как квартира германского посла была оборудована ими. Соответственно выводы из этого простые: **1.** Сталин придавал исключительное значение именно этой, третьей по счету встрече и беседе двух послов. **2.** Запись Деканозова и Павлова исключительно точна, как, впрочем, и две предыдущих. Ведь Деканозов не был профаном в делах спецслужб и прекрасно понимал, что ход бесед контролируется записывающей аппаратурой НКГБ.

Очевидно же, что Сталин откровенно пытался использовать возникшую ситуацию, чтобы хоть как-то, пускай даже и на весьма ограниченный период времени, но хоть немного еще раз связать Гитлеру руки в целях выигрыша дополнительного времени для более тщательной подготовки к отпору неумолимо надвигавшейся агрессии. Только этим-то, собственно говоря, и можно объяснить попытки действовавшего по поручению Сталина Деканозова всеми силами навязать идею

[206] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 169—173. Цит. по: Дипломатический вестник. 1993, № 11—12. С. 77—78.

о подписании и опубликовании для всеобщего сведения совместного советско-германского коммюнике. Но, кстати говоря, обратите внимание и на то, что действия Сталина находились строго в русле протокольно обязательного паритета и уважения к статусу глав правительств и государств.

Однако того же явно не скажешь о предложении Шуленбурга — оно совершенно отчетливо попахивает политической провокацией, если не вообще изощренно грязной. **Особенно если учесть настойчиво озвученную им идею об «инициативно-спонтанном» письме Сталина на имя Гитлера.** Не говоря уже о его не менее настойчиво продвигавшемся пожелании, чтобы в письме был сделан акцент на то, что СССР будет и впредь проводить дружественную этим странам — то есть Германии, Италии и Японии, а также Турции — политику. С любой точки зрения Шуленбург круто перегнул палку. Никакой **особо** дружественной политики со стороны СССР по отношению к Германии (а также Италии, Японии и Турции) не могло быть в принципе и по определению (Сталин и Молотов сказали об этом прямо в лицо Риббентропу еще во время легкого фуршета по случаю подписания Договора о ненападении 23 августа 1939 г. — *А.М.*). Как, впрочем, и со стороны Германии (а также Италии и Японии) по отношению к Советскому Союзу. Все стороны руководствовались голым прагматизмом в настороженно-боевой стойке, все громче лязгая оружием.

Более того, СССР не нуждался в таких рекомендациях. СССР осуществлял очень взвешенную, чрезвычайно осторожную, но в то же время и принципиальную политику. Главная задача Сталина в том и состояла, чтобы не допустить ни малейшей возможности для нападения на СССР (особенно в двухфронтовом варианте, то есть с участием Японии). **А тут немецкий посол предлагает, чтобы Сталин письменно выставил бы СССР в каком-то особо дружественном виде по отношению к гитлеровской Германии!**

К слову сказать, это прекрасно понимал и сам Шуленбург, о чем он лично заявил Гитлеру еще во время аудиенции 28 апреля 1941 г. Вот его слова, сказанные фюреру: «Россия очень встревожена слухами о предстоящем нападении на нее Германии. Не могу поверить, что

Россия собирается напасть на Германию. Если Сталин не мог идти вместе с Англией и Францией в 1939 году, когда эти две страны были еще сильны, то сегодня, когда Франция разгромлена, а Англия жестоко побита, он тем более не примет такого решения. Наоборот, я убежден, что Сталин готов идти нам на дальнейшие уступки»[207]. Трудно сказать, зачем он произнес перед Гитлером последнюю фразу — то ли хотел угодить ему, то ли откровенную отсебятину порол. Ни о каких уступках со стороны Сталина и СССР и речи быть не могло. Сталин никогда не торговал суверенитетом СССР.

Тут дело явно в том, что ни в Третьем рейхе, ни в Англии того времени, ни во Франции до ее позорного разгрома и капитуляции, ни тем более за океаном никогда до конца не понимали, если вообще понимали, что принципиально жестко осознававший свою глобальную ответственность за судьбу СССР и его народов Сталин исповедовал и придерживался тогда лишь одного замысла, который он совершенно откровенно продемонстрировал еще 23 августа 1939 г.: **СССР с Германией ровно настолько, насколько западные демократии не столько не с СССР, сколько против него. Но не более того, чтобы тем самым как минимум на какое-то время оттянуть фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность которого предрешало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии к нападению на Советский Союз, а также обеспечить СССР более выгодные стратегические условия вступления в неминуемую не по своей воле войну! Что он и сделал!**

Так что ни о каких уступках со стороны СССР и Сталина действительно не могло быть и речи. А потому совершенно неважно, по собственной ли инициативе действовал граф Шуленбург или же с ведома и согласия самого Гитлера. Или как минимум по согласованию со своим прямым начальником — министром иностранных дел нацистской Германии И. Риббентропом. Провокация — она и есть провокация, тем более что в данном случае она явно преследовала

[207] *Ширер У.* Указ. соч. Приводится по Интернету.

далеко идущие цели. Здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство. Гитлер отлично понимал, о чем не раз говорил в своем окружении, что последняя надежда Англии — это Советский Союз. И если быстро разделаться с СССР, о чем в то время буквально грезил и Гитлер, и вся его камарилья, то Англии настанет реальный конец, а, следовательно, и у США уже не будет оснований вмешиваться в европейскую войну, чего Гитлер очень опасался. **Так вот факт «инициативно-спонтанного» письма Сталина, в котором ко всему прочему фигурировало бы по предложению Шуленбурга еще и уверение, что СССР и далее будет проводить дружественную политику по отношению к Третьему рейху, фактически означал бы абсолютное разрушение даже тени намека на какие бы то ни было надежды Англии, а заодно и надежды на создание антигитлеровской коалиции с участием США. Потому как заполучи Гитлер такое письмо да предай его гласности, а он не побрезговал бы такой возможностью, то и Англия, и США напрочь отвернулись бы от СССР. Или, что еще хуже, ощетинившись штыками и пушками, объединенными усилиями набросились бы и на Германию, и на СССР одновременно или, что в то время было не менее вероятно — только на СССР. Очевидно, что и с этим также связано то обстоятельство, что в ноте германского правительства от 21 июня 1941 г. упор сделан именно на то, что СССР осуществляет якобы недружественную политику по отношению к Германии.**

А повод можно было создать еще тогда, причем повод хоть куда — еще с конца апреля — начала мая 1941 г. СССР стал передислоцировать войска на Запад, что, увы, было зафиксировано германской военной разведкой (этот факт отметил в своих мемуарах маршал М.В. Захаров), демонстративно провел крупные учения воздушно-десантных войск, демонстративно призвал около 800 тысяч резервистов. Причем настолько демонстративно, что все сообщения германских дипломатов и разведчиков буквально пестрели этими данными[208].

[208] *Вишлёв О.В.* «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем»//Сборник «Вторая мировая война. Актуальные проблемы». М., 1995. С. 44.

И здесь в первую очередь надо четко уяснить, почему вообще с советской стороны было выдвинуто предложение об издании совместного коммюнике. Дело в том, что **4 мая 1941 г.** Гитлер выступил с программной речью в рейхстаге, в которой даже и не упомянул об СССР! Как будто занимающего $^1/_6$ часть суши земного шара крупнейшего государства мира и не существует! Это не могло не встревожить Сталина, тем более на фоне нараставшего в то время вала все более тревожной информации разведки.

В ответ **5 мая 1941 г.** Сталин выступил со ставшей знаменитой речью перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле. Слухи об этой речи мгновенно распространились в дипломатическом корпусе Москвы и до того взволновали и обеспокоили немецкое посольство и резидентуру германской разведки, что они немедленно стали предпринимать все возможные усилия, чтобы узнать точно, что конкретно говорил Сталин (причем германская разведка занималась этим даже во время войны, тщательно опрашивая всех попавших в плен советских старших офицеров и генералов).

6 мая 1941 г. Сталин был назначен председателем Совета Народных Комиссаров СССР, проще говоря, главой правительства. И когда Деканозов повторно озвучил идею о совместном коммюнике, это было как бы завуалированное приглашение к переговорам, раз уж Сталин возглавил Советское правительство. Проще говоря, Берлину тонко намекнули, что если есть какие-то проблемы в межгосударственных отношениях, то, что называется, «битте шён», то есть пожалуйста, давайте решать их за столом переговоров. **Кстати говоря, Шуленбург четко подтвердил это в своем донесении от 12 мая 1941 г. в МИД Германии: «По моему мнению, можно со всей определенностью утверждать, что Сталин поставил перед собой внешнеполитическую цель исключительной важности… которой он надеется достигнуть посредством личных усилий. Я твердо верю, что ввиду осложнений международной обстановки Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией»[209].**

[209] *Ширер У.* Указ. соч. Приводится по Интернету.

[Интересное дело получается — посол Третьего рейха еще тогда, в 1941 г., прекрасно понимал, что и зачем делает Сталин, а некоторые из наших, пардон, отечественных историков даже в третьем тысячелетии поливают грязью внешнюю политику сталинского СССР накануне войны!?]

Надо отдать должное германским дипломатам и разведчикам, они мгновенно просекли всю ситуацию, хотя Москва, как это уже ясно видно из вышеизложенного, умышленно поступала подобным образом. Однако куда важнее иное. В предложении Шуленбурга просматривалось явное стремление Берлина заполучить от Москвы письменное признание установленного нацистской Германией в Европе «нового мирового порядка» и ведущей роли «оси Берлин — Рим — Токио» в мировых делах. То есть фактически заставить письменно расписаться в том, что от почти до нуля сведенного антизападничества в идеологии (в том числе и роли Коминтерна) Москва решительно переходит к реальному военно-геополитическому антизападничеству чуть ли не как четвертый член этой «оси»! Последствия такого шага были бы крайне негативны для СССР, ибо пойди Москва на это, то едва только проявившиеся в то время и еще далеко не совсем ясно конкретизированные контуры будущей антигитлеровской коалиции были бы разрушены, что называется, в зародыше.

Как очень опытный дипломат и разведчик, Шуленбург не мог не понимать, что если действительно сложатся условия для образования коалиции держав в составе СССР, Англии и поддерживавших ее США, то Германия безальтернативно обречена на погибель. А Кремль в это время уже осуществлял ряд шагов, которые становились известными и германской дипломатии в том числе — потому что в ряде случаев их нарочно не скрывали, о чем будет сказано ниже. И, подчеркиваю, не понимать всего этого Шуленбург не мог.

И в таком случае получается, что никакого иного вывода из его отчаянной попытки навязать идею об инициативно-спонтанном письме Сталина Гитлеру, кроме как о провокации Шуленбурга (или тех, кто сподобил его на это, а он лишь стал передаточным звеном) с далеко идущими целями невозможно сделать. Абсолютно естественно, что

Сталин не пошел на такой шаг, дабы не дать в руки и без того крайне опасного геополитического противника документальный компромат на СССР и на себя. Потому что столь совершенно не характерная для очень выдержанного нацистского посла-разведчика настойчивость в навязывании тезиса об очень срочной «инициативно-спонтанной» отправке Сталиным письма на имя Гитлера, тем более сопровожденная затем откровенным признанием самого посла, что он не имел на то полномочий Берлина и действовал на свой страх и риск, и даже просил не выдавать его, — все это просто физически не могло не вызвать у Иосифа Виссарионовича сильных подозрений о том, что это четко спланированная Берлином грязная провокация. **Особенно если учесть безапелляционную уверенность Шуленбурга в предоставлении гарантии присылки фюрером специального самолета за этим письмом.**

В данном случае огромное значение имеет следующее обстоятельство. Дело в том, что за каждую встречу с официальным лицом иностранного государства любой дипломат, тем более посол, обязан детально отчитаться перед своим руководством, что, как правило, выражается в составлении подробной записи беседы и представлении оной своему руководству. Естественно, что и Шуленбург сделал то же самое. Однако никакого втыка из Берлина Шуленбург тогда не получил, иначе внутрипосольская агентура советской контрразведки из числа немецких дипломатов и обслуживающего персонала, а также средства технического контроля зафиксировали бы такой поворот событий. А принимая во внимание, что в гестапо Шуленбург загремел только по делу о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., где в итоге и сгинул, он либо не обо всем доложил в Берлин в части, касавшейся своих встреч с Деканозовым, что начисто исключается, поскольку он был вышколенным кадровым немецким дипломатом старой школы, который не посмел бы даже задуматься над возможностью нарушения строгих правил дипломатии, поскольку прекрасно знал, что представитель гестапо в посольстве есть, как, впрочем, и «доброжелатели» из числа сотрудников посольства, которые запросто сами донесли бы в Берлин. Тем более что на встречах он был не один, а со своим пере-

водчиком — советником посольства Хильгером, который прекрасно знал русский язык, так как родился и вырос в России, и только в период Первой мировой выехал в Германию.

Либо же отчитался, как полагается, но изложив свою версию, что, судя по всему, и было на самом деле. Он действительно направил в Берлин донесение от 12 мая 1941 г., отрывок из которого был процитирован выше. Но подчеркиваю, изложил свою версию. Именно это и означает, что он действовал все-таки с ведома как минимум своего руководства, причем именно с такого ведома своего руководства, которое разрешало ему некоторую собственную импровизацию. Проще говоря, Шуленбург прекрасно знал, что участвует в грязной провокации, задуманной в Берлине, а перед советским послом разыгрывал фарс инициативного предложения, но, поняв, что Сталин не пойдет на такой шаг, сделал вид, что-де опасается за последствия своей якобы инициативы и даже попросил не выдавать его.

По складывавшейся тогда ситуации явственно выходило, что подобное письмо для чего-то было до крайности необходимо Берлину (Гитлеру). И явно не в самых лучших по отношению к СССР целях. В этом сомневаться не приходилось. Тем более что во время встречи 12 мая Шуленбург вообще очень настойчиво несколько раз повторил, что он не имел полномочий от Берлина выдвигать такие предложения, неоднократно высказал просьбу не выдавать его в том смысле, что именно он явился инициатором постановки вопроса о письме[210]. Так что действительно ничего не остается, как признать, что это была реально серьезная политико-дипломатическая провокация с участием посла.

Да вы и сами посудите. Всего-то через несколько дней после первой встречи с Деканозовым столь настойчивое пожелание посла об инициативно-спонтанном, даже срочном направлении Сталиным письма на имя Гитлера ради того, чтобы убедить его в необходимости составления и опубликования совместного коммюнике (составление совместного коммюнике — это технология дипломатии, и обычно эту

[210] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 169—173. Машинопись, заверенная копия.

техническую работу осуществляют дипломаты, причем не послы)?! И это говорит посол, который спустя всего-то три дня после этого сам откровенно заявляет, что не имел на это никаких официальных полномочий, что действовал на свой страх и риск, что не уверен, что он получит такие полномочия и даже неоднократно просил его не выдавать, но тем не менее выдал едва ли не «гарантию» того, что Гитлер обязательно пришлет самолет за письмом!? Такое впечатление, что Шуленбург вообще не отдавал себе отчета в том, с кем он имеет дело. Что Сталина и Молотова на мякине, даже сдобренной патокой, никак не проведешь!

Ведь уже в начале мая 1941 г. Сталин ясно видел, что в мае нападение точно не произойдет, ибо донесения всех видов разведки все более отчетливо свидетельствовали о том, что нападение произойдет в июне, причем со все более возраставшей конкретизацией на 20-е числа июня. А одним из первых, кто сообщил в Москву об этом, был ценный агент ГРУ — **«АБС» (Курт Велкиш, сотрудник германского посольства в Бухаресте). Именно он в информации от 4 (5) мая первым сообщил, что время нападения переносится на середину июня**[211]**,** хотя и до этого от разведки уже поступали сигналы о том, что нападение произойдет в июне. Немалую роль в том, что Сталин не поддался на провокацию Шуленбурга, сыграло также и сообщение от 10 мая 1941 г. одного из самых доверенных агентов ГРУ — **«Альты» (Ильза Штёбе),** в котором она, в частности, информировала, что **«военное министерство разослало директивные письма всем своим военным атташе о необходимости опровержения слухов о том, что Германия якобы готовит военные действия против России. Военное министерство требует от военных атташе выступать с разъяснениями, что Германия концентрирует свои войска на Востоке для того, чтобы встретить в готовности мероприятия с русской стороны и оказать давление на Россию»**[212]**.**

Элементарный анализ этого сообщения «Альты» показывает, что, с одной стороны, по указанию Гитлера военные атташе Гер-

[211] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737—740. Копия.
[212] *Лота В.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 305.

мании за рубежом должны были подготовить почву для взрывного перебрасывания на СССР всей ответственности за развязывание войны в момент ее начала. С другой же, такое распоряжение военного ведомства Третьего рейха как бы подыгрывало продвинутой Берлину в это же время британской разведкой дезинформации о том, что в случае начала вторжения на Британские острова СССР может ударить по Германии (советская внешняя разведка своевременно установила факт продвижения такой дезинформации и проинформировала об этом советское руководство). В определенной степени это было продолжением давления на Англию, дабы она согласилась на условия Берлина о сепаратном мире, которые привез Гесс, или, по крайней мере, чтобы не мешала агрессии Германии против СССР.

Короче говоря, к встрече 12 мая и без того явно небеспочвенные подозрения, которые просто физически не могли не обуревать Сталина и Молотова, самим ходом событий международной жизни трансформировались в более чем обоснованное убеждение, что это действительно провокация — ведь тогда стало известно еще и о перелете Рудольфа Гесса в Англию! Проще говоря, обладай Гитлер таким срочно отправленным «инициативно-спонтанным» письмом Сталина, то, утверждая, что-де Англии более не на кого и не на что надеяться, ибо даже (даже!) Москва признала верховенство Германии, Гесс от имени фюрера с удвоенной энергией шантажировал бы Лондон, призывая (вынуждая!) его либо согласиться на почетный мир, естественно, на нацистских условиях, либо же присоединиться к его, Гитлера, броску на Восток под предлогом ликвидации большевистской угрозы! А как минимум просто не мешать Третьему рейху разделаться с Советским Союзом, то есть в убедительной для Берлина форме гарантировать, что Второй фронт против Германии не будет открыт (что, кстати говоря, чуть позже лондонские мерзавцы, пардон, «джентльмены» и сделали, гарантировав Гитлеру возможность его однофронтового разбоя против СССР аж до 1944 года! Правда, у У.Черчилля не хватило ума, чтобы не болтать об этом — 4 сентября 1941 г. он сам лично выбол-

тал это советскому послу И. Майскому[213]. По крайней мере, на период времени, в течение которого берлинским бандитам грезился успех их блицкрига.

И, кстати говоря, известие о перелете Рудольфа Гесса в Англию явно поспособствовало тому, что Шуленбург откровенно струхнул — он не мог не понимать, что его инициатива в свете этого известия выглядит как откровенная провокация, и в том числе поэтому-то он и попытался отыграть назад.

Как представляется, вот теперь-то ситуация с якобы имевшим место обменом посланиями между Сталиным и Гитлером наконец-то полностью прояснена. **Не было никаких посланий! Не было никакого обмена посланиями! Гитлер, Риббентроп, Шуленбург и прочие не на того нарвались!!!**

Фальшивка в виде якобы письма Гитлера Сталину была откровенно привязана к факту этих встреч и бесед Деканозова с Шуленбургом, а с учетом реального факта прилета самолета Ю-52 в Москву в эти же дни запросто создавалось впечатление полной реальности якобы истории с обменом письмами.

Что ж, трудно не признать, что в целом это очень тонкая работа фальсификаторов, истоки которой следует искать именно в МИ-6 — увы, но именно тамошние «спецы» умеют столь тонко стряпать фальсификации. И вот ведь что интересно. Основной-то расчет был сделан на то, что в период того разброда и шатаний, которые постигли СССР под конец его существования и особенно после развала великой державы, совершенно идиотская привычка общественного сознания безоговорочно верить любой забугорной «правде» безусловно сработает. К глубочайшему сожалению, она и сработала!..

Ведь никто же и не пожелал тогда детально разбираться, что же на самом деле делали Сталин, Молотов и их соратники. Между тем вместо обмена посланиями Сталин и его ближайшие соратники осуществляли акции дипломатического и военного устрашения, вплоть до

[213] Независимое военное обозрение, 2002, № 19.

угроз бомбардировки территории Третьего рейха и применения химического оружия, что четко зафиксировано в архивах, опубликовывали Опровержения, Сообщения и Заявления ТАСС от 9 мая, 8 и 13 июня (последнее опубликовано в советской прессе 14 июня 1941 г.), четко показывавшие, кто на самом деле стремится нарушить мир, кто явится подлым и вероломным агрессором, санкционировали переброску войск из внутренних военных округов в западные приграничные округа СССР и еще многое другое сделали.

Короче говоря, если подвести окончательный итог всему сказанному выше, то вся эта якобы история с якобы имевшим место обменом посланиями, по замыслу тех, кто намалевал эту фальшивую пьесу, должна была послужить очередному серьезному обвинению Сталина как минимум в наивности и неразумной доверчивости по отношению к Гитлеру, которая якобы и привела к невиданной трагедии 22 июня 1941 года. Если уж совсем по-простому, то послужить очередному укреплению в массовом сознании убеждения, что в этой кровавой трагедии виноват прежде всего и только Сталин. Проще говоря, вместо реального анализа и поиска подлинных причин свершившейся кровавой трагедии 22 июня 1941 г. ограничиться «категорично твердым убеждением», что вся вина лежит на Сталине. Увы, в немалой степени получилось…

Однако, вежливо говоря, крайне далекая от конкретных исторических реалий и уж тем более от понятий объективности и порядочности в трактовке событий недавнего прошлого попытка привязать состряпанную фальшивку о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером накануне войны к упомянутым выше встречам двух послов и факту прилета внерейсового самолета оказалась сорванной. И не только потому, что выяснилась невозможность даже белыми нитками сшить бред и подлость.

И потому в конце концов явно было принято решение ограничиться целенаправленными нападками на знаменитое Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г., сосредоточившись именно на том факте, что-де оно от 14 июня, дабы не допустить ни малейшей возможности для прояснения истинной природы происхождения этого Сообщения

и тем более тех подлинных целей, которые оно преследовало, но убедить всех, что-де вот она, одна из главнейших причин кровавой трагедии 22 июня 1941 г.

Вот почему в варианте Безыменского, судя по всему, и появилась эта связка между якобы имевшим место рассказом Жукова и Сообщением ТАСС от 13/14 июня 1941 г. Но вот что интересно. В почему-то неопубликованной части черновика рукописи мемуаров маршал еще в 1965 г. писал: «…**Это сообщение нанесло серьезный ущерб бдительности всего народа и вооруженных сил и, безусловно, способствовало внезапности нападения гитлеровских войск… Советское правительство в лице Сталина и Молотова вновь допустило ошибку, объявив 14 июня в печати и по радио заявление ТАСС о том, что нам нет никаких оснований опасаться вооруженного нападения Германии, с которой у нас имеется пакт о ненападении. Такое безапелляционное заявление Советского правительства успокоило войска приграничных округов и все пошло по обычаям и порядкам мирного времени»**[214]**.** Так вот самое интересное, что этот пассаж маршала, подчеркиваю это особенно, так и не вошел в текст ни одного из изданий его мемуаров, несмотря на иные многочисленные изменения и дополнения якобы по рукописи, которые вносились от издания к изданию. А ведь антисталинская направленность этого пассажа очевидна даже невооруженным глазом.

А чуть позже, после выхода в свет первого издания мемуаров Жукова, произошло одно событие, которое не может не вызвать усмешку, правда, горькую. Прекрасно знавший не только об этой попытке Жукова опорочить упомянутое Сообщение ТАСС и соответственно Сталина, но не хуже него знавший, что творилось в Генштабе и вообще в высшем военном командовании в самый канун войны, маршал А.М. Василевский в своих не менее знаменитых мемуарах **«Дело всей жизни»** чуть позже откровенно дезавуировал попытку Жукова: **«…Думаю, уместно остановиться на известном Сообщении ТАСС от 14 июня. Это сообщение и сейчас нередко толкуется**

[214] Из неопубликованных воспоминаний Маршала Советского Союза Г.К. Жукова [не позднее 1965 г.]. РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа.

вкривь и вкось. Говорится, к примеру, что оно сыграло, чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну. Слов нет, оно вызвало в первый момент у нас, работников Оперативного управления, некоторое удивление. Но за ним не последовало новых принципиальных указаний относительно Вооруженных сил и пересмотра прежних решений о боевой готовности, и мы пришли к выводу, что это дипломатическая акция нашего Правительства и в делах Наркомата обороны ничто не должно измениться. К тому же Н.Ф. Ватутин уже к концу дня разъяснил, что целью Сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев. Поэтому считаю неправильным представлять Сообщение ТАСС как документ, который якобы успокоил и чуть ли не демобилизовал нас»![215]

И вот ведь что характерно. В первом, прижизненном издании мемуаров Василевского в 1974 г. приведенная выше цитата фигурировала как сноска-пояснение. Однако в последующих изданиях она странным образом, но весьма лихо перекочевала в основной текст, в результате чего статус и значимость этих слов Василевского резко возросли. Его ли эта инициатива была или кого-то другого — сейчас уже не установить. Одно только ясно, что и мемуары Василевского после его смерти также подвергались «дополнениям» и «изменениям», и все по «рукописи автора». Но в любом случае, даже в варианте сноски, это признание Василевского имеет просто колоссальное значение.

Ведь что в действительности тогда происходило. Вместо того чтобы воспринять выдвинутый Шуленбургом тезис о необходимости каких-то совместных советско-германских действий на высшем уровне в целях предотвращения войны между двумя государствами и срочного направления в инициативно-спонтанном порядке письма Гитлеру, по указанию Сталина 9 мая 1941 г., то есть аккурат в день второй встречи обоих послов, было опубликовано **Опровержение ТАСС от 9 мая 1941 г.,** в котором откровенно отрицался уже ставший известным немецкой стороне факт переброски советских войск из-за Урала, Сибири и Дальнего Востока. Дело в том, что до этого с германской сто-

[215] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 120.

роны была подана нота, в которой запрашивалось разъяснение советской стороны, в связи с чем происходит переброска войск из внутренних округов СССР в сторону западной границы. В германской ноте были названы даже номера перебрасывавшихся армий (в частности, известно, что там упоминалась переброска 16-й армии). Несмотря на ряд предпринятых мер, автору не удалось ознакомиться непосредственно с текстом этой германской ноты. О ней известно только в пересказе других исследователей. Одно можно сказать точно — советский ответ был достойный: наши войска если и перемещаются по стране, то исключительно в мирных целях — для учений и т.п. Вот текст этого опровержения:

«**ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТАСС**

9 мая 1941 года

Японские газеты публикуют сообщения агентства Домей Цусин из Нью-Йорка, в котором говорится, что, согласно телеграмме корреспондента агентства "Юнайтед Пресс" из Виши (**"столица"** того, что Гитлер оставил в качестве **"независимой"** Франции. — *А.М.*), Советский Союз концентрирует крупные военные силы на западных границах. Дипломатические круги в Москве, заявляет агентство, также указывают, что концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. В связи с этим прекращено пассажирское движение по Сибирской железной дороге, так как войска с Дальнего Востока перебрасываются главным образом к западным границам. Из Средней Азии туда также перебрасываются крупные боевые силы. Из двух запасных воздушных армий, находящихся в непосредственном распоряжении Главного Командования, одна армия уже передана в распоряжение Киевского особого военного округа. Она состоит из 1800 бомбардировщиков и 900 истребителей. В Черном и Каспийском морях усилены военно-морские флоты за счет военных кораблей Балтийского флота. Переброшено 28 подводных лодок, 45 миноносцев, 18 канонерок. Военная миссия во главе с Кузнецовым выехала из Москвы в Тегеран. Назначение миссии, отмечает агентство, связано с вопросом о предоставлении Советскому Союзу аэродромов в центральной и западной частях Ирана.

ТАСС уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое сообщение Домей Цусин, позаимствованное у неизвестного корреспондента "Юнайтед Пресс", представляет плод больной фантазии его автора. Тов. Кузнецов пребывает в Москве, а не в Тегеране, никакие подлодки или миноносцы из района Балтфлота не переброшены и не перебрасываются в Каспийское или Черное море, никакой "концентрации крупных военных сил" на западных границах СССР нет и не предвидится. Крупица правды, содержащаяся в сообщении Домей Цусин, переданная к тому же в грубо искаженном виде, состоит в том, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска — ввиду улучшения квартирных условий в Новосибирске — одна стрелковая дивизия. Все остальное в сообщении Домей Цусин — сплошная фантастика»[216].

Проще говоря, Гитлеру вновь (до этого подобное делалось по другим каналам) популярно объяснили, что нечего рассчитывать на легкую добычу, что он столкнется с грозной и мощной силой и что лучше всего, пока не поздно, сесть за стол переговоров! Гитлер опять не захотел понять — ему грезился успех блицкрига. И на следующий день отправил Р. Гесса за высочайшим разрешением Лондона напасть на СССР.

Тогда ему вновь популярно разъяснили... демонстративно крупными учениями ВДВ и не менее демонстративным призывом чуть более чем **800** тыс. резервистов (потом еще **300** тыс. чел.).

Еще в апреле 1941 г. временно исполнявшему обязанности германского военного атташе полковнику Кребсу была предоставлена возможность осуществить поездку по новым военным заводам СССР, выпускавшим новейшие танки и самолеты. В своем отчете от 9 апреля он прямо указал: **«Нашим представителям дали посмотреть все. Очевидно, Россия хочет таким образом устрашить возможных агрессоров»[217].** [Вы только вдумайтесь в то, что написал Кребс! Ведь за три месяца до

[216] Правда. 1941, 9 мая. Цит. по: *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб накануне войны». М., 2005. С. 399.

[217] *Вишлёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39—53 со ссылкой на документы Политического архива МИД ФРГ.

агрессии он собственноручно, письменно признал, нет, ясно расписался в том, что Германия откровенно готовится стать агрессором! Загодя и абсолютно справедливо же признал Третий рейх агрессором! Натуральный тевтонский болван! И как только гестапо не занялось им?! За такие-то заблаговременные признания Германии агрессором?! Правда, болван-то он болван, но как тогда прикажете называть наших, с позволения сказать, «историков», без устали жующих одну и ту же забугорную «жвачку» — что-де СССР готовился стать агрессором?!]

Одновременно советские послы за рубежом стали **уже открыто** говорить о большом сосредоточении войск на западных границах СССР. Так, в середине мая 1941 г., то есть уже после встречи Деканозова и Шуленбурга 12 мая, посол СССР в Швеции А.М. Коллонтай заявила в кругу дипломатов Стокгольма: **«Никогда еще в русской истории на западной границе России не было сосредоточено такое большое количество войск, как сегодня»**[218].

Обратите внимание на то, что советский посол А.М. Коллонтай заговорила о **русской** истории, о **России.** Это не случайность для советского дипломатического представителя того периода. **На всех уровнях Берлину давали понять, что Москва прекрасно понимает именно цивилизационно-геополитический смысл грядущей агрессии Германии, что в Кремле прекрасно понимают, что Гитлер планирует уничтожение именно России, а нападки на советский строй и большевизм — всего лишь идеологическое прикрытие.**

В свою очередь разведка НКГБ СССР по указанию Сталина в это же время специально предоставила харбинской резидентуре германской разведки в Китае возможность **«перехватить и расшифровать» некий «циркуляр из Москвы».** Немцы тогда «узнали», что всем советским представителям за рубежом было предписано **«предупредить Германию, что Советский Союз подготовился к защите своих интересов»**[219]**.**

В соответствии с решением Главного военного совета, членом которого являлся и сам Сталин, **13 мая** было санкционировано выдви-

[218] *Вишлёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 44, с массированными ссылками на документы Политического архива МИД ФРГ.

[219] Там же. С. 39—53.

жение дополнительных войск из внутренних округов в приграничные. В конце второй — начале третьей декады мая 1941 г. в Генштабе были проведены малоизвестные командно-штабные игры (КШИ) с участием высшего командного состава по проверке Планов прикрытия западных округов и в первую очередь действий ВВС РККА в случае нападения Германии. В мае же по инициативе Сталина в адрес Германии прозвучали вполне внятные угрозы Москвы, что в случае нападения на СССР последний в долгу не останется и нанесет массированные удары возмездия по Берлину и другим германским городам, а при необходимости не остановится и перед применением химического и бактериологического оружия[220].

Дело в том, что еще **19 марта 1941 г.** ценнейший агент берлинской резидентуры НКГБ **«Брайтенбах» — ответственный сотрудник гестапо Вилли Леман —** сообщил о нарастании производства химического оружия в Германии и возможности его применения в войне против СССР[221]. Вот почему со стороны СССР и прозвучали ответные угрозы. К слову сказать, эта угроза в какой-то мере подействовала, что подтвердилось данными разведки.

Проводились и другие акции. Тем не менее дверь для возможного диалога с Берлином оставалась открытой с советской стороны. Более того, параллельно осуществлялся тонкий дипломатический зондаж насчет будущих союзников в войне против Германии, причем именно такой зондаж, который одновременно использовался и как средство давления на Германию в целях вынудить Гитлера к отказу от нападения на СССР или, по крайней мере, к переносу срока нападения на более позднее время. В этих целях, в частности, в первых числах июня 1941 г. советской разведкой была **«обеспечена возможность»** поступления в Берлин информации о начавшихся советско-американских консультациях[222].

---

[220] *Вишлёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 45, с массированными ссылками на документы Политического архива МИД ФРГ.

[221] АГРЕССИЯ. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941. Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2011. С. 271.

[222] *Вишлёв О.В.* Указ. соч. С. 47—48.

И как только стало ясно, что в Берлине нервозно восприняли эти сведения, **8 июня 1941 г.** началась вторая фаза этой операции. Под видом **«Сообщения ТАСС»** от **8 июня** 1941 г. посол СССР в Румынии А.И. Лаврентьев в этот день направил миссиям США, Китая, Турции, Швейцарии и нунцию (представителю) Ватикана в Бухаресте послание, в котором, в частности, говорилось, что **«СССР не потерпит политического, экономического и военного диктата в условиях, когда в мировой политике имеются независимые факторы** (подразумевались США. — *А.М.*), **которые хотят вступить в союз с СССР и что этот союз будет представлять собой величайшую военную и экономическую силу в мире». Кроме того, там же специально подчеркивалось, что «Красная Армия готова защитить свою страну и увеличить свою современную мощь».** Кроме того, там же отмечалось, что посол А.И. Лаврентьев приступил к консультациям с дипломатическими представителями названных стран[223].

Это было сделано в расчете на то, что текст послания попадет в руки германской разведки — оно так и вышло. Одновременно в расчете на то, что устно сказанное также дойдет до ушей германских представителей в Бухаресте, посол Лаврентьев как бы невзначай высказал вслух мысль о том, что-де войны, скорее всего, не будет, а будут переговоры, которые, однако, могут сорваться, если немцы выдвинут неприемлемые условия[224]. Проще говоря, Берлин исподволь, но активно приглашали к переговорам с разумных позиций на равных (это был явно очередной ответный «пас» Москвы на пущенный Геббельсом слух о якобы намечающихся переговорах между Германией и СССР). Но без каких-либо глупостей типа инициативно-спонтанного письма Сталина на имя Гитлера с заверениями о продолжении дружественного отношения СССР к Германии, что практически автоматически привело бы к потере нами потенциальных союзников, прежде всего в лице США, а также Англии!

[223] *Вишлёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 47—48, с массированными ссылками на документы Политического архива МИД ФРГ.

[224] Там же.

Таким образом, очевидно, что проводился комплексный зондаж с целью оказания влияния: с одной стороны, выказывалась готовность к диалогу, но только на равных условиях, с другой — подчеркивалась абсолютная неприемлемость какого бы то ни было диктата, с третьей — делался намек на союз между США и СССР, против которого Германия ни при каких обстоятельствах не устоит, с четвертой — что при всех обстоятельствах СССР настроен крайне решительно и даст самый мощный отпор агрессору, с пятой — все заинтересованные стороны открыто извещались, что, не унижаясь перед кем бы то ни было, СССР готов приложить максимум усилий в поисках мира.

Среди всех предпринятых в то время Сталиным мер в ответ на провокацию Шуленбурга, а также в том числе в порядке реакции на усиливавшийся вал тревожной разведывательной информации наиболее оригинальным следует считать распоряжение о публикации его статьи **«О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”. 19 июля 1934 года. Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б)»** в **№ 9** журнала **«Большевик» (предшественник советского журнала «Коммунист»),** что и было осуществлено **в середине мая 1941 г.**[225] Уж простите за повтор, хотя и расширенный.

Так выглядел этот журнал в 1934 г.

[225] «Большевик», 1941, № 9. С. 1—5.

Она была написана Сталиным еще в 1934 г. в ответ на попытку **от 18 июля того же года** внутренней оппозиции опубликовать эту статью Энгельса. 19 июля 1934 г. Сталин подготовил упомянутую статью-письмо, в которой более чем аргументированно вдребезги разнес все тезисы «классика», а **22 июля того же года** провел решение Политбюро о нецелесообразности печатания статьи Энгельса. Как, впрочем, отказался тогда публиковать и свое письмо.

В 1934 г. самим фактом попытки публикации статьи Энгельса на страницах главного теоретического печатного органа ЦК ВКП(б) — журнала **«Большевик»** — оппозиция намеревалась придать статье Энгельса руководящий или, во всяком случае, глубоко поучительный характер. **Но в том-то все и дело, что руководящий или, по меньшей мере, поучительный характер, который обрела бы эта статья, будь она опубликована в «Большевике» в то время, означал бы едва завуалированный призыв к государственному перевороту в СССР под видом революции! В том числе и при нападении Германии, но уже не кайзеровской, а гитлеровской, нацистской. Более того. Она означала бы приветствие и без того грядущей войне нацистской Германии против СССР. Хуже того. Она означала бы необходимость создания режима наибольшего благоприятствования Гитлеру и его бесчеловечному режиму для нападения на СССР. Оппозиция уже откровенно готовилась к этому, в том числе и с подачи Л.Д. Троцкого.** Ведь генеральный лейтмотив этой яро антироссийской статьи Энгельса заключался в том, что поскольку внешняя политика России якобы является агрессивной по определению, чему бородатый «классик» дал ложное, но облеченное в псевдонаучную мантию объяснение, то, следовательно, грядущая война кайзеровской Германии против царской России есть война якобы справедливая, едва ли не освободительная. Чуть ли не единственный способ устранения якобы имеющей место быть «русской угрозы», в роли «источника» которой был выставлен русский царизм, причем именно на том основании, что он является «последней твердыней общеевропейской реакции». Получивший в свое время прозвище «Генерал», «классик научно обоснованного»

международного бандитизма выдал на-гора и «рецепт» единственного, по его мнению, шанса для предотвращения мировой войны: свержение русского царизма в результате буржуазной революции. Попутно «Генерал» четко описал и причину будущей Первой мировой войны XX в., а также систему взаимодействия механизмов войны и «революции», то есть антигосударственного переворота силами местной «пятой колонны» (хотя такого термина в те времена еще не было, но само это понятие, точнее сокрытый в нем смысл, известно фактически с библейских времен), а также стратегию и тактику их применения в отношении России. А спустя всего четыре месяца после публикации второй части статьи Энгельса на русском языке — на Рождество 1890 г. — произошло то, что определило весь ход Истории в XX веке. Со страниц принадлежавшего влиятельнейшему представителю британской элиты масону Генри Лабушеру журнала **«THE TRUTH» («Правда»)** могущественнейшие силы англосаксонского Запада объявили России Перманентную мировую войну на полное уничтожение вплоть до состояния **«РУССКОЙ ПУСТЫНИ».** Все изложенное выше касается ситуации 1934 г., но тогда эта статья Сталина нигде не публиковалась — она была разослана членам Политбюро в качестве письма.

И вот в середине мая 1941 г. по указанию Сталина эта статья была опубликована. Сам факт ее публикации именно в это время невозможно расценить иначе, кроме как непосредственную реакцию Сталина не только на ряд тревожных сообщений разведки, в том числе и тех, в которых прямо говорилось о надеждах нацистского руководства на государственный переворот в СССР, на восстания и т.п., но и на провокацию Шуленбурга, причем, судя по всему, в первую очередь. Ведь сам факт публикации этого письма в середине мая 1941 г. в главном идейно-теоретическом печатном органе ЦК ВКП(б) нес колоссальной силы пропагандистский заряд острой политической направленности. Это был очень мощный, как ныне принято говорить, «месидж» различным силам за рубежом и внутри самого СССР. Ведь это было осуществлено после:

— известных событий в Югославии в апреле 1941 г.,

— назначения Сталина главой Советского правительства,

— его знаменитой речи 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, поставившей на уши едва ли не все посольства в Москве,

— взбудоражившего весь мир перелета заместителя Гитлера по партии, наци № 2 Рудольфа Гесса в Англию,

— резкого нарастания угрозы скорого, в ближайшем же будущем, вооруженного столкновения с гитлеровской Германией.

Соответственно подавляющая часть смысла такого послания была связана с внешнеполитическими проблемами конкретного отрезка времени того периода. В частности, антианглийские выпады в этой статье Сталина получили новое звучание в той конкретной обстановке. Проще говоря, тем самым Сталин пока еще тонким, но вполне прозрачным намеком на очевидные толстые обстоятельства попытался дать понять Англии, чтобы она не шалила и не использовала факт прилета Гесса для провоцирования дальнейшего усиления агрессивной активности Гитлера, интенсивно сосредотачивавшего свои войска в непосредственной близости от советских границ.

А шалила Англия в то время, вежливо говоря, безудержно активно и крупномасштабно. Так, по свидетельству П.А. Судоплатова, уже в начале 1941 г. в Москву по нарастающей стали поступать сведения, в том числе и в первую очередь от Кима Филби, о том, что:

— «**британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР**»;

— «**британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом;**

— по этим слухам войну должен был начать СССР превентивным ударом в направлении Южной Польши;

— британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне…»,

— а также «об усилившихся контактах зондажного характера британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта»[226].

А вообще следует отметить, что с помощью разведки Сталин давно и с тревогой наблюдал за секретными, в том числе и зондирующего характера, контактами и сугубо конфиденциальными переговорами Р. Гесса и его наиболее доверенных эмиссаров с влиятельнейшими представителями высшего эшелона британской правящей элиты. В частности, с герцогами Гамильтоном, Бедфордским и Виндзорским (он же экс-король Эдуард VIII), тесно связанными с британской разведкой газетным королем лордом Ротермиром, флигель-адъютантом английского короля капитаном Роем Фейесом и другими. Благодаря разведке Сталин был в курсе сугубо конфиденциальных переговоров между группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским и уполномоченным Гесса — профессором Альбрехтом Хаусхофером (старший сын легендарного германского геополитика первой половины XX века — Карла Хаусхофера). Переговоры состоялись в Женеве еще в августе 1940 г. Англичане тогда изъявили готовность начать мирные переговоры с Германией, выставив предварительным условием расторжение советско-германского договора о ненападении от 23.08.1939. Было известно также, что принципиально Гитлер и Гесс были согласны на это условие, но хотели отложить дальнейшие переговоры до занятия Балкан. Кстати, судя по всему, это одна из главнейших причин того, почему Сталин весной 1941 г. вмешался в югославские события. И вот к началу мая Балканы заняты гитлеровцами, а Гесс перелетел в Англию. Вывод мог быть только один — значит, до сговора либо провокации вооружен-

[226] *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136. Следует также отметить, что идея контрнаступления советских войск в направлении Южной Польши с 14 октября 1940 г. действительно фигурировала в **«Соображениях о стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.».** Это был единственный официально рассмотренный, но, увы, так и не утвержденный официально Советским правительством план отражения агрессии.

ного столкновения с Германией, что называется, рукой подать[227]. К тому же еще были свежи впечатления от беспрецедентно хамского по отношению к СССР апрельского меморандума, в котором возглавляемое У. Черчиллем британское правительство, **по сути дела, открыто шантажировало Москву возможностью сговора с Германией! Там, в частности, подчеркивалась мысль о том, что в случае затягивания войны определенные круги в Англии могут положительно воспринять идею о прекращении войны с рейхом на германских условиях, вследствие чего Берлину откроется простор для экспансии в Восточном направлении. Более того, в тексте меморандума содержался и вовсе хамский, но донельзя характерный для Великобритании выпад против СССР: «Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран»! Не менее хамской была и концовка меморандума: «Намерено ли Советское правительство улучшить отношения с Англией, или оно желает оставить их в таком состоянии, в каком они находятся сейчас?»[228]**

И вот на таком фоне, но непосредственно накануне полета Гесса в Англию из резидентуры НКГБ СССР в США поступила срочная информация о том, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд, работавший на Уильяма Стивенсона из Британского координа-

[227] Очерки истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 438; *Розанов Г.Л.* Сталин и Гитлер. 1939—1941. М., 1991. С. 200.

[228] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London. 1970. Vol. I. P. 604. Даже сейчас, спустя восемь десятилетий после тех событий, невозможно без возмущения читать этот меморандум! Кто мешал Великобритании поддерживать с СССР хорошие отношения?! Все 30-е гг. Москва настойчиво призывала к организации коллективного отпора Гитлеру. Так нет же, именно Лондон, наплевав на очевидность угрозы войны, — ведь сам же старательно раздувал искры будущего мирового пожарища — предпочел прикрыться фактически пактом о ненападении с Гитлером, то есть Мюнхенской сделкой. Сталин же рассчитывал и, кстати, очень правильно, все-таки нормализовать отношения с Лондоном, но при содействии Вашингтона, от помощи которого Лондон тогда очень сильно зависел. Когда имеешь дело с Англией, всегда нужна еще одна узда, иначе очень трудно совладать с ее беспардонным коварством и подлостью — **таким уж он уродился, этот «Perfidious Albion» («Коварный Альбион»)!**

ционного центра безопасности в Нью-Йорке, сумел подбросить «утку» в немецкое посольство в Вашингтоне. Как отмечал в своих мемуарах П.А. Судоплатов, «дезинформация была отменной: **«...если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера»[229].**

Канадский мультимиллионер Уильям Стивенсон (на русском языке нередко пишут Уильям Стефенсон) был одним из ближайших друзей премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Пользуясь колоссальным влиянием в США, У. Стивенсон даже спровоцировал силами ФБР арест разоблачившего британскую дезинформационную операцию Г.Б. Овакимяна, который был освобожден только после начала войны, и то при активном вмешательстве в этот вопрос Советского правительства (Сталина) и залоге в 25 тысяч долларов. Этим арестом британская разведка пыталась вбить клин в едва только наметившееся сотрудничество между США и СССР в рамках грядущей антигитлеровской коалиции.

Сам Монтгомери Хайд в своей книге **«Комната 3603»** — этот офис, в котором и размещалась штаб-квартира британской разведки в США, располагался тогда в знаменитом нью-йоркском небоскребе Эмпайр-стейт-билдинг — суть операции по подбрасыванию совместно с ФБР США посольству Германии в Вашингтоне дезинформации описал следующим образом: «**Из вполне достоверных и заслуживающих доверия источников стало известно, что Советский Союз намерен предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как только Германия будет втянута в крупные операции»[230].** В таком контексте конкретно в тот период времени для Германии крупной операцией могло быть прежде всего вторжение в Англию. Но не только, о чем будет сказано отдельно. Попутно оцените также подлость британской разведки. Мало того, что злонамеренно запустили такую дезинформацию, так еще и чисто по-британски заострили свою же подлость — **«Советский Союз намерен предпринять дальнейшие агрессивные военные действия». Мол, Советский Союз и до это-**

[229] *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136.
[230] *Montgomery Hyde*. Room 3603. New York, 1963. P. 58.

го осуществлял агрессивные по отношению к Германии действия. Бритты же, одно слово!..

Судя по всему, эта дезинформационная акция стратегического характера британской разведки суть свидетельства того, что терпение У. Черчилля в надежде на помощь США в этом же вопросе лопнуло. Дело в том, что еще в 1940 г. тот же самый Монтгомери Хайд передал Уильяму Доновану (один из руководителей американских спецслужб, которому М. Хайд помогал создавать американскую разведку в лице Управления стратегических служб) для вручения президенту США Рузвельту письмо Черчилля, в котором тот изложил мысль следующего порядка: **поскольку США не находятся в состоянии войны с Германией, то не могли бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России[231].** Насколько возможно понять обычно неосвещаемую сторону этой истории, советская внешняя разведка узнала о факте передачи такого письма и его содержании, потому как в этом шпионском гнезде британской разведки был агент советской внешней разведки **Седрик Белфрейдж,** о чем уже говорилось выше.

Кроме того, в той конкретной обстановке послание четко показывало Англии, что не следует использовать балканскую проблему для антисоветских и антироссийских действий. Прежде всего, потому, что Советский Союз не преследует цели использовать против Англии Балканы, которые со времен постройки Суэцкого канала Лондон рассматривал как ближайший подступ к самому сердцу своей колониальной империи — Индии.

Одновременно это было послание и самому фюреру. И в той конкретной ситуации смысл послания сводился к тому, что Берлину дали понять: Москва отлично понимает, что в своих агрессивных устремлениях на Восток Третий рейх действует не самостоятельно, а как готовый уничтожить «русское варварство» подрядчик Запада, прежде всего Англии (и США тоже).

[231] Из интервью бывшего начальника Управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Ю.И. Дроздова корреспонденту интернет-газеты «Фонтанка.ру» Льву Сирину 02.11.2012 г.

С другой стороны, смысл такого послания сводился также и к тому, что СССР отнюдь не последняя твердыня, тем более общеевропейской реакции (по аналогии с терминологией Энгельса), которую надо обязательно уничтожить. Особенно если учесть, что он и не был таковым.

Для Англии это означало, что не надо провоцировать Гитлера на ускорение нападения на СССР, потому как Советский Союз действительно последняя надежда Англии на европейском континенте.

Для Берлина сие означало, что он не должен рассчитывать на легкий победоносный бросок на Восток, что победы ему не видать, как, впрочем, и «революции» в СССР тоже (нацистские преступники на самом деле рассчитывали на это — увы, свидетельств на эту тему много, и все по данным разведки). И уж особенно не получится вариант хотя бы и почти освободительной войны — по аналогии с преступным бредом Энгельса.

Если уж совсем примитивно, то этой публикацией Адольфу попросту напомнили, что в высшей мировой политике без учета фактора СССР (как и прежде России) ничто не возможно. Можно только учитывать этот планетарного масштаба фактор, считаться с ним, причем не переоценивая отдельные негативные в восприятии Запада стороны его существования и проявления во внешнем мире, страсти вокруг которых умышленно нагнетались (и, увы, нагнетаются до сих пор!) на Западе. Кроме того, содержание письма ясно давало понять, что со стороны СССР Германии ничто не угрожает, что СССР не планировал и не планирует инициативно начинать войну против Германии.

Параллельно это было еще и послание, адресованное Турции (помните, Шуленбург и ее упоминал во время беседы с Деканозовым), которую Берлин тогда активно провоцировал на совместное с ним нападение на СССР, а как минимум на разрешение на пропуск германских войск. Проще говоря, Анкаре ясно дали понять следующее, что все попытки — вне зависимости, от кого они исходят, — подтолкнуть Турцию к нападению на СССР или как минимум согласиться на пропуск германских войск под предлогом того, что-де Москва планирует

захватить Черноморские проливы и Константинополь (в то время уже Стамбул), беспочвенны и бессовестны. Потому как это безосновательная переоценка роли стремления России к проливам и Константинополю.

Учитывая же, что за проблемой проливов и Константинополя однозначно стоит проблема Балкан, то тем самым Сталин одновременно давал понять и Гитлеру, что не стоит переоценивать стремление СССР к Балканам. В том числе не стоит переоценивать и последние — апрельские 1941 г. — события в Югославии. **Здесь надо отчетливо иметь в виду, что в тот конкретный период времени у Сталина была одна сверхзадача — не унижая достоинства СССР и не унижаясь самому, любыми путями, средствами и методами оттянуть насколько возможно отчетливо осознаваемую им неминуемую неизбежность нападения Германии на СССР в самом ближайшем тогда будущем.**

По сути дела, это была квинтэссенция прелюдии Сталина к знаменитому Сообщению ТАСС от 13 июня 1941 г.

В связи с резко усилившимся потоком конкретизирующих время и дату нападения Германии разведывательных данных — к середине июня поступило уже 63 разведывательных донесения хотя и с плавающей, но все-таки с конкретизацией времени нападения на июнь, в том числе и в 20-х числах, — а также буквально шквалом поступавшей особо тревожной разведывательной информации по другим, но связанным с вопросом о нападении проблемам, 13/14 июня 1941 г. Советское правительство осуществило выдающийся по своим стратегическим последствиям глобальный разведывательно-политический маневр, выпустив ставшее впоследствии легендарным Сообщение ТАСС.

Поразительно, но факт, что именно этому выдающемуся по своим стратегическим последствиям глобальному разведывательно-политическому маневру в виде Сообщения ТАСС выпала более чем грустная судьба — мол, за неделю до нападения правительство опубликовало столь дезориентирующее страну и армию Сообщение. Уж кто только не засветился на этой неправедной стезе, не отдавая себе

отчета в том, что откровенно клевещет. Нет практически ни одного исследования о начале войны, на страницах которого авторы не прошлись бы свирепо злобной критикой в адрес Сталина и Советского правительства именно из-за этого Сообщения ТАСС. Нет чтобы сначала подумать, взвесить на исторических весах всю ту сложнейшую международную обстановку накануне войны и только потом заходиться в шизофренической истерии злобной антисталинской критики. Ведь все же лежало на поверхности, и заметить все было не столь уж и трудно, если, конечно, мозги нормальные…

Во-первых, никакого Сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г. в природе не существовало и в помине! В действительности же 14 июня 1941 г. на страницах центральных советских газет **всего лишь было опубликовано** Сообщение ТАСС **от 13 июня 1941 г.!** Именно поэтому-то и была указана двойная дата этого выдающегося документа.

Во-вторых, текст Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. тогда же, 13 июня 1941 г., ровно в **18.00 по московскому времени** был озвучен и передан в открытый эфир московским радио, в том числе и в первую очередь на заграницу[232].

В-третьих, одновременно с передачей содержания Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. по московскому радио, тогда же, примерно в указанное выше время, его текст был передан наркомом иностранных дел СССР Молотовым германскому послу графу Вернеру фон Шуленбургу[233]. И не только ему. В то же самое время заранее получивший по телеграфу текст этого документа посол СССР в Великобритании И. Майский вручил текст Сообщения премьер-министру Великобритании У. Черчиллю (передача состоялась как бы неофициально, в ходе встречи И. Майского с министром иностранных дел Великобритании 13 июня 1941 г.).

Сталин осознанно торопился озвучить Сообщение ТАСС именно 13 июня 1941 г. и выпустить его в открытый эфир московского радио вечером того же дня, а одновременно вручить его текст германскому

[232] Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946. Т. IV. Док. 519.

[233] *Орлов А.* Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 365; «Коммунист». 1968. № 12. С. 6.

послу фон Шуленбургу и британскому премьер-министру Черчиллю, потому что 13 июня 1941 г. Сталин уже располагал разведывательными данными о том, что командующие группами армий вторжения получили приказ Гальдера № 1170/41 от 10 июня о назначении 22 июня датой начала нападения на СССР. Кроме того, разведка погранвойск проинформировала, что гитлеровцы назначили начало выдвижения своих войск на исходные для нападения позиции именно на 13 июня 1941 г. (а командующий ГА «Север» такой же приказ получил и того ранее), которое и началось, правда, в тот же день приказом из Берлина выдвижение внезапно было отменено[234].

К числу основных причин, обусловивших появление этого Сообщения ТАСС, следует отнести еще одну. Как известно, в ночь с 12-го на 13 июня нацистское руководство осуществило пропагандистскую акцию стратегического влияния, которой придавалось огромное дезинформационное значение (оно муссируется до сих пор). По согласованию с Гитлером Геббельс подготовил статью под названием «Крит как пример», содержавшую не столько косвенный намек на возможность вторжения германских войск в Англию в ближайшее время, сколько очередной блеф на эту тему. Статья была опубликована в главном печатном органе НСДАП и Третьего рейха — «Фёлькишер беобахтер». Суть акции состояла в следующем. «По личному распоряжению Гитлера» этот номер «Фёлькишер беобахтер» был в «срочном» и «совершенно секретном порядке» конфискован до поступления в розничную продажу. Однако нацистские власти умышленно допустили попадание этого номера в иностранные посольства. Одновременно по Берлину был пущен мгновенно распространившийся слух о том, что-де Геббельс якобы попал в большую немилость у Гитлера из-за публикации этой статьи. В отчете «бюро Риббентропа» и дневниковых записях Геббельса впоследствии отмечалось, что «дело "Фёлькишер беобахтер"» имело большой резонанс. А ставившаяся этой акцией политическая цель была достигнута. Тевтоны полагали, что англичане укрепятся во мнении:

[234] Пограничные войска СССР, 1939—1941 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 397.

— что германское вторжение на Британские острова все-таки состоится;

[Хотя к этому времени даже английская пресса, не говоря уже о спецслужбах Англии, была абсолютно уверена, что Гитлер нацелился только на СССР. В то время английская пресса без обиняков указывала, что **«... только одно бесспорно — от Финляндии до Черного моря Гитлер сконцентрировал силы значительнее тех, которые необходимы для любых оборонительных нужд» —** именно так, писала, например, **Manchester Guardian в номере от 20 июня 1941.** А уж английская разведка вообще прекрасно знала, что нападение на СССР назначено на утро 22 июня 1941 г.]

— что между Германией и СССР якобы существует некий тайный сговор.

Этому служил также и пущенный по Берлину одновременно с публикацией статьи Геббельса слух, как бы развивавший мысли, высказывавшиеся в английских газетных публикациях, о том, что германским и советским правительствами найдена, наконец, «хорошая основа для переговоров» в обрамлении не менее лживого слуха о возможном визите Сталина в Германию.

Одновременно тевтоны полагали, что в Москве поймут все наоборот — что-де «пробритански настроенный» Геббельс и его сторонники (к ним причислялись Г. Гиммлер, Г. Геринг, В. Кейтель и другие) пытаются сорвать планы усиливающейся антибританской группировки и добиться германского выступления против СССР. И что, возможно, пробританская группировка уже ведет тайные переговоры с Лондоном и Вашингтоном[235]. Но это то, что не к месту грезилось нацистам.

На самом же деле именно **к 12 июня 1941 г.** британская разведка наконец-то получила неопровержимое документальное доказательство того, что 22 июня Германия начнет свою агрессию против СССР. Именно к этому сроку, который впоследствии подтвердил в своих ме-

[235] *Вишлёв О.В.* «…Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сборнике «Вторая мировая война. Актуальные проблемы». М., 1995. С. 49, с массированными ссылками на Политический архив МИД ФРГ, дневник Геббельса и архив Риббентропа.

муарах и сам У. Черчилль, Центр перехвата и дешифровки в Блетчли-парке перехватил и расшифровал распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками Германии о назначении даты наступления на Советский Союз — упомянутый выше приказ Гальдера от 10 июня с указанной датой и временем нападения на СССР. Благодаря этому успеху своих дешифровальщиков Англия невероятным чудом в последний момент удержалась от реализации плана бомбардировок советских нефтяных месторождений в Советском Закавказье, о чем, кстати говоря, советская внешняя разведка своевременно проинформировала Кремль. Более того. Именно благодаря этому успеху, в Лондоне наконец-то окончательно поняли, что германское вторжение Англии не угрожает. По крайней мере, в ближайшее тогда время.

В свою очередь Сталин благодаря разведке еще до 12—13 июня знал о назначении 22 июня днем начала агрессии, а в указанные дни было получено также и документальное подтверждение от ставшего впоследствии легендой советской военной разведки нелегального резидента Яна Черняка, что открыто признало руководство ГРУ. Кроме того, военная разведка зафиксировала, что после прилета Гесса в Англию интенсивность налетов на Британские острова и количество участвующих в них бомбардировщиков люфтваффе очень резко снизились, как, впрочем, и ответные налеты британской авиации на Германию.

Короче говоря, Сообщение ТАСС явилось в итоге еще раз глубоко зондирующей подлинные намерения Берлина реакцией Сталина и на тревожные сведения разведки, и на провокацию Шуленбурга. Проще говоря, по реакции официального Берлина на Сообщение ТАСС Сталин намеревался еще раз проверить достоверность информации об угрозе нападения Германии в ближайшие дни, в том числе и то, что кроется за фокусом с изъятием главной газеты Третьего рейха. Потому что к моменту возникновения решения прибегнуть к такому приему, как зондирующее Сообщение ТАСС, Москва уже обладала данными не только о том, что нападение состоится в 20-х числах июня, но и данными о точной дате нападения. Одновременно в равной степени преследовалась цель заранее при-

гвоздить А. Гитлера и его Третий рейх к позорному столбу Истории как вероломного и подлого агрессора, если он никак не отреагирует на зондаж!

По сути дела, Сталин второй раз за 8 лет очень жестко загнал Гитлера в угол (впервые еще в 1933 г.), поставив его перед абсолютно неразрешимой дилеммой:

А. Либо официально, во всеуслышание разделить изложенную в Сообщении ТАСС позицию, то есть от имени германского государства подтвердить высказанную в нем беспочвенность слухов о нападении. Проще говоря, вместо навязывавшегося ему Шуленбургом варианта «инициативно-спонтанного срочного письма» на имя Гитлера, в котором Сталин должен был расписаться даже не столько в дружественном отношении СССР к Германии, что однозначно подорвало бы даже намек на возможность установления остро необходимых СССР союзнических отношений с США и Англией, сколько, по сути дела, признать якобы верховенство Германии в Европе и ее «нового мирового порядка», что неизбежно нанесло бы колоссальный урон авторитету СССР и едва только начавшим вырисовываться контурам будущей антигитлеровской коалиции, Сталин в противовес создал абсолютно безвыходную для фюрера ситуацию, когда уже он, Адольф Гитлер, должен был инициативно-спонтанно реагировать. Но для Гитлера такая реакция на это Сообщение ТАСС означала бы:

а) отказ от нападения или же как минимум перенос даты нападения на более поздний, а, следовательно, и более выгодный для СССР в плане подготовки к отпору врагу срок;

б) либо, не меняя уже назначенную дату нападения, расписаться в том, что в случае нападения после такого, официально выраженного согласия с содержанием Сообщения ТАСС, а, по сути-то, заявления правительства СССР, именно он, коричневый шакал, и есть вероломный и подлый агрессор. Ведь по состоянию на 13 июня 1941 г. Сталин уже точно знал о 22 июня.

Б. Либо вообще никак не реагировать, что в свою очередь означало бы:

а) что он, Гитлер, понял, что сделал Сталин;

б) что своим красноречивым молчанием фюрер умышленно игнорирует совершенно отчетливо прозвучавшее приглашение к диалогу;

в) и, следовательно, именно он, Адольф Гитлер, своим молчанием собственноручно расписывается в том, что и военное, и, особенно, политическое решения о нападении на Советский Союз 22 июня приняты окончательно и бесповоротно и соответствующе подтверждены командующим группировками вторжения. Подчеркиваю, что в этот момент Сталин уже знал, что по указанию Гитлера Гальдер издал и направил в войска директиву о назначении даты 22 июня датой нападения! Но еще не принял именно окончательного политического решения о нападении (оно было принято только 14 июня. — *А.М.*)**!**

Любой из этих вариантов абсолютно обоснованно выставлял Гитлера и Третий рейх именно подлым и вероломным агрессором, который заслуживал не только всеобщего осуждения, но и самого сурового возмездия. Для Сталина же, особенно второй вариант, означал ответ на главный вопрос — о подтверждении даты нападения.

В Берлине прекрасно поняли, что сделал Сталин. Не случайно уже **15 июня 1941 г.** в дневнике колченогого министра пропаганды Геббельса появилась очень красноречивая запись: **«Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя всевозможные поводы для обвинений в развязывании войны»**[236]. В своем упомянутом выше исследовании Е.М. Ржевская приводит такую цитату из дневника Геббельса: **«Опровержение ТАСС оказалось еще резче, чем в переданном о нем сообщении. Очевидно, путем тщательного соблюдения договора о дружбе и утверждения, что ничего на самом деле не происхо-**

[236] Die Tagebuchervon Joseph Goebbels. Samtliehe Fragmente / Hrsg. von E. Fronlich. München etc., 1987. Teil I: Aufzeichnungen 1924—1941. Bd. 4. S. 692—693.

дит, Сталин хочет показать возможного виновника войны»[237]. Ай да Геббельс, ай да сволочь нацистская — надо же, признал-таки, что именно нацистская Германия станет виновником войны! Сволочь-то он сволочь, сомнений нет, но вот как называть наших, с позволения сказать, либерастов-историков, которые и поныне пытаются утверждать, что-де Сталин намеревался напасть на Германию!?

Но не менее важно и то, что Геббельс понял (впрочем, понял не только он, но и Гитлер, да и в целом все высшее руководство Третьего рейха), что сделал Сталин, что он не собирался и не собирается, не готовился и не готовится нападать на Германию, что он ясно показывает, кто явится виновником войны, то есть агрессором. А наши горе-«исследователи» даже в Третьем тысячелетии ну никак не могут осознать столь простой факт!? И уж тем более по непонятной причине игнорируют прямую связь между фальшивкой о якобы имевшем место обмене письмами между Сталиным и Гитлером, в том числе в связке с теми тремя встречами и беседами Деканозова и Шуленбурга, и этим Сообщением ТАСС!

Как известно, Гитлер избрал второй вариант ответа — никакой официальной реакции Берлина не последовало. Однако через сотрудничавшего с гестапо агента советской разведки **«Лицеист» (он же в гестапо «Петер»),** о двойном дне которого Москва знала, до сведения советского посольства в Берлине была доведена следующая информация. **Что-де Сообщение ТАСС не произвело на немецкое руководство «никакого впечатления и что оно вообще не понимает, чего Москва хотела добиться этим сообщением»[238].**

То есть Гитлер и его окружение действительно уразумели, что же сделал Сталин, и даже то, почему он опубликовал это Сообщение в прессе на следующий день. Вся немудреная хитрость факта публикации именно в прессе была в том, что сообщение по радио и даже официально переданный германскому послу текст этого сообщения в анналы истории не подошьешь. Гитлер спокойно сделал бы вид, что

---

[237] *Ржевская Е.М.* Указ. соч. Приводится по Интернету.

[238] Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn: Bürodes Staatssekretär. Russland, Bd. 5 (R 29716), Bl. 272.

ничего подобного не видел, не слышал и даже не получал. А вот против публикации в прессе, тем более в сочетании с радиопередачей, которую слышал весь мир, и официально переданным послу текстом — тут уж против истины и документов не попрешь! Вот это-то нацистские негодяи уразумели живенько.

На этом глобальное стратегическое значение Сообщения ТАСС, естественно, далеко не исчерпывается. Особое значение имеет и то обстоятельство, кому же в действительности было адресовано это Сообщение. Вопреки фигурирующей во всех исследованиях и мемуарах и никак не подвергаемой даже тени сомнения ложной убежденности в том, что Сообщение ТАСС предназначалось Гитлеру, на самом деле это совсем не так. И даже совсем не так. Как адресат этого Сообщения, Гитлер подразумевался не более чем на **10 %, максимум — на 15 %!** А вот на **85—90 %** оно предназначалось прежде всего Вашингтону и Лондону, причем именно в этой последовательности — Вашингтону и Лондону. Потому что от позиции Вашингтона, а, следовательно, и очень сильно зависевшего от него в то время Лондона напрямую зависел и ответ на куда более важный накануне войны вопрос. **Каков будет реальный расклад глобальных геополитических сил на мировой арене в связи с грядущим и неизбежным нападением Германии на Советский Союз?**

Сталину до чрезвычайности важно было знать, с кем же конкретно Советскому Союзу придется воевать. Только ли с гитлеровской Германией и ее бандой холуев из числа мелкотравчатых европейских прихлебателей?! Или же с консолидированным не столько даже на антисоветской, сколько на цивилизационно-геополитической по характеру и сути антироссийской основе Западом (включая США и Великобританию), в рамках коалиции которого гитлеровская Германия выступит как ударная сила авангарда? Соответственно ответ на этот вопрос прояснил бы и вопрос о будущих союзниках в войне.

Особенно актуален был следующий вопрос: **а какую позицию в этой связи в итоге займут сами США?** Ведь в США, как это хорошо было известно Сталину, имелись достаточно влиятельные силы,

благосклонно посматривавшие на Гитлера и Третий рейх и готовые занять позицию демонстративно изоляционистского нейтралитета. Официальный же Вашингтон тоже не вносил окончательной ясности в свою позицию в связи с очевидным нападением Германии на СССР в самое ближайшее время, хотя и передавал Москве свою разведывательную информацию о грядущем нападении Германии.

Но, с другой-то стороны, еще с конца января 1937 г., по донесениям нелегальной резидентуры НКВД СССР в США, Сталин абсолютно точно знал, что США выступят на стороне СССР только в одном-единственном случае: **«Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территориальных, стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»[239].**

17 апреля 1941 г. Конгресс США странным образом конкретизировал эту позицию Рузвельта, приняв резолюцию, в которой однозначно было сказано, что если войну спровоцирует Советский Союз, то США встанут на сторону Германии[240]. Странность этой резолюции заключалась как в том, что руководство США прекрасно понимало, что СССР ни в коем случае не станет инициатором развязывания войны, так и в том, что при таком понимании она создавала ситуацию как бы связывания рук Москве в ее надеждах на установление союзнических отношений с США в случае нападения на СССР. Проще говоря, получилось нечто вроде предупреждения. Очевидно, и с этим обстоятельством также связаны те бесконечные призывы не поддаваться на провокации, на которые сетуют все исследователи, ссылаясь на военных и их воспоминания.

[239] Очерки Истории Российской Внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 468.

[240] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 166.

Однако от того, какую реально позицию заняли бы США, откровенно зависела и позиция Великобритании в случае нападения Германии на СССР. А вот здесь была неясность. Демонстративно уклонявшийся от каких бы то ни было попыток втянуть США в вооруженные разборки в Европе, Рузвельт, с одной стороны, пока милостиво предоставлял Великобритании возможность потихоньку тонуть как империи, но при помощи американского ленд-лиза. С другой — не слишком уж и торопился с формированием даже предпосылок будущих союзнических отношений в рамках антигитлеровской коалиции. Тем более с Советским Союзом. Хотя в то же время Рузвельт зарезервировал для СССР шанс на получение помощи по ленд-лизу.

Между тем с давних пор, как минимум с середины 30-х гг., основным игрокам на мировой арене было понятно, что в грядущей войне победа будет на стороне той коалиции, к которой примкнут США, но в которой будет также и СССР.

Зная и понимая все это, Великобритания совершенно отчаянными, на редкость дерзкими операциями своей многоопытной разведки и дипломатии, не гнушаясь даже наглой дезинформацией лично президента Рузвельта, пыталась вынудить Вашингтон поскорее влезть в войну на стороне «прабабушки». Но и нацистская Германия не менее отчаянно боролась за то, чтобы в свою очередь не допустить вмешательства в европейские разборки уже тогда экономически очень сильных США. Гитлер даже запретил абверу операции на территории США, дабы не давать никакого повода Вашингтону![241] А Великобритания в это же время руками своей разведки проводила весьма подлую по отношению к Вашингтону акцию, рассчитывая хорошенько взбеленить Америку против Германии. Суть операции заключалась в том, что-де Третий рейх якобы собрался устроить государственный переворот в Боливии, после успеха которого эта маленькая страна якобы должна была стать плацдармом прогерманского антиамериканизма в Западном полушарии и в том числе прекратить поставки стратегиче-

[241] *Bradley F. Smith.* The Shadow Warriors: O.S.S. and the origins of the CIA. London; NewYork: Deutschland Basic Books, 1983. P. 22.

ского сырья (вольфрама и других редких металлов) в США[242]. Проще говоря, Лондон едва ли не прямым текстом требовал от Вашингтона очередного раунда реализации столь любимой там пресловутой доктрины Монро, одновременно чуть ли не кувалдой стуча по самой болезненной «мозоли» США — Соединенные Штаты Америки с давних пор исключительно крайне болезненно воспринимают любые попытки любых государств похозяйничать на «заднем дворе» США, то есть в странах Латинской Америки.

При условии особой двойственности позиций наиболее влиятельных сил в США и Великобритании все эти круто замешанные интриги запросто могли кончиться реальным сговором между Великобританией и Германией, в том числе и при участии США, которые сообща могли бы повернуть оружие против СССР (России).

Надо отдать должное Сталину — он абсолютно четко и ясно видел эту проблему и ее сложность, тем более на фоне «миссии» Гесса. Есть трудно проверяемые данные о том, что выступая 24 мая 1941 г. на расширенном заседании с участием командования приграничных округов, Сталин заявил: **«Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии... Они надеются, что после взаимного истребления Германии и Советского Союза друг другом, сохранив свои вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире».**

Перед Лондоном в то время во всей остроте стояла проблема — что делать? С одной стороны, по лондонскому разумению, вроде бы оно и неплохо, если Гитлер разделается с Советами, с Россией, но как тогда быть с Америкой — ведь Англия была еще жива только благодаря США! А Вашингтон и с Москвой вроде почти что любезничает

[242] *Уоллер Дж.* Невидимая война в Европе. Пер. с англ. М., 2001. С. 187—203.

и в то же время однозначную позицию не занимает. С другой стороны, помощь США помощью, но будут ли те же Соединенные Штаты вообще вступать в войну или же предпочтут отсиживаться за океаном?

Простой и мудрый вывод из совокупности таких данных напрашивался сам собой. При всей ненависти англосаксонского Запада к СССР, а в действительности-то к России, ни Лондону, ни Вашингтону не было никакого резона менять шило на мыло. То есть идти на прямое сотрудничество с Гитлером. Тем более что безраздельного господства даже в случае успеха Гитлера явно не получилось бы, не говоря уж об абсолютно иллюзорной призрачности самого успеха. Проще говоря, сколь ни желали бы они разделаться с СССР, а в этом их позиции были идентичны целям Гитлера, тем не менее жажды увидеть едва ли не абсолютное мировое господство Гитлера у них явно не наблюдалось. А с Москвой, худо-бедно, они всегда смогут договориться. И Сталин решил использовать этот уникальный шанс в борьбе за безопасность СССР и вот каким образом.

Именно в этот момент Сталин и решил сделать англосаксонскому Западу антигитлеровскую «прививку», то есть соответствующим образом вмешаться в развитие мировой ситуации так, чтобы Вашингтон и Лондон не скоординировали свои планы вопреки интересам Москвы, да еще и на предложенной Гессом (Гитлером) стезе. А заодно проучить Берлин за попытку спровоцировать его на инициативно-спонтанное письмо Гитлеру. В основе его действий, как и всегда, лежала интересная информация разведки.

Вот этой-то ситуацией со всеми ее нюансами Сталин и решил воспользоваться в интересах Советского Союза. В этом вся суть преимущественной англосаксонской ориентации действительно гениального Сообщения ТАСС от 13 июня. **Все свое десятилетиями оттачивавшееся искусство выдающегося геополитика, политика и государственного деятеля** Сталин бросил на весы, чтобы, не унижаясь и не унижая достоинства представляемого им государства, заранее заручиться согласием США или как минимум — склонить их к согласию на установление союзнических отношений в случае нападения Германии на СССР. А под их нажимом — и Великобритании. Именно

поэтому всеми особенностями содержания текста Сообщения ясно и четко было показано, что, **во-первых**, в Москве абсолютно точно знают, что попытками стравливания Берлина и Москвы в своих узкокорыстных целях из-за кулис «дирижирует» именно Великобритания. Вот откуда эти сильные нападки антибританского характера в тексте Сообщения!

Во-вторых, что Москва не идет и не пойдет в фарватере чьей-либо политики, что она не вступала и, более того, не намерена вступать ни в какие новые переговоры с Германией, лживой брехней о чем, собственно говоря, и прикрывалась тогда Англия, ведя тайные переговоры с Гессом, но при этом «втирая очки» Вашингтону. Хотя в то же время из текста Сообщения вытекало, что Москва как бы и не захлопывала двери к диалогу с Берлином, что следует расценивать как определенную угрозу уже Западу, с намеком на то, что пора бы и одуматься, и прекратить «валять англосаксонского дурака».

В-третьих, что Москва знает о содержании переговоров с Гессом. Именно из-за этого-то бедолаге С. Криппсу, британскому послу в Москве, так сильно и «досталось» прямо в преамбуле Сообщения, потому как Криппса вызвали в Лондон как раз накануне «миттельшпиля» в переговорах с эмиссаром Гитлера, то есть для уточнения ситуации с СССР. Именно этим и обусловлен пассаж о том, что **«еще до приезда английского посла Г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда...»,** коим Сталин прикрывал свое знание о содержании переговоров с Гессом, свалив все на голову Криппса. Но послы-то, как известно, политику не вершат, это прерогатива руководства государств, а послы только осуществляют дипломатическое оформление политики верхов. Кстати, в Лондоне все прекрасно поняли. После нажима США, Черчилль приказал направить к Майскому именно Криппса с сообщением о нападении Германии — это произошло 16 июня. Тем самым Лондон как бы «отмывал» своего посла в глазах Сталина, хотя по всем международным правилам такое сообщение обязан был сделать министр иностранных дел (в крайнем случае его заместитель) и с обязательной оговоркой, что действует по прямому указанию своего правительства. Американцы, например, именно так сообщили све-

дения своей разведки послу Уманскому. Но что поделаешь, Англия есть Англия, не к ночи будь она помянута...

В-четвертых, что касается ориентации Сообщения ТАСС на США, то здесь следует иметь в виду следующее.

1. Выражаясь в терминах самого Рузвельта, этим Сообщением Сталин ясно дал понять, что СССР **«находится под непосредственной угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территориальных, стремлений»**, **что войска Германии сосредоточены у границ СССР и ждут только приказа о нападении.** В свою очередь этот ход был обусловлен тем, что он давно обратил внимание на то обстоятельство, что при принятии в марте 1941 г. закона о ленд-лизе, Рузвельт отбил все попытки ограничить число странреципиентов и исключить из их числа СССР. То есть, по сути-то дела, зарезервировал возможность распространения действия этого закона и на СССР. Это означало, что в грядущей войне с Германией Рузвельт склонен встать на сторону СССР. Это тем более было очевидно для Сталина. Дело в том, что в феврале по каналам разведки ему стало известно, что по поручению Рузвельта госсекретарь К. Хэлл отверг подлый зондаж британского посла в США с требованием ввести ряд ограничений на и без того не слишком уж и разнообразный экспорт в Советский Союз. Причем мотивировка К. Хэлла была, что называется, супер**: «Россия... была и будет огромным фактором в вопросах войны и мира в Европе и Азии... Россия последовательно продолжала жесткий торг с Германией и Японией или в районах, представляющих для них непосредственный интерес, в результате чего общим следствием ее действий последних месяцев стало торможение и срыв многих планов Гитлера и японцев. Русские, конечно, не имели в виду оказать нам помощь, но так или иначе они нарушили планы Гитлера в отношении Средиземноморья и Суэцкого канала»[243].**

Госсекретарь США еще в феврале 1941 года ясно понимал, что делает Сталин и каковы подлинные результаты его действий, а неко-

[243] Memorandum of Conversation by Secretary of State, February 5, 1941. Foreign relations of the United States (FRUS), 1941, V. I, p. 603.

торым современным отечественным историкам и поныне пьянят мозги всякие идиотские мифы о невесть откуда взявшихся агрессивных планах СССР и Сталина. **Между тем все его действия в сфере внешней политики, и в этом К. Хэлл действительно был абсолютно прав, были направлены на торможение, срыв и нарушение планов Гитлера и японцев!**

Кстати говоря, за неделю до нападения Германии на СССР вопрос об оказании экономической помощи Советскому Союзу со стороны США и Англии, то есть вопрос о ленд-лизе, был положительно решен, о чем Сталину сообщили официально[244]. Что, собственно говоря, и означало, что США и Англия станут союзниками СССР.

Так вот, зная о таких настроениях в высшем руководстве США, но, не преувеличивая их в своем представлении, Сообщением ТАСС Сталин, ясно показывая американскому руководству, что агрессором явится не Советский Союз, а гитлеровская Германия, закладывал первые кирпичи в фундамент будущей, в скором времени материализовавшейся в соответствующих документах антигитлеровской коалиции. Одновременно имея в виду также и способность, и реальные возможности США надавить на Англию, чтобы та не сильно уж и трепыхалась бы в своих антисоветских потугах.

В итоге предпринятые усилия дали именно тот эффект, на который рассчитывал Сталин. Как раз в середине июня, то есть сразу после Сообщения ТАСС, между Вашингтоном и Лондоном была достигнута принципиальная договоренность о готовности двух стран оказать помощь СССР (в том числе и экономическую) в случае нападения на нее Германии.

2. Кроме того, как уже отмечалось выше, по донесениям разведки Сталину было известно, что премьер-министр откровенно задыхавшейся из-за германской морской блокады Англии Черчилль направил Рузвельту письмо, в котором писал: **«Поскольку США не находятся в состоянии войны с Германией, то не могли**

[244] *Kimball W.* (ed). Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. N.Y. — L. 1984, V. I, p. 100.

бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России»[245].

Сообщение ТАСС как бы предостерегало Рузвельта от выполнения данной просьбы Черчилля…

В-пятых, если произойдет разрыв договора о ненападении между СССР и Германией, то только по вине Германии, так как никакого повода для этого СССР не давал и не предоставит. Кстати говоря, вплоть до самого факта нападения руководящие нацисты сами едва ли не белугой ревели по поводу того, что СССР не дает ни малейшего повода обвинить его в агрессивных действиях. Ко всему прочему Сталин заранее пригвоздил Германию именно за вероломное расторжение договора, ибо уже не сомневался, что все произойдет именно так.

Небезынтересно заметить также, **что 6 июня 1941 г. в дневник боевых действий вермахта было внесено поступившее от германского посла в Москве Шуленбурга сообщение правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия**[246]**. То есть уже за 16 дней до нападения германское военное командование прекрасно знало, что СССР будет только обороняться и никаких агрессивных планов не имеет!**

В-шестых, одновременно была предупреждена и Япония, с которой 13 апреля 1941 г. был подписан договор о нейтралитете. Ориентация Сообщения ТАСС и на Японию тоже — очевидна. Дело в том, что как страна, подписавшая Тройственный пакт (Берлин — Рим — Токио), Япония была обязана во исполнение положений этого пакта оказать действенную военную помощь любой другой стране, подписавшей этот пакт, но только в том случае, если данная страна-подписант не сама нападет на кого-нибудь, а окажется жертвой агрессии (пункт 3 «Берлинского пакта» от 27 сентября 1940 года).

---

[245] Из интервью ныне покойного выдающегося руководителя советской нелегальной разведки генерал-майора Ю.И. Дроздова: **Россия для США — не поверженный противник.** 02.11.2012 корреспонденту Фонтанка.ру Л. Свирину.

[246] *Ржевская Е.М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. Приводится по Интернету.

Зная это, Сталин предпринимал отчаянно решительные меры во избежание ситуации двухфронтового нападения на СССР с участием Японии. Опираясь на подписанный 13 апреля 1941 г. советско-японский договор о нейтралитете, Сталин этим Сообщением ТАСС прямым текстом известил Токио, что Советский Союз **не намерен становиться агрессором — не собирается нападать первым на Германию,** а, напротив, со всей все очевидностью станет жертвой именно вероломного, ничем не спровоцированного нападения Германии. Тем самым он дал влиятельным сторонникам соблюдения Японией нейтралитета в отношении СССР соответствующие козыри. Проще говоря, Токио предоставлялись именно такие необходимые козыри, чтобы, не нарушая условий Тройственного пакта, Япония имела бы все основания не подключаться к войне против СССР, развязанной Германией — как бы в отместку Берлину за то, что в разгар боев на Халхин-Голе в 1939 г. Германия подписала с СССР договор о ненападении, который произвел тогда на официальные японские круги ошеломляюще подавляющее впечатление, что привело даже к падению правительства Страны восходящего солнца.

С другой же стороны, поскольку из прогноза аналитиков ГРУ, а также других источников Сталину было хорошо известно, что Токио стремительно скатывается к войне с Америкой, такие козыри предоставляли Японии все шансы исключительно добровольно склониться к агрессии в южном направлении, то есть против США, что она в итоге и сделала. В результате, невзирая на сильный нажим Берлина, Япония так и не полезла в драку, хотя, конечно, всю войну изрядно пакостила СССР, за что в итоге и получила в августе 1945 г., что называется, по полной программе (но надрывно скулит из-за этого по сей день).

В-седьмых, Советский Союз не сидит сложа руки, а перебрасывает свои войска к западным границам, что, однако, носит чисто оборонительный характер, так как он не намерен отходить от своей миролюбивой политики.

В-восьмых, этим Сообщением ТАСС Германии было предложено на виду у всего мира высказать свое мнение, то есть либо разделить позицию Советского правительства, либо не разделить, в зависимости

от чего весь мир может объективно судить, кто на самом деле вероломный агрессор.

В Вашингтоне все прекрасно поняли, и не случайно, что утром 14 июня 1941 г. именно аккредитованные при германском МИДе американские корреспонденты яростно атаковали заведующего отделом информации и прессы МИДа Германии П. Шмидта на пресс-конференции, однако тот, естественно, отказался даже хоть как-то прокомментировать Сообщение ТАСС[247].

Вашингтону все стало окончательно ясно. Послу США в Англии Уайнанту было приказано по возвращении в Лондон довести до сведения Черчилля, что президент США поддержит любое заявление, которое может сделать премьер-министр Великобритании, приветствуя Россию как союзника, что он и сделал, сообщив об этом также и нашему послу Майскому! Черчилль подчинился разумному совету из-за океана, послал Криппса предупредить посла Майского. **А к 19.00 21 июня 1941 г. Сталин уже абсолютно точно знал, что в случае вероломного нападения Германии США и Великобритания станут на сторону СССР. К этому часу из Лондона поступила «молния» от посла И. Майского о том, что Великобритания официально предупредила о нападении Германии на СССР на рассвете 22 июня. Это-то и означало, что Великобритания становится союзником СССР в войне. А 22 июня Черчилль сделал свое знаменитое заявление в поддержку СССР. Как он принял это решение — Сталин знал. Что за этим стояло — тоже.**

Но Черчилль не был бы Черчиллем, если перед этим не гарантировал-таки Гитлеру через Гесса безнаказанность однофронтового разбоя на Востоке против СССР до 1944 года, о чем чуть позже проболтался советскому послу Майскому. Подлец — он и есть подлец, даже если он якобы джентльмен...

Вот так и родилось знаменитое, действительно легендарное Сообщение ТАСС. По сути-то оно было не чем иным, как блестящим образцом глобальной разведывательно-геополитической операции, проведенной лично Сталиным в целях одновременного добывания

[247] *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 57.

еще раз подтверждающей намерения Германия и время нападения информации и оказания тотального влияния в выгодном для СССР ракурсе на глобальные процессы в мировой политике. Но одновременно оно явилось и отличным прикрытием для военных, начавших с санкции Сталина выдвижение войск уже к границам, которое по установленным ныне данным началось в приграничных округах с 9—11 июня 1941 г., а еще с 13 мая начался вывод в западные округа армий Резерва Главного Командования (РГК) по Оперативному плану ГШ РККА!

Да, отрицать невозможно, что ни избежать, ни даже еще раз оттянуть время столкновения не удалось, однако СССР однозначно стал жертвой вероломной, ничем и никак не спровоцированной агрессии! И сколько бы ни пытались доказать иное, все равно ничего не выйдет. К тому же Сталин ловко и искусно ликвидировал и угрозу двух- и даже трехфронтового нападения на СССР. Более того. Заставил-таки Запад встать на сторону СССР. Хуже того — для агрессоров всех мастей, а также союзников, в том числе и наших, учитывая, вежливо говоря, их весьма «специфическое», нередко дурно попахивавшее отношение к СССР. Как черт ладана опасавшийся войны на два фронта Гитлер получил-таки ее именно на два фронта. И даже не на два, а на три фронта, потому как советское руководство очень быстро развернуло мощное партизанское движение в тылу врага. К тому же в качестве противника Гитлер схлопотал-таки мощную антигитлеровскую коалицию в составе СССР, США и Великобритании, за которыми стояло полмира. Правда, США и Великобритания не сразу открыли реально действующий Второй фронт, тянули время с его открытием, не гнушаясь оказанием (не прямой, «косвенной») помощи Гитлеру в войне против СССР, например поставками той же нефти и нефтепродуктов (через перевалочную базу на Канарских островах) или железной руды через третьи якобы нейтральные страны, поставками автотранспорта и т.д. Запад, увы, есть Запад, не к ночи будь он помянут...

Угроза нападения Турции была также ликвидирована дипломатическими средствами. Япония тоже получила войну на два фронта. Один фронт она и так уже имела — уже давно, с 1937 г., и не без поддержки национально-освободительной борьбы китайского народа

со стороны СССР тянувшуюся войну в Китае. А второй открыла по собственной дурости, затеяв войну с США и Великобританией, как лидером Британского Содружества наций. Союзники Гитлера получили в качестве противника все ту же антигитлеровскую коалицию — Сталин намертво дожал и Лондон, и Вашингтон, вынудив их объявить войну союзникам рейха. Наши союзники же получили мощнейший внутренний фронт в своих странах... в поддержку СССР, и сколько бы они ни желали, особенно на первых порах, не очень-то вмешиваться в дела помощи Советскому Союзу, их внутренний фронт поддержки Советского Союза не позволил им этого сделать.

Таким образом, Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г. как непосредственная реакция Сталина и на провокацию Шуленбурга, и на тревожные сообщения разведки действительно сыграло свою огромную роль:

— в окончательном выяснении истинных намерений руководства Германии;

— за счет «ненавязчивого» предоставления приемлемой для Токио аргументации для отказа от нападения Японии на Советский Союз одновременно с Германией;

— в создание основ антигитлеровской коалиции еще до нападения Германии на Советский Союз;

— в проверке данных разведки о реальности нападения в самые ближайшие дни, а также о дате нападения;

— в прикрытии факта передислокации войск в сторону границы.

Оно свидетельствует не только о глобальном знании Сталиным реальной обстановки в мире! Понимая абсолютно неминуемую неизбежность войны с Германией, Сталин шел на тщательно продуманные отчаянные шаги и меры, дабы обеспечить, насколько позволяла ситуация, максимально выгодные для Советского Союза стратегические условия втягивания его в неминуемо неизбежную не по своей воле войну. Вот что была призвана опорочить лживая история о якобы имевшем место обмене письмами между Гитлером и Сталиным.

И мы не вправе отказывать Сталину в исторически беспрецедентно мудрой дальновидности, с какой он не только молниеносно провел эту блестящую, по сути дела, глобальных масштабов разведывательно-геополитическую операцию, но и достиг важнейшего для СССР на тот момент результата! Вот чем в итоге завершилась провокация Шуленбурга!

Тем более мы не вправе обвинять его в том, что он, видите ли, этим Сообщением дезориентировал армию, в чем упорно, десятилетиями нас пытались убедить своими мемуарами отдельные полководцы, а также всевозможные «исследователи-толкователи» их воспоминаний. Никакой дезориентации не было и в помине. Это гнусная ложь, которой далеко не самым достойным образом прикрывались и прикрываются до сих пор, в том числе и недалекие горе-«исследователи»!

И уж тем более мы не вправе обвинять Сталина в том, что он, видите ли, вступив в переписку с Гитлером, поверил заверениям этого преступника № 1 всех времен и народов и потому-де произошла страшная трагедия 22 июня 1941 г. Потому как не было никакой переписки, не было никакого обмена посланиями.

Вот какие разноплановые пласты исторической информации пришлось поднимать и анализировать, дабы подробно показать, что скрывалось за кулисами мифа о якобы имевшем место обмене посланиями между Сталиным и Гитлером, введенном в исторический оборот через мемуары писателя Симонова и маршала Жукова, не говоря уже о других участниках этого, вежливо говоря, неправедного деяния, которые были названы в начале главы.

Глава 5

Так начертал ли Сталин матерную резолюцию на донесении разведки?

Другим же не менее, если не более, подлым «коронным номером» при нападках на Сталина из-за трагедии 22 июня 1941 г. в постсоветское время стало безудержное размахивание жупелом невесть откуда взявшейся, но якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции на донесении разведки за пять дней до начала войны. С помощью этого, вежливо говоря, более чем неправедного утверждения, якобы подкрепляемого документально, несносные зоологические ненавистники советского, особенно сталинского, периода истории нашей страны пытаются вбить в массовое общественное сознание мысль о том, что-де Сталин якобы был настолько туп, недоверчив и подозрителен до умопомрачения, что даже накануне войны не верил информации разведки, и в результате произошла страшная трагедия 22 июня 1941 г.

Этой резолюцией тычут буквально везде, во всех исследованиях, во всех выступлениях всевозможных историков и политологов различных рангов и степеней. Но ни один из них ни разу не удосужился хотя бы на мгновение задуматься, а могло ли такое быть в реальной жизни, не говоря уже о настоящем научном анализе этой истории?

…Эта история началась давно, еще на излете советского периода истории нашей Родины, еще в 1989 году. Этот год вообще был каким-то особенным. Казалось бы, ну что тут такого особенного может быть в 1989 г.?! Э, не скажите. Год был очень даже особен-

ным. Ну хотя бы потому, что это год двухсотлетия так называемой Великой французской революции. Кстати, не по случаю ли юбилея этой поганой революции в СССР так была ускорена перестройка, что всего лишь через два года с карты мира исчез Союз Советских Социалистических Республик?! Это был год самого разгара перестройки времен Горбачёва, метко переименованной острым на язык советским народом в катастройку. Была даже такая прибаутка: **по России мчится тройка / Мишка, Райка** (жена нобелевского комбайнера. — *А.М.*), **перестройка.** Домчались — у народа вскоре появилась другая поговорка: **Сталин, миленький, проснись, с Горбачёвым разберись!..**

Постепенно скрывающийся в исторических далях 1989 г., увы, вошел в Историю еще и тем, что в глубине творившегося тогда и без того подлого, грязного и крайне разрушительного процесса, известного как перестройка, зрели еще более подлые, еще более грязные и деструктивные дела, последствия которых обнаружились много позже, а некоторые даже и значительно позже. Речь идет о вводившихся тогда в научно-исторический оборот небольшой серии чрезвычайно подлых, особо опасных фальшивок, обладавших способностью едва ли не смертельно дискредитировать советский, особенно сталинский, период в истории Союза Советских Социалистических Республик и лично Иосифа Виссарионовича Сталина.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, технология введения в научно-исторический оборот фальшивок на исторические темы в качестве одного из основных приемов предусматривает особо точный выбор времени для ее введения в действие. Как правило, это происходит на рубеже смен поколений. Ибо, согласно научно обоснованному выводу специалистов по психологическим войнам, для общества временной лаг, отделяющий историческое прошлое от современного ему настоящего, составляет примерно сорок лет (легендарное правило библейского Моисея — не зря же он сорок лет водил евреев по пустыне, дабы выветрить из их памяти все, что было связано с египетским пленом). Укладывающиеся в рамки этого сорокалетнего

периода события более или менее, но доступны непосредственному восприятию, пониманию и анализу обществом в целом. А все, что за его пределами, — исчезает за горизонтом, а уж когда приходят новые поколения, то... впрочем, да вы и сами, уважаемые читатели, знаете, что у нас произошло и, увы, происходит с историческим сознанием общества на протяжении последних десятилетий.

Так вот 1989 г. — это не только самый разгар разрушительной катастройки нобелевского комбайнера, не только констатация прошедших со дня Великого 9 Мая 1945 г. **44 лет,** но и, увы, первый этап уже начавшейся масштабной смены поколений, причем в обстановке стремительно приближавшегося развала Советского Союза, к чему целенаправленно и вели всю эту катастройку, печальным итогом которой стала величайшая геополитическая катастрофа в лице краха Великой Державы. Результат налицо, последствия расхлебываем до сих пор…

Так уж случилось, что на излете СССР всей пропагандистской машиной по фальсификации советской истории, особенно сталинского периода, к самому глубочайшему сожалению, руководил, то есть разрабатывал идейную основу сценария каждого этапа, контролировал содержание уже готового сценария, режиссировал и дирижировал всей антигосударственной, крайне разрушительной пропагандистской вакханалией, не чураясь даже самых грубых приемов, увы, чрезвычайно опытный, увы, блестяще образованный доктор исторических наук, но до мозга костей негодяй, подонок и отпетый предатель нашей Великой Родины — Александр Николаевич Яковлев. А ведь КГБ СССР представлял президенту СССР М.С. Горбачёву соответствующие разведывательные данные о работе Яковлева на США, но он их отверг и, увы, даже показал самому Яковлеву[248].

Между тем в руках этого предателя и негодяя находился фактически абсолютный контроль за всеми информационными ресурсами Великой Державы и соответствующие рычаги давления на любое средство массовой информации того времени.

[248] См. интервью (2011 г.) легендарного руководителя советской нелегальной разведки генерал-майора Ю.И. Дроздова корреспонденту «Фонтанка.ру» Льву Свирину. http://topwar.ru» rel=»nofollow»>http://topwar.ru

[К примеру, в 1989 г. знаменитый Военно-исторический журнал в № 3 и № 5 предпринял попытку публикации в весьма усеченном виде ответов генералов и офицеров, встретивших войну непосредственно в приграничных округах, на 5 вопросов комиссии генерала-полковника А.П. Покровского, подлинным инициатором которых было не столько Военно-историческое управление Генерального штаба — оно выполняло роль официального прикрытия, — сколько лично Сталин. Но как только дело дошло до публикации ответов на третий и тем более четвертый вопросы — **«№ 3 — С какого времени и на основании какого распоряжения, части вверенного Вам соединения начали выход на государственную границу, и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий и какую задачу они получили?»** и **«№ 4 — Когда было получено Вами распоряжение о приведении частей вверенного Вам соединения в боевую готовность? Какие и когда были отданы частям соединения указания во исполнение этого распоряжения и что ими было сделано?» —** руководству редакции авторитетнейшего военного журнала так дали по рукам из ЦК КПСС, что публикации были немедленно прекращены. Лишь по истечении 26 лет, в 2015 г., наконец-то рассекретили и опубликовали полностью некоторые из этих ответов на сайте МО РФ. Случилось это в связи с 70-летием Великой Победы, то есть тогда, когда уже на протяжении последних к тому времени лет 10—15 ряд историков уже активно анализировали в своих публикациях и вопросы, и часть ответов на них в сопоставлении с рядом иных документов и фактов, в том числе и с германской стороны. И только в 2017 г. усилиями известного историка-аутсайдера С.Л. Чекунова из печати вышел двухтомный труд под названием **«Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны»,** в котором наконец-то и были опубликованы полные ответы генералов и офицеров, встретивших войну в приграничных военных округах. Ответы показали, что большая часть вины за катастрофу первых дней войны лежит на высшем командовании РККА, в том числе и на высшем командовании конкретных военных округов. Но отнюдь не на Сталине.]

Соответственно, пользуясь столь неограниченными возможностями, а по сути дела, абсолютной безнаказанностью, пресловутый А.Н. Яковлев с помощью подчиненного ему пропагандистского аппарата гигантской страны в буквальном смысле слова «расстреливал» общественное и историческое сознание граждан Великой Державы из пропагандистских «орудий» огромной мощности. А под грохот этой пропагандистской канонады в тот год тихой сапой, очень осторожно, но целеустремленно и упорно в исторический оборот вводилось небольшое количество особо опасных, едва ли не смертельно убойно дискредитирующих особенно сталинский период истории СССР и лично Сталина фальшивок, в том числе и документально оформленных, тесно связанных между собой невидимой нитью некой «логики».

Впоследствии выяснилось, что введенные в то время в исторический оборот фальшивки с колоссальным трудом поддаются жестко аргументированному разоблачению. Прежде всего вследствие того, что в руках этого предателя тогда находились практически все информационные ресурсы Великой Державы, а у тех, кто уже тогда понимал, что и зачем он делает, к глубокому сожалению, не было своевременного доступа к достоверной исторической информации, с помощью которой можно было бы своевременно разоблачить эти фальшивки. Да и настрой в обществе был создан такой, что любое слово в защиту советского периода и тем более сталинской эпохи, особенно Лубянки, тогда воспринималось одуревшим от пропагандистского шума «перестройщиков» обществом едва ли не в буквальном смысле в штыки. К тому же следует иметь в виду, что в тот год особый пропагандистский шум создавался вокруг договора о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. и якобы имевших место в истории пресловутых секретных протоколах к нему, согласно которым СССР и Германия разделили и Польшу, и вообще Восточную Европу на сферы влияния. Развернутая вокруг этого договора пропагандистская вакханалия являла собой не что иное, как главный рычаг-отмычку к началу развала СССР. И в том адском шуме, честно говоря, было крайне трудно

заметить, что делают негодяи фальсификаторы на других направлениях.

[Наиболее характерный пример из того времени, который до сих пор усилиями сотен борзописцев и прочих научным чином от совести и порядочности освобожденных беспрестанно повторяется на всех информационных панелях и весях при малейшем удобном случае. Речь идет о нагло приписываемом Сталину едва ли не крылатом выражении **— «Нет человека — нет проблемы»** (изредка применяется еще и расширенный вариант: **«Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»).**

Однако Сталин никогда ничего подобного не произносил. Эта мерзость впервые появилась на страницах пресловутого и весьма паскудного романа Анатолия Наумовича Рыбакова (Аронов) — **«Дети Арбата»,** который был опубликован в 1987 г., хотя сам роман был написан еще за двадцать лет до этого. Якобы Сталин именно так говорил о расстреле военспецов в Царицыне в 1918 году: **«Смерть решает все проблемы. Нет человека, и нет проблемы».**

Так вот этот Рыбаков/Аронов многократно признавался в том, что именно он и является автором этого мерзопакостного афоризма. В «Романе-воспоминании» Рыбаков/Аронов указал: «Возможно, от кого-то услышал, возможно, сам придумал. Ну и что? Разве Сталин поступал по-другому?.. Таков был сталинский принцип. Я просто коротко его сформулировал. Это право художника»[249]. Чуть позже в интервью одной восторженной, но весьма недалекого ума либеральной интеллигентке из журнала «Дружба народов» Рыбаков/Аронов уже без всяких обиняков подтвердил свое авторство: «Кор.: Это замечательно соответствует известному сталинскому постулату, сочинённому вами: “Смерть решает все проблемы. Нет человека — нет проблемы”. Рыбаков: Можешь себе представить, я обнаружил эти слова в книге “Русские политические цитаты”. Они, правда, имели пометку — “приписывается”. Очень я тогда стал собой гордиться — вот какой афоризм придумал»[250].

[249] *Рыбаков А.Н.* Роман-воспоминание. М., 1997. С. 309.
[250] *Рыбаков А.Н.* Зарубки на сердце // Дружба народов. 1999. № 3. С. 181.

Нашел чем гордиться, между прочим лауреат еще Сталинской премии по литературе второй степени за 1950 год! Сотворил гнусную пакость в отношении власти и лидера той власти, при которых, несмотря на его выкрутасы, подпавшие уже в 1933 г. под легендарную статью УК РСФСР того времени **58—10 (Контрреволюционная агитация и пропаганда),** обошлись с ним более чем милосердно, впаяв решением Особого совещания Коллегии ОГПУ всего лишь три года ссылки, дали возможность работать после освобождения (но не в столице), при которых он более чем достойно прошел всю Великую Отечественную войну, которую окончил в Берлине в звании гвардии инженер-майора, был награжден боевыми орденами и медалями, при которых с него уже была снята судимость именно за боевые заслуги и при которых практически сразу после войны занялся писательской деятельностью и даже стал лауреатом Сталинской премии по литературе. Написал немало хороших книг для детей **(«Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел», «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша» и др.),** которые неоднократно были экранизированы в СССР), стал автором ряда других литературных произведений для взрослых.

Но вот грянула катастройка — и он немедленно выдал на-гора давно подготовленный роман **«Дети Арбата»,** который был издан сумасшедшим тиражом. Очевидно, именно за это с 1989 по 1991 г. являлся президентом советского ПЕН-центра, а с сентября 1991 г. — почётным президентом российского ПЕН-центра. С 1991 г. занимал должность секретаря правления Союза писателей СССР, стал почётным доктором философии Тель-Авивского университета (1991). Помер, как и полагается всем тем, кто особо выслужился в период катастройки, в Нью-Йорке в 1998 г. в возрасте 87 лет, правда, похоронен зачем-то в Москве, на Новокунцевском кладбище.

А в прижизненном интервью журналисту Валерию Лебедеву, захлебываясь от ложного осознания еще более ложной своей значимости, вскричал: **«…Я ее сам придумал! Впервые в “Детях Арбата” эту фразу Сталин как раз и произносит. Я сочинил —**

и вложил в уста Сталину! Я же написал этот роман за 20 лет до его публикации в 1987 году. И оттуда она пошла гулять, и никто уже не помнит, откуда она взялась. Я, я автор этого афоризма…»[251]

Так вот в том-то все и дело, что такая мерзость, как эти поганые **«Дети Арбата»,** целых двадцать лет не могли быть опубликованы, явно не без соответствующего бдительного и обоснованного «противодействия» Пятого управления КГБ СССР и Отдела пропаганды ЦК КПСС, но были изданы только во времена катастройки при покровительстве предателя СССР Яковлева, а усилиями подконтрольных ему СМИ эта искусственно сляпанная и приписанная Сталину фраза вовсю пошла гулять по всем информационным весям как некий приговор всему тому периоду истории, и в силу приданного ей продажными журналистами афористичного характера вошла в псевдонародный фольклор. Открою маленький секрет. Давно потерявший право именоваться гвардейцем, ибо настоящие гвардейцы, заслужившие это звание в боях за свободу своей Родины, не оскорбляют своего Великого Верховного Главнокомандующего, тем более посмертно, Рыбаков/Аронов состряпал эту фразу и приписал ее Сталину не только потому, что до конца своих дней, судя по всему, внутренне был до зоологического озверения озлоблен на Иосифа Виссарионовича — это, как говорится, само собой, ибо мертвого льва может лягнуть любой шакал, — но еще и потому, что, когда он писал этот роман, прошло почти полвека со времени обороны Царицына (Сталинграда, ныне, к глубочайшему сожалению, Волгограда) и соответственно к 1967 г. в живых практически не осталось никого, а уж в год издания этого паскудного романа — 1987 г. — почитай, без малого 70 лет минуло. Так что никто ничего опровергнуть не мог, тем более при той массированной антисоветской и антисталинской пропаганде, что громыхала в годы проклятой катастройки на просторах нашей Великой Родины, буквально терроризируя ее великие народы.]

Да и в постсоветское время, откровенно говоря, тоже далеко не сразу необходимые для разоблачения фальшивок пласты достовер-

[251] www.lebed.com/2000/art2172.htm

ной исторической информации были открыты. А пока их постепенно открывали, пока эта информация постепенно вводилась в научно-исторический оборот и переваривалась научно-историческим сообществом, наваливались новые проблемы, в том числе и текущего периода. И получалось, что далеко не сразу и тем более до всего удавалось дотянуться и нанести смертельный удар по фальшивкам. Но лучше, как говорится, поздно, чем никогда.

Вот к числу именно таких фальшивок и относится едва ли не намертво укорененная в научно-историческом обороте подлая история о якобы нанесенной рукой Сталина матерной резолюции на донесении разведки — том самом, которое поступило к нему всего за пять дней до нападения гитлеровской Германии на СССР.

А начиналось это вот как. В связи с грядущим тогда, в 1991 г., 50-летием начала Великой Отечественной войны, историческая память о которой, особенно о понесенных страной многомиллионных жертвах, особенно чувствительна и болезненна, фальшивка о матерной резолюции совместно с фальшивой историей о якобы имевшем место обмене секретными письмами между Гитлером и Сталиным накануне войны, преследовавшей в том числе и цель заново максимально опорочить знаменитое Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г., должна была, по замыслу этих негодяев и преступников, положить начало новому витку десакрализации образа Сталина как руководителя государства того времени в сознании широких масс, его максимальной маргинализации вплоть до уровня, вежливо говоря, психически неуравновешенного, ни во что не верившего и никому не доверявшего, но хама и грубияна, матерившегося даже письменно, и в конечном счете едва ли не полного оглупления Сталина как руководителя государства того времени в глазах здравствующих на излете перестройки поколений (а заодно и будущих), якобы только по вине которого страна и понесла такие неимоверные жертвы.

Технологически ввод в исторический оборот документально оформленной фальшивки о якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции на донесении разведки осуществлялся строго по канонам этого жанра.

Сначала конкретная тема и ее раскрытие, но неполное, засвечивается в наиболее влиятельном и авторитетном СМИ в виде внешне якобы почти нейтральной публикации на заданную тему, но с возможностью детализировать ее в будущем, через некоторое время также в авторитетном, но уже в другом СМИ осуществляется более подробное раскрытие темы, но без показа фотокопии конкретного исторического документа из конкретного архива, с помощью которого утверждается тот или иной фальшивый тезис, и уж тем более без указания координат архивного хранения самого документа.

А спустя определенное, в том числе даже и длительное, время — все зависит от того, какие цели преследует та или иная операция психоинформационной войны и насколько фальшивка в прежнем своем статусе прижилась в исторических весях, — ее резко активизируют, изменив статус с исторического курьеза на статус якобы официального документа, ранее хранившегося в секретных архивах, а теперь якобы официально рассекреченного. И обязательно при таких архивных координатах хранения, которые весьма трудно проверить обычному исследователю, но которые априори вызывали бы подчеркнутое уважение к самому архиву, где теперь и хранится сам этот документ — якобы документальный первоисточник. В истории введения фальшивки о якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции на донесении разведки все произошло именно так.

В **№ 128 от 8 мая 1989 г.** наиболее авторитетной и влиятельной в СССР газеты **«Правда»,** обладавшей в те времена умопомрачительным многомиллионным ежедневным тиражом, публикуется статья некоего доктора исторических наук, профессора А.И. Байдакова **«По данным разведки…».** Читающая аудитория всегда с большим интересом воспринимает такие материалы. Как оказалось, профессор был из разведки. Впоследствии вошел в состав редакционной коллегии прекрасного исследования «Очерки Истории Российской Внешней Разведки».

Несмотря на то что сама статья по объему не столь уж и велика, приводить ее полностью нет смысла, так как она написана не в самых благостно воспринимаемых ныне традициях журналистики того вре-

мени, да к тому же в ней много лубочно-лирических отступлений как от имени редакции, так и самого ее автора, а также посторонних лиц.

Приведу только ту часть статьи, которая непосредственно относится к предмету нашего исследования: «Наиболее важные сведения Центром были получены от двух наших разведгрупп из Берлина вечером 16 июня 1941 года. Срочным спецсообщением они были направлены И.В. Сталину и В.М. Молотову. В нем говорилось: “Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время... В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится на венгерских аэродромах”.

Одновременно советским разведчикам удалось узнать содержание приказа по авиации, в котором ставились задачи по бомбардировке наших городов, портов и аэродромов в начале войны.

Один из помощников чекистов присутствовал на собрании представителей военно-промышленных кругов, которое проводил в Дрездене Розенберг. В нем участвовало примерно 2.500 человек, назначенных возглавлять различные ведомства на оккупированной советской территории. Согласно поступившему сообщению, Розенберг заявил, что “Советский Союз должен быть стерт с лица земли”. В информации назывались фамилии бургомистров, назначенных в Москву, Петербург (а не Ленинград), Киев, Минск, Тифлис (а не Тбилиси).

Как реагировал Сталин

Бывший начальник разведки госбезопасности генерал-лейтенант П.М. Фитин, ныне покойный, рассказывал мне, что на следующий день после указанного спецсообщения, 17 июня 1941 года, в 12 часов, Сталин вызвал к себе наркома госбезопасности Меркулова и его, Фитина. По его словам, встреча происходила так. “В кабинете Сталин был один. Когда мы вошли, то он сразу обратился ко мне: “Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают,

где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений?" Я подробно рассказал об источниках информации. Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку и что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: "Вот что, начальник разведки. Нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно?" Я ответил: "Ясно, товарищ Сталин". Далее он сказал нам: "Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне".

Я спросил П.М. Фитина: "Как вы поняли фразу Сталина, что нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить? Что, от В. Пика были другие сведения?" Фитин ответил: "Нет, сказано было в том смысле, что ваши источники, это же не коммунисты, а члены фашистской партии, офицеры вермахта, поэтому это может быть дезинформация". Придя в наркомат, мы подготовили подробную шифротелеграмму в Берлин для уточнения ряда вопросов. Но ответа не было. Началась война".

Анализ сообщений органов госбезопасности в адрес И.В. Сталина и других руководителей Советского Союза за 1941 год показывает, что разведка выполнила свой исторический долг перед Родиной, она не просмотрела непосредственной подготовки фашистской Германии к войне против СССР и своевременно информировала об этом Советское правительство. Сообщения свидетельствовали о том, что фашисты ведут всестороннюю подготовку к войне против СССР и в ближайшее время развяжут ее. Нами не обнаружено в архивах КГБ СССР ни одного документа за первую половину 1941 года, который хоть в какой-либо степени вызывал сомнения в правдоподобности указанной информации.

Позволю себе высказать личное мнение, что, когда назревают критические ситуации, как это было с подготовкой гитлеровской агрессии против СССР, нельзя было, видимо, ограничиваться сообщениями в инстанции определенных сведений, поступающих по этому вопросу от источников из разных стран. Нужно было подготовить обобщающий документ с глубоким анализом всего фактического материала

и соответствующими выводами, который мог бы явиться предметом специального рассмотрения руководящих органов страны.

П.М. Фитин рассказывал мне, что они такой документ подготовили, но нарком госбезопасности СССР не подписал его, заявив: "Там, "наверху", лучше нас умеют анализировать".

Следует прямо сказать, что руководство наркоматов госбезопасности и обороны СССР не сделало, на мой взгляд, полностью все для того, чтобы убедить Сталина и других руководителей страны в неизбежности близкого столкновения с немцами. Но главная вина в просчете с определением времени начала войны в том, что страна своевременно не была превращена в боевой лагерь, не была приведена в состояние полной боевой готовности, лежит на политическом руководстве СССР того периода**». Это то, что опубликовал А.И. Байдаков.**

Что в его повествовании примечательного и почему оное следует сразу отметить?

Во-первых, приведенное выше повествование, как, впрочем, и весь остальной текст этой статьи, написаны в характерном для журналистики той поры лубочно-лирическом стиле. Проще говоря, материал откровенно заказной, тем более что он был опубликован накануне Великого Дня Победы.

Во-вторых, из содержания приведенного выше текста невозможно понять, когда и при каких обстоятельствах давно покойный к моменту публикации этой статьи генерал-лейтенант органов госбезопасности П.М. Фитин сподобился откровенничать с неким А.И. Байдаковым, если учесть, что и поныне глубоко почитаемый всеми современными сотрудниками СВР РФ, а также лично автором настоящих строк генерал-лейтенант в отставке П.М. Фитин скончался еще 24 декабря 1971 года?! А до кончины П.М. Фитина А.И. Байдаков если и служил в разведке, то был слишком молод, чтобы быть допущенным к общению с бывшим начальником разведки сталинского периода. И это уже не говоря о том, что у прошедшего суровую школу разведки госбезопасности сталинского периода генерал-лейтенанта П.М. Фитина даже на пенсии не наблюдалось и тени намека на какую бы то ни было склонность так откровенничать. Круг его общения в период пребывания на пенсии был достаточно

узок — в него входили его ближайшие соратники по работе, особенно в годы войны, — и войти в этот круг, да еще и получить пускай и устные, но откровения бывшего руководителя внешней разведки, тем более такие — это было практически нереально. Уж что-что, но держать язык за зубами он умел, как никто другой.

В-третьих, обращает на себя внимание странная, абсолютно не характерная для Сталина манера обращения к Фитину — **«начальник разведки».** У Сталина не было привычки так обращаться к людям, тем более занимавшим серьезные посты в государстве — как правило, он обращался к людям по фамилии с обязательным применением слова **«товарищ».** За весь период его правления лишь только два человека были удостоены с его стороны чести именоваться по имени и отчеству — Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников, а с 1944 г. еще и Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Остальные же именовались только по фамилии и, подчеркиваю, с обязательным использованием слова «товарищ».

В-четвертых, также обращает на себя внимание странная и также не характерная для Сталина манера держать вызванных им лиц у дверей своего кабинета. Соблюдая элементарный этикет того времени, вошедшие всегда проходили внутрь кабинета, практически до его середины, докладывали о том, что прибыли по вызову т. Сталина, который в свою очередь когда кратко и сухо, иногда даже просто кивком головы, когда за руку здоровался с вошедшими и далее начинался деловой разговор. В представленном же выше описании Сталин выставлен как невежливый и нетактичный руководитель, чего за ним никогда не наблюдалось, с порога отметающий и само понятие элементарной вежливости, и даже возможность доклада о прибытии явившихся к нему лиц. Да и, откровенно говоря, странно, что он с ходу обратился непосредственно к Фитину, хотя рядом стоял его непосредственный начальник, народный комиссар государственной безопасности СССР Всеволод Николаевич Меркулов. В таких случаях, когда руководитель ведомства приходил вместе со своим непосредственно связанным с темой вызова к Сталину подчиненным, Иосиф Виссарионович начинал разговор с общей фразы типа: «Что можете сказать по

поводу представленной Вами информации?», после чего следовал вопрос: «Кто из Вас готов (может) дать пояснения?» — причем зачастую следовало уточнение, адресованное к главе того или иного ведомства: «Товарищ… что можете сказать по данному вопросу?» и только потом очередь доходила до подчиненного.

Так или примерно так происходило всегда. Это была традиционная манера поведения Сталина.

В-пятых, на грани откровенного провоцирования гомерического хохота неуместная своей запредельной неадекватностью фраза из приведенного отрывка — **«Нами не обнаружено в архивах КГБ СССР ни одного документа за первую половину 1941 года, который хоть в какой-либо степени вызывал сомнения в правдоподобности указанной информации».**

Хотел бы я посмотреть на того человека, пускай даже и сотрудника КГБ, сотрудника разведки, которому в 1989 г. позволили бы рыскать по всем архивам КГБ СССР в поисках информации хотя бы за первую половину 1941 г. Заявление подобного типа — умопомрачительная глупость, ибо сразу становится очевидной полная неосведомленность заявителя о порядке функционирования системы секретного делопроизводства, в том числе и порядка ведения секретных архивов КГБ СССР, включая и отдельный архив разведки. Не говоря уже о том, что не абсолютному дилетанту — а такое заявление мог сделать только дилетант, ибо разведка априори всегда сталкивается и с правдивой, и полуправдивой информацией, и с целенаправленной дезинформацией, и все это попадает на информационную кухню разведки, где и происходит отделение ценных зерен от плевел, и не знать этого может только дилетант — судить, пускай и в ретроспективе, о том, правдоподобна ли была разведывательная информация того периода, которой он, судя по всему, и в глаза-то не видел и не мог увидеть, ибо, вежливо говоря, чином не вышел, не говоря уже о том, что все пласты разведывательной информации того периода в 1989 г. были еще плотно засекречены и уж если что-то и предавали гласности, то только по особому распоряжению высшего руководства КГБ СССР, для чего еще нужно было найти особо

убедительный повод, и к тому же сугубо в фармацевтических дозах, причем даже для особо доверенных лиц, в том числе даже и для своих, чекистов, разведчиков. На Лубянке всегда умели, умеют и впредь будут уметь хранить свои тайны.

В-шестых, если А.И. Байдаков и в самом деле был бы ознакомлен с упомянутой отдельно взятой и специально рассекреченной по этому поводу информацией разведки, и тем более услышал бы из уст самого П.М. Фитина связанную с ней историю, то он ни в коем случае не написал бы той глупости, которую письменно зафиксировал в своей статье: «Бывший начальник разведки госбезопасности генерал-лейтенант П.М. Фитин, ныне покойный, рассказывал мне, что **на следующий день после указанного спецсообщения,** 17 июня 1941 г.». Потому что человек, который ознакомился с этим документом, не мог не знать, что поступившая от агентуры берлинской резидентуры 16 июня 1941 г. тревожная информация была направлена Сталину при сопроводительном письме, датированном 17 июня 1941 г. И уж тем более это прекрасно знал лично П.М. Фитин, ибо именно в его управлении готовился документ. Так что не было никаких «на следующий день» — все произошло 17 июня 1941 г.

В-седьмых, есть еще некоторые нюансы, понять которые невозможно, пока не будет приведена информация по следующему этапу введения фальшивки в оборот.

И наконец, **в-восьмых**, **что и есть самое главное — тема и некоторое ее раскрытие этой статьей таким образом были публично засвечены в информационном пространстве, причем под интригующими вывесками: «по данным разведки…» и «из архивов органов госбезопасности СССР».** Обратите особое внимание на последнюю вывеску — в те времена это был излюбленный прием навешивания лапши на уши под интригующим антуражем, поскольку в советском обществе сложилось фактически безапелляционное, едва ли не абсолютное (правда, во многом заслуженно и объективно) доверие к информации из недр госбезопасности.

Более того. С помощью дурацкого журналистского приема типа «Я спросил П.М. Фитина: “Как вы поняли фразу Сталина, что нет нем-

цев, кроме Вильгельма Пика[252], которым можно верить? Что, от В. Пика были другие сведения? " Фитин ответил: "Нет, сказано было в том смысле, что ваши источники, это же не коммунисты, а члены фашистской партии, офицеры вермахта, поэтому это может быть дезинформация". Придя в наркомат, мы подготовили подробную шифротелеграмму в Берлин для уточнения ряда вопросов. Но ответа не было. Началась война"».

В этом пассаже лишь микроскопическая доля могла иметь отношение к истине — что в берлинскую резидентуру была направлена подробная шифртелеграмма с требованием еще раз уточнить и перепроверить ранее переданную информацию.

Но самое главное состоит из двух частей: с одной стороны, в статье нет ни малейшего намека на какую бы то ни было резолюцию Сталина, в том числе и матерную. Нет даже намека на какое бы то ни было раздражение со стороны Сталина по поводу представленной ему информации. Напротив, показана спокойная, деловая реакция Сталина, как ответственного руководителя государства.

А с другой стороны, в этом же пассаже была заложена основа для последующих рассуждений и манипуляций на тему о дезинформации.

На следующем этапе введения фальшивки в оборот произошло следующее. На странице **№ 221 № 4 за 1990 г.** пресловутого журнала **«Известия ЦК КПСС»** в рубрике **«Из архивов партии»** было опубликовано содержание того самого сообщения от 16 июня 1941 г. одного из агентов советской внешней разведки — **«Старшины» (Харо Шульце-Бойзен)** — о готовности германской армии к нападению на СССР с указанием ряда иных деталей грядущей агрессии.

[252] Пик Фридрих Вильгельм Рейнхольд (1876—1960) — в 1935 г. был избран председателем запрещенной нацистами Коммунистической партии Германии в связи с заключением в тюрьму признанного лидера КПГ Эрнста Тельмана. После запрещения Коммунистической партии нацистами Пик эмигрировал в СССР, где и находился до полной победы СССР над гитлеровской Германией.

СООБЩЕНИЕ ИЗ БЕРЛИНА *

Не позднее 16 июня 1941 г.

Сов. секретно

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня** воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденц, Бреславле, Мариенбурге***. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные в Хейлигенкейль****.

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военнохозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа — назначен АМОНН, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе; для Киева — БУРАНДТ — бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции; для Москвы — БУРГЕР, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен ШЛОТЕРЕР,— начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также РОЗЕНБЕРГ, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Верно: Начальник I Управления НКГБ Союза ССР ФИТИН

16 июня 1941 г.

Подлинник

---

* Заголовок документа. Это сообщение было направлено наркомом государственной безопасности СССР В. Н. Меркуловым в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину 17 июня 1941 г. за № 2279/М, а также в СНК СССР. На препроводительной записке к сообщению рукой Сталина написано: «Т[оварищу Меркулову. Может послать ваш «источник» из штаба Герм[анской] авиации к е..... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.». Ред.

** Видимо, имеется в виду сообщение ТАСС, опубликованное в газете «Правда» 14 июня 1941 г. Ред.

*** Ныне гг. Грудзёндз, Вроцлав, Мальборк (Польша). Ред.

**** Возможно — Хайлигенбайль, ныне г. Мамоново Калининградской области. Ред.

И вот именно на указанной странице указанного номера журнала «Известия ЦК КПСС» впервые появляется якобы факт якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции с приведением ее «содержания». Но не в виде конкретной фотокопии (впрочем, и само сообщение также приведено в виде содержания, а не как фотокопия).

Как говаривал знаменитый златоуст периода пресловутого «царя Бориса» В.С. Черномырдин — **«Никогда такого не было, и вот опять». И вот опять фальсификаторы прокололись...**

Во-первых, мало того что опубликовали это всего-то чуть менее чем через год после публикации статьи А.И. Байдакова, мало того что опубликовали-то ее опять в пресловутом журнале **«Известия ЦК КПСС»,** мало того что по времени это совпадает с манипуляциями вокруг текста и мемуаров Симонова, и мемуаров Жукова (помните историю с десятым по счету изданием его мемуаров), так ведь сдуру опубликовали еще и в рубрике **«Из архивов партии»,** а ведь в статье А.И. Байдакова указано не только **«по данным разведки»,** но еще и **«из архивов госбезопасности».** Сразу же возникает вопрос — кто у кого, вежливо говоря, стырил из архива? Настоящий, оригинальный документ физически не может пребывать сразу в двух архивах!..

Но дело тут в том, что, использовав рубрику **«Из архивов партии»,** фальсификаторы, сами того не подозревая, показали нюанс стратегического характера. Ибо явно не знал Яковлев предвоенных правил секретного делопроизводства в переписке между Лубянкой и ЦК ВКП(б), либо попросту пренебрег фактом того, что тогда действовали соответствующие правила! И это незнание или пренебрежение сразу же подвело! Суть этого прокола фальсификаторов в следующем.

На странице **221** сборника архивных документов **«Секреты Гитлера на столе у Сталина»** есть любопытное примечание под **№ 28,** согласно которому в то время имела место практика, когда направленные в Инстанцию (под этим термином подразумевалось Политбюро ЦК ВКП(б), а в те времена чаще всего — лично Сталин) первые экземпляры записок после ознакомления с ними руководителей СССР

и ведомств, возвращались в НКГБ СССР и в интересах конспирации уничтожались.

Соответственно, в архиве партии, куда впоследствии и вошел фонд документов Сталина (ныне Фонд № 558), ничего не должно было остаться! Какой мог быть резон для Сталина оставлять у себя этот документ с якобы наложенной им якобы матерной резолюцией, чтобы впоследствии он перекочевал бы в архивы партии, если она якобы предназначалась главе НКГБ СССР?! Не говоря уже о том, что и вызывать-то наркома госбезопасности, тем более вместе с начальником разведки не было никакого смысла после такой резолюции, если, конечно, это был бы факт! Ведь если исходить из ее якобы начертанного рукой Сталина содержания, очевидно, что Иосиф Виссарионович вроде как ясно определился в своем отношении к этой информации. Чего же тогда вызывать наркома и начальника разведки?!

Кстати говоря, на этом нюансе уже в наше время, увы, поскользнулся и известный политический деятель, неоднократный депутат ГД РФ, авторитетный и влиятельный журналист А.Е. Хинштейн, когда готовил к публикации дневники первого председателя КГБ СССР И.А. Серова, о чем скажем чуть ниже.

Слегка забегая вперед, не могу также не отметить сразу, что именно в силу этого нюанса ни в архиве ФСБ, ни в архиве СВР нет никакого документального подтверждения якобы факту матерной «резолюции» Сталина. Там остались только копии документов. Чуть позже еще вернемся к этому аспекту более подробно.

Во-вторых, и в советские времена, и ныне любая публикация архивного документа должна быть сопровождена точным указанием не только всех присущих этому документу атрибутов, резолюций, пометок и т.п., но и точным указанием координат архивного хранения. Иначе ценность такой публикации мизерная. Соответственно уже при первой же публикации те, кто организовывал ее, обязаны были точно указать, что это за документ, откуда он взят, каковы координаты его архивного хранения. Но они не могли этого сделать строго по правилам научной публикации, иначе подозрения в фальсифика-

ции тут же проявились бы. Ведь речь-то идет о документе, который на канцелярско-бюрократическом языке называется сопроводительное письмо, которое имело **№ 2279/М от 17 июня 1941 г.** (правда, номер и дату сопроводительного документа фальсификаторы все-таки указали, но только в сноске, но не привели его полного содержания), подписано наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым и направлено не только И.В. Сталину и В.М. Молотову, но и, как выяснилось впоследствии, также и Л.П. Берии. Указанная «сопроводиловка» (так на канцелярско-бюрократическом языке сокращенно называются подобные документы) имела приложение в лице (агентурного) сообщения, полученного НКГБ СССР из Берлина.

На самом же деле приложенный к указанной «сопроводиловке» документ являл собой объединение информаций агентов берлинской резидентуры внешней разведки НКГБ СССР **«Старшины» и «Корсиканца».** Впервые с указанием подлинных координат архивного хранения **— ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1914—1916** — копия этого документа была опубликована под **№ 72** в подготовленном ФСБ РФ и СВР РФ в содружестве с «Мосгорархивом» хорошо известном многим интересующимся историей сборнике **«Секреты Гитлера на столе у Сталина». М., 1995, стр. 161—163.**

В сообщении указывалось, что Германия полностью завершила все военные приготовления для нападения на СССР. Более того, что она готова к нападению в любое время. Агент имел в виду, что в любое время, следующее за его сообщением (в сообщении также были указаны объекты бомбардировок и назначения начальников военно-хозяйственных управлений на будущей оккупированной советской территории).

Суть этого сообщения подробно анализировать не будем, но отметим в первую очередь один совершенно идиотский ляп, допущенный при публикации в «Известиях ЦК КПСС». В подзаголовке приложенного к «сопроводиловке» документа под названием **«Сообщение из Берлина»** указано **«Не позднее 16 июня 1941 г.»**, а в самом конце этого же документа стоит дата **«16 июня 1941 г.»** и далее **«Подлинник».** Если начальник разведки еще тогда, в 1941 г., сам лично ука-

зал дату 16 июня 1941 г., если указано, что это подлинник, то какого же хрена надо было написать глупость в виде **«Не позднее 16 июня 1941 г.»** в подзаголовке, тем более что на опубликованной в упомянутом выше сборнике копии этого документа подобной надписи нет?!

Ну, а самое главное, что следует сразу подчеркнуть, в документе содержалась и явная дезинформация, чему удивляться не стоит. Германская контрразведка в то время в поте лица работала и распространяла разнообразную дезинформацию, на которую наша агентура и напоролась, а затем передала своим кураторам из советской разведки. Например, **в пункте 3** были названы объекты, которые германская авиация будет бомбить в первую очередь: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

Вот это и есть махровая дезинформация, ибо бомбить именно эти объекты, тем более в первую очередь, особенно московские заводы, немцы не могли просто физически. Причем не только потому, что, например, авторемонтные мастерские не могли быть объектами первоочередной бомбардировки. Дело прежде всего в том, что германские ВВС в тот период времени не обладали бомбардировщиками, способными со своих приграничных аэродромов на территории рейха дотянуться до Москвы с полной бомбовой нагрузкой и вернуться обратно. Потому что при взлете с приграничных аэродромов бомбардировочной авиации люфтваффе, а они, как правило, были расположены на расстоянии не менее 100—150 км от границы, полет бомбардировщиков в оба конца означал бы преодоление расстояния более двух тысяч км, причем с преодолением ПВО СССР на всем протяжении полета. Вовсе не случайно, что первая бомбардировка Москвы была осуществлена немцами лишь 22 июля 1941 г., когда в распоряжении люфтваффе оказались бывшие советские аэродромы бывшего Западного особого военного округа (ЗАПОВО), особенно те, что дислоцировались в восточной части этого округа, взлетая с которых действительно можно было долететь до Москвы с полной бомбовой нагрузкой и вернуться обратно.

Вот этот нюанс в данной разведывательной информации, судя по всему, и привлек особое внимание фальсификаторов, потому как всем хорошо было известно, что в вопросах авиации того времени Сталин разбирался не хуже любого авиаконструктора, что впоследствии они и признали в своих мемуарах. Соответственно, как знаток авиации того времени, Сталин, по замыслу фальсификаторов, вполне естественно мог бы остро негативно отреагировать на такую информацию. На то и был весь расчет фальсификаторов.

А не привлечь к себе пристальное внимание фальсификаторов этот нюанс не мог еще и по той причине, что в подлинных воспоминаниях П.М. Фитина, написанных им в 1970 г. в связи с 50-летием советской внешней разведки, и которые были рассекречены и полностью опубликованы только в 1999 г., содержалась остро необходимая для документального оформления фальшивки базовая деталь, якобы озвученная Сталиным, без которой документальная манипуляция не имела бы под собой основания. Но, как говорится, все по порядку.

Вот собственноручно подготовленное П.М. Фитиным описание того события: «16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.

[Не могу не обратить сразу же внимание читателей на следующий очень важный нюанс. Не стоит воспринимать и тем более понимать использованное уважаемым Павлом Михайловичем слово **«тотчас»** в абсолютно буквальном смысле. Дело в том, что между поступлением из резидентуры шифртелеграммы даже с грифом **«молния»** и направлением ее содержания в адрес Инстанции в любом случае прошло определенное время, которое требовалось для расшифровки телеграммы, ее доклада начальнику разведки, его доклада этой же телеграммы наркому, который и принял решение о срочном направлении такой информации в Инстанцию, подготовки сопроводительного письма, упаковки в секретный пакет, передачи оного в фельдъегерскую связь, а также для доставки этого пакета в секретариат Сталина. Подчеркиваю, что при всем том, что в разведке традиционно работают, тем более в угро-

жаемый период, в режиме резкого ускорения всех действий, в любом случае прошло некоторое время, прежде чем эта информация попала к Сталину. Тем более что в ней была учтена информация двух агентов, на что также требовалось время и что зафиксировано в воспоминаниях сотрудника, который непосредственно работал с этими данными. Принимая же во внимание то обстоятельство, что на «сопроводиловке» стоит дата **«17 июня 1941 г.»,** эти данные ушли с Лубянки после полуночи, то есть уже в первые часы 17 июня 1941 г. — в те времена весь партийно-государственный аппарат СССР работал до глубокой ночи, подстраиваясь под рабочий режим самого Сталина, который любил работать по ночам. Поэтому вовсе не случайно П.М. Фитин продолжил свое описание того события, так, как это приведено ниже.]

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И.В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов был связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом».

[Невозможно не отметить следующее. Фитин физически не мог не знать, что, например, агент «Старшина» еще весной 1941 г. в мягкой форме был заподозрен, вежливо говоря, в дезинформации. Увы, но в данном случае трудно избежать повтора, так что не обессудьте. На одной из страниц своих мемуаров знаменитая советская разведчица Зоя Ивановна Воскресенская/Рыбкина — **«Под псевдонимом Ирина. Записки Разведчицы» (М., 1997),** — которая работала с информацией этой агентуры, привела интересный документ, который придется привести полностью, в котором есть любопытная характеристика «Старшины»:

«ПИСЬМО № 46

от *5/*IV 1941 г. тов. Захару (резидент советской внешней разведки в Берлине Амаяк Кобулов. — *А.М.*). **Берлин**

О Старшине и Корсиканце

<…> Работу со Старшиной следует максимально активизировать. Из Ваших сообщений видно, что Старшина отлично понимает, кому

и для чего нужны его сведения. **Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.**

Между прочим, в одном из сообщений Старшина указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой.

В следующем сообщении Старшина говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы — румынский город.

Такое невежество со стороны Старшины, который специально занимается этим делом, выглядит странно.

2. Активизация работы со Старшиной никоим образом не должна отражаться на работе с Корсиканцем.

Нужно добиться регулярного получения от него материалов его ведомства, главным образом, о потенциале экономических ресурсов Германии, о торговых договорах с другими странами, о положении валютного рынка и т.д., о чем мы уже неоднократно указывали.

Вместе с тем поговорите с Корсиканцем, кого из его близких людей можно также непосредственно переключить на связь с нами. В первую очередь обсудите вопрос о Греке, Итальянце и Кузене. Нас также интересует дальнейшее изучение Лебера (в будущем Брэм) и Головы. Определите, наконец, кто такой Икс, почему Корсиканец упорно не называет его имени»[253].

Проще говоря, информация «Старшины» явно уже не раз вызывала в Центре, вежливо говоря, недоуменное удивление. Соответственно и высказанный в письме серьезный укор в адрес агента — не случайность. **Ведь он же занимал пост начальника 5-го отделения разведывательного отдела ВВС Германии.** В руководимое им отделение поступали все сообщения германских военно-воздушных атташе из всех стран мира, а также иная не менее важная для любой разведки информация. Среди его источников был некто Б. Шмидт, который от-

[253] *Воскресенская З.И.* «Под псевдонимом Ирина. Записки разведчицы». М.,1997. Процитировано по Интернету — https://www.litmir.me/br/?b=219608&p=3

вечал за хранение секретных карт с нанесенными на них целями для бомбометания. Проще говоря, выходит, что Шмидт и, очевидно, другие сотрудники вольно или же по указаниям абвера распространяли дезинформацию, которую заглатывал «Старшина» и затем передавал своему куратору из советской разведки. То есть, фактически не раздумывая, даже без собственной предварительной проверки, агент передавал куратору из разведки любые данные, которые попадали в его руки. **Отсюда и столь резкий укор Центра — «Такое невежество со стороны Старшины, который специально занимается этим делом, выглядит странно». А ведь это пока (пока!) еще мягкий упрек в передаче советской разведке дезинформации.**

Подчеркиваю, что об этом укоряющем агента в **«странном невежестве» письме Фитин физически не мог не знать — германское направление деятельности советской внешней разведки тогда было самым главным, и вся документация, в том числе и переписка с берлинской резидентурой, проходила через руки руководителя советской внешней разведки, то есть самого Павла Михайловича Фитина. Но если он сам написал, что хорошо знал этот источник, то весьма трудно понять, как в его воспоминании появилось утверждение о том, что он не сомневался в правдивости его информации?!**

Слегка отвлекаясь от основной темы, не могу не отметить также и то, что, вежливо говоря, именно невежественными сообщениями «Старшины», которые направлял НКГБ СССР в ГРУ и ГШ, впоследствии оправдывались даже маршалы, пытаясь хоть как-то объяснить причины трагедии 22 июня, в том числе оправдать то главное обстоятельство, что Генштаб **«почему-то проморгал»** наиболее сильный удар вермахта именно левым крылом, главным образом по Прибалтийскому и особенно Западному особым военным округам. Например, Маршал Советского Союза М.В. Захаров, который, оставив потомкам одни из самых честных и объективных воспоминаний о деятельности Генерального штаба накануне войны, тем не менее не смог удержаться от того, чтобы не сослаться на аналогичную «невежественную» информацию «Старшины».

Фактически единственная по настоящему ценная крупица информации, которая полностью адекватно соответствовала реалиям того дня, заключалась в том, что Германия уже полностью изготовилась к нападению на СССР и удара можно было ожидать в любой момент. Однако и эта единственно ценная часть была слишком общей. В вопросах войны и мира всегда нужна запредельная конкретика. Малейшая ошибка или даже неточность может слишком дорого обойтись. Не говоря уже о том, что утверждение о готовности Германии напасть в любое время после информации агента — так это еще надо было проверить полностью ни от кого и ни от чего независимым образом, что, кстати говоря, и было сделано, но об этом скажем чуть ниже.]

Продолжим цитирование воспоминаний Фитина: «Мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не садился. Он прохаживался по кабинету, останавливаясь, чтобы задать вопрос или сосредоточиться на интересовавших его моментах доклада или ответа на его вопрос.

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них был сверху наш документ **(обратите на это внимание: значит, они не у дверей торчали, а стояли очень близко к столу, иначе не смогли бы заметить, что лежит сверху одной из стопок. —** *А.М.*)**,** И.В. Сталин, не поднимая головы, сказал:

— Прочитал ваше донесение… **Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз? (??? —** *А.М.*)

Мы молчим. Ведь всего три дня назад — 14 июня — газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И.В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивая трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

— Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

— Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные…»[254]

При всем глубочайшем личном уважении к памяти о П.М. Фитине, как о выдающемся человеке, возглавлявшим советскую внешнюю разведку в самые трудные времена накануне и во время войны, очень сложно отделаться от странного впечатления, которое провоцируют отдельные моменты этого описания.

Во-первых, если исходить из начальной части описания посещения кабинета Сталина, получается, что между Иосифом Виссарионовичем и визитерами произошел какой-то весьма оживленный диалог по интересовавшим Сталина вопросам. Однако последующая часть описания полностью сконцентрирована только на обсуждении направленного ему сообщения из берлинской резидентуры. Как это следует понимать, что на самом деле обсуждалось, о чем шла речь в начале встречи, вследствие чего последовала столь остро негативная реакция Сталина — непонятно.

Во-вторых, описание реакции Сталина на доложенную информацию в виде его заявления **«Прочитал ваше донесение… Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?» — просто вгоняет в ступор!**

[254] Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина//Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18—22.

Это что же выходит — что Фитин выставил Сталина как вообще ничего не знавшего о готовящемся нападении Германии на СССР руководителя государства, раз он, по свидетельству Павла Михайловича, произнес такое — как будто впервые только и узнал?!

Еще раз подчеркиваю, что при всем глубочайшем личном уважении к памяти о П.М. Фитине, как о выдающемся человеке, возглавлявшем советскую внешнюю разведку в самые трудные времена накануне и во время войны, просто физически невозможно поверить в подобную реакцию Сталина в том виде, как она представлена в воспоминаниях Фитина! И, прежде всего, потому, что к 13.00 17 июня 1941 г. Сталин уже располагал фактически неопровержимой информацией о нападении Германии, в том числе и данными о том, что оно будет осуществлено именно 22 июня. К этому времени только по каналам внешней разведки НКГБ СССР, военной разведки, разведки пограничных войск НКВД СССР, контрразведки НКГБ СССР, а также от чехословацкой военной разведки, официально сотрудничавшей с СССР, уже поступили **77** достаточно конкретизирующих время нападения донесений о том, что оно произойдет в 20-х числах июня 1941 г., в том числе несколько раз с точным указанием 22 июня как конкретной даты нападения и даже часа начала агрессии. Чтобы не быть голословным, приведу ряд примеров, относящихся к тому периоду, то есть за последние 18 дней перед тем самым докладом Фитина и Меркулова Сталину:

— **30 мая** (ориентировочно)**, но не позже 1 июня 1941 г.** через лондонскую резидентуру ГРУ от руководителя чехословацкой военной разведки генерала **Франтишека Моравец** поступила информация о том, что нападение Германии на СССР назначено **на 22 июня**[255]. В соответствии с секретным приложением к договору о взаимной помощи в отражении агрессии между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 г. чехословацкая военная разведка активно сотрудничала с раз-

[255] *Moravec F.* Master of Spies. Memoirs of General Frantisek Moravec. New York, 1977. P. 191—193; *Benes E.* The Memoirs of Dr. Edward Benes. Boston, MA, 1953. P. 150—151.

ведывательными службами СССР и после того, как вся Чехословакия была оккупирована гитлеровцами.

Информация чехословацкой военной разведки **всегда сразу** докладывалась наркому обороны СССР С.К. Тимошенко (а также руководству ГШ), который по этому поводу вспоминал: **«Донесения нашего военного атташе в Лондоне я получал всегда сразу же, как только они поступали. Были там и данные, которые передавала нам чехословацкая разведывательная служба. Без всякого преувеличения должен сказать, что некоторые из них казались невероятными и даже провокационными. Однако наша проверка этих сообщений и время показали, что в большинстве случаев речь шла о правдивой и удивительно точной информации»**[256].

— **31 мая 1941 г.** за **№ 2031/М** и подписью наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, С.К. Тимошенко и Л.П. Берии направлено агентурное сообщение **«Старшины»** (от 29 и 30 мая), в котором этот агент берлинской резидентуры НКГБ СССР информировал о том, что **«все подготовительные военные мероприятия, в том числе составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на балканских аэродромах** (надо полагать, румынских. — *А.М.*) **германской авиации, действующей сейчас на Ближнем Востоке, — должны быть закончены к середине июня месяца»**[257]**.**

— 1 июня 1941 г. от **«Рамзая» — Рихарда Зорге —** поступило сообщение, в котором он указывал, что, по информации Берлина для посла Германии в Токио Ойгена Отта, **нападение Германии на СССР произойдет во второй половине июня**[258]**.**

— 2 июня 1941 г. через агентуру в эмигрантском правительстве Польши, которое тогда находилось в Лондоне, было установлено, что

---

[256] Цит. по: *Колпакиди А.И.* ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 154.

[257] *Соцков Л.Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. М., 2011. Приводится по Интернету.

[258] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 422. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия.

отличавшаяся не меньшим профессионализмом польская военная разведка тоже пришла к окончательному выводу о том, что **нападение на СССР произойдет 22 июня 1941 г.**[259]

— 3 июня 1941 г. от агента (псевдоним не установлен) **2 Управления НКГБ СССР** поступило сообщение, в котором со ссылкой на японские дипломатические круги в Москве указывалось, что **начало военных действий Германии против СССР ожидается 15 или 20 июня**[260]**.**

— 4 июня 1941 г. разведывательный отдел штаба ЗАПОВО представил командующему ЗАПОВО генералу армии Д.Г. Павлову спецсообщение **№ 5995 от 4 июня 1941 г. «О подготовке Германией войны против СССР»,** в котором делался вывод о том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается **в июне месяце**[261]. **Одновременно документ был направлен в ГРУ и ГШ.**

— 5 июня 1941 г. посол США в СССР Штейнгардт во время длительной аудиенции у заместителя народного комиссара по иностранным делам С.А. Лозовского заявил со ссылкой на некоторые, но не названные им источники, что **«в ближайшие 2—3 недели Советский Союз будет переживать величайший кризис».** Что он имел в виду — догадаться было несложно. Имевшая гриф секретности запись этой беседы сразу была направлена Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Кагановичу, Вышинскому, Генеральный секретариат НКИД[262].

— **5 июня 1941 г.** будапештская резидентура ГРУ сообщила в Центр, что, по ее данным, **«начало наступления на СССР Германией намечено между 10—20 июня»**[263]**.**

— 5 июня 1941 г. от своего агента в германском посольстве в Москве — **«Х» (Герхарда Кегеля)** ГРУ получило данные о том,

---

[259] Winston S. Churchill to War Cabinet, Notes on the General Situation. Churchill to Sikorski, 4 June 1941. Churchill Archive Center. Cambridge. 20/21 C.

[260] ЦА ФСБ РФ. Арх. № 6894. Л. 238—239. Заверенная копия.

[261] ЦА МО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307—314. Машинопись на бланке Разведотдела штаба ЗАПОВО. Копия. Автограф.

[262] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 36—49.

[263] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 4. Л. 485. Рассекречено 07.02.2012. Приводится по: *Голиков Ф.И.* Записки начальника РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018. С. 57.

что нападения следует **ожидать 20 июня**[264]**.** Небезынтересно в этой связи отметить, что **«Генеральный штаб к этому времени** (то есть к 5 июня 1941 г. — *А.М.*) **располагал фактическими данными о завершающемся сосредоточении войск противника и сроках его нападения**»[265]. А руководство НКО и ГШ, то есть нарком обороны С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков, систематически докладывали Сталину всю поступающую об угрозе войны информацию. Начальник ГШ Г.К. Жуков, например, в первом полугодии 1941 г. еженедельно бывал у Сталина с докладами. А всего до 21 июня включительно в статусе главы Генерального штаба он побывал у Сталина 27 раз.

— 7 июня 1941 г. от одного из наиболее ценных и проверенных агентов берлинской резидентуры ГРУ **— «Альта» (Ильзе Штёбе) —** поступила срочная информация о том, что **«...сроки начала кампании против России перенесены после 20 июня...»**[266]**.**

— 7 июня 1941 г. бухарестская резидентура ГРУ информировала Центр о том, что **«война начнется не позднее 15—20 июня»**[267]**.**

— 9 июня 1941 г. от доверительной связи советской внешней разведки **«Друга» — Вальтера Стеннеса,** являвшегося начальником службы безопасности и разведки Чан Кайши (глава Гоминьдана, Китай) и располагавшего обширными связями в мире спецслужб и дипломатии, поступила информация, что нападение Германии на СССР следует ожидать **до 25 июня**[268]**.**

---

[264] Данные взяты из не докладывавшегося из-за начала войны **Перечня донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР** (январь—июнь 1941 г.), составленного в конце июня 1941 г.

Приводится по: *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940—1942. М., 2005. С. 220—234.

[265] 1941 — уроки и выводы. М., 1992. С. 84.

[266] *Лота В.И.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 308.

[267] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 30. Рассекречено 04.06.2003. Приводится по: *Голиков Ф.И.* Записки начальника РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018. С. 57.

[268] *Антонов В.С.* Жизнь по легенде. М., 2013. С. 92. Вальтер Стеннес в прошлом был соратником Гитлера, но впоследствии и из-за принципиальных разногласий превратился в его яростного противника.

— 10 июня 1941 г. от ценного агента хельсинкской резидентуры НКГБ СССР **«Адвокат»** поступило сообщение о том, что нападение Германии на СССР состоится **24 июня**[269].

— **10 июня 1941 г.** от ценного агента хельсинкской резидентуры НКГБ СССР **«Поэт»** поступило сообщение о том, что нападение Германии на СССР **состоится в ближайшие дни**[270]**.**

— 10 июня 1941 г. штаб КОВО представил в ГШ и РУ ГШ очередное разведывательное донесение, в котором прямо указывалось, что **война должна начаться в последних числах июня**[271]**.**

— 10 июня 1941 г. от своего агента в германском посольстве в Москве — **«Х» (Герхарда Кегеля)** ГРУ получило данные о том, что нападения следует **ожидать 20—23 июня**[272]**.**

— 11 июня 1941 г. от ценного и проверенного агента хельсинкской резидентуры **«Монах»,** сведения которого всегда отличались особой актуальностью и достоверностью, поступила информация о том, что **нападение Германии произойдет 22 июня.** Обстоятельства получения столь важной информации настолько значительны, что необходимо их вкратце указать. **Дело в том, что «Монах» сообщил, что утром 11 июня 1941 г. в Хельсинки было подписано тайное соглашение между Германией и Финляндией об участии финских вооруженных сил в предстоящей войне гитлеровской Германии против Советского Союза, которая начнется 22 июня**[273]. **Агент также отметил, что формально Финляндия вступит в войну четырьмя днями позже**[274]**.**

---

[269] ЦА ФСБ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1847—1850. Заверенная копия. Приводится по: «Секреты Гитлера на столе у Сталина». М., 1995. С. 152.

[270] ЦА ФСБ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1851—1852. Заверенная копия. Приводится по: «Секреты Гитлера на столе у Сталина». М., 1995. С. 154.

[271] *Иринархов Р.С.* Киевский особый… Минск, 2006. С. 271.

[272] Данные взяты из не докладывавшегося из-за начала войны **Перечня донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь — июнь 1941 г.),** составленного в конце июня 1941 г.

Приводится по: *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940—1942. М., 2005. С. 220—234.

[273] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 435; *Синицын Е.Т.* Резидент свидетельствует. М., 1997. С. 117—118.

[274] *Синицын Е.Т.* Резидент свидетельствует. М., 1997. С. 118.

Кстати говоря, по данным хельсинкской резидентуры ГРУ, частичная мобилизация в Финляндии началась 10—11 июня 1941 г., а 17 июня 1941 г. в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация, что подтвердили данные хельсинкской резидентуры ГРУ[275]. А по господствовавшим в те времена понятиям, **всеобщая мобилизация — это уже фактическое объявление войны.**

— 11 июня 1941 г. бухарестская резидентура ГРУ информировала Центр, что, по ее данным, **война начнется «не позднее 15 июня — 20 июня»**[276].

— **12 июня 1941 г.** разведка погранвойск НКВД СССР установила, что командованию группировок вермахта был отдан **приказ о выдвижении с 13 июня на исходные для нападения позиции**[277]**.** По ГА «Север» было установлено, что такой **приказ был отдан еще 6 июня**[278] и также о выдвижении **с 13 июня 1941 г.**

— **12 июня 1941 г.** от **«Альты»** были получены сведения **«Арийца»** (Р. фон Шелия, ответственный сотрудник МИД Германии) о том, что **срок вероятного нападения против СССР — 15—20 июня 1941 г**[279]**.**

— 12 июня 1941 г. в ГРУ поступило срочное сообщение от легендарного нелегального резидента, руководителя чрезвычайно эффективной агентурной группы **«Крона»,** впоследствии Героя России **Яна Петровича Черняка,** в котором говорилось, что **22 июня, 3 часа 30 минут — начало выступления сухопутных войск Германии.** Его сообщение примечательно тем, что оно имело документальное подтверждение — основывалось на добытом (правда, неизвестно в каком виде) его агентурой приказе главнокомандующего сухопутными силами Германии о сроках,

[275] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24120. Д. 3. Л. 327.

[276] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 46—47. Рассекречено 04.06.2003. Приводится по: *Голиков Ф.И.* Записки начальника РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018. С. 57.

[277] Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 397.

[278] Там же. С. 19.

[279] *Лота В.И.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 309.

основных целях и плане нападения на СССР в рамках операции «Вариант Барбаросса»[280].

— 13 июня 1941 г. военно-морской атташе посольства СССР в Германии капитан 1 ранга М.А. Воронцов сообщил в Москву, что **«немцы в период с 21 по 24.06.1941 года наметили внезапный удар против СССР. Удар будет направлен по аэродромам, железнодорожным узлам и промышленным центрам,** а также по району Баку»[281].

— 13 июня 1941 г. разведка погранвойск НКВД СССР первый раз зафиксировала начало выдвижения передовых частей вермахта на исходные для нападения позиции, о чем немедленно сообщила в Москву. Правда, в тот же день, буквально через несколько часов, в начале вечера это выдвижение было приостановлено приказом из Берлина[282].

— 14 июня 1941 г. в процессе допроса задержанных на участке 19-й заставы 5-й комендатуры 87-го Ломжинского пограничного отряда НКВД Белорусской ССР двух диверсантов, последние сообщили **о 22 июне как о дне начала нападения Германии на СССР**[283].

— **15 июня 1941 г.** Р. Зорге сообщил, что **нападение Германии переносится на конец июня**[284]**.**

— 15 июня 1941 г. разведка пограничных войск добыла сведения о повторном, **начиная с 4.00 18 июня, начале выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции**[285]**. Хотя на ряде участков это выдвижение было зафиксировано уже 15 июня**[286]**.** Разведка погранвойск документально зафиксировала, что этому предшествовало распоряжение германских военных властей в адрес жителей

---

[280] *Витковский А.Д.* Военные тайны Лубянки. М., 2007. С. 140. Эти данные официально признаны руководством ГРУ в д/фильме «ГРУ. Атомный проект» (15-я минута).

[281] Дипломаты наркомата обороны. Военное обозрение. 23 апреля 2014 г.

[282] Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 397.

[283] РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 359. Л. 103—110.

[284] Алексеев М. «Верный Вам Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939—1941 годы. М., 2017. С. 255.

[285] Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 397.

[286] *Чугунов А.И.* Граница накануне войны. М., 1985. С. 139.

приграничных сел **до 4 часов утра 18 июня** эвакуироваться в тыл на расстояние не менее чем на 3 км, а на некоторых участках — до 20 км от границы[287].

— **15 июня 1941 г.** от резидента ГРУ в Будапеште — «Марса» поступили данные о том, что **стратегическое развертывание войск вермахта завершено[288].**

— 15 июня 1941 г. на участке 4-й комендатуры 93-го Лисковского пограничного отряда проживавшие на сопредельной стороне польские женщины выходили на берег пограничной реки и, сложив рупором ладони, кричали советским пограничникам: **«Советы, Советы, скоро будет война! Советы, через тыждень (по-польски — неделя. —** *А.М.*) **будет война!»[289]** Это было зафиксировано сотрудниками разведки погранвойск и доложено по инстанции.

— **16 июня 1941 г.** от ценного источника берлинской резидентуры ГРУ **«Альты»** поступила уточняющая информация о том, что, по данным из кругов штаба верховного главнокомандования, упорно циркулирует версия о выступлении против России **22—25 июня[290].** Одновременно в сообщении было указано, что Финляндия и Румыния готовы выступить вместе с немцами.

— 17 июня 1941 г. бывший агент царской военно-морской разведки Анна Ревельская (так она представилась, настоящее имя до сих пор неизвестно) инициативно посетила советского военно-морского атташе в Берлине капитана 1 ранга М.А. Воронцова и сообщила ему, что **в 3 часа ночи 22 июня 1941 г. германские войска вторгнутся в Советскую Россию** (так она назвала СССР)[291]. Час начала агрессии

---

[287] *Чугунов А.И.* Граница накануне войны. М., 1985. С. 139.

[288] См. ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 7497. Копия.

[289] Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд. П-8. Д. 9. Л. 27.

[290] ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 735 (рассекречено 04.06.2003). Приводится по: *Голиков Ф.И.* Записки начальника РАЗВЕДУПРА. Июль 1940 года — июнь 1941 года. М., 2018. С. 57; *Лота В.И.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 349.

[291] Морской сборник. № 6, 1991. В этом номере была опубликована запись беседы с М.А. Воронцовым; *Дамаскин И.А.* Богини разведки и шпионажа. М., 2006. С. 148, 151. В годы Первой мировой войны своими действиями и информацией Анна Ревельская нанесла кайзеровской Германии в буквальном смысле слова невообразимый урон. Считалась личным врагом кайзера Вильгельма II.

Анна Ревельская указала явно по берлинскому времени. Информация шифром «молния» была направлена в Москву.

Более того. Уже были отданы специальные распоряжения о начале вывода наших войск первого оперативного эшелона на оборонительные рубежи, осуществлялась массовая переброска войск из глубины страны в приграничные военные округа, и еще многое другое делалось.

Например, **16 июня 1941 г.** командование пограничных войск, в том числе и командование пограничных отрядов в западных пограничных округах, получило письменную директиву наркома внутренних дел, генерального комиссара государственной безопасности (равнозначно званию маршала) Л.П. Берии, которая гласила: «**С возникновением военных действий перейти в подчинение полевого командования**. **Свяжитесь с дислоцированным на участке пограничного отряда соединением, установите контакт по взаимоинформации. Исполнение доложить срочно»**[292]. Переход пограничных отрядов в подчинение армейскому командованию был определен еще 22 июня 1939 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) **«О взаимодействии пограничных войск и частей РККА в пограничной полосе», в пункте № 11 которого было указано: «<…> 11. С выходом войск РККА на государственную границу все пограничные части НКВД, расположенные на участке, поступают в оперативное подчинение командующего этим участком»**.

Соответственно Берия не просто исполнил упомянутое выше постановление Политбюро ЦК ВКП(б), но и согласовал этот вопрос со Сталиным, а также с НКО и ГШ. Без этого такой приказ не мог быть издан. Проще говоря, это означает, что все высшее военно-политическое руководство СССР точно знало, когда произойдет нападение, и потому готовилось заранее, но без излишней огласки.

Скажем даже более того. К этому времени, например, советская внешняя разведка сумела добыть в большом количестве данные не только о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР,

[292] Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 163; *Чугунов А.И.* Граница накануне войны. М., 1985. С. 147; *Кисловский Ю.Г.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 172.

но и в том числе об оперативных планах германского командования по разгрому Красной Армии. В этом успехе советской внешней разведки огромную роль сыграли члены легендарной «кембриджской пятерки»:

1. Джон Кернкросс, который с января по май 1941 г. передал советской разведке большое количество материалов о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР, которые поступали по различным каналам в английское правительство, прежде всего от британской разведки и Службы радиоперехвата в Блетчли-Парке[293].

2. Дональд Маклин, который в первой половине 1941 г. также информировал советскую разведку о подготовке Германии к нападению на СССР. Среди документов, которые он передал в этот период, особое место занимает сводка министерства экономической войны Англии, подготовленная для доклада военному кабинету Великобритании о неминуемом нападении Германии на СССР. **Именно в этой сводке содержались данные о военных приготовлениях Германии против СССР, в том числе и о ее оперативных планах по разгрому Красной Армии[294].**

3. Главная резидентура НКГБ СССР в Китае под руководством главного резидента Александра Семеновича Панюшкина не только своевременно информировала Центр об основных проблемах внешней и внутренней политики Китая, планах Японии и других стран, **но за полтора месяца до нападения нацистской Германии на СССР добыла и направила в Москву сведения о планах германского военного командования, в частности, об основных направлениях продвижения фашистских войск, полученных агентурным путем у военного атташе Берлина в Чунцине[295].**

Как при наличии таких данных (а ведь здесь приведена лишь мизерная часть четко установленной в основном по официально рассекреченным и преданным гласности архивным данным информации),

[293] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 182.
[294] Там же. Т. IV. М., 1999. С. 78.
[295] Там же. Т. IV. М., 1999. Приводится по Интернету — https://litvek.com/br/338755?p=136

тем более прошедших через руки лично самого Фитина, можно было выставлять Сталина в роли ничего не ведающего Фомы?! Ведь в этих последних трех абзацах была указана информация внешней разведки, а А.С. Панюшкин — так и вовсе был лично креатурой Сталина, чего Фитин не мог не знать.

Вот именно поэтому-то просто физически невозможно поверить в приведенную в воспоминаниях Фитина реакцию Сталина на донесение разведки. Да, он был очень непростым руководителем государства, быть может, в чем-то и ошибался (скорее всего, так и было), о чем, впрочем, не нам выносить окончательные вердикты о действиях и решениях такого титана, как Сталин, но вот чтобы он был — исходя из показанной в воспоминаниях Фитина реакции Сталина — в состоянии едва ли не полного неведения о том, что происходит, что вот-вот грянет агрессия Германии — извините, не поверю ни при каких обстоятельствах! Это просто абсолютно нереальное описание реакции Сталина — он, видите ли, произнес: «**Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?»** Такого в принципе не могло быть, потому как в противном случае получается, что он вообще не получал и не читал никаких сообщений разведки, дипломатов, докладов Генерального штаба и т.д. Но такое начисто исключено! Хотя бы, например, исходя из того же описания самого Фитина, который ясно указал, что на столе в кабинете Сталина стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки …

В-третьих, в этом описании встречи со Сталиным уважаемый Павел Михайлович, вежливо говоря, лихо загнул — агент «Старшина» не сообщал конкретной даты нападения, в анализируемом его сообщении, в том числе и в направленном Сталину тексте сообщения, нет такого указания. Не знать этого Павел Михайлович не мог, как, впрочем, и забыть тоже не мог. У разведчиков профессиональная память устроена так, что все данные, связанные с его деятельностью, они помнят до самой последней секунды своей жизни. Тем более данные, связанные с их деятельностью на крутых переломах в истории Родины.

Но как бы там ни было, согласно воспоминаниям Фитина, с уст Сталина якобы слетело слово «дезинформация». А, как известно, сло-

во не воробей — вылетело, не поймаешь. Хотя, откровенно говоря, до сих пор абсолютно непонятно, к чему конкретно относился этот вердикт Сталина, если, конечно, он имел место быть. Ко всей ли представленной ему в упомянутом сообщении информации или же только к данным, например, о первоочередной бомбардировке московских авторемонтных мастерских — увы, уже никогда не установить с абсолютной точностью. Как, впрочем, теперь уже невозможно установить, действительно ли Сталин озвучил такой вердикт, основания для сомнения в чем есть, причем немалые и веские...

Вот именно в этот факт — за пять дней до нападения Германии с уст Сталина вроде как слетел вердикт «дезинформация» в адрес разведывательной информации — фальсификаторы и вцепились, как голодные псы в случайно обнаруженную кость. Потому что именно это обстоятельство позволяло развить фальсификацию до уровня документальной. Что и было ими сделано.

Но фальсификаторы прекрасно понимали, что вот так, запросто, ввести документальную фальшивку в исторический оборот невозможно. Нужно подготовить научно-историческое сообщество, да и общество в целом, к восприятию фальшивки уже в виде документального варианта как априори факта, то есть факта, не требующего дополнительных доказательств.

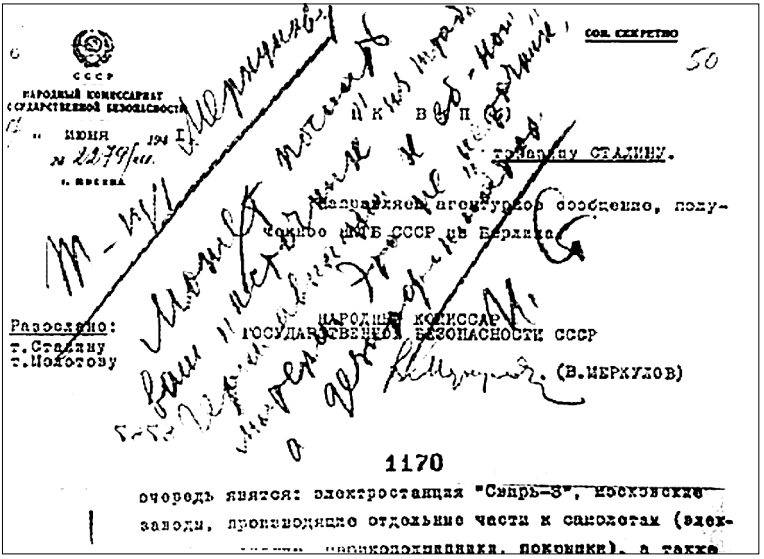
Именно поэтому на данном этапе якобы начертанная рукой Сталина матерная резолюция впервые была показана только как цитирование резолюции с сопроводительного письма, которое само-то не было приведено, хотя бы в аналогичном основному сообщению виде. И все это мелким шрифтом было локализовано в сноске на стр. 221 № 4 за 1990 г. журнала «Известия ЦК КПСС», что уже само по себе не может не вызвать подозрение. Ведь если она была бы реальной, так ведь это же могло стать сенсацией громадного значения, и ее надо было бы показывать не в разделе сносок и примечаний, а, как говорится, в основном тексте.

После этого достаточно длительное время сохранялась пауза, причем по объективным причинам — ведь стараниями нобелевского комбайнера, его камарильи предателей и банды во главе с Ельциным

рухнул Советский Союз. Тут уж хочешь не хочешь, но без паузы обойтись было невозможно. Пришлось ждать очередного удобного случая для ввода в оборот самой документально оформленной фальшивки.

Таким следующим удобным случаем фальсификаторам представлялось 50-летие Великой Победы. По этому случаю на Поклонной горе поставили стелу с богиней Никой (производства небезызвестного художника и скульптора Церетели), которую в народе до сих пор называют булавкой с букашкой на игле, а также был открыт новый музей, который начал свою деятельность с организации крупномасштабной выставки документов и различных артефактов периода войны.

Именно на этой выставке документально оформленная фальшивка впервые была предъявлена на всеобщее обозрение. Автор этих строк собственными глазами видел ее на выставке.


СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
сов. секретно
50
ВКП (б)
товарищу СТАЛИНУ.
Разослано:
т. Сталину
т. Молотову
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
(В. МЕРКУЛОВ)
1170

Правда, предъявить-то предъявили, но никаких координат архивного хранения не показали — видать, в тот период еще не придумали, в какой конкретно архив запихнуть эту фальшивку.

Именно с этого момента и стали проявляться в достаточном для разоблачения количестве такие детали и нюансы, которые, будучи собранными воедино, что, собственно говоря, и сделал автор этих строк, ясно и четко показывают, что это фальшивка, подлая, грязная фальшивка.

К 50-летию Славной Победы, в 1995 г., из печати вышел подготовленный ФСБ в содружестве с «Мосгорархивом» ныне хорошо известный многим интересующимся историей сборник **«Секреты Гитлера на столе у Сталина»** (М., 1995), на стр. **161—163** которого приведены оба документа, то есть и сопроводительное письмо, и само сообщение. Четко указаны координаты архивного хранения — «**ЦА ФСБ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1914—1916. Заверенная копия». Однако никакой матерной резолюции там нет!** Вместо этого там глухая ссылка на **«Известия ЦК КПСС»** в следующем виде **— «Опубл.: Известия ЦК КПСС, 1990, № 4. С. 221».**

Что называется, картина маслом — **не ждали, но приплыли**! В 1989 г. **«из архивов госбезопасности»,** в 1990 г. **«из архивов партии»,** а в подготовленной двумя ведущими спецслужбами государства официальной публикации нет даже и тени намека, что была какая-то резолюция, только глухая ссылка на «Известия ЦК КПСС», причем без малейшего объяснения, на кой черт она вообще фигурирует в таком сборнике.

Но вот что интересно. В самом начале этого сборника, на титульном листе, прямо указано, что **«в сборнике практически впервые в таком объеме и разнообразии собраны документы внешней разведки, контрразведки, территориальных органов безопасности и пограничной службы СССР, отражающие информационную работу разведки в предвоенный период»,** а на **стр. 18** есть специальная оговорка, поясняющая, как происходила публикация документов: **«Как правило, текст документов воспроизводится полностью. Купюры обозначены отточиями в квадратных скобках. Очевидные погрешности текста (опечатки, пропуски букв) исправлены без оговорок. Восполнения недостающих элементов слов даются**

в квадратных скобках. Тексты документов печатаются по правилам современной орфографии».

Но это еще не все. Представленные в сборнике копии анализируемых документов, прежде всего непосредственно самого сопроводительного письма, четко показывают, что публикация в «Известиях ЦК КПСС» уже была, вежливо говоря, фальшивой, потому как не был указан третий адрес — Л.П. Берия. Публикация архивных документов требует, даже если не приводится его фотокопия, четкого указания всех без исключения адресатов, атрибутов и пометок. Манипуляторы же из «Известий ЦК КПСС», руководствуясь указаниями Яковлева, нагло пренебрегли этим элементарным требованием и Л.П. Берию как адресат не указали. **Уже прокол, очередной...**

В примечании к этим документам под № **120 (стр. 232—233)** говорится: **«Ознакомившись с агентурным сообщением, Сталин в тот же день вызвал к себе народного комиссара госбезопасности В.Н. Меркулова и начальника внешней разведки П.М. Фитина. Беседа велась преимущественно с Фитиным. Сталина интересовали мельчайшие подробности об источниках. Фитину казалось, что он полно и точно рассказал о Корсиканце и Старшине и объяснил, почему разведка им доверяет. Сталин заметил: "Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне". Результатом приказания Сталина явился документ, подготовленный 20 июня 1941 г. внешней разведкой и известный как "Календарь сообщений Корсиканца и Старшины с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.". В нем были собраны все основные донесения, предупреждавшие о предстоящей войне, с указанием, от кого и когда получили информаторы эти сведения. Но 22 июня "Календарь", побывав в руках у Меркулова, был возвращен Фитиным начальнику немецкого отделения разведки П.М. Журавлеву с резолюцией: "Журавлеву. Имейте у себя. П.Ф. 22.VI."».**

В примечании под **№ 121** и того проще указано: **«За пять дней до начала Великой Отечественной войны внешняя разведка получила достоверные данные о намерении Германии с минуты на ми-**

нуту напасть на СССР. Подобная информация, конечно, не могла пройти незамеченной».

Вот где тут матерная резолюция или заявление Сталина о том, что представленные сведения являются дезинформацией, а агент — «дезинформатор»?!

Не могу не напомнить, что публикация осуществлялась в 1995 г., когда в России еще царила атмосфера шизофренического антисоветизма и антисталинизма и очень многие, кому было не лень, соревновались лишь в одном упражнении — кто больше грязи выльет на Советы и на Сталина. И тем не менее в этой публикации профессионалы ФСБ, СВР и Мосгорархива ничего подобного не допустили. Показанная ими реакция Сталина вполне естественная и объективная — любой ответственный руководитель государства поступил бы на его месте точно так же, ибо в вопросах войны и мира нужна абсолютная точность, так как малейшая оплошность или неточность могут привести к крайне негативным последствиям.

И еще об одном проколе фальсификаторов. Согласно опубликованной на страницах сборника **«Секреты Гитлера на столе у Сталина»** копии сопроводительного письма, там присутствует не только третий адресат — Л.П. Берия, но и указание в следующем виде: **«Основание: сообщение Старшины и Корсиканца № 4261 и № 4262 от 16.VI.41 г.».** Однако на представленном фальсификаторами на выставке варианте сопроводительного письма такого указания нет! **Прокол, в который уже раз... Да и рассылка документа показана как примечание, и то только двум адресатам — Сталину и Молотову, хотя должно было быть трем адресатам.**

Если бы матерная резолюция действительно имела место быть еще тогда, **17 июня 1941 г.,** то, по крайней мере, о ней сообщили бы составители «**Очерков Истории Российской Внешней Разведки». Третий том** очерков, где говорится об этом сообщении «Старшины», вышел в свет в 1997 г., но и в этом, вышедшем под редакцией директора СВР РФ, к сожалению, ныне покойного академика Е.М. Примакова, солидном издании также нет даже иллюзорной тени намека на матерную резолюцию. А ведь и тогда, как и в 1995 г., никто и ничто

не могло помешать публикации матерной резолюции, но ее ведь там нет.

Тем не менее фальсификаторы не унимались — им же надо было довести дело до конца, то есть укоренить заявленную ими подлую и грязную фальшивку как объективно существующий исторический факт, который документально зафиксирован в соответствующем авторитетном архиве.

Выдержав фактически трехлетнюю паузу после выхода в свет сборника **«Секреты Гитлера на столе у Сталина»** и по факту спустя восемь лет после первой публичной засветки якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюции в **«Известиях ЦК КПСС»,** фальшивку с гордым видом преподнесли под **№ 570** со страниц **382—383** второго тома известной публикации под названием **«1941 год. В 2-х книгах»** (М., 1998), более известной среди историков и всех, кто интересуется историей войны, под прозвищем **«Малиновка»** (из-за цвета обложки этих двух фолиантов), издателем которой был некий Международный фонд «Демократия», причем в выходных данных было прямо указано, что сие произведение вышло в свет под общей редакцией академика А.Н. Яковлева (на излете СССР он умудрился стать еще и академиком АН СССР), а в готовивший оба фолианта к изданию редакционный совет входили такие одиозные и поныне крайне негативно воспринимаемые и в обществе, и в трезвомыслящей части научно-исторического сообщества личности, как сам А.Н. Яковлев в статусе председателя, Е.Т. Гайдар, В.П. Наумов, Р.Г. Пихоя, А.Н. Сахаров, С.А. Филатов, А.О. Чубарьян, В.Б. Юмашев и некоторые другие.

«Естественно», что вся эта братва из ОПИГ (организованной политико-исторической группировки) не мудрствуя лукаво, выражаясь языком великого Аркадия Райкина, «пришпандорила» документально оформленной фальшивке архивный номер — **Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Лл. 50—52.** Естественно, что была процитирована и сама якобы начертанная рукой Сталина резолюция **— «Т[овари]щу Меркулову. Может послать ваш “источник” из штаба герм[анской] авиации к еб-ной**

матери. Это не "источник", а дезинформатор. И. Ст[алин]». И вот что характерно для этой выходки фальсификаторов — сразу после цитирования этой якобы начертанной рукой Сталина резолюции поставили слово **«Подлинник»,** хотя по всем правилам цитирования архивных документов этот термин должен быть применен только по отношению к самому публикуемому архивному документу. Проще говоря, проделав эту нехитрую манипуляцию, фальсификаторы фактически ненавязчиво создали впечатление, что подлинником является также и факт резолюции, и тем более ее содержание! Вот же жулье из международного фонда «Демократии»! Видать, прав был великий Альфред Нобель, премии имени которого каждый год раздают — **«демократия — это господство подонков»!**

Вот так и появилось это самое архивное откровение аж из Архива самого, понимаете ли, Президента РФ!

Еще раз обращаю внимание на то, что описанная выше технология — это традиционная «технология» введения в исторический документооборот фальшивок при одновременном окончательном сокрытии выводящих напрямую к первоисточнику того или иного факта концов. Проще говоря, все концы в воду или, если точнее, в недра такого архива, куда просто попасть — и то колоссальная проблема.

Общественную психологию, а по-простому — психологию обывателя — мошенники-фальсификаторы прекрасно знали и знают. Прежде всего то, что, **во-первых,** в обстановке не прекращающихся особо злобных критических нападок на Сталина обыватель, образно говоря, все «схавает». А, **во-вторых,** обыватель смотрит прежде всего, увы, на обертку, в данном случае на громкое название — **Архив Президента РФ!** Да и другой расчет у них был тоже верный — все, что связано со Сталиным, интересует буквально всех. Но разве головы обывателей посетит простенькая мысль о том, **что высокое название и не менее высокий статус учреждения отнюдь не 100-процентная гарантия того, что это не фальшивка?!** Между прочим, пресловутый А.Н. Яковлев, под патронажем фонда которого и стряпалась **«Малиновка»** (и не только этот сборник), до самой своей смерти имел воз-

можность прямого контроля над всеми основными архивами Российской Федерации. Но кто сейчас помнит об этом...

Короче говоря, с той поры фальшивка, как отпетая девица «с резко пониженной социальной ответственностью», вовсю загуляла по всем историческим весям. Хуже того. Везде и кем не попадя цитируется в статусе некоего якобы безусловного доказательства того, что-де вследствие своей якобы параноидальной (чего не было и в помине) подозрительности Сталин настолько никому и ничему не верил, что данные разведки воспринимал лишь матерно.

Но фальсификаторы все равно не унимались, причем по той простой причине, что у них по-прежнему не было ни малейшей зацепки для подтверждения такой фальшивки. И вот в 1999 г. выходит **четвертый том «Очерков Истории Российской Внешней Разведки»,** в котором публикуются процитированные выше вроде как собственноручно написанные Павлом Михайловичем Фитиным воспоминания, которые он подготовил в 1970 г. к 50-летию советской внешней разведки. И только тогда у фальшивки появилось некое подтверждение в виде упоминания в воспоминаниях Фитина, что с уст Сталина вроде как слетел вердикт — **«Дезинформация».**

Но удивительное, как всегда, рядом. В третьем томе ни о матерной резолюции, ни о резкой оценке Сталина ничего нет, как, впрочем, до этого и в сборнике «Секреты Гитлера на столе у Сталина» тоже ничего нет, напротив, показана абсолютно нормальная и объективная реакция ответственного руководителя государства, а в четвертом томе вдруг откуда ни возьмись появляется крайне резкая оценка Сталиным доложенной ему разведывательной информации, причем в воспоминаниях лично Павла Михайловича Фитина, который умер еще 24 декабря 1971 г., а письменные воспоминания подготовил еще в 1970 году?! А что, при подготовке третьего тома редакционная коллегия этого специфического издания ничего не знала о том, что Фитин в свое время подготовил письменные воспоминания?!

Но заметьте при этом, что даже в четвертом томе никакого упоминания о какой бы то ни было матерной резолюции в вос-

поминаниях Фитина все равно нет, есть только констатация вроде как устно прозвучавшей резкой оценки Сталина. Волей-неволей на память приходит известная пословица, относящаяся к известному изобретению китайцев, которое обладает способностью все стерпеть…

Короче говоря, как так получилось у составителей этого специфического издания — не знаю и даже предположить что-либо и то не могу…

Поразительно, но факт, что к моменту выхода из печати четвертого тома «Очерков Истории Российской Внешней Разведки» на свет божий появились мемуары еще трех экс-разведчиков той поры, которые имели прямое отношение к деятельности германского отделения советской внешней разведки и дружили с П.М. Фитиным. Поразительно именно в том смысле, что описание одного и того же события лицами, имевшими непосредственное отношение к работе германского отделения советской внешней разведки и лично к Фитину, сильно разнятся.

1. В 1996 г. в свет вышли мемуары генерал-майора разведки Е.Т. Синицына под названием **«Резидент свидетельствует». Е.Т. Синицын был личным другом П.М. Фитина.** Возвратившись после начала войны из загранкомандировки, он встретился с Фитиным, который и рассказал ему о визите к Сталину и что там тогда произошло. Десятилетия спустя Синицын изложил ту беседу с Фитиным, подробно описав — со слов Фитина же! — спокойный, деловой тон разговора Сталина, интересовавшегося различными деталями информаций и их источниками, а также его окончательный вердикт, обращенный к Меркулову: **«Перепроверьте все сведения и доложите»**[296].

Проще говоря, опубликованное Синицыным описание той встречи Меркулова и Фитина со Сталиным, сделанное им со слов самого Фитина, вовсе не свидетельствует о каком бы то ни было пренебрежительном отношении Иосифа Виссарионовича к разведывательной информации. Напротив, показан характерный для Сталина деловой

[296] *Синицын Е.Т.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 132—133.

тон разговора, его интерес к различным деталям и нюансам, а окончательный вердикт в этом изложении — доказательство адекватной реакции ответственного руководителя государства на тревожную разведывательную информацию.

И, заметьте, нет даже тени глухого намека на какую бы то ни было письменную, тем более матерную резолюцию Сталина!

2. В 1997 г. и 1998 г. были опубликованы мемуары легендарной советской разведчицы Зои Ивановны Воскресенской/Рыбкиной, причем под разными названиями — соответственно **«Под псевдонимом Ирина. Записки разведчицы»** и **«Тайна Зои Воскресенской//Теперь я могу сказать правду»,** — да к тому же в разных издательствах. Но в обоих случаях описание одного и того же интересующего нас факта идентично: «Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны. 17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов "Старшины" и "Корсиканца" с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало: "Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время". Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года. Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник Главного разведывательного управления Павел Михайлович Фитин повез лично Хозяину — И.В. Сталину.

Трудно передать, в каком состоянии мы — члены группы ждали возвращения Фитина из Кремля. Но вот Фитин вызвал к себе Журавлева и меня. Наш обзор мы увидели у него в руках. Фитин достаточно выразительно бросил **сброшюрованный документ** на журнальный столик Журавлеву.

— Хозяину доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул его мне. **"Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь".**

— Еще раз перепроверьте и доложите, — приказал Фитин Журавлеву.

Недоумевающие, ошарашенные, мы вернулись в кабинет Павла Матвеевича. Мы не могли понять реакции Сталина. Как и бывает в таких случаях, снова и снова принимались все взвешивать и разбирать. Наконец Павел Матвеевич высказал предположение:

— Сталину с его колокольни виднее. Помимо нашей разведки он располагает данными разведки военной, докладами послов и посланников, торговых представительств, журналистов.

— Да, ему виднее… — согласилась я, — но это значит, что нашей годами проверенной агентуре нельзя верить.

— Поживем — увидим, — как-то мрачно заключил Павел Матвеевич»[297].

Но вот что вызывает, вежливо говоря, некоторое недоумение:

во-первых, работу над рукописью своих мемуаров легендарная разведчица завершила в 1991 г. в Переделкино, из жизни Зоя Ивановна ушла 8 января 1992 г., причем еще за полгода до смерти стала серьезно готовиться к уходу в иной мир. Следовательно, в целом рукопись была готова где-то к середине 1991 г., максимум к началу осени 1991 г. А вот опубликованы они были лишь в 1997 и 1998 гг. Не имея ни в малейшей степени даже тени намека на какое бы то ни было желание бросить даже иллюзорную тень каких бы то ни было подозрений или сомнений в чей бы то ни было адрес, не могу в то же время не обратить внимания на то, что уж больно солидный промежуток времени разделяет момент окончания работы над рукописью и временем публикации…

Во-вторых, и сразу же, в-третьих. Если исходить из приведенного выше описания Зои Ивановны Воскресенской/Рыбкиной, то получается, что Фитин отправился на доклад к Сталину с каким-то объемистым документом — ведь она же описала момент возвращения Фитина так — «Фитин достаточно выразительно бросил **сброшюрованный документ** на журнальный столик Журавлеву». До этого во всех описаниях речь шла только о том, что Сталину докладывался якобы только один документ — «Сообщение из Берлина»,

[297] В данном случае цитируется по: «Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду». М., 1998. С. 13.

составленное по агентурным сообщениям «Старшины» и «Корсиканца». А это всего лишь один лист. Сброшюровать же можно несколько листов, начиная как минимум с трех листов. Следовательно, получается, что Сталину докладывался какой-то аналитический документ как минимум на нескольких страницах, а не только одностраничное сообщение из Берлина. Да, собственно говоря, и из текста опубликованных мемуаров разведчицы вытекает, что это был какой-доклад (по словам Фитина), а по словам Зои Ивановны — то ли аналитическая записка, то ли обзор, однако ни название этого документа, ни тем более его содержание, если так оно и было на самом деле, — неизвестны и теперь уже никогда не установить. Как, впрочем, не понять и другого. В те времена во внешней разведке еще не возникла постоянная практика подготовки для Сталина аналитических сообщений. Не было такой практики даже эпизодически. Напротив, в то время Сталин требовал докладывать ему разведывательную информацию только в необработанном виде, естественным образом допускался лишь перевод на русский язык. Это ясно видно по всем ныне рассекреченным и опубликованным документам внешней разведки и контрразведки. Но в таком случае автоматически возникает вопрос — что за обзор, доклад (или аналитическая записка) был подготовлен в разведке для состоявшегося 17 июня 1941 г. визита Фитина к Сталину, а самое главное, зачем, если прекрасно знали, что в то время Иосиф Виссарионович требовал совсем иной формы подачи разведывательной информации. В то время нарушать установленные лично Сталиным правила никто не осмеливался, тем более руководящий состав Лубянки.

Некоторое недоумение, о котором было сказано выше, вызывает, вежливо говоря, и то обстоятельство, что не могла, ну никак не могла легендарная разведчица, сохранявшая абсолютную ясность ума и памяти до последних дней своей жизни, забыть тех правил 1941 года.

В-четвертых, не меньшее недоумение вызывает и другая часть описания возвращения Фитина на Лубянку: «Фитин достаточно выразительно бросил **сброшюрованный документ** на журнальный столик Журавлеву.

— Хозяину доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул его мне. **“Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь”».**

Практически все, кто знал Павла Михайловича Фитина, безоговорочно подтверждают, что он был очень вежливым, очень выдержанным и тактичным руководителем, не позволявшим себе резкости в отношении подчиненных. А тут **«достаточно выразительно бросил сброшюрованный документ на журнальный столик»?!** Честно говоря, как-то не вяжется с его образом, сформированным на основе и личных воспоминаний старых чекистов-разведчиков, которые автор этих строк имел честь слушать еще на заре своей оперативной деятельности, и на базе мемуаров, о которых сейчас идет речь.

Но ладно бы только это. Тут ведь приведена также совсем иная реакция Сталина на доложенную руководителем разведки информацию, причем, судя по всему, не только и даже не столько в отношении сообщения из Берлина, сколько на тот самый то ли доклад, то ли обзор, то ли и вовсе какую-то аналитическую записку. И сама реакция Сталина текстуально достаточно серьезно отличается от того, что собственноручно указал в своих воспоминаниях Павел Михайлович Фитин. Там вердикт Сталина прозвучал как **«Дезинформация! Можете быть свободны»,** а тут **«Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».** Да к тому же еще и швырнул Фитину принесенный им для доклада Сталину некий сброшюрованный документ.

И в это тоже трудно поверить. О выдержке Сталина в любых обстоятельствах до сих пор ходят легенды. Да к тому же не было у него привычки швырять документы своим визитерам, даже если и документ ему не понравился, и визитер был не по душе. Ни в одних мемуарах не встречал ничего подобного о Сталине.

Короче говоря, странное это описание по ряду своих обозначенных выше параметров, потому и вызывает, вежливо говоря, некоторое недоумение.

Но, опять же, заметьте, что и в этом описании тоже нет даже тени глухого намека на какую бы то ни было письменную, тем более матерную резолюцию Сталина!

3. Несколько особняком в исследуемой истории стоят мемуары **также** покойного ныне широко известного аса советской разведки П.А. Судоплатова, лично курировавшего в статусе заместителя начальника разведки деятельность германского отделения. Речь идет о двух прижизненных изданиях его мемуаров — **«Разведка и Кремль»** (М., 1996) и **«Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы»** (М., 1996). Но и его описание этой истории вызывает, по крайней мере и вежливо говоря, некоторое недоумение.

Во-первых, в опубликованных на русском языке только в 1994 г. мемуарах Судоплатову удалось ошибиться с датой документа, поскольку он указал 16 июня вместо фигурирующей на документе даты 17 июня 1941 г. (дата подтверждена публикациями ФСБ и СВР)?! Ладно, это можно списать за давностью лет.

Во-вторых, Судоплатов почему-то назвал представленный Сталину документ **«докладом Меркулова».** Между тем искусственно развязанный фальсификаторами сыр-бор крутится вокруг всего лишь одного документа — сообщения из Берлина, которое было подписано П.М. Фитиным. Меркулов же подписал только сопроводительное письмо. Разница очевидна, к тому же принципиальная, не знать и не понимать которую Судоплатов не мог, поскольку до конца жизни сохранял и ясную память, и здравый ум.

В-третьих, поразительно, но факт, что на **стр. 139** мемуаров под названием **«Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» (М., 1996)** Судоплатов глухо и вскользь упомянул о неких грубых пометках Сталина, а уже на стр. **140—141** той же самой книги — между прочим, всего-то на другой стороне страницы! — указал совершенно иное: **«…Ясно помню последние предвоенные дни… 16 июня из Кремля вернулись Фитин и Меркулов, народный комиссар госбезопасности — оба чем-то встревоженные. Фитин тут же вызвал меня и Мельникова, своего заместителя по Дальнему Востоку, и сказал, что Хозяин (так между собой мы называли**

Сталина) нашел его доклад противоречивым и приказал подготовить более убедительное заключение по всей разведывательной информации, касавшейся вопроса о возможном начале войны с Германией».

Но если ясно помнишь тот самый день, хотя на самом деле он откровенно перепутал даты, что, подчеркиваю, можно списать за давностью лет и не обращать внимания, то откуда же генерал-лейтенант разведки в отставке взял факт якобы неких грубых пометок Сталина, о которых глухо и вскользь упомянул, если, исходя из только что приведенного описания, ясно вытекает, что Фитин возвратил им тот самый документ, который Судоплатов назвал докладом, а, следовательно, он должен был бы воочию увидеть эти грубые пометки, а со страниц своих мемуаров подать их как уникальную сенсацию. **Между тем само только что процитированное им же приведенное описание еще раз ясно свидетельствует, что и здесь тоже нет даже тени глухого намека на какую бы то ни было письменную, тем более матерную резолюцию Сталина! Потому как глухое упоминание о якобы имевших место неких грубых пометках приведено Судоплатовым в другой части текста, причем в сопровождении каких-то его личных рассуждений на политические темы со странной привязкой к «докладу Меркулова», что в очередной раз свидетельствует о том, что он что-то напутал — Меркулов, подчеркиваю это еще раз, подписал только сопроводительное письмо, а само сообщение по информации двух агентов подписал Фитин.**

Тогда откуда же взялось это глухое упоминание о неких якобы грубых пометках Сталина — ведь получилось-то, что со страниц своих мемуаров Судоплатов высек себя, как та самая унтерофицерская вдова?! На одной странице так, а на обороте той же страницы — совсем иначе, да еще с указанием, что ясно помнил тот день!?

Едва ли опытный разведчик, в течение нескольких лет лихо водивший за нос следствие, сам бы себя высек, как та самая унтерофицерская вдова. Тут надо иметь в виду, что его мемуары состав-

ляли и готовили к печати некие «литературные негры» в лице некой семейной пары эмигрантов-журналистов. Отчего, собственно говоря, наиболее рационально будет использование кавычек применительно к слову мемуары, то есть вот так — **«мемуары Судоплатова».** А вот в отношении «литературных негров» вполне резонно и обоснованно можно даже категорически утверждать, что они то ли знали об упомянутой выше публикации в «Известиях ЦК КПСС» с приведением якобы начертанной рукой Сталина матерной резолюцией, что мало вероятно, то ли, что скорее всего и имело место быть, краем уха слышали о чем-то похожем, но, поскольку самого журнала «Известия ЦК КПСС» не видели, ограничились лишь глухим упоминанием о неких грубых пометках Сталина якобы на докладе Меркулова. Если бы точно видели эту публикацию в «Известиях ЦК КПСС», то обязательно процитировали бы ее, так как «мемуары Судоплатова» первоначально готовились для издания за рубежом, а для зарубежных издателей и читателей такая «резолюция» самого Сталина была бы как манна небесная — сам «дядюшка Джо» по матушке послал донесение разведки! Уж такую сенсацию никто из них не пропустил бы! Вот, собственно говоря, и все объяснение по данному поводу.

Вот такая ситуация сложилась к концу 90-х гг. прошлого века, но именно с этого момента анализируемую фальшивку стали использовать уже везде, где только можно. Из наиболее одиозных случаев использования этой фальшивки:

1. 20 апреля 2015 года тогда директор Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) доктор исторических наук С.В. Мироненко — тот самый, что входил в состав редакционного совета двухтомного издания «1941 год»/«Малиновка», — дал интервью кореспонденту газеты «Коммерсант» Виктору Хамраеву, в котором еще раз «затвердил» якобы подлинное архивное происхождение этой фальшивки. И вот как он это проделал, отвечая на вопрос корреспондента: «…в 1998 г. был издан двухтомник “1941” (“Малиновка”)? в котором эта матерная резолюция представлена: ...АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Лл. 50—52. Имеется резолюция: **“Т[овари]щу Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм[анской] авиации к еб-**

ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст[алин]”. Подлинник»[298].

Кстати говоря, Мироненко не был бы Мироненко, если бы не навешал корреспонденту, а заодно и читателям лапшу на уши. Дело в том, что в процессе интервью он произнес, что **«нарком назвал дату** (нападения Германии. — *А.М.*), **сославшись на сообщение информатора — нашего агента в штабе люфтваффе»,** чего в сообщении этого источника не было и в помине! А чего следовало ожидать от подручного Яковлева?!

А в целом же следует отметить, что, как доктор исторических наук, Мироненко крайне ангажирован политически и потому всегда вызывает серьезнейшие сомнения в собственном профессионализме. Более того. Он давно прославился тем, что на пустом месте постоянно и сознательно, умышленно городит всевозможные, политически крайне ангажированные «рассказы», которые всякий раз вызывают крайне резкое отторжение в обществе, и только либеральные ублюдки и прочая дерьмократическая шваль все время его цитируют. Потому как он им мил своим умопомрачительно зоологическим антисталинизмом. Тому, кто хочет более глубоко понять, что это за тип историка Сергей Владимирович Мироненко, рекомендую прекрасную статью одного из самых блестящих писателей и публицистов, увы, недавно покинувшего этот несовершенный мир, Владимира Бушина — **«Пустили козла в огород»,** которая была опубликована в **№ 36 за 2015 г. газеты «Завтра».** Кстати говоря, уважаемый В. Бушин, да будет ему пухом родная земля, которую он защищал с оружием в руках, от души прошелся и по упомянутому выше интервью Мироненко.

2. К 70-летию Великой Победы «Комсомольская правда» издала в 2015 г. огромный по формату и весу **(ТРИ КИЛОГРАММА!)** великолепно иллюстрированный сборник под названием **«Главные документы Великой Отечественной войны 1941—1945».** И туда тоже воткнули фото «сопроводиловки» с якобы начертанной рукой

[298] http://www.kommersant.ru/doc/2712788.

Сталина матерной резолюцией. Вот что должен делать обычный читатель, который столкнется с такой солидной в целом, великолепно иллюстрированной публикацией?!

А что уж говорить о всевозможных походя упоминаниях этой фальшивки в различных документальных фильмах, выступлениях якобы историков на различных форумах, их интервью, статьях и исследованиях, посвященных кануну войны или истории советской разведки?!

Однако в 2011 году неожиданно грянул гром, да еще какой. Правда, его не сразу услышали. В связи с 70-летием начала войны был издан ныне хорошо известный всем историкам и просто интересующимся историей начала войны сборник документов **«Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941»** (М., 2011), составителем которого явился ветеран СВР РФ генерал-майор Л.Ф. Соцков.

Суть грянувшего вследствие этой публикации грома ясно показана на **стр. 7: «Документы из архива СВР России публикуются без каких-либо изъятий, в том виде, как они отложились в оперативных делах. Если агентурные сообщения и подготовленная на их основе информация государственному руководству в чем-то разнятся, например, по причине некоторых сокращений, то помещены оба текста».**

В силу именно такой оговорки в сборнике «Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941» публикации копий архивных документов именно в этом сборнике есть все прямые, законные по всем параметрам основания рассматривать как эталонные.

Так вот в этом, закономерно воспринимаемом как эталон сборнике, на **стр. 455—457** приведены копии исследуемых документов. **Но к ним нет никаких ни сносок, ни примечаний, ни резолюций!** К ряду других, опубликованных в этом же сборнике документов, они есть, причем указаны также тексты резолюций и их авторы. **А вот к анализируемым документам, особенно к сопроводительному письму за подписью Меркулова от 17 июня**

1941 г., ни сносок, ни примечаний о каких бы то ни было резолюциях нет!

Более того. Хранящаяся **в архиве СВР РФ** копия анализируемого документа, опубликованная в сборнике «Агрессия…», безоговорочно свидетельствует о жутком, многоаспектном проколе фальсификаторов.

Во-первых, потому, что публикация в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** еще раз ясно показывает, что были указаны все три адресата — Сталин, Молотов и Берия, а на постоянно предъявляемой фотокопии якобы документа два адресата — Сталин и Молотов, и то — один указан как основной, но оба показаны в рассылке.

Во-вторых, потому, что публикация в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** ясно показывает, что адресаты указаны именно так, то есть именно в той очередности и в том виде, как это было изначально — именно в столбик:

ЦК ВКП(б) тов. Сталину
СНК СССР тов. Молотову
НКВД СССР тов. Берия

В-третьих, потому, что публикация в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** ясно показывает, что на подлинном первом экземпляре этого документа такого отдельного адресата, тем более в том виде, как это представлено на постоянно предъявляемой фотокопии — **«ЦК ВКП(б) товарищу Сталину.»** (абсолютно идентично такой неадекватный реалиям адресат указан также и в пресловутой «Малиновке») **нет!** Более того. Указанный на постоянно предъявляемой фотокопии этого документа адресат в виде —

«ЦК ВКП(б) товарищу Сталину.» —

не только не что иное, как откровенная фальсификация, но и ярчайшее доказательство того, что дата рождения постоянно предъявляемого в виде фотокопии якобы документа не 17 июня 1941 г., а самый конец 80-х — первая половина 90-х гг. прошлого столетия! Проще говоря, фальсификаторы попросту изготовили этот документ

заново, благо, и бланки Лубянки 40-х гг. еще сохранялись, да и специалисты по качественным подделкам никогда в СССР—России не переводились!..

В-четвертых, потому, что публикация в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** однозначно свидетельствует, что там нет такого указания о рассылке **«Разослано: т. Сталину т. Молотову»,** которое фигурирует на постоянно предъявляемой фотокопии якобы подлинной «сопроводиловки» за подписью Меркулова с «матерной резолюцией».

При сравнении этой эталонной публикации СВР с тем, что сотворили фальсификаторы в данном конкретном аспекте, невозможно не обратить внимания на очередной факт полной нелепости их фальшивки. Дело в том, что состряпанное ими указание о рассылке только двум адресатам, сделанное на представленной выше фотокопии с левой стороны на уровне названия должности отправителя, абсолютно не соответствует практике секретного делопроизводства на Лубянке. В практике секретного делопроизводства Лубянки отродясь не было такого, чтобы рассылку или, как это принято говорить там, разноску печатали бы на оригинале, то есть на первом экземпляре сопроводительного письма в адрес Инстанции, в данном случае Сталина. Тем более что указаны только два первых адресата. А куда подевался третий адресат — Л.П. Берия?!

В-пятых, потому, что в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** четко показано, что на подлинном оригинале документа присутствовало указание: **«Основание: сообщение Старшины и Корсиканца № 4261 и № 4262 от 16.VI.41 г.». А на постоянно предъявляемой фотокопии якобы подлинного документа такого указания нет!**

В-шестых, потому, что на постоянно предъявляемой фотокопии, которая представлена выше, расшифровка подписи Меркулова указана как «(**В. Меркулов**)», а на опубликованной в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** копии анализируемого документа расшифровка подписи Меркулова дана в таком виде — **«(Меркулов)»! Документ-то печатался под копирку, следователь-**

но, расшифровка его фамилии на разных экземплярах должна быть абсолютно одинаковой!

В-седьмых, потому, что на постоянно предъявляемой фотокопии якобы подлинного документа должность В.Н. Меркулова указана как **«Народный комиссар государственной безопасности СССР».** Формально вроде бы все правильно, но дьявол-то всегда кроется в деталях — на опубликованной в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия…»** копии анализируемого документа должность Меркулова указана как **«Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР».**

В-восьмых, потому, что сопроводительное письмо в исполнении фальсификаторов почему-то состряпано на бланке малого формата. Элементарный политес в документообороте между органами госбезопасности и Инстанцией и в те времена подразумевал использование бланков формата **А-4,** что могу подтвердить и собственным опытом работы в органах госбезопасности — при направлении информаций руководству государства для написания сопроводительного письма всегда использовались листы бумаги или специальные бланки формата **А-4.** Так было в КГБ СССР, так было и задолго до КГБ СССР.

В-девятых, потому, что непонятно, что должна была означать на использованном фальсификаторами малом бланке проставленная внизу цифра **1170, исполненная типографским способом? Она что, призвана свидетельствовать, что это номер страницы в архивном деле?!** Но в используемой фальсификаторами ссылке на Архив Президента указаны листы **50—52** (и на фотокопии видна исполненная карандашом цифра **50** в верхнем правом углу), но что это за номер в нижней части листа — **номер страницы «бланка» в каком-то деле?! Непонятно.**

В-десятых, потому, что не менее непонятно, что должны были означать на использованном фальсификаторами для стряпания сопроводительного письма бланке малого формата странные знаки — **«<8<8»?** В советские времена на бланке сопроводительного письма в Инстанцию и на прилагаемом к нему документе ни при каких об-

стоятельствах категорически не допускалось присутствие каких бы то ни было пометок, помарок или знаков!

В 2016 г. жизнь еще раз доказала, что не только удивительное, но и удивительно странное действительно всегда рядом с нами. В тот год известным журналистом и общественно-политическим деятелем, депутатом ГД РФ А.Е. Хинштейном были опубликованы **«Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти» — экс-председателя КГБ СССР и экс-руководителя ГРУ при Хрущёве генерала И.А. Серова**[299]. На одной из страниц этого тайного, найденного через четверть века после смерти его автора дневника необъяснимо «странным» образом «выплыло» более чем странное упоминание о якобы документе с якобы начертанной Сталиным матерной резолюцией (оно на самом деле настолько странное, что придется привести его полностью): «Я сразу рассказал наркому Меркулову о посещении границы и поведении немцев (**пояснение:** в мае 1941 г. Серов был откомандирован в Прибалтику для проведения спецопераций по линии НКГБ, в Москву возвратился примерно за месяц до начала войны, по крайней мере так получается, исходя из его же дневниковых записей. — *А.М.*). Он со свойственной ему выдержкой выслушал меня и сказал, что на днях было получено сообщение из Берлина от резидента, которому надежный агент сообщил, что Гитлер в мае или июне выступит войной против Советского Союза. Я сразу сказал ему: “Так надо донести в ЦК, надо и нам меры принимать”. На это мне Меркулов грустным голосом сказал: “Доносил”.

Я уже понял, что видимо там, в ЦК, не обратили внимания на это донесение. Затем Меркулов сказал, что от премьера Англии есть сообщение Сталину, что немцы на нас нападут, но просил об этом никому не говорить.

Читая эту запись своих воспоминаний, я должен уточнить и дополнить [её] следующими фактами, которые я узнал позже.

[299] *Серов И.А.* Записки из чемодана. М., 2016. С. 78.

В 1954 году [подчиненные], разбирая документы в Комитете государственной безопасности, мне доложили подлинную записку резидента из Берлина от 17 марта 1941 года, [которую] докладывал Меркулов Сталину*. Резидент доносил, что он встретился с проверенным агентом, данные которого не вызывают сомнения. Агент сообщил, что Гитлер готовит армию для нападения на Советский Союз и планирует начало наступления в мае или, в крайнем случае, в июне 1941 года.

Это донесение Меркулов (нарком госбезопасности) направил лично Сталину со всеми мерами предосторожности и соответствующей серией в собственные руки. В препроводительной записке было коротко сказано: "Направляю при этом донесение агента из Берлина. Дата — март 1941 г.".

Документ этот был возвращен обратно в НКГБ. На препроводительной было рукой т. Сталина написано: "Товарищу Меркулову. Пошлите этого агента к … матери", и подпись — "И. Сталин"**».

Так вот что тут особо странного? Начнем с простого. В том месте, где в тексте поставлена **одна звездочка,** А.Е. Хинштейн сделал сноску, в которой указал следующее: «**В другом варианте записок** Серов указывает, что речь идет о разговоре "на явке нашего сотрудника (полковника Короткова) с проверенным агентом"».

Прочитав такую сноску, любой вправе задать простой вопрос — **а какой вариант записок Серова можно считать достоверным и какой вариант его записок был преподнесен читателям? И какому же варианту верить, если вообще можно верить этому творению?!**

Что же до содержания этого примечания со ссылкой на самого Серова, то, увы, сие, если по-простому, то не пришей кобыле хвост, ибо такие (якобы) приведенные Серовым пояснения, — «**в другом варианте записок** Серов указывает, что речь идет о разговоре "на явке нашего сотрудника (полковника Короткова) с проверенным агентом"» — сотрудник резидентуры разведки обычно указывает отдельной телеграммой в порядке отчета о встрече с агентом с указанием всех обстоятельств этой встречи. Зачем это неуместное для дневника пояснение — увы, непонятно.

В том же месте, где проставлены **две звездочки,** Хинштейн сделал очередную, но требующую уже детального аналитического комментария сноску, в которой он написал следующее: «О том, что нацистская Германия готовит нападение на СССР, Сталину докладывали неоднократно. Та резолюция, о которой пишет Серов, была наложена на докладную записку Меркулова от 16 июня 1941 г. (не 17 марта!) с донесением советского источника, работавшего в штабе люфтваффе, Х. Шульце-Бойзена. Сталин написал: **"Товарищу Меркулову. Может, послать ваш "источник" из штаба германской авиации к е… матери. Это не "источник", а дезинформатор. И. Сталин". Подобным образом Сталин реагировал на все документы с аналогичными сообщениями.** (Цит. по: *Карпов В.* Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. Кн. 1. С. 211)»[300].

Не могу сразу же не выразить глубокого сожаления в связи с тем, что обладавший колоссальным опытом журналистских, в том числе и документальных, расследований журналист и по состоянию на 2016 г. уже весьма опытный общественно-политический деятель, депутат ГД РФ Александр Евсеевич Хинштейн привел сноску такого содержания без какой-либо проверки, да еще и сослался на писателя В.В. Карпова, который при жизни был не только известным писателем, но и, к глубочайшему сожалению, в последние полтора десятилетия своей жизни стал активным распространителем и пропагандистом нескольких чрезвычайно опасных фальшивок, а исключительно аргументированную и более чем доброжелательную критику в свой адрес по поводу распространения им таких фальшивок, в том числе и от крупнейших отечественных профессионалов архивного дела, воспринимал крайне уперто, едва ли не запредельно болезненно, абсолютно никак не реагируя и даже не пытаясь хоть что-то исправить, хотя ему неоднократно предлагали помощь в этом вопросе, чтобы обеспечить, как говорится, достойное сохранение лица и авторитета. Увы и ах — Карпов ни на что не реагировал. А что касается столь огульного заявления — **«Подобным образом Сталин реагировал на все доку-**

[300] *Серов И.А.* Записки из чемодана. М., 2016. С. 78.

менты с аналогичными сообщениями», — то оно вообще не от мира сего, ибо такого не было и в помине, иначе на более чем **400 донесениях** всех видов разведки, контрразведки и разведки погранвойск по поводу агрессивных приготовлений гитлеровской Германии, а также на огромном количестве аналогичного характера донесений дипломатов и журналистов были бы такие же резолюции. Зачем так поступил уважаемый А.Е. Хинштейн, да еще и со ссылкой на Карпова, понять более чем затруднительно. Ко всему прочему, Хинштейн, так же как и многие иные любители «лягнуть» Сталина, допустил характерную ошибку, назвав сопроводительное письмо за подписью Меркулова «докладной запиской Меркулова», да к тому же перепутал даты.

Ну да ладно, не это главное. Главное, **во-первых,** в том, что тогда, в 1941 г., было нарушено упомянутое выше действовавшее в те времена правило об уничтожении документов, возвращенных из Инстанции, что само по себе нонсенс. Тогда очень жестко соблюдали все инструкции, тем более по секретному делопроизводству. К слову сказать, непонятно также и то, что же Серов сделал с обнаруженным документом. Точнее, частично известно — сначала показал его своему покровителю Н.С. Хрущёву, который, по словам Серова, никак не отреагировал на такую сенсацию, что очень странно, ибо для зоологического антисталинизма пресловутого Никитки-Кузькина Мать такой документ был бы как манна небесная. Неизвестно, что дальше произошло — забрал ли Серов документ у Хрущёва обратно, если да, то приказал ли уничтожить его, или же оставил у Хрущёва, что уже нарушение правил секретного делопроизводства, и т.д. В общем, если честно, то конкретно в этом аспекте Серов намудрил так, что черт ногу сломит. А выяснить, что к чему, уже невозможно.

Во-вторых, Серов утверждал в своем дневнике, что Меркулов якобы докладывал Сталину подлинную записку резидента из Берлина. Но это полная чушь. Не гоже было председателю КГБ СССР, имевшему к тому времени немалый опыт работы в органах госбезопасности (с 1939 г.), письменно утверждать такую абракадабру. Ведь Сталину не докладывали подлинную записку резидента из Берлина, тем бо-

лее что никакой записки резидента из Берлина не было и в помине. Была срочная телеграмма с тревожной информацией от двух агентов берлинской резидентуры. Обобщенное же по донесениям двух агентов берлинской резидентуры сообщение для доклада Сталину подготовила лично Зоя Ивановна Воскресенская/Рыбкина, что четко зафиксировано на опубликованной в закономерно расцениваемом как эталон сборнике **«Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941»** копии анализируемого документа, на которой стоит прямое указание: «**Исполнитель: Рыбкина. 1 отделение 1 отдел 1 Упр. НКГБ СССР».** Меркулов же подписал только очень краткое сопроводительное письмо. **Вопрос: так что же «раскопали» подчиненные Серова в 1954 г., что конкретно он видел, что написал такую чушь?!**

В-третьих, по непонятной причине Серов датировал этот документ **17 марта 1941 г.,** что вообще не лезет ни в какие рамки. Как не относись лично к И.А. Серову, но он не был настолько тупым и безграмотным, — ведь Академию имени М.В. Фрунзе окончил, артиллеристом был, что автоматически означает высокую грамотность, — чтобы не знать и не понимать разницу между мартом и июнем. Во всех приведенных выше воспоминаниях разведчиков той поры, а также на самой фальшивке, являющейся практическим новоиспеченным либо под конец советской власти, либо в первый постсоветский период фальшивым документом с теми же основными атрибутами, что и оригинал 1941 г., указана дата направления сопроводительного письма вместе с приложением в лице «Сообщения из Берлина» — **17 июня 1941 г.** С какого потолка Серов взял дату **17 марта 1941 г.** — попробуй узнать спустя 30 лет со дня его смерти.

В-четвертых, якобы текст якобы имевшей место матерной резолюции Сталина в приведенном Серовым описании резко отличается от ныне циркулирующей, но не менее фальшивой версии прежде всего беспрецедентной безграмотностью, что крайне несвойственно для Сталина, отличавшегося в повседневной деятельности исключительной грамотностью устной и письменной русской речи. Там написано следующее: **«Товарищу Меркулову. Пошлите этого агента к … матери».**

Подобный оборот в письменной речи характерен для полуграмотной деревенщины, но никак не для Сталина, отличавшегося исключительно тонким знанием русского языка и умевшего беспрецедентно грамотно и красиво выражать свои мысли на русском языке, в том числе и письменно. К тому же адресат указан принципиально по-иному — **«Товарищу Меркулову.»,** в то время как в ныне циркулирующей, но не менее фальшивой версии адресат указан как **«Т-щу Меркулову».**

Кстати, о грамотности — удобный момент осуществить и краткий литературный анализ всех видов анализируемой фальшивки, хотя бы и в виде матерной резолюции. Ниже приводятся все известные на сегодня варианты, но без расшифровывающих слово полностью квадратных скобок, так как это уже современные проделки.

Вариант № 1. Указан в сноске на стр. 221 № 4 за 1990 г. журнала «Известия ЦК КПСС»:

«**Т-щу Меркулову**. **Может послать ваш “источник” из штаба Герм. авиации к е… матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.».**

Вариант № 2. Тот, что фигурирует в «Малиновке» и на постоянно предъявляемой фотокопии со ссылкой на **Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Лл. 50—52:**

«**Т-щу Меркулову**. **Может послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к еб… ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.».**

Вариант № 3. Озвучен доктором исторических наук С.В. Мироненко в одном из интервью в бытность директором ГАРФ:

«**Т-щу Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст. Подлинник».**

Вариант № 4 — Из дневника И.А. Серова:

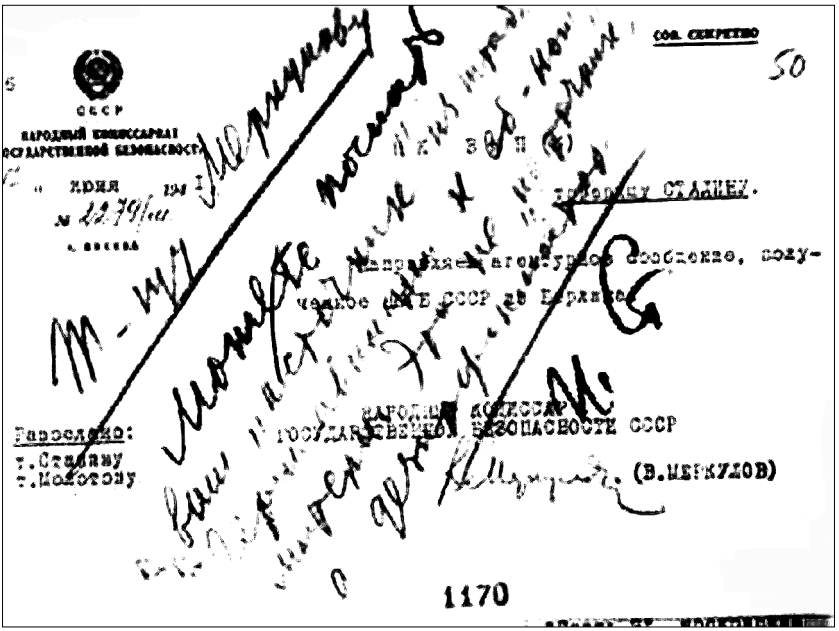
«Товарищу Меркулову. Пошлите этого агента к … матери”. И. Сталин».

Вариант № 5. Взят А.Е. Хинштейном из упомянутой выше книги В.В. Карпова с целью корректировки варианта И.А. Серова: **«Товарищу Меркулову. Может, послать ваш “источник” из штаба герман-**

ской авиации к е… матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Сталин».

Наличие уже пяти вариаций одного и того же якобы письменно зафиксированного факта — уже 100-процентная гарантия того, что речь идет о фальшивке!

В то же время нельзя не отметить, что возможности современного Интернета и полная безнаказанность на его просторах для всевозможных негодяев, подлецов и просто психически ненормальных людей позволяет вытворять практически что угодно, не опасаясь какого-либо возмездия. Так, один из идиотов-резунистов, проживающий в Киеве и почему-то позиционирующий себя под псевдонимом «Кейстут Свентовинтович Закорецкий», будучи и психически явно нездоровым (что уже давно заметили нормальные пользователи Интернета), и сверх всякой меры тщеславным и амбициозным по одной только ему известной причине разукрасил текст «резолюции», исполненный зеленым цветом, еще и красным, синим и фиолетовым цветами:



Конечно, в расчет это хулиганство явного сумасшедшего брать не стоит, но показать резон был.

Но вернемся к главному. К кому обращена якобы имевшая место резолюция? Правильно — к В.Н. Меркулову. Но **почему** в одних случаях указано «**Т-щу Меркулову**», а в других — «**Товарищу Меркулову**». Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание адресата должно быть одинаковым! Разве не так?!

Почему в одном случае адрес отправления к известной всей России «матушке» обозначен как **«к е … матери»,** а в других случаях как **«к еб… ной матери»** и еще в одном просто как **«к … матери»?** Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание адреса отправления должно быть одинаковым! Разве не так?!

Почему в одних случаях указано **«может послать»,** причем с вариацией через запятую после слова **«может»,** в другом случае **«можете послать»,** а в третьем и вовсе **«пошлите»?** Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание всего текста должно быть одинаковым! Разве не так?!

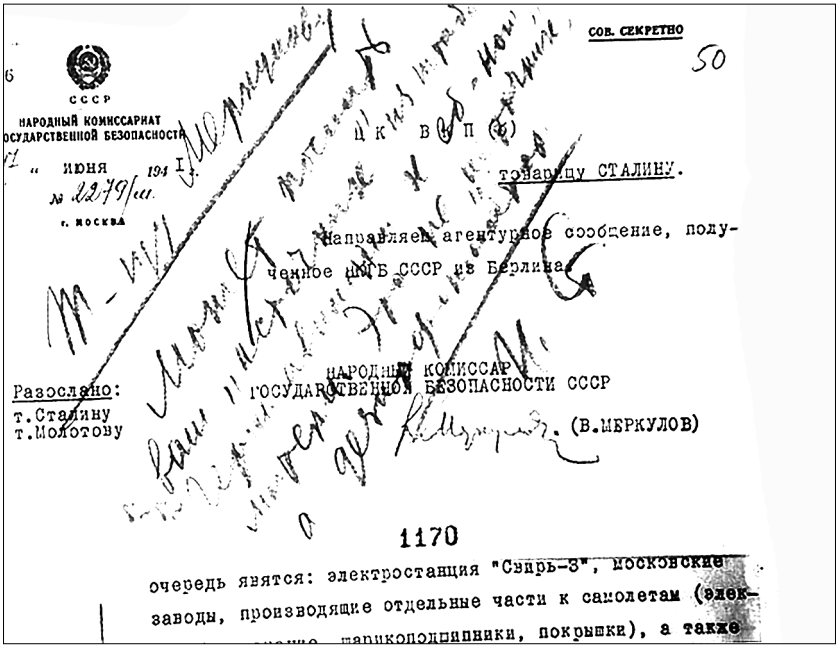
Почему в одних случаях фигурирует **«ваш “источник”»,** а в другом **— «этого агента»?** Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание всего текста должно быть одинаковым! Разве не так?!

Почему почти во всех случаях указано **«герм. авиации»,** а в одном — **«германской авиации»?** Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание всего текста должно быть одинаковым! Разве не так?!

Наконец, **почему** почти во всех случаях указано **«И. Ст.», а в одном — «И. Сталин»?** Ведь если, как утверждается, автор резолюции один и тот же, а сама она якобы факт, то и написание всего текста должно быть одинаковым! Разве не так?!

Все эти «почему» в сочетании с результатами выше приведенного тщательного анализа других параметров этой истории, включая и ее документальный аспект, ясно показывают, что вся эта история, в том числе и сама эта резолюция, — чистейшей воды фальшивка!

Ну а теперь, как говорится, настал черед контрольного выстрела. Проще говоря, остается сказать пару слов непосредственно о подписи В.Н. Меркулова на сопроводительном письме. Да, чисто юридически у автора настоящих строк нет права присваивать себе компетенцию специалиста-графолога, чего, собственно говоря, он и не намерен делать. Однако же никто не может лишить права просто показать образец подлинной подписи В.Н. Меркулова, взятый с подлинного архивного документа из архива ФСБ для сравнения с тем, что изображено на постоянно предъявляемой фотокопии якобы подлинного документа. Но сначала вновь взгляните на подпись В.Н. Меркулова на постоянно предъявляемой фотокопии якобы подлинного документа. Взглянули?!



СОВ. СЕКРЕТНО

50

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

„ июня 194 I.

№ 2279/м.

г. МОСКВА

Ц К В К П (б)

товарищу СТАЛИНУ.

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

(В.МЕРКУЛОВ)

Разослано:
т.Сталину
т.Молотову

1170

очередь явятся: электростанция "Свирь-3", московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (элек- ... шарикоподшипники, покрышки), а также

А теперь взгляните на образец действительно подлинной подписи Всеволода Николаевича Меркулова, взятой действительно с подлинного документа — приказа НКГБ СССР в связи с началом войны (**ЦА ФСБ. Ф. 12 ос. Оп. 3. Д. 4. Л. 241—242, 252—254**).

...8. Не ослаблять работы с агентурой, тщательно проверять полученные материалы, выявляя двурушников и предателей в составе агентурно-осведомительной сети.

Агентуру проинструктировать: в случае отхода наших войск оставаться на местах, проникать в глубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу.

9. Не реже двух раз в сутки информировать НКГБ СССР всеми доступными способами о положении дел на местах.

10. Решительно пресекать малейшие проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникеров и трусов.

Каждый сотрудник НКГБ должен проникнуть чувством огромной ответственности за дело, которое поручено ему партией и правительством Советского Союза.

Уверен, что органы НКГБ с честью выполнят свой долг перед Родиной.

Народный комиссар
государственной безопасности СССР

Меркулов Меркулов

Выписка из приказа Наркома госбезопасности СССР. 1941 год. Начало войны

Надо очень сильно умудриться, чтобы не заметить резко бросающейся в глаза разницы между тем, что состряпали фальсификаторы, и образцом подлинной подписи Меркулова. Тем более что по идее-то между этими двумя представленными выше образцами подписи Всеволода Николаевича Меркулова временной промежуток всего-то пять дней, если мысленно перенестись в июнь 1941 г.! Но разве за пять дней почерк и годами отшлифованный формат подписи руководящего работника может столь радикально измениться?!

Вот то-то и оно, что фальсификаторы и тут полностью прокололись! Забыли они простую, но очень мудрую народную пословицу: сколько веревочке не виться, а конец-то всегда настанет. Вот он и настал — в том числе и в результате контрольного выстрела!..

Так что не материл Сталин донесение разведки! У него вообще не было привычки материться, тем более письменно. Напротив, всю информацию разведки он внимательно изучал, в связи с чем приведу пример, ярко и убедительно подтверждающий это. В очень интересной книге **«Сталин о войне. Застольные речи. 1933—1945 гг.»** ее автор В. Невежин, цитируя ту часть мемуаров советского дипломата Н.В. Новикова, в которой описывается момент застольной беседы между Сталиным и членами югославской делегации после подписания 6 апреля 1941 г. советско-югославского договора о дружбе и ненападении, приводит фактически уникальный пример:

— А если они нападут на нас, — пылко воскликнул полковник Савич (член югославской делегации Драгутин Савич. — *А.М.*) — мы будем сражаться до последнего человека. И вам, русским, тоже придется воевать, желаете вы этого или нет. Гитлер сам никогда не остановится. Его надо остановить.

— Да, вы правы, — после короткой паузы ответил ему Сталин. — Гитлер сам не остановится. У него далеко идущие планы. Могу вам сказать, что нас немцы тоже запугивают, только мы их не боимся.

— А известно ли вам, господин Сталин, — спросил Гаврилович (посланник Королевства Югославии в СССР), — о слухах, будто Германия собирается напасть в мае на Советский Союз?

— Пусть попробует, — ответил Сталин. — Нервы у нас крепкие. Мы не хотим войны. Поэтому и заключили с Гитлером пакт о ненападении. Но как он его выполняет? Знаете ли, какие силы немцы придвинули к нашим границам?

За этим риторическим вопросом последовал обстоятельный обзор — иначе это трудно назвать — обзор германских вооруженных сил, сосредоточенных вблизи от западных границ СССР. За-

кончив свою речь, Сталин в ответ на вопросы Гавриловича и Савича заговорил о штатах и боевой мощи пехотных и танковых дивизий, о новых типах танков и самолетов, о прочности танковой брони и дальности полета бомбардировщиков и т.д.[301].

Дать столь обстоятельный обзор германских вооруженных сил, сосредоточенных вблизи от западных границ СССР, Сталин мог только в одном случае — в случае постоянного тщательного и глубокого изучения всей информации разведки. Так что вывод дипломата Н.В. Новикова был абсолютно точен.

И в заключение несколько фактов о подлинной реакции Сталина на тревожную информацию разведки.

1. 18 июня 1941 г. в режиме реального времени в течение одного светового дня была осуществлена воздушная разведка по всей линии границы в полосе компетенции Западного особого военного округа. **Цель — еще раз проверить достоверность ранее поступившей информации о завершении процесса стратегического сосредоточения и развертывания германских войск у советской границы, и начале их выдвижения на исходные для нападения позиции и возможности удара в любой момент.** В результате в режиме реального времени в течение одного светового дня визуальным образом была собрана интегральная разведывательная информация, наглядно подтвердившая и факт завершения процесса стратегического сосредоточения и развертывания группировок вермахта, и факт выдвижения ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции. В описании непосредственно осуществившего воздушную разведку Героя Советского Союза генерал-майора авиации (с 4 июня 1940 г.) Георгия Нефедовича Захарова, командовавшего перед войной 43-й истребительной авиадивизией Западного особого военного округа, это было так: **«...Где-то в середине последней предвоенной не-**

[301] *Невежин В.* Сталин о войне. Застольные речи. 1933—1945 гг. М., 2007. С. 125—127, с последующей ссылкой на: *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата. Записки о 1938—1947 годах. М., 1989. С. 77—79, а также на: Документы внешней политики СССР. 1940—22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. Док. № 47.

дели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока. Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и вовсе не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее... и готовое вот-вот перехлестнуть через нее. Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений кроме единственного: близится война. Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт[302], и вывод, который я для себя сделал, можно сформулировать в четырех словах: со дня на день.

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30—50 км, снова садились. И я снова писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных...»[303]

[302] Г.Н. Захаров воевал в Испании и Китае, где сбил соответственно 6 самолетов лично и 4 в группе, и 3 самолета в Китае.

[303] *Захаров Г.Н.* Повесть об истребителях. М., 1977. С. 43.

Самое интересное и тем более самое главное заключено в последнем абзаце. Потому что там показан механизм использования получаемой в режиме реального времени информации воздушной разведки. А сам механизм ясно свидетельствует о том, что по каналам связи пограничных войск информация мгновенно уходила на самый верх. Не говоря уже об особой организации этого мероприятия и координации действий всех сторон.

Ведь бесшумно возникавшие и исчезавшие пограничники — это не случайность. **Во-первых,** облет государственной границы в приграничной полосе в те годы всегда согласовывался с командованием пограничных войск, если использовалась авиации не погранвойск. **Во-вторых,** исходя из этого, пограничники заранее знали, где будет садиться самолет, так как места посадки были заранее согласованы с ними, что также вытекает из описания Захарова. А, **в-третьих**, забрав донесение Захарова, пограничники немедленно передавали его на заставу, откуда оно также немедленно уходило в штаб погранотряда, оттуда — в штаб погранокруга, а тот уже телеграфировал в Главное управление пограничных войск НКВД СССР и далее Сталину. **В-четвертых,** задание командования ВВС округа было обусловлено приказом из Москвы, от командующего ВВС РККА. Самостоятельно подобные решения командование округа принять не могло.

Данное мероприятие было организовано по приказу Сталина командующим ВВС РККА П.Ф. Жигаревым, который наряду с наркомом госбезопасности В.Н. Меркуловым и его заместителем Б.З. Кобуловым 17 июня побывал у Сталина на приеме. Меркулов и Кобулов зашли в кабинет Сталина в **20.20,** вышли в **21.00,** Жигарев зашел в **0.45** уже 18-го, вышел в **1 ч. 50 мин.** Однако в журнале он проходит как посетитель 17-го числа[304].

Конечно, могут найтись, как говаривал еще Ф.М. Достоевский, отдельные **«специалисты по левой ноздре»** и заявить, что-де никого от пограничников в тот день у Сталина не было. Даже самого Берии, в ведении которого и находились пограничные войска, в кабинете Сталина в тот день не было. Действительно, Берия в тот день не был

[304] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 137.

у Сталина. И что? Ни Сталин, ни Берия никогда не заморачивались бюрократическими процедурами, когда обстановка требовала экстраординарных и решительных мер. С 20 марта Лаврентий Павлович являлся заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть, если по-простому, заместителем Председателя Советского правительства, за которым сохранялись функции народного комиссара внутренних дел, в ведении которого и находились пограничные войска, включая и разведку пограничных войск, а также куратора над органами государственной безопасности. С 6 мая главой Советского правительства являлся Сталин. И одного его телефонного звонка было бы достаточно, чтобы Берия организовал подчиненных ему пограничников в помощь намеченной воздушной разведке. Ну а его ближайшим соратникам Б.З. Кобулову и В.Н. Меркулову и вовсе не составило никакого труда в рабочем порядке решить с Лаврентием Павловичем все необходимые в этом случае вопросы.

Без пограничников проведение воздушной разведки оказалось бы не только неэффективным, но и просто невозможным. По логике армейской субординации данные воздушной разведки должны были бы поступить в разведывательный отдел штаба ЗАПОВО. Но Сталин, судя по всему, не захотел отдавать в руки военной разведки ЗАПОВО результаты воздушной разведки, опасаясь, очевидно, что они будут субъективно препарированы и дойдут до него через центральный аппарат ГШ или ГРУ. Видимо, на него слишком тягостное впечатление произвел примерно недельной давности разговор с командующим ЗАПОВО генералом Павловым, в процессе которого последний заверял Иосифа Виссарионовича, что немцы сидят тихо как мыши и никакого сосредоточения или движения он не наблюдает. Свидетелем этого разговора был никогда не предававший Сталина его верный рыцарь, впоследствии Главный маршал авиации А.Е. Голованов — основатель советской авиации дальнего действия, о чем он и поведал в своих мемуарах, изданных в полном объеме только в постсоветское время[305].

[305] *Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная. Воспоминания Главного маршала авиации. 1941—1945. М., 2007. С. 56—57.

Но и в руки разведки пограничных войск отдавать результаты воздушной разведки Сталин также явно не захотел. Ему нужна была абсолютно объективная, полностью «голая» информация, на суть которой никто и ничто не смогли бы повлиять. И дело тут не в недоверии, что может сразу же прийти на ум, особенно антисталинистов, а в том, что Сталин ясно осознавал, что по результатам этой разведки ему предстоит принять судьбоносное решение — о приведении или об отказе в приведении войск в боевую готовность. Проще говоря, от того, какое он примет решение, зависела судьба СССР. И ошибиться он не имел права. Как, впрочем, и исходить из информации, на суть которой кто-либо мог бы повлиять, пускай даже и в самых благих намерениях. Информация должна была быть полностью «голой» — что увидели летчики, то и сообщили. Все. Никаких ни выводов, ни комментариев, ни примечаний. Именно поэтому-то пограничников и привлекли только как передаточное звено, ибо только у них были более или менее защищенные линии связи непосредственно у границы. И только они могли немедленно передать информацию с границы на заставу, та — в комендатуру или же прямо в погранотряд. Погранотряд — в штаб погранокруга, там информация могла быть передана уже в местные наркоматы внутренних дел и госбезопасности, поскольку те находились в Минске, а оттуда уже в Москву, в НКВД и НКГБ СССР. С 22 ч. 25 мин. по 23.00 18 июня Кобулов находился в кабинете у Сталина, где в это время уже (**с 20 ч. 25 мин.**) находились Тимошенко и Жуков, которые вышли от Сталина только в **00.30** уже 19 июня. В **23.10** 18 июня в кабинет Сталина вошел и Жигарев, который вышел вместе с Тимошенко и Жуковым[306]. Проще говоря, Кобулов докладывал Сталину результаты воздушной разведки непосредственно в присутствии Тимошенко и Жукова.

Необходимость такой проверки с помощью воздушной разведки проистекала, **во-первых,** из все усиливавшегося в то время шквала информации о грядущем в самые ближайшие дни нападении, в том

[306] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 137.

числе и с указанием точной даты и даже времени начала самой агрессии. Для сведения: только в течение 18 июня 1941 г. по различным каналам советских спецслужб поступило 8 донесений о нападении Германии именно в начале третьей декады июня. Причем ровно половина — о том, что это произойдет ранним утром 22 июня[307].

А, **во-вторых**, к этому моменту Сталин уже был в курсе того, что министр иностранных дел Германии И. Риббентроп дал указание германским послам в Риме, Токио, Бухаресте и Будапеште о проведении особой акции по дезинформации. Ее смысл сводился к тому, чтобы до сведения правительств этих стран, а через них и до Советского правительства была бы доведена информация о том, что Германия (якобы) намерена **«самое позднее в начале июля внести полную ясность в германо-советские отношения и при этом предъявить определенные требования»[308].** Информация поступила по каналам разведки. И надо было срочно, немедленно и безальтернативно разобраться, является ли это очередным блефом немцев или же может появиться какой-нибудь, пускай слабенький, но шанс на оттягивание войны. А ответ на этот вопрос могла дать только воздушная разведка своей «голой» информацией — что увидели летчики, то и сообщили. Они-то и сообщили, что происходит массированное выдвижение немецких войск на исходные для нападения позиции. То же самое подтвердила и разведка пограничных войск, сообщив о действительно начавшемся и интенсивно осуществлявшемся выдвижении германских войск на исходные для нападения позиции.

2. Параллельно организации воздушной разведки, но также 18 июня 1941 г. Сталин и Молотов лично провели блестящую

[307] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 210, 214. РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 359. Л. 103—110; *Федюнинский И.И.* Поднятые по тревоге. М., 1960. С. 11—12.

Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд П-8. Д. 9. Л. 100. Там же.

[308] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. XII, 2. Baden-Baden, 1961. Dok. № 631. Приводится по: *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 58; Der Tagebücher von Joseph Göbbels. Sämtliche Fragmente/ Hrsg. von E. Frölich. München etc., 1987. Teil 1. Bd. 4, S. 696. Teil 1. Bd. 4, S. 696.

разведывательно-дипломатическую блицоперацию по уточнению истинного замысла Гитлера, в результате чего **было получено неопровержимое доказательство того, что Гитлер действительно принял окончательное решение о нападении на СССР в самые ближайшие дни.** Суть операции в следующем. По приказу Сталина Молотов обратился к германскому правительству с предложением срочно принять его с визитом, факт чего четко зафиксирован в записи от 20 июня 1941 г. в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии генерала Ф. Гальдера: **«Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером»**[309]. На это предложение Молотова (Сталина) последовал немедленный отказ немецкой стороны. Впоследствии было установлено, что в дневнике статс-секретаря МИД Германии Вайцзеккера за 18 июня 1941 г. появилась следующая запись: **«Главная политическая забота, которая имеет место здесь** (то есть в Берлине. — *А.М.*) — **не дать Сталину возможности с помощью какого-нибудь любезного жеста спутать нам в последний момент все карты»**[310].

Проще говоря, столь нехитрым, но более чем эффективным образом Сталин и Молотов получили фактически еще одно неопровержимое подтверждение тому факту, что Гитлер действительно принял окончательное решение о нападении на СССР, которое должно состояться в самые ближайшие дни.

Соответственно последовало разрешение Сталина Тимошенко и Жукову на приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность, в связи с чем и была издана письменная директива.

С 18 июня 1941 года началось приведение соединений и частей западных приграничных военных округов СССР в полную боевую готовность, но с запретом выдавать патроны на руки бойцам и выводить войска в т.н. «предполье». Уже 20 июня

[309] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 579.

[310] Die Weizsacker-Papiere 1933—1950 / Hrsg. Von L.E.Hill. Frankfurt a. M., etc, 1974. S. 260.

округа доложили о занятии установленных районов войсками и готовности к отражению наступления[311]. К этому дню разведка на всех уровнях практически **100-процентно** уверенно называла точную дату нападения, а разведка пограничных войск вторично, причем документально, установила, что с **4.00 18 июня 1941 г.** немецкое командование действительно возобновило вывод своих войск на исходные для нападения позиции.

Так что не было никакой матерной резолюции, ни обвинительного в адрес разведки вердикта Сталина, что-де она представила дезинформацию, ни тем более «никакой "внезапности нападения" никакими документами, кроме "воспоминаний и размышлений" тех, кто позорно проиграл начало войны, не подтверждается»[312]**.**

Приведенный выше факт о приведении с 18 июня соединений и частей западных приграничных военных округов СССР в полную боевую готовность еще в 2007 г. был предан гласности помощником начальника Генерального штаба РФ, публиковавшим свои статьи под псевдонимом В. Славин.

Следы этого факта остались также в протоколах следствия и судебного разбирательства по делу арестованных вместе с Павловым Д.Г. командиров Западного особого военного округа, санкцию на арест и привлечение к суду которых утвердил лично Жуков. Так, на 70-м листе 4-го тома следственного дела по их обвинению зафиксированы следующие слова начальника связи ЗАПОВО генерала Андрея Терентьевича Григорьева: **«И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность»**[313]**.** Значит, телеграмма из ГШ по вопросу о приведении войск в боевую готовность была. В данном случае особое значение

[311] *Славин В.В.* Теории и мифы о начале Великой Отечественной. Независимое военное обозрение. 12.10.2007.

[312] *Славин В.В.* Теории и мифы о начале Великой Отечественной. Независимое военное обозрение. 12.10.2007.

[313] *Ямпольский В.П.* «…Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945. М., 2008. С. 509. Неизвестная Россия, XX век. Кн. II. М., 1992. С. 106.

имеет бывшая должность Григорьева — начальник связи ЗАПОВО — ибо телеграмма прошла через его руки! И на суде Григорьев подтвердил это следующими словами: **«Все это верно»[314].** Выбить силой такие признания невозможно — документ есть документ, и это мгновенно тогда проверялось! **Тем более что следствие по делу командования ЗАПОВО/ЗФ вели следователи 3-го Управления НКО, то есть следователи военной контрразведки, подчинявшейся до 17 июля 1941 г. наркому обороны.**

В изданной еще в 1965 г. **«Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945» на стр. 135 шестого тома содержится упоминание об этом же факте![315]** В книге **«Провокации против России»** генерал-полковник ГРУ Н.Ф. Червов отмечал, что **«на самом деле многие соединения и части приграничных военных округов и флотов по приказу командующих (с разрешения Генштаба) в боевую готовность были приведены 18—20 июня, что подтверждают И. Баграмян** (маршал, перед войной служил в КОВО. — *А.М.*), **П.П. Полубояров** (перед войной начальник бронетанковых сил Прибалтийского округа. — *А.М.*), **М.А. Пуркаев** (перед войной генерал-майор, начальник штаба КОВО. — *А.М.*), **А. Головко** (адмирал, перед войной командующий Северным флотом. — *А.М.*), **другие высокие военные руководители войск военных округов и флотов, а также рассекреченные документы»[316]**.

То же самое зафиксировано и **на стр. 87 шестого тома — «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» — новейшей энциклопедии «Великая Отечественная война» (М., 2013): «18 июня 1941 г. в войска была направлена директива о приведении их в боевую готовность…»**

И это действительно так. В 2017 г. благодаря титаническим усилиям исследователя С.Л. Чекунова наконец-то был опубликован двухтомник под названием **«Пишу исключительно по памяти…**

[314] Там же.

[315] История Великой Отечественной войны. М., 1965. Т. 6. С. 135.

[316] *Червов Н.Ф.* Провокации против России. М., 2003. С. 106. Автор генерал-полковник ГРУ.

Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны», в котором приведены многочисленные полные письменные свидетельства того, что происходило в войсках накануне войны, как и когда войска приводились в боевую готовность и т.д. Показания командиров четко свидетельствуют, что разрешения на приведение войск в повышенную боеготовность имелось в войсках даже до 18 июня 1941 г., и их действительно начали приводить в повышенную боеготовность еще до 18 июня. А с 18 июня войска стали приводить уже в полную боевую готовность. Но весь вопрос именно в том, как это осуществлялось, правда, это уже за пределами темы настоящего исследования.

Вот какова была подлинная реакция настоящего Сталина, в том числе и прямо на следующий день после доклада «Сообщения из Берлина»!

Глава 6

Замолвим словечко о несчастной «красной кнопке». Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования. (военно-стратегические аспекты, часть 1[317])

Когда настала пора «воспоминаний и размышлений», то предвоенный начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза и четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков так лихо переформатировал временное понятие внезапности в нечто, вежливо говоря, иное, что только и остается, что диву даваться. Впрочем, судите сами — вот что он заявил в середине 60-х гг. прошлого столетия авторитетному писателю, «властителю дум того поколения» К. Симонову: **«Что такое внезапность? Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалась внезапной ударная мощь немецкой армии; для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решаю-**

[317] Тем, кто всерьез интересуется событиями последних предвоенных дней, настоятельно рекомендую ознакомиться с прекрасным исследованием талантливого автора О.Ю. Козинкина — «Перед 22 июня. Хронология событий и запрограммированной катастрофы. Неудобные факты». М., 2019.

щих направлениях; для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы»[318].

Вот уж «приплыли», так «приплыли»: из временного понятия внезапность в устах Жукова превратилась в многократное превосходство. И чего это столь «гениальный перл» не занесен хотя бы в толковые словари русского языка?!

А не занесен этот «перл» в толковые словари русского языка потому, что профессионалы высшего уровня из военной разведки нашей Родины были категорически не согласны с такой словесной эквилибристикой.

Легендарный многолетний руководитель ГРУ П. Ивашутин: «Ни в стратегическом, ни в тактическом плане нападение фашистской Германии на Советский Союз не было внезапным»[319]. Уж кто-кто, но легендарный «Петр Великий», как за глаза уважительно именовали Ивашутина в ГРУ, знал это абсолютно точно!

Генерал-полковник ГРУ Н.Ф. Червов: **«Внезапности нападения в обычном понимании не было, и формулировка Жукова была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего военного командования в этот период»[320].**

И даже далекий от наших военных разведчиков американский историк профессор Техасского университета **Роджер Риз** тоже категорически не согласен с трактовкой Жукова (уж простите за повтор): **«Большинство нападок на Сталина инициировали советские военные, им же принадлежит формулировка причин отступления в 1941 г. Одна из целей представляется достаточно ясной: избежать ответственности за бедствия. Несмотря на случайные вкрапления правды, многие из этих аргументов просто не выдер-**

[318] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 356.

[319] Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55—59.

[320] *Червов Н.Ф.* Провокации против России. М., 2003. С. 96—97.

живают критики. Легенды о катастрофической "внезапности" зародились в командирской среде в первые недели войны и охотно распространялись самими военными для оправдания своих не слишком успешных боевых действий. Неприятная для многих командиров истина состоит в том, что германское нападение было неожиданным только для гражданского населения СССР, но не для... военачальников...»[321]

Теперь, надеюсь, понятно, зачем Жуков осуществил такое переформатирование смысла временного понятия внезапности, а, проще говоря, увел внимание писателя и будущих его читателей от сути проблемы. Только зря старался маршал или, говоря по-простому, напрасно дурил писателя, потому, что рано или поздно, но все становится ясным и явным. К вопросу о том, какие конкретно просчеты высшего военного командования и просчеты ли пытался оправдать Жуков такой, вежливо говоря, алогичной формулировкой, обратимся в следующей главе. А здесь давайте посмотрим, были ли хоть какие-либо серьезные основания говорить о внезапности в ее традиционном временном смысле. Но, прежде всего, необходимо еще раз напомнить о приведенных еще в первой главе разведывательных данных и начавшемся уже в мае процессе конкретизации данных о дате нападения, которые все более концентрировались на середине — двадцатых числах июня. Именно эти данные являлись импульсом для последующих действий и Сталина, и с его санкции — высшего военного командования.

…В мае 1941 г. Наркомат обороны и Генеральный штаб приняли решение и с согласия правительства начали проводить скрытное отмобилизование военнообязанных запаса под прикрытием **«больших учебных сборов».** Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на «учебные сборы» до объявления войны было призвано свыше **803,5 тыс. человек,** что составляло

[321] *Риз Роджер.* **«Сталинские солдаты поневоле: социальная история Красной Армии. 1925—1941 гг.». Даллас, 2003;** Цит. по: *Бобров В.Л.* Большая ложь о Великой Войне. Спецназ России, 2003, № 5.

24 % приписного личного состава по мобплану МП-41[322]. При этом на этих сборах приписной состав именно вводился в составы рот, расчетов и экипажей с поселением приписных в казармах со срочниками! С выдачей оружия приписным в казармы, чего на обычных сборах никогда не делается, и такой порядок «сборов» был определен уже в феврале 41-го — при планировании в НКО и ГШ этих так называемых «учебных сборов».

В дополнение следует уточнить, что **26 апреля** Генштаб отдал предварительное распоряжение Военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов быть готовыми к отправке на Запад **5-го** механизированного, двух (32-го и 31-го) стрелковых корпусов (в общей сложности 9 дивизий) и двух (211-й и 212-й) воздушно-десантных бригад[323].

«С 13 по 22 мая с санкции Сталина поступили распоряжения Генерального штаба о начале выдвижения к западной границе трех армий (22, 21 и 16-й) из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов <…>. 22-я армия (62-й и 51-й стрелковые корпуса — 6 дивизий) выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания сосредоточения 1—3 июля. 21-я армия (66, 63, 45, 30, 33-й стрелковые корпуса — 14 дивизий) сосредоточивалась в район Чернигов, Гомель, Конотоп 17 июня — 2 июля. 16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась 22 мая — 1 июня в район Проскуров, Хмельники. Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами с 1 июня по 10 июля 1941 г.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы, Белая Церковь 19-й армии (34, 67-й стрелковые, 25-й механизированный корпуса) со сроками сосредоточения к 10 июня[324]. **Из неопубликованных воспоминаний Маршала Советского Союза И.С. Конева:** «<…> К концу апреля — в начале мая 1941 года округ (Забайкальский. —

[322] ЦА МО РФ. Ф. 48А. Оп. 1554. Д. 90. Л. 769—772.
[323] ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 254. Л. 5—10.
[324] ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 406. Л. 104—119.

А.М.) по директиве Генштаба приступил к призыву приписного состава для полного укомплектования дивизий до штатов военного времени. **В мае** я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии. Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского округа, я вступил в командование 19-й армией и получил личные указания С.К. Тимошенко: **под видом учений** до конца мая войска и управление армией перебросить на Украину в район Белая Церковь — Смела — Черкассы. В состав 19-й армии уже на Украине вошел 25-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Честохвалова. Отправка 19-й армии проходила в совершенно секретном порядке, никому, кроме меня, не было известно, куда войска перебрасываются и зачем. Они выдвигались в указанные районы и сосредоточивались в палаточном лагере. **Подчеркну: за три недели до начала войны заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину <...>»**[325]**.**

Харьковский военный округ получил задачу выдвинуть **к 13 июня** 25-й стрелковый корпус в район Лубны в оперативное подчинение командующего 19-й армией. В Одесский округ для обороны Крыма в период **с 19 по 23 мая** передислоцировались из Северо-Кавказского округа управление 9-го стрелкового корпуса и 106-я стрелковая дивизия из Киевского особого военного округа.

Общий объем перевозок войсковых соединений составлял **939** железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени. К началу войны только **83** воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, **455** находились в пути, а **401** эшелон еще не гру-

[325] https://www.booksite.ru/konev/03_14.html. Летом 1972 года И.С. Конев (1897—1973) надиктовал для Гостелерадио свои воспоминания на магнитную ленту. Запись хранится в архиве семьи. Она и представила основу публикации в журнале «Знамя» в №№ 11, 12 за 1987 г. Текст был подготовлен вдовой и дочерью маршала — Антониной Васильевной и Натальей Ивановной Коневыми.

зились[326]. Соединениям предписывалось иметь только часть запаса боеприпасов, горючего, продовольствия, предусмотренного мобилизационными и оперативными планами. Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений. В это же время войска 20, 24 и 28-й армий готовились к передислокации»[327].

Небезынтересно также заметить, что после соответствующих совместных учений с передовыми частями Красной Армии в апреле — мае 1941 г. пограничникам и армейским в мае же было приказано тренировать личный состав на отражение атак превосходящих сил противника и маневр в сложных условиях[328].

В свете уже приведенных выше фактов о выдвижении войск по плану стратегического развертывания РККА на случай войны с Германией продолжать талдычить о том, что-де Сталин поздно нажал какую-то неизвестную «красную» кнопку, просто неуместно.

В промежутке **с 19 по 22—23 мая** 1941 г. (ориентировочно, исходя из дат, указанных на документах и даты последовавшего события) Наркомат обороны и Генеральный штаб с подачи Сталина провели стратегическую командно-штабную игру на картах, включавшую также и авиационную игру с участие ВВС Прибалтийского и Западного особых военных округов (судя по документам, также и с участием ВВС Киевского особого военного округа, хотя отдельного задания на игру для ВВС КОВО не обнаружено)[329].

Фактически сразу же после этой СКШИ, **24 мая 1941 года,** в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого кроме самого Сталина были: заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов; нарком обороны Тимошенко; начальник Генерального штаба Жуков; начальник Оперативно-

[326] ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 256. Л. 1—3.

[327] 1941 — уроки и выводы. М., 1992. Цит. по Интернету.

[328] Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. М., 1970. С. 382.

[329] Военно-промышленный курьер, № 7, 2012, а также: ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 106, 107, 108, 109; ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 216; ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. № 244 (рассекречено 8.6.1995 г.). Л. 10, 12 и 13.

го управления Генштаба Ватутин; начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев; командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов. Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было — ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Именно на этом совещании Сталин, скорее всего, и заявил: **«Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии... Они надеются, что после взаимного истребления Германии и Советского Союза друг другом, сохранив свои Вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире» (правда, к сожалению, стенограммы подведения итогов как этих КШИ, так и январских КШИ пока не опубликованы)[330].**

Обратите внимание — почти за месяц до начала войны Сталин открыто всех предупредил о грядущем нападении Германии! Открыто подчеркнул, что СССР может подвергнуться <u>именно внезапному нападению</u>! И как после этого воспринимать до сих пор гуляющие байки об «упрямстве» Сталина, его якобы нежелании уразуметь угрозу грядущего нападения, о том, что он якобы верил Гитлеру и т.п. чушь о слишком позднем нажатии на какую-то «красную» кнопку?!

Судя по всему, разведывательная информация о переводе с 00 ч. 00 мин. 23 мая 1941 г. графика воинских перевозок вермахта на Восток, в **«режим максимально уплотненного графика движения эшелонов» (темп 48 поездов в сутки)** в сочетании с текущей информацией о вероятности нападения Германии в середине — двад-

[330] *Сталин И.В.* Соч. Т. 15. М., 1997. С. 20.

цатых числах июня 1941 г. сыграли свою роль в таком откровенном предупреждении Сталина. Кстати, этим же явно обусловлено и то, что **27 мая 1941 г.** приграничным округам был отдан приказ **«о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов» и т.д.**[331]

Достоверно известно, что **3, 6, 7, 9, 10 июня 1941 г.** Тимошенко и Жуков были в кабинете Сталина, причем **3 июня** они провели там **2 часа 46 минут,** а **6 июня — 2 часа.** Проще говоря, Тимошенко и Жуков согласовывали со Сталиным намеченные ими мероприятия.

С начала июня по 21 июня 1941 г. были приняты решения и началось выдвижение вторых эшелонов (резервов) западных приграничных военных округов, а также проведены конкретные мероприятия по повышению боевой готовности войск армий прикрытия[332], а также осуществлялись конкретные мероприятия по непосредственному приведению войск в состояние полной боевой готовности.

Дело в том, что Генеральный штаб к этому времени, то есть в начале июня 1941 г., уже располагал фактическими данными о завершающемся сосредоточении войск противника и сроках его нападения[333]**. Более того. Уже в самых первых числах июня НКО и ГШ, как, впрочем, и высшее советское руководство знали точную дату нападения Германии — 22 июня 1941 г. В то же время нельзя не отметить, что до сведения хотя бы командования округов эти точные данные разведки в тот момент не были доведены. По крайней мере, никаких конкретных документальных следов к моменту завершения этой книги обнаружено не было.**

Небезынтересно также отметить, что в черновике мемуаров Г.К. Жукова есть строки, которые более чем чудесным образом ну никак не попадают ни в одно из переизданий его «Воспоминаний и размышлений». А все потому, что этими строками Георгий

[331] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 119.
[332] ЦА МО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 239. Л. 238.
[333] 1941 — уроки и выводы. М, 1992. С. 84.

Константинович описал то, что делалось еще до 13 июня: **«Командующим приграничных военных округов было приказано вывести войска округов — назначенных в состав войск прикрытия, ближе к государственной границе и тем рубежам, которые они должны были занять при чрезвычайном обстоятельстве, по особому распоряжению. При этом передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей. Проводились и другие не менее важные мероприятия. Все это обязывало командующих округами и армиями повысить боевую готовность и общую боевую бдительность»[334].**

В связи с усилением группировки немецких войск на границе, повсеместной фиксацией факта завершения их сосредоточения и резко нараставшим поступлением конкретизирующей информации о наиболее вероятных сроках нападения **в начале июня 1941 г.** Военные советы западных округов стали направлять в НКО и ГШ запросы с предложениями-просьбами санкционировать вывод войск округов ближе к границе в соответствии с планами прикрытия. То была нормальная, естественная и вполне закономерная реакция командования этих округов на угрожающую обстановку на границе. Как видите, никто — ни Сталин, ни НКО, ни ГШ — не сковывал их инициативы, никто из них не боялся выйти с такими инициативами.

Военный совет ОДВО отправил такой запрос еще **6 июня 1941 г.,** так как командование округом обладало тревожной информацией о том, что якобы на **12 июня 1941 г.** назначено нападение Румынии и немецких войск[335].

6 июня 1941 г. командование Одесского военного округа получило такую санкцию от начальника ГШ по телефону**,** а затем в округ поступила телеграмма, подтверждающая эту санкцию на вывод **«глубинных»** дивизий. Формально телеграмма пока не опубликована, но факт ее существования подтверждают многие исследователи ар-

[334] РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—58. Рукопись, автограф.

[335] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 221.

хивов. Здесь следует отметить одну принципиальную тонкость. Без таких разрешений-директив НКО и ГШ в письменном виде ни один командующий округом никогда и не рискнул бы начать вывод войск в назначенные по Плану прикрытия районы. Получив соответствующую письменную санкцию, в ночь на **8 июня 1941 г. командование ОДВО начало выводить свои дивизии.**

Военный совет ЗАПОВО аналогичный запрос направил **8 июня 1941 г.,** так как обладал информацией о возможном нападении уже **15 июня 1941 г.**

Ориентировочно **9—10 июня 1941 г. командование ЗАПОВО** также получило сначала устное разрешение, а в **7.00 11 июня 1941 г. первые дивизии 2-го эшелона этого округа начали выводиться.** Однако сама директива для ЗАПОВО была подписана только к вечеру 11 июня в НКО и ГШ, и Павлов получил ее в ГШ в этот же день лично. Здесь стоит заметить, что вывод был разрешен **в районы, предусмотренные не рассмотренным и не утвержденным ни НКО, ни ГШ новым (майским) планом обороны границы и ПВО.** Вот прямые документальные подтверждения этим фактам:

А. 11 июня 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления ГШ генерал-майор Василевский составил и за подписью начальника Оперативного управления ГШ генерал-лейтенанта Ватутина направил в ЗАПОВО директиву следующего содержания: «Командующему войсками Западного ОВО

1) Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагеря в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859 сс/ов). [По непонятной причине генерал Ватутин использовал термин «план прикрытия», хотя упомянутая им директива требовала разработать план обороны границы и ПВО. — *А.М.*]

2) Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их на границу в назначенные им районы в случае необходимости будет произведен по особому указанию…

<…> 4) Вывод указанных войск завершить к 1 июля 41 г.»[336] (Чуть позже этот срок был скорректирован в сторону уменьшения; вот этот установленный срок — 1 июля — и есть одно из доказательств того, что до сведения хотя бы командования округов уже известная НКО и ГШ точная дата нападения не доводилась. — *А.М.*).

Б. Отчеты командования ЗАПОВО о том, как осуществляется вывод «глубинных» дивизий, отправлялись в Генштаб каждый день на 22.00 в виде оперативных сводок за **№№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6** соответственно **от 11, 12, 13, 14, 15 и 16 июня 1941 г.[337] Последняя сводка за № 11 ушла из Минска в ГШ вечером 21 июня.**

Военный совет КОВО аналогичный запрос направил **9 июня 1941 г.,** так как командование округом располагало тревожной информацией о том, **что возможно 17 июня 1941 г. следует ожидать нападения германских войск.**

10 июня 1941 г. за подписью начальника ГШ в адрес ВС КОВО поступила грозная телеграмма следующего содержания: «Военному совету Киевского ОВО, б/н, 10.6.41

Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков»[338].

В тот же день ВС КОВО дал ответ на эту телеграмму: «Начальнику Генерального штаба Красной Армии тов. Жукову. На № 59/НГШ доношу, что железобетонные сооружения и часть ДЗОТов батальонных рай-

[336] Военно-промышленный курьер, № 14 (431) за 11 апреля 2012 г.

[337] ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 46. Л. (соответственно датам оперсводок) 72, 87, 103, 130, 150, а также Военно-промышленный курьер, № 14 (431) за 11 апреля 2012 г.

[338] ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Номер листа дела неизвестен, так как еще по состоянию на 2012 г. дело было засекречено. Данные приводятся по: Военно-промышленный курьер, № 15 от 18.4.2012.

онов № 7, 8, 9, 10 полевого строительства 1940 г. по Ковельскому УР заняты кадрами двух батальонов Ковельского УР согласно шифротелеграмме за подписью тов. Ватутина № 9/485 от 4.6 с. г. Во всех остальных УР-ах полевые сооружения нигде не заняты. Сегодня дал распоряжение вывести гарнизоны из огневых точек Ковельского УР, удаленные от госграницы до 3 км и, не считаясь с дистанцией, из всех наблюдаемых с немецкой стороны. Распоряжение коменданту Ковельского УР подписано начальником штаба Пуркаевым. Прошу указать — продолжать ли занимать гарнизонами огневые сооружения по переднему краю Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского и Перемышльского УР-ов. Кирпонос, Вашугин, Пуркаев, 10.6.41»[339].

13 июня 1941 г. командование КОВО получило директиву НКО и ГШ за **№ 504265 от 12 июня** на вывод войск 2-го эшелона (кстати говоря, маршал И.Х. Баграмян еще в советское время почти полностью воспроизвел ее на страницах своих мемуаров).

Правда, тут начинается одна «странность», имеющая прямое отношение к трагедии 22 июня. Если командованию ЗАПОВО и ПРИБОВО было предписано выводить войска в строгом соответствии с разработанными, но полностью не отработанными в округах, да к тому же ни НКО, ни ГШ не рассмотренными и не утвержденными новыми (согласно майским директивам НКО и ГШ) планами обороны государственной границы и ПВО, то командованию КОВО было предписано выводить войска в соответствии с некой картой, на которой районы сосредоточения были указаны несколько ближе к границе, чем в аналогичном плане обороны госграницы и ПВО, представленном штабом КОВО в ГШ к 2 июня[340].

В отношении ПРИБОВО факт такого запроса документально пока не установлен. Однако нельзя исключать, что прибывший в Москву командующий округом генерал Кузнецов во время аудиенции

[339] ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Номер листа дела неизвестен, так как еще по состоянию на 2012 г. дело было засекречено. Данные приводятся по: Военно-промышленный курьер, № 15 от 18.4.2012.

[340] Военно-промышленный курьер, № 7, 2012, а также: ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 106, 107, 108, 109; ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 216; ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. № 244 (рассекречено 8.6.1995 г.). Л. 10, 12 и 13.

у Сталина **11 июня 1941 г.** вполне мог поднять этот вопрос, и решение на вывод войск 2-го эшелона этого округа было принято во время этой аудиенции, так как Кузнецов и Диброва просто привезли с собой в Москву этот запрос в письменном виде и соответственно получили санкцию. Письменная директива НКО и ГШ по данному вопросу для ПРИБОВО была подписана **12 июня 1941 г.**

Основываясь на собственной разведывательной информации и данных, которые направляли в округа ГШ и ГРУ, в том числе и в отношении **возможной** даты нападения, тут же следовала адекватная ответная реакция. Военные советы округов сами направили запросы в НКО и ГШ с просьбами санкционировать вывод войск по планам прикрытия. Одновременно наши войска стали приводиться в повышенную боевую готовность и выдвигаться в свои районы сосредоточения по ПП.

То есть никакого страха перед Сталиным никто не испытывал, никаких идиотских запретов не было, все действовали — по крайней мере в этот момент — в строгом соответствии со своими обязанностями и подчиненностью.

Опираясь на упомянутые выше запросы ВС округов, **11 июня 1941 г.** нарком обороны и начальник ГШ обратились к Сталину с просьбой разрешить ввести в действие **«План прикрытия 1941 года»,** то есть направить в округа лаконичную **директиву «Приступить к выполнению ПП 1941 года»!**

Санкцию на такую директиву Сталин не дал, **поскольку всеобщий ввод в действие в приграничных округах планов прикрытия автоматически означал и начало открытой мобилизации в этих округах, что именно в тот момент могло выставить СССР, пока еще остававшийся партнером по договору о ненападении от 23 августа 1939 г. и вообще нейтральным в уже идущей мировой войне — агрессором. По условиям тех времен объявление всеобщей мобилизации, тем более в приграничных округах, а именно это-то и предусматривалось одним из первых пунктов ПП, расценивалось как объявление войны.**

В данном случае это произошло бы со стороны СССР, чего категорически нельзя было допустить. Потому что вся подлая и мерзопа-

костная «прогрессивная общественность» Запада сразу встала бы на сторону Германии, на которую якобы напал красный монстр. Исходя именно из этих соображений, Сталин предложил компромиссное решение, дав разрешение начать вывод войск в соответствии с ПП в районы, предусмотренные этими планами, **но без ввода в действие самих ПП официальной директивой и под видом учений. Если по-простому, то был инициирован процесс ФАКТИЧЕСКОГО выполнения ПП так называемым «распорядительным порядком»!**

Запредельная и, увы, до сих пор плохо, если не сказать, что вообще не понимаемая осторожность Сталина в санкционировании тех или иных телодвижений войск в сторону границы, привела к фантастическому в своей позитивности результату. Сколько бы потом ни гавкали Гитлер и его колченогий ублюдок Геббельс, а также их современные «адвокаты», им так и не удалось и никогда не удастся документально доказать обоснованность превентивности нападения Третьего рейха на Советский Союз! Потому что это в принципе невозможно! Потому как невозможно доказать то, чего в природе никогда не существовало.

Известный исследователь архивов, составитель и комментатор двухтомного сборника уникальных документов **«Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны**» (М., 2017) С.Л. Чекунов в свое время показал на историческом форуме: «В ходе двух вечерних совещаний **9 июня** были приняты решения по началу основного развертывания. По итогам этих совещаний 16-я армия была перенацелена на Украину, в приграничные округа ушли директивы о начале выдвижения глубинных дивизий (Павлов и Кузнецов получили директивы лично в Москве, в КОВО отправлена фельдсвязью), командующий ПРИБОВО получил личные указания по приведению округа в боевую готовность. Все решения приняты именно поздно вечером 9 июня. А директивы Павлову и Кузнецову выданы 11 числа».

Этими директивами от **9—11—12 июня** от командования округов требовалось вывести стрелковые дивизии округов и резервы — 2-е

эшелоны в районы сосредоточения по ПП (или согласно некой карте для КОВО). Срок окончания вывода 2-х эшелонов и резервов этими директивами был установлен к 1 июля. Этот срок — 1 июля — и есть одно из доказательств того, что до сведения хотя бы командования округов уже известная НКО и ГШ точная дата нападения не доводилась. Почему — непонятно. Однако тот факт, что срок окончания вывода 2-х эшелонов и резервов этими директивами был установлен к 1 июля, вовсе не дает ни малейшего основания утверждать, что-де Сталин ожидал нападения не ранее июля. Все гораздо проще. Этот факт, еще раз обращаю на это внимание, всего лишь свидетельство того, что по неизвестной причине до сведения хотя бы командования округов уже известная НКО и ГШ точная дата нападения не доводилась.

Это был не более чем срок окончания вывода дивизий, которые по ПП должны находиться от границы на расстоянии **до 100 км.** Проще говоря, эта дата не является временем окончания развертывания по ПП войск округов в связи с **«ожидающимся на 1 июля нападением». Это — время окончания вывода этих указанных конкретных дивизий, которые не вступают в бой в первые часы войны. Это время — чисто нормативное. В мирное время вывести дивизии быстрее было нельзя, тем более под видом учений, да к тому же переходами в ночное время и с полным боезапасом и материально-техническим обеспечением. Поэтому часть войск выводили даже и не к 1 июля, а позже. Правда, чуть позже время вывода этих дивизий директивно было ускорено и сроки окончания их вывода поменяли еще ДО 21 июня.**

11 июня 1941 г. командование КОВО направило в ГШ «**Предложение о выдвижении стрелковых дивизий 5-й Армии округа» (для занятия Владимир-Волынского УРа)**[341]**.** Владимир-Волынский УР был расположен севернее Львовского выступа, где впоследствии

[341] ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 261. Л. 22—23. Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов, М., 2017. Т. 2. С. 9.

немцы и наносили свой главный удар непосредственно по Украине. Запрос свидетельствует, что командование округом прекрасно отдавало себе отчет в том, какое направление удара немецких войск по Украине следует считать наиболее опасным, и потому обратилось с такой просьбой.

12 июня 1941 г. приграничные дивизии, пополнение которых **(не по мобилизации, а именно в порядке доукомплектования)** должно было происходить в «угрожаемый период» в считаные часы за счет призывного контингента окрестных сел, **получили приказы на переход в штат военного времени.** Перевод с **12 июня** приграничных дивизий на штат военного времени позволил контингент военнообязанных из числа лиц приписного состава, который с мая месяца имелся в этих дивизиях для прохождения «учебных» сборов и который числился как **«прикомандированные на время сборов», с началом войны считать мобилизованными.**

Основа этого нехитрого кадрового маневра была заложена НКО и ГШ еще в феврале 1941 г. следующим образом. Во избежание присвоения майским сборам формального наименования БУС, в соответствующих приказах НКО и ГШ было указано, что летние учебные сборы в мае—июне провести с выдачей оружия приписному составу в оружейки, вплоть до снятия оружия с НЗ, и зачислить их в роты, расчеты и экипажи. На обычных сборах такого никогда не делали (и не делают). Поэтому, когда 12 июня приграничным дивизиям было предписано перейти на штат военного времени, то эти приписные, которые ранее были оформлены как **«прикомандированные», автоматически стали штатными бойцами и офицерами.**

12 июня 1941 г. нарком обороны и начальник ГШ обратились к Сталину с предложением обратиться к правительству Германии с целью допустить нашу комиссию для проверки-инспекции их приграничной полосы — на предмет отсутствия угрозы нападения Германии на СССР. Одновременно они еще раз попытались получить разрешение на официальный ввод в действие округами планов прикрытия. И в том и в другом Сталин им отказал, сказав, что Гитлер все равно не даст разрешения на проверку их войск на границе, время будет упу-

щено попусту на эту возню с комиссией, и поэтому проще сделать подругому… Сталин дал НКО и ГШ разрешение начать вывод вторых эшелонов приграничных округов по планам прикрытия, но без ввода в действие самих планов прикрытия, потому как одним из первых пунктов там значилось объявление мобилизации в этих округах, а это уже фактическое объявление войны, и СССР стал бы агрессором, чего Сталин допустить категорически не мог. Судя по всему, действия Тимошенко и Жукова, а также решение Сталина были обусловлены поступившей от Яна Черняка информацией о том, что германское командование официально и письменно назначило 22 июня 1941 г. днем начала нападения на СССР.

12 июня 1941 г. приказом по НКВД СССР № 00767 нарком внутренних дел НКВД СССР ввел в действие мобилизационный план для предприятий ГУЛАГа и Главпромстроя по немедленному развертыванию производства боеприпасов. Выпуску подлежали: 50-мм мины, 45-мм картечь и ручные гранаты РГД-33 и т.п.[342]

12 июня 1941 г. начальник ГШ **одобрил «Предложение о выдвижении стрелковых дивизий 5-й Армии округа»[343].** Потому что как бывший в недавнем прошлом командующим КОВО, он прекрасно отдавал себе отчет в том, какое направление удара немецких войск по Украине следует считать наиболее опасным. Потому-то и одобрил предложение командования КОВО. Только вот в итоге получилось совсем другое.

Маршал Василевский потому и написал в своих мемуарах, что именно **«12—15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе»[344]**. Так ведь и Жуков тоже указал это в черновике своих мемуаров — ПРИКАЗЫ на вывод войск по планам прикрытия были именно от НКО и ГШ, а не инициативное выдвижение по «рекоменда-

[342] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1978. Л. 23.

[343] ЦА МО РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 261. Л. 22—23. Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов. М., 2017. Т. 2. С. 9.

[344] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 119.

циям наркома»! Приказать же они — Тимошенко и Жуков — могли **только с санкции Сталина.** Едва ли кто-либо рискнет усомниться в том, что для того, чтобы в той крайне напряженной обстановке начать выдвижение войск из глубины округа в сторону границы, необходимо было письменное указание Генштаба, который в свою очередь без санкции Сталина на такой шаг тоже не рискнул бы. До 22 июня Сталин жестко и пристально контролировал передвижение войск в сторону границы.

14—15—16 июня 1941 г. командование КОВО и ПРИБОВО начали исполнять полученные ими директивы **от 12—13 июня 1941 г.** с разрешением на вывод двух эшелонов и резервов (КОВО — по некой карте). При этом отдельные приграничные дивизии КОВО начали выводить по прямому указанию начальника ГШ Г.К. Жукова **еще от 12 июня 1941 г.**

С 14 июня 1941 г. командование ВВС округов начало выводить ближе к границе также и авиадивизии округов…

15 июня 1941 г. командование ПРИБОВО издало **ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 0052 ОТ 15 ИЮНЯ 1941 г. ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЙСК ОКРУГА**[345].

На первый взгляд это был более чем дельный приказ — командование округа реально предпринимает меры по **обеспечению боевой готовности войск округа.** Правда, сам этот приказ появился как следствие проверки боевой готовности всех соединений и частей округа, осуществленной специальной комиссией НКО СССР. Она прибыла в округ в ответ на многочисленные просьбы и жалобы самого командующего.

Однако более внимательное ознакомление с положениями этого приказа приводит к весьма негативному выводу о том, что в вопросе непосредственно обороны командование округом занималось профанацией, о чем свидетельствует, например, пункт **№ 8** постановляющей части приказа. Посудите сами. Еще **14 мая 1941 г.** командование окру-

[345] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459сс. Д. 11. Л. 30—36. Машинописная копия.

га получило директиву о необходимости разработки планов обороны госграницы и ПВО со сроком исполнения к **30 мая.** Но только после санкционированной Сталиным директивы ГШ о выведении дивизий из глубины округов в сторону границы, то есть **15 июня, командование округа спохватилось и наконец-то приказало командирам стрелковых дивизий разработать планы обороны своей полосы!?**[346] **Тогда что же командование округом представило в НКО и ГШ 12 июня?!** Фальшивки?! Ведь разработка планов в округах происходит снизу вверх, то есть сначала командиры дивизий разрабатывают свои планы и представляют их в штаб своего корпуса по подчиненности, на основе представленных комдивами планов, штаб корпуса разрабатывает свой план и передает его в штаб армии по подчиненности, а последний разрабатывает армейский план и передает его в штаб округа, который, что называется, подбивает бабки, то есть на основании поступивших из штабов входящих в округ армий планов составляет уже окружной план и направляет его в НКО и ГШ на рассмотрение и утверждение. Не говоря уже о том, что и до майской директивы в округе разрабатывались планы прикрытия, и командиры дивизий еще с тех пор должны были знать свои полосы обороны и иметь соответствующие планы.

Далее — о сроках исполнения приказа. В **пункте № 19** говорится, что командующие армиями, командиры корпусов и дивизий обязаны полностью выполнить этот приказ **к 25 июня с. г.,** однако **пункт № 3** гласит, что командиры дивизий обязаны провести учения на местности с каждым командиром батальона, дивизиона **к 28.6.41 г. Как понимать этот разнобой в сроках исполнения приказа, если всю последнюю неделю перед нападением, да и того ранее тоже, разведка штаба округа и разведка пограничных войск этого же округа сообщали практически точную дату нападения.** Не говоря уже о том, что **уже с 12 июня** от разведки погранвойск было известно, что командованию группировок вермахта был отдан **приказ о выдвижении с 13 июня на исходные для нападения позиции.**

[346] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 31—36.

Более того, по **ГА «Север»,** которая была нацелена против войск ПРИБОВО, было установлено, что такой **приказ был отдан еще 6 июня**[347] и также о выдвижении, начиная с 13 июня 1941 г. Как же так?! Войска противника получают приказ о выдвижении на исходные для нападения позиции, разведка округа докладывает об этом, а командование округом — по сути-то выходит, что игнорирует чрезвычайно тревожные данные и с опозданием издает приказ, в котором сроки исполнения весьма отдаленные?! Что, по мнению командования округом, противник месяц или даже две с лишним недели будет выходить на исходные для нападения позиции?! Но и это еще не все.

В неподдельное «восхищение» любого исследователя приведет первый же абзац этого приказа: «**Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями»**[348]**.** А до этого приказа чем было занято командование округом, если такой вывод?! Но дальше и вовсе интересно. Далее отмечалось плохое знание командирами своих районов боевого использования — это непосредственное опровержение послевоенных утверждений некоторых командиров ПРИБОВО о том, что подчиненные им части **«были практически ориентированы о своих задачах и участках обороны»**[349]**,** — потому что в приказной части этого документа были изложены различные требования, такие, например, как «**1.** Командующему армией лично с командирами дивизий провести занятие на местности по выполнению моей директивы. **К 22 июня** каждый командир дивизии должен выработать решение на местности, которое командующему армией утвердить и за каждую дивизию донести.

---

[347] Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 19.

[348] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 38.

[349] ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 50. Л. 91—99. Приводится по: Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 262.

2. Командирам корпусов провести учение на местности с каждым командиром полка по выполнению решения, принятого командиром дивизии, **к 24.6.41 г.**

3. Командирам дивизии провести учение на местности с каждым командиром батальона, дивизиона **к 28.6.41 г.».**

Но при этом, подчеркиваю, в заключительной части приказа было указано, что **требования всех пунктов приказа должны быть выполнены к 25 июня 1941 г.[350] Вот как все это понимать?!**

Уважаемый коллега В. Рунов весьма примечательно охарактеризовал то, что творилось в ПРИБОВО непосредственно накануне войны: **«Прибалтийский Особый военный округ накануне Великой Отечественной войны... вел двойную игру. С одной стороны, он готовился к отражению агрессии противника, с другой — тщательно скрывал и даже чем-то тормозил эту подготовку»[351].** Таких же далеко не безобидных «фокусов» было множество и в ЗАПОВО, и в КОВО.

15—16 июня 1941 г. командование округов получило директивы НКО и ГШ о выводе по ПП механизированных корпусов, причем не всех, а только самых боеготовых, то есть МК «первой линии». По сути дела, это были директивы о приведении этих МК в боевую готовность. Однако в окружном дублирующем исполнении эти директивы, трансформировавшись в местные директивы и приказы, приобрели какую-то не очень понятную «странность». Так, **в 23.00 16.6.41** из штаба ПРИБОВО была получена директива о приведении в боевую готовность штаба **12-го МК.** А вот приказ о приведении уже самих частей и соединений **12-го МК** в боевую готовность был отдан только **в 04.00 18.06.1941[352]**. В тот же день — **18.6.41 г.** — командиром корпуса был отдан приказ **№ 0033** о приведении соединений корпуса в боевую готовность. Аналогичная история произошла и с **3-м МК** ПРИБОВО. **16.6.41** из штаба ПРИБОВО была получена директива о приведении в боевую готовность штаба корпуса. А вот приказ о приведении уже самих частей и соединений 3-го механизи-

[350] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 19. Кор. 13073. Л. 38.
[351] *Рунов В.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009. С. 164.
[352] ЦА МО РФ. Ф. 113а. Оп. 1448. Д. 6. Л. 80—84.

рованного корпуса в боевую готовность был отдан только **в 03.55. 18.06.1941**[353].

В итоге в ПРИБОВО вывели (вроде бы) два их МК — **3-й и 12-й.** В ЗАПОВО — только один, **6-й МК.** В КОВО — **4-й и 19-й МК,** в ОДВО — **2-й МК.** В ЛЕНВО — их **1-й МК** выводили перед 20 июня.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, ПРИКАЗЫ О ВЫВОДЕ НА СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РУБЕЖИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРЕДПИСАНИЯМИ ПЛАНОВ ПРИКРЫТИЯ С ОДНОВРЕМЕННЫМ ПРИВЕДЕНИЕМ В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ УПОМЯНУТЫЕ ЧАСТИ И СОЕДИНЕНИЯ ПОЛУЧИЛИ ЗА ЧЕТЫРЕ — ШЕСТЬ ДНЕЙ ДО НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ!

15—16 июня 1941 г. в соответствии с полученным **еще 12 июня 1941 г. р**азрешением начальника ГШ на выдвижение частей 5-й армии во Владимир-Волынский УР, командование округа санкционировало командованию 5-й армии начать выдвижение туда приграничных дивизий 5-й А — 45-й, 62-й и 87-й сд. Однако вот что получилось в итоге. 5-я А КОВО. Полоса ее обороны — 176 км. Предполагалось, что на этом фронте будут развернуты 45-я, 62-я, 87-я и 124-я стрелковые дивизии, которые должны были развернуть на приграничной оборонительной линии 9 стрелковых полков. Однако построение войск этой армии, вежливо говоря, было ослаблено едва ли не в зародыше, так как 62-я сд к моменту начала войны находилась в лагерях в районе Киверец, ей требовалось три дня, чтобы подойти к границе. Начав выдвижение только **вечером 19 июня** дивизия, естественно, не успела выйти на отведенные ей позиции к началу боевых действий. Так ведь в этом нет ничего удивительного.

Сравните, когда было получено разрешение ГШ, когда командование округа санкционировало выдвижение и когда оно реально началось. Если так исполнять приказы и разрешения вышестоящего командования, которое в свою очередь жестко не контролировало исполнение, то вовсе не удивительно, что гитлеровцы без особого труда проломили нашу оборону.

[353] ЦА МО РФ. Ф. 113а. Оп. 1448. Д. 6. Л. 72—74.

В свою очередь полки 87-й сд находились в лагере в районе Владимир-Волынского, в 30—40 км от границы. Короче говоря, к моменту начала агрессии в полосе 5-й армии на оборонительной линии **не было даже 9 стрелковых полков.** Более того. **Между 87-й и 124-й сд был разрыв шириной в 20 км, в котором, кроме пограничников и трех опорных пунктов укрепленных районов, ничего другого не было.** Эти, с позволения сказать, «ворота» должна была закрыть 135-я сд, которая выходила из района Дубно, Острог, Шепетовка, то есть из района, что более чем в 80 км от границы, нападение фрицев встретила в районе Киверец. Между тем именно через упомянутые «ворота» в построении 5-й А 22 июня прошли 44-я и 299-я пд вермахта.

Фрицы только в первом эшелоне сосредоточили **12** дивизий, в том числе **2** танковые, во втором эшелоне — **8** дивизий, в том числе **3** танковые. Плотность войск противника была в среднем по 5 км на дивизию. В результате на рассвете 22 июня первый эшелон проклятых фрицев и гансов в количестве **12** дивизий встречали… **5—6 стрелковых полков[354]. Это что, оборона?! А как красиво отчитывались перед войной о выдвижении на рубежи обороны…**

16 июня 1941 г. командование пограничных войск, в том числе и командование пограничных отрядов в западных пограничных округах, получило письменную директиву о том, что с возникновением военных действий они должны перейти в подчинение полевого командования Красной Армии — приказ наркома внутренних дел генерального комиссара государственной безопасности (равнозначно званию маршала) Л.П. Берии гласил: «**С возникновением военных действий перейти в подчинение полевого командования**. **Свяжитесь с дислоцированным на участке пограничного отряда соединением, установите контакт по взаимоинформации. Исполнение доложить срочно»[355]**. Здесь следует отметить, что переход погранич-

[354] *Владимирский А.В.* На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г. М., 1989. С. 44, 71.

[355] Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг. Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 163; *Чугунов А.И.* Граница накануне войны. М., 1985. С. 147; *Кисловский Ю.Г.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 172.

ных отрядов в подчинение армейскому командованию был определен еще 22 июня 1939 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) **«О взаимодействии пограничных войск и частей РККА в пограничной полосе», в пункте № 11 которого было указано: «<…> 11. С выходом войск РККА на государственную границу все пограничные части НКВД, расположенные на участке, поступают в оперативное подчинение командующего этим участком**».

16 июня 1941 г. за подписями всех членов Военного совета КОВО в Генеральный штаб был направлен запрос следующего содержания: **«Прошу разрешения занять кадрами Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского УР железобетонные сооружения первой линии этих УР-ов»[356].**

16—17 июня 1941 г. — в ПРИБОВО, командование которого обладало информацией **о возможности нападения немцев уже в ночь с 19 на 20 июня 1941 г.,** была издана директива, доведенная вплоть до командиров полков включительно — привести в повышенную боевую готовность ВВС и ПВО, а приграничным дивизиям — занимать чуть не окопы на границе. Директива прямо обуславливала необходимость предписанных ею мер **возможным нападением Германии в ночь на 20 июня!**

В реальности же подготовка к встрече агрессора выглядела так. **8-я армия.** Должна была прикрывать границу от Паланги до Юрбакаса. Предполагалось, что этот участок границы будет прикрываться силами 10-й, 90-й, 125-й и 48-й сд, которые должны были развернуть на оборонительной линии 11 стрелковых полков. Фрицы же в двух эшелонах развернули против них **8 пд, 3 тд, 2 мд и одну охранную дивизию,** прикрывавшую стык между 26-м и 1-м АК. **По данным современных исследователей, считается, что им противостояли 11 стрелковых полков, что уже не лезет ни в какие ворота — 11 стрелковых полков против 14 вооруженных до зубов дивизий[357]. А ведь пять из этих дивизий обладали мобильной огневой мощью в лице имевшейся у них**

[356] Военно-промышленный курьер, № 14 (431) за 11 апреля 2012 г.

[357] *Лопуховский Л.Н.* Июнь 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010. Схема 7.

бронетехники, а 13 из них еще и мощной артиллерией. По данным же архива МО СССР, еще в 1960 г. отмечалось, что фрицев встречала всего лишь одна дивизия — 125-я сд.

11-я армия. Четыре ее стрелковых дивизий — 5-я, 33-я, 188-я и 128-я должны были развернуть 14 стрелковых полков, а также разведбатальон на левом фланге 33-й сд и 2 батальона 23-й сд на левом фланге 128-й сд. Фрицы же развернули против них **11 пд, 4 тд, 3 мд,** а также резерв 16-й армии в составе **3 пд.**

Итого 15 стрелковых полков против 19 дивизий плюс 3 пд резерва 16-й армии вермахта[358]. А ведь семь из этих дивизий, подчеркнем это еще раз, обладали мобильной огневой мощью в лице имевшейся у них бронетехники, а все 22 дивизии еще и мощной артиллерией. Ну и как же было 15 стрелковым полкам осуществлять в таких условиях упорную оборону, которой от них требовал Генштаб?!

16—17 июня 1941 г. командование ВВС ПРИБОВО предупредило командиров подчиненных соединений о возможности нападения в ближайшие дни. Так, командующий ВВС 8-й А ПРИБОВО генерал-майор авиации А.П. Андреев в послевоенных показаниях комиссии Покровского отмечал: **«О возможности нападения фашистской Германии в ночь на 22.6.41 точно не было известно, но части ВВС 8-й армии так же, как и все части ВВС округа, были командованием ВВС округа предупреждены еще примерно 16—17 июня о возможности нападения. Было приказано вывести части на полевые аэродромы, а где этого нельзя сделать — рассредоточить самолеты на основных и окопать их для укрытия от поражения осколками авиабомб. В истребительных частях ввести дежурные эскадрильи по одной на полк, а всему остальному летному и техническому составу находиться в расположении части»[359].**

---

[358] *Лопуховский Л.Н.* Июнь 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010. Схема 7..

[359] ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 44. Л. 217—219. Приводится по: Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов. М., 2017. Т. 2. С. 268.

То есть после **17 июня 1941 г.** ВВС округа уже приводили в повышенную боевую готовность. Однако в связи с тем, что весной 1941 г. в соответствии с приказом наркома обороны в ВВС было произведено сокращение штата техперсонала, в результате чего техники с оружейниками вынуждены были вместо одного закрепленного за ними самолета обслуживать сразу три машины, и учитывая, что строительство капониров не было выполнено, а оперативные аэродромы не были подготовлены, то все это вместе взято очень негативно сказалось на боеготовности авиачастей, особенно тех, куда поступила новая авиатехника, требовавшая более квалифицированного, но индивидуального обслуживания.

17 июня 1941 г. из КОВО в НКО и ГШ поступил запрос — **что делать с приписными?** На что был получен ответ — **«сборы» приписных продлить**.

17 июня 1941 г. первый заместитель председателя СНК СССР, куратор органов НКВД и НКГБ, нарком внутренних дел Л.П. Берия отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. Берия дал следующее разъяснение: **«В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны».** Берия подчеркнул также, что «**наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии**»[360]. Данную группу планировалось на самолетах перебрасывать в те районы на границе, где намечались, могли произойти или уже начинались бы немецкие провокации, но до начала войны ее так и не успели сформировать.

С 18 июня 1941 года началось приведение соединений и частей западных приграничных военных округов СССР в полную боевую готовность, но с запретом выдавать патроны на руки бойцам и выводить войска в т.н. «предполье». Уже 20 июня округа доложили о занятии установленных районов войсками и готовности к отра-

[360] *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 142.

жению наступления[361]**.** Так что **«никакая "внезапность нападения" никакими документами, кроме "воспоминаний и размышлений" тех, кто позорно проиграл начало войны, не подтверждается»**[362]**.**

Этот вывод и подтверждающие его обоснованность факты были приведены в конце предыдущей главы.

Но суть вопроса в том, как на самом деле осуществлялось приведение войск в боевую готовность. Правда, тут следует иметь в виду, что, **во-первых,** одномоментной и единой для всех западных приграничных округов директивы от 18 июня 1941 г. о приведении всех войск западных приграничных округов в полную боевую готовность как таковой все-таки не было.

Каждому округу, а нередко и командирам отдельных их частей и соединений директивы ГШ и НКО были индивидуальные. Командование западных приграничных округов получало приказы не о каком-то абстрактном приведении своих войск в повышенную или даже в полную боевую готовность, а конкретно о выводе по Плану прикрытия своих приграничных дивизий на установленные для них рубежи обороны. Именно это обстоятельство и обязывало командование корпусов и дивизий уже своими приказами приводить вверенные им части и соединения в боевую готовность. Ибо вывод войск именно по Плану прикрытия — это не вывод личного состава на прогулку.

И это действительно происходило не одним одномоментным и единым приказом для всех округов, а разрозненными директивами сверху, причем не в один день. Ведь в то время у армии было только две степени боевой готовности — **«постоянная» и сразу «полная».** Причем обе не предусматривали автоматического начала мобилизации, даже при вводе полной боеготовности. Проще говоря, если что, то воевать надо тем и с теми, что и кто есть. Собственно говоря, именно ради этого-то приграничные дивизии и доводились с февраля 1941 г. до «штатов, приближенных к штатам военного време-

[361] *Славин В.В.* Теории и мифы о начале Великой Отечественной. Независимое военное обозрение. 12.10.2007.

[362] Там же.

ни» — до 10—12 тысяч чел. по личному составу боевых подразделений, — чтобы они не зависели ни от мобилизации, ни от БУС, чтобы они могли вступить в бой по первой же команде — в считаные часы. И уже они-то и должны были обеспечить время для мобилизации и развертывания остальных частей округов и РККА в целом.

Во-вторых, не в каждом округе и не в каждом воинском соединении эти директивы были исполнены полностью, зачастую их исполнение было, вежливо говоря, через пень колоду, с опозданием, а в ЗАПОВО и вовсе большую часть вообще не исполнили. Особенно что касается вывода приграничных дивизий ЗАПОВО по ПП с 18 июня.

18 июня 1941 г. начальник ГШ дал письменный ответ на запрос КОВО о разрешении на занятие УРов — занимать УРы на новой границе и готовить к заполнению УРы на старой границе: «**Занятие Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского УРов разрешено. Остропольский УР по старой границе подготовить к занятию также УРовскими частями с целью обучения и сколачивания. Срочно закончить формирование УРовских частей для Киевского УР, после чего подготовить УР к занятию кадрами. Жуков, 18.6.»**[363]

То есть, еще не разрешая выводить по ПП все приграничные дивизии КОВО, начальник ГШ отдал указания занимать УРы по обоим флангам Львовского выступа КОВО. И это было как 12-го, так и 18 июня. Как и в ПРИБОВО. А уже 16—17 июня в КОВО начали выводить свои приграничные дивизии в приграничную зону — занимать упомянутые УРы. Три дивизии 5-й А свой УР севернее Львова заняли к 21 июня (как они занимали свои позиции — выше было показано), а вот южнее — в район Каменец-Подольска к 17 июня выводилась 164-я сд — по директиве НКО и ГШ от 12 июня. Но сам УР в тот момент она точно не занимала, став лагерем в «районе сбора». На этом участке, являвшем собой **полосу обороны 17-го СК,** оборону должна была держать 12-я А под командованием генерал-майора **П.Г. Понеделина (начальник штаба генерал-майор Б.И. Аруша-**

[363] Военно-промышленный курьер, 15 апреля 2012 г.

нян). Кроме трех дивизий 5-й А, дивизии других армий КОВО, ближе к границе, в полосу обороны не выводили. Да и те так вывели, что фрицы без особого труда проломили такую оборону.

В то же время усилиями ряда дотошных исследователей было установлено, что, согласно Журналу боевых действий (ЖБД) 17-го СК 12-й А, приказ начальника ГШ на занятие Каменец-Подольского и Могилев-Ямпольского УР был исполнен еще до того, как 18-го НГШ наложил письменную резолюцию на запросе Пуркаева: **«Командование 17 СК... 11.6.41г. отдало распоряжение частям корпуса выдвинуться ближе к госгранице и расположиться лагерем с задачей укрепления государственной границы и в готовности в случае нарушения госграницы без затраты большого количества времени занять оборону и отразить нарушителей. Части 17 стрелкового корпуса во исполнение поставленной задачи командира корпуса к вечеру 13.6.41г. сосредоточились лагерем в районах своих участков обороны…»**[364]

То есть фактически выходит, что **уже с 11 июня** этот приграничный СК начали выводить по ПП в район обороны, а скорее всего, распоряжения на этот счет появились раньше 10 июня как минимум. Явно без письменной санкции НГШ, но, судя по всему, некое устное согласие от него все-таки было получено. Иначе за самоуправство командование КОВО могло изрядно пострадать на вполне законных основаниях. И вовсе не случайно, что командование КОВО едва ли не мгновенно получило грозный окрик со стороны руководства ГШ с требованием прекратить этот вывод в предполье, что могло быть запросто расценено германскими властями как подготовка к нападению.

Когда же начальник ГШ **18 июня 1941 г.** письменно подтвердил свое разрешение на занятие УРа частями 12-й А, то, согласно послевоенному ответу начальника штаба 96-я гсд 17-го СК Владимирова на вопросы комиссии Покровского, эта дивизия «**...заняла оборонительный рубеж по госгранице 18.6.41г. по распоряжению штаба 17 ск. Все полки вышли в свои оборонительные полосы, перехватив все важные направ-**

[364] ЦА МО РФ. Ф. 851. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—2. Факт установлен исследователем Г. Спаськовым.

ления. <…> Все части дивизии по распоряжению штаба 17 ск были приведены в БГ к исходу 16.6, а 18.6 уже выступили в свои полосы для занятия ранее подготовленных позиций. <…> Части выходили в свои оборонительные полосы с наступлением темноты... Артиллерийские средства дивизии были выдвинуты на ОП…»[365]

Упомянутые выше факты о том, что три приграничные дивизии 17-го СК к 21 июня были выведены в полосу обороны, подтверждаются и другим источником: **«13 июня 1941 г. части 17 стрелкового корпуса заняли оборонительные рубежи непосредственно у государственной границы и приступили к оборудованию позиций»**[366].

А вывод приграничной дивизии в УР — это и есть ее вывод на границу по плану обороны и прикрытия, причем с приведением в боевую готовность как минимум в повышенную, если не вообще в полную боеготовность.

18 июня 1941 г. началось приведение в боевую готовность ПВО и ВВС приграничных округов. Современными исследователями, особенно С. Чекуновым, установлено, что, например, **готовность № 2** в ПВО округов означала следующее: **«Дежурные разведчики и телефонисты обеспечивают наблюдение и донесения. В каждом дивизионе одна батарея готова к открытию огня через 30 сек., остальные — через 3 минуты». При готовности № 1 — «Все батареи готовы к немедленному открытию огня».**

Например, изданным командованием ПРИБОВО приказом **№ 00229 от 18 июня 1941 г. предписывалось «начальнику зоны ПВО к исходу 19 июня привести в полную боевую готовность всю ПВО округа».** Правда, в действительности была введена не **готовность № 1, а готовность № 2.**

В истребительных полках ПВО округов **готовность № 2** означала следующее: дежурное подразделение должно быть готово к вылету в течение 10 минут повседневно в летнее время и 30 мин. в зимнее время.

---

[365] ЦА МО РФ. Ф. 15. Оп. 725.588. Д. 13. Л. 100—105. Приводится по: Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов. М., 2017. Т. 2. С. 210.

[366] Битва за Буковину (из воспоминаний ветеранов 60-й горнострелковой дивизии). Ужгород, 1967. С. 38. Факт установлен исследователем Г. Спаськовым.

Готовность № 1. Дежурным подразделениям на старт отводилось 3 минуты в летнее и 5 минут в зимнее время. Дежурство устанавливается по боевой тревоге или с введением угрожаемого положения.

Готовность № 3. Весь полк должен быть готов к взлету по боевой тревоге **в течение 1 часа** в летнее время и **2 часов** в зимнее время.

18 июня 1941 г. командование ПРИБОВО издало директиву-приказ, выписка которого приводится ниже: «Выписка из приказа Управления Прибалтийского особого военного округа № 00229 от 18 июня 1941 г.

С целью быстрейшего приведения **в боевую готовность** театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

<...> 4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определенных, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять, и план работы их. Все это через начинжов пограничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т.д.) для устройства переправ через реки Вилия, Невяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа. 30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

г) командующим войсками 8-й и 11-й армий — с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии. Срок выполнения — 21.6.41...

7. Командующим войсками армий и начальнику АБТВ округа. Создать за счет каждого автобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов — 4. Срок выполнения — 23.6.41. Эти отдельные взводы в количестве подвижного резерва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионова в распоряжении командующих армиями.

<…> д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать их по 50 проц. в 3 и 12 мк. Срок выполнения — 21.6.41 г.;

<…> е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСТ принадлежностями для заправки машин (воронки, ведра). Командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник КУЗНЕЦОВ. Член военного совета корпусной комиссар ДИБРОВ. Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЁНОВ»[367].

18 июня 1941 г. командующий округом лично и устно отдал приказы на вывод по ПП приграничных дивизий и других частей командующему 8-й армией Собенникову, подтвердив в тот же день свои приказы письменно, о чем свидетельствуют архивные документы. Свидетельствовать-то они свидетельствуют, только вот реальные факты, увы, никто отменить не может — ведь выше уже было показано, какими силами войска ПРИБОВО, в частности 8-й армии, встречали непрошеных гостей.

Выдвижение 48-й стрелковой дивизии производилось на основании приказа командующего войсками Прибалтийского особого военного округа **№ 00217 от 15.06.1941**. Экземпляр № 2 приказа был направлен командующему 8-й армией[368].

Указания о развертывании 12-го механизированного корпуса, выдвижении 48-й стрелковой дивизии, развертывании двух батарей для усиления 125-й и 90-й стрелковых дивизий, передового артиллерий-

[367] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 12—13.

[368] ЦА МО РФ. Ф. 140. Оп. 13000. Д. 4. Л. 3. Приводится по: Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов. М., 2017. Т. 2. С. 264.

ского склада и другие за период 18.06.1941—21.06.1941 отдавались приказами, переданными через телеграф (зашифрованными)[369].

18 июня 1941 г. начальник штаба 8-й армии ПРИБОВО отдал следующее распоряжение: «Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня. Немедленно готовить место нового КП. Выезд произвести скрытно, отдельными машинами. С нового КП организовать связь с корпусами в течение первой половины дня **19 июня 1941 г. ГРУ подготовило и направило высшему руководству СССР специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»[370].**

19 июня 1941 г. в приграничные округа была дана директива с уточнением срока исполнения директивы **от 14 июня 1941 г.** о выводе на полевые командные пункты фронтовых управлений. По данным маршала Захарова, **это уточнение гласило, что указанное мероприятие должно было быть исполнено не к 25 июня, как было указано ранее, а к 22 июня[371].** Соответственно **19 июня 1941 г.** за подписью начальника ГШ командующий КОВО генерал Кирпонос получил предписание следующего характера: **«Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»[372].**

По непонятной до сих пор причине **командованию ЗАПОВО было предписано вывести фронтовое управление на полевой командный пункт не к 22 июня, а к 23 июня!** Вот полный текст этой директивы: **«Комвойсками ЗАПОВО. Лично. Нарком обороны приказал: 1. Выделить управление фронта и к 23 июня с/г перевести**

[369] Пишу исключительно по памяти… Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост., авт. предисл., коммент. С.Л. Чекунов. М., 2017. Т. 2. С. 264.

[370] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108. Это энциклопедическое издание написал и подготовил огромный коллектив наиболее авторитетных современных авторов.

[371] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 214. ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 442—444.

[372] ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 442—444.

его на Обуз-Лесна, тщательно организовав управление войсками. Минске оставить подчиненное Вам управление округа во главе с Курдюмовым (генерал-лейтенант, заместитель командующего ЗАПОВО по тылу. — *А.М.*) **. Выделение и переброску управления фронта сохранить в полной тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа. 2. Управление 13 армии к 25 июня с/г перевести Новогрудок. Исполнение телеграфте. Жуков»[373].**

Здесь вот что важно. **Во-первых,** язык военных хотя и не похож на язык поэзии, но тем не менее весьма лаконичен и однозначно воспринимается. Если приказано **к 22 июня** перебазироваться на фронтовые КП, то это означало, что **к 24.00 21 июня** это должно было быть неукоснительно осуществлено. Приказ есть приказ. **Во-вторых, если всем, кроме ЗАПОВО, было приказано осуществить перебазирование на фронтовые КП к 22 июня, это означает, что в момент составления директивы с уточнением сроков перебазирования на фронтовые КП нарком обороны и начальник ГШ абсолютно точно знали точную дату и час начала нападения, и известные на сегодня данные это подтверждают! И в таком случае спрашивается, за что, в связи с чем так подставляли ЗАПОВО?!**

19 июня 1941 г. штаб ПРИБОВО, согласно директиве ГШ, перебазировался на полевой КП в Паневежис.

19 июня 1941 г. командующие флотами и флотилиями получили **согласованный с ГШ приказ перейти в оперативную готовность № 2[374].**

19 июня 1941 г. штаб ПРИБОВО издал очередной приказ по дальнейшему приведению войск округа в боевую готовность. Вот выписка из этого документа:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА. **19 июня 1941 г.**

[373] ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 170. Данные по этой директиве для ЗАПОВО в 2011 г. любезно были предоставлены автору книги видным российским историком, доктором исторических наук О.А. Ржешевским (ныне, увы, покойным), который впервые ее привел в своей статье «Не дать никакого повода для войны...», опубликованной в Военно-историческом журнале № 6, 2011 г.

[374] 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 86.

1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы. Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности. В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией — тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штабам, корпусу и дивизии — на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участившиеся случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения. Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник Кузнецов

Начальник управления политпропаганды Рябчий

Начальник штаба генерал-лейтенант Клёнов»[375].

Вроде бы все по делу в этом приказе, если бы не одно **«но» в пункте № 4,** в котором речь идет об установлении минных полей. Дело в том, что это не первый приказ по округу, в котором говорится о необходимости минирования. Первый был издан **еще 15 июня 1941 г.** Однако, издав его, Военный совет ПРИБОВО в тот же день —

[375] ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 34—35. Подлинник.

15 июня 1941 г. — «красиво» снял с себя всякую ответственность за срыв минирования. Взял да и обратился к начальнику Генерального штаба со слезной просьбой ускорить отправку в Каунас и Шяуляй запланированные для округа **100** тысяч противотанковых мин, **40** тысяч тонн взрывчатки и **45** тысяч тонн колючей проволоки[376]**.** А что, разве командование округом, как, впрочем, НКО и ГШ, пораньше не могли сообразить, что против любителей блицкрига, на острие которого действуют танковые и моторизованные части вермахта, противотанковые мины (и взрывчатка) одно из лучших средств, и что их желательно своевременно иметь под рукой? Да и что, не знали, какие колоссальные транспортные проблемы существуют для доставки грузов в округ?!

«Вовремя» в округе «спохватились» — когда уже сверху пошло указание о приведении войск в полную боевую готовность. А если бы заблаговременно да своевременно, то на каждый танк и даже на каждую единицу мобильной бронетехники ГА «Север» пришлось бы примерно по **100** противотанковых мин. А в сочетании с противотанковой артиллерией, грамотными действиями пехоты — так и вовсе было бы абсолютно гарантировано абсолютное уничтожение острия блицкрига на этом направлении. Увы…

Такое впечатление, что командование ПРИБОВО, да и ГШ вместе с НКО как будто не знали уже в начале июня, что против ПРИБОВО с его 16 дивизиями РККА сосредоточено до **30** дивизий вермахта при тысяче танков?!

В данном случае 6 дивизий прибалтийских вояк, доставшиеся РККА после официального вхождения Прибалтийских республик в состав СССР, не учитывались. Рассчитывать на них как на боеспособные части, готовые сражаться за интересы СССР, было нереально. Тем не менее их почему-то использовали по планам ГШ, причем именно в тех местах, где было наиболее опасно их применение — на стыке ПРИБОВО и ЗАПОВО. И именно там они и показали себя 22 июня в самом что ни на есть предательском виде, открыв фронт врагу.

[376] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. В 3 кн. Кн. 1. Первые годы. Рига, 1966. С. 42.

К 19 июня 1941 г. устными распоряжениями командующего округом в ПРИБОВО были приведены в полную боеготовность семь из девяти приграничных дивизий и выведены, согласно ПП, к границе (две — 23-я и 48-я сд — выводились к границе с 16 июня и тоже должны были приводиться в боевую готовность). В том числе рубежи обороны в окопах заняли те батальоны, которые, согласно ПП, и так должны были находиться там в угрожаемый период и которые под видом работ там же, на границе, находились еще с 5 мая 1941 г. Такие действия командования округа были обусловлены собственной разведывательной информацией, согласно которой следовало ожидать нападения в ночь с 19 на 20 июня. Эти же дивизии так и остались на границе до 22 июня 1941 г.

19 июня 1941 г. заместителем командующего ВВС ПРИБОВО по политработе довел до сведения командиров смешанных авиадивизий (САД), приданных каждой армии в западных приграничных округах, точную дату и точное время нападения немцев — **3.00 22 июня,** что четко зафиксировано в документах военной контрразведки — в **направленной в Москву докладной записке № 03 от 28 июня 1941 г. начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабича указано, что** «…командир 7-й авиадивизии полковник Петров с самого начала боевых действий все боевые вылеты организовывал по своему усмотрению, надлежаще боевыми операциями не руководил с самого начала. **19 июня Петров был предупрежден заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня с.г. Петров к этому указанию отнесся крайне халатно»[377].** Это прямое подтверждение того, что **уже 19 июня командование округа с политработниками точно знало, что в 3 часа ночи 22 июня начнется нападение Германии.**

19 июня 1941 г. НКО и ГШ издали (очередной) приказ **НКО № 0042[378]**, первая же фраза которого (вновь) констатирует факт

[377] РГВА РФ. Ф. 9. Оп. 39. Д. 103. Л. 86—87. Цит. по: *Мельтюхов М.И.* Начальный период войны в документах контрразведки. В сборнике: Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008. С. 10.

[378] ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 201— 203.

злостного бардака: **«По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано».** Судя по всему, этот приказ явился прямым следствием результатов инспекции заместителя наркома обороны К.А. Мерецкова состояния ВВС ЗАПОВО, которая была осуществлена по прямому приказу Сталина за неделю до начала войны (то есть 15 июня)[379]. Этот приказ — весьма любопытный документ. **Во-первых,** он был подписан как наркомом обороны, так и начальником Генерального штаба Красной Армии. **Во-вторых, в приказе содержится прямой категорический запрет на линейное и скученное расположение самолетов на аэродромах. В-третьих,** в этом приказе вопросам маскировки был придан максимально расширенный характер. Проще говоря, в приказе речь шла уже не только о маскировке объектов ВВС, в первую очередь аэродромов, дислоцирующихся на них самолетов и аэродромных постройках, но и о маскировке артиллерийских, мотомеханизированных частей, складов и других важнейших военных объектов. Приказная часть этого документа четко свидетельствует, что этот документ родился действительно в порядке реакции на результаты инспекции Мерецкова.

20 июня 1941 г. ГРУ подготовило и направило высшему руководству СССР донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»[380].

20 июня 1941 г. НКО и ГШ (Тимошенко и Жуков) издали приказ **НКО № 0043**[381], **уже конкретно для ВВС,** в преамбуле которого опять содержится прямая констатация отсутствия какой-либо маскировки в ВВС. Более того, подчеркивалось, что **«такое отношение к маскировке как к одному из главных видов боевой готовности ВВС дальше терпимо быть не может».** Разница между приказом **№ 0043** и приказом **№ 0042** состоит прежде всего в том, что наряду с Тимошенко и Жуковым приказ **№ 0043** подписал также и член

[379] *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 2003. С. 208.

[380] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108. Это энциклопедическое издание подготовил огромный коллектив наиболее авторитетных современных авторов.

[381] ЦА МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 204—205.

Главного военного совета, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков (от лица ПБ ЦК ВКП(б) курировал вопросы авиации). Причем об исполнении приказано доносить ежедневно начальнику ГУ ВВС Красной Армии. Приказ от **20** июня объясняет, чем конкретно не угодил наркому обороны и НГШ ими же изданный приказ от **19** июня. Дело в том, что пункт **№ 8** приказа от **19** июня хотя и косвенно, но делал начальника ГШ как бы ответственным за исполнение приказа, так как гласил, что **«исполнение донести через начальника Генерального штаба».** Но в это время разведка уже просто вовсю глотку орала, что с минуты на минуту грянет нападение. Осознав, что никакими приказами этот злостный бардак в ВВС не исправить, тем более в самое ближайшее время, и уяснив себе, что в случае внезапного нападения немцев авиацию передового базирования ожидает практически неизбежный погром, нарком обороны и НГШ приказом от **20** июня окончательно свалили всю ответственность за неумолимо грядущую катастрофу на командующих ВВС округов и их военные советы. По-другому расценить этот приказ невозможно. Но даже такой вывод меркнет в своем значении перед тем фактом, какие сроки исполнения упомянутых приказов прописали эти двое. У обоих приказов — **№ 0042 от 19 июня 1941 г. и № 0043 от 20 июня 1941 г. —** сроки исполнения как отдельных мероприятий, так и в целом самого приказа указаны в большом диапазоне: **от 1, 5 до 15 и 20 июля и даже октября 1941 г.?!**

Вот как это понимать, если именно в это время, то есть 20 июня 1941 г., разведка уже действительно во всю глотку кричала, что с минуты на минуту грянет нападение?! И как при таких обстоятельствах у обоих повернулась рука подписать эти приказы с такими сроками исполнения?!

20 июня 1941 г. начался процесс перехода погранотрядов и частей погранвойск в подчинение командиров приграничных дивизий РККА, там, где по приказу НКО и ГШ приграничные дивизии согласно своим ПП вышли в погранзону на свои рубежи, а на отдельных участках границы пограничники даже стали передавать свои позиции войскам.

20 июня 1941 г. командующий Черноморским флотом приказал командиру 7-й авиаэскадрильи пограничных войск перейти согласно ПП в оперативное подчинение командиру Одесской военно-морской базы и привести авиаэскадрилью в полную боевую готовность, то есть, по сути, на местах дело дошло уже даже до практической реализации предписаний ПП[382].

20 июня 1941 г. командующие флотами и флотилиями отчитались об исполнении приказа о переходе в состояние готовности **№ 2.** Вот, например, как отчитался командующий КБФ: **«Донесение командующего Краснознаменным Балтийским флотом командующим Ленинградским и Прибалтийским Особыми Военными округами, начальнику Погранвойск. 20 июня 1941 г. Части КБФ с 19.6.41 г. приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива. Командующий КБФ Вице-адмирал Трибуц»[383].**

По аналогичной схеме отчитались и командующие Черноморским и Северным флотами. Обратите внимание на то, перед кем отчитывались командующие флотами — не перед своим наркомом Н.Г. Кузнецовым и тем более не за исполнение якобы им же отданного приказа, а перед командующими приморскими военными округами, у которых они и так находились в оперативном подчинении и от которых они и получили дублирующее указание Генштаба о приведении флотов в повышенную боевую готовность, она же оперативная готовность № 2, а также перед командующим погранвойсками СССР, то есть перед заместителем Берии.

Правда, отчитаться-то отчитались, только вот до сих пор непонятно, как могло получиться, что при усилении патрульной службы в устье Финского залива и Ирбенского пролива воздушные корсары люфтваффе смогли безнаказанно заминировать с воздуха фарватер между Кронштадтом и Ленинградом, а затем спокойно вернуться на свой аэродром в Финляндии в местечке Утти?![384] И хотя это произошло

[382] Пограничные войска СССР. 1939—1941. С. 402.
[383] ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 2. Л. 59. Подлинник.
[384] *Йокипии М.* Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999. С. 289.

рано утром 22 июня 1941 г., но ведь усиление-то патрульной службы КБФ было организовано, если верить отчету Трибуца, еще 20 июня?!

То же самое и с Черноморским флотом. Накануне войны завершились практические учения ЧФ. Корабли только-только вошли в свои порты. Личный состав и командиры получили долгожданный отдых и право сойти на берег. Кончилось это тем, что даже в последнюю предвоенную ночь моряки вовсю гуляли с барышнями на танцах, а командный состав ЧФ и вовсе был на банкете по случаю окончания маневров — соответственно даже полная боевая готовность, на языке ВМФ оперативная готовность № 1, была объявлена лишь тогда, когда на Севастополь посыпались первые немецкие бомбы. В **Центральном военно-морском архиве** и по сей день хранятся засекреченные с 1943 г. **«Записки участника обороны Севастополя» капитана 1-го ранга А.К. Евсеева.** Координаты архивного хранения **— Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Л. 6—126.** Судьба у этих записок сразу стала **незавидной — 28 декабря 1943 г.** адмирал Иван Степанович Исаков приказал засекретить их. Так они и засекречены до сих пор[385].

20 июня 1941 г. в 3.00 утра начальник ОУ ГШ генерал Ватутин направил командующим Одесским, Прибалтийским и Ленинградским округами телеграммы, которыми им предписывалось **«не позднее 23.6.41 представить в ГШ разработку вопросов взаимодействия»** с флотами — соответственно с Черноморским, Балтийским и Северным. В **5 часов утра уже 21 июня 1941 г.** телеграмма аналогичного содержания отправлена и в адрес командующего войсками Закавказского военного округа[386]. При всем искреннем уважении к памяти этого военачальника, более чем затруднительно воздержаться от нелицеприятного вопроса, пускай и в ретроспективе: **а что, раньше нельзя было вспомнить об этом?! Ведь и до 20 июня знали о точной дате нападения, а 20 июня 1941 г. все**

[385] Данные о «Записках участника обороны Севастополя» капитана 1-го ранга А.К. Евсеева и их содержании приводятся по: *Кремлев С.* 10 мифов о 1941 годе. М., 2009. С. 82—84.

[386] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 1. Л. 31, а также «1941 — уроки и выводы». М., 1992. С. 86 и Военно-промышленный курьер № 15 от 18 апреля 2012 г.

уже абсолютно точно знали, что нападение произойдет ранним утром 22 июня. Когда же местному командованию было время согласовывать свои действия?!

20 и 21 июня 1941 г. высшее советское руководство предупредило руководителей крупнейших партийных организаций страны о нападении Германии[387]. Как впоследствии вспоминал В.П. Пронин (1-й секретарь МК партии), Сталин им прямо заявил: «**Возможно нападение немцев»!**[388] А нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов в своих мемуарах отмечал, что **«по словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал в эту субботу** (то есть 21июня. — *А.М.*) **задержать секретарей райкомов на своих местах и запретить им выезжать за город. "Возможно нападение немцев", — предупредил он»**[389]**.**

21 июня 1941 г. ранним утром в авиадивизии ЗАПОВО поступила телеграмма следующего содержания: «Сов. секретно Серия «Г»

Расшифрованная телеграмма № 217

Из Лиды Подана 4—08 21.6.41 Принята 8—00 21.6.41

Поступила в ОШШС 8—05 21.6.41 Расшифрована 8—15 21.6.41

Адрес: Командирам АД, нач-кам районов авиационного базирования, к-рам отдельных АП.

Командующий ВВС приказал все части привести в боевую готовность, подвести необходимое количество боеприпасов принять необходимые меры маскировки аэродромов, матчасти и транспорта. **Об исполнении донести 21.6.41 повторяю 21.6.41 к 18—00»**[390]**.**

И еще о многих мероприятиях по подготовке к отражению грядущей агрессии Германии можно было бы сказать, причем как серьезно и честно исполненных, так и исполненных через пень колоду, не говоря уже о вовсе не исполненных, но, увы, в одной главе всего не перечислить. Для этого необходимо написать многотомную энциклопедию.

---

[387] Досье Гласности. История и Современность. 2003. С. 6.

[388] Там же.

[389] Цит. по: http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov-1/index.hnml.

[390] ЦА МО РФ. Ф. 14. Гв. БАП, Оп. 178446. Д. 2. Л. 310. Документально факт установлен и введен в научный оборот исследователем Г. Спаськовым.

Наконец, поздним вечером **21 июня,** после долгих обсуждений и редакций, был составлен и направлен в округа документ, с давних пор именуемый как директива № 1:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдОВО. Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота

1. В течение 22—23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, Приб. ОВО, Зап. ОВО, КОВО, Од. ОВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов быть в полной боевой готовности**,** встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

Приказываю:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков. 21 июня 1941 года»[391].

Казалось бы, Сталин обеспечил, насколько это было возможно в той ситуации, максимально выгодные политические условия для вступления в неизбежную войну, разведка свой долг перед Родиной выполнила, своевременно предупредила о дате нападения

[391] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 243. Это самое первое издание его мемуаров.

и даже час начала агрессии назвала, не говоря уже о других представленных и необходимых для командования сведениях, так или иначе планы прикрытия имелись, даже планы обороны государственной границы и ПВО дополнительно разработали, хотя они и не были утверждены ни ГШ, ни НКО, вроде бы и войска заранее перебрасывались к западной границе, заранее приводились в боевую готовность и выводились на рубежи обороны, хотя большей частью через пень колоду, оружие, боеприпасы и боевая техника, а также ГСМ и другое необходимое имущество имелись в предостаточном количестве, предупреждающая о внезапном нападении директива была дана, и тем не менее грянула такая трагедия, что боль от нее не проходит до сих пор. П О Ч Е М У?!

Ограничиться только очередным упоминанием вывода авторов «1941 — уроки и выводы» о том, что «советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако, в отличие от немецкого блицкрига, наши так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению» — значит, сказать не все.

Хотя к одному выводу уже сейчас можно прийти — хоть нажимай своевременно «красную» кнопку, хоть не нажимай ее, но результат был бы, увы, тот же, ибо от «безграмотного сценария вступления вооруженных сил в войну» ничего другого ожидать было невозможно!

Глава 7

Так кто же и в чем виноват? Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования (военно-стратегические аспекты, часть 2)

«Если стратегия вступления государства и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни».

Действительно, есть две стратегии вступления в войну, которые надо четко разделять: **стратегия вступления государства в войну и стратегия вступления вооруженных сил (а не армии) государства в войну.**

За стратегию вступления государства в войну Тимошенко и Жуков (да и в целом генералитет) не отвечали и претензий к ним в этой части быть не может. Это была компетенция Советского правительства или, если угодно, лично Сталина, как главы правительства и фактического главы государства к моменту начала войны. Но он-то со своей обязанностью справился блестяще, причем ряд предпринятых им шагов задолго до Великого 9 Мая 1945 г. обеспечили неминуемую неизбежность Великой Победы:

«Гитлер еще до начала боевых действий против СССР проиграл И.В. Сталину две самые важные стратегические операции — битву за Пространство и битву за Время, чем и обрек себя на поражение уже в 1941 году», следовательно в конечном счете и на полное поражение и безоговорочную капитуляцию Германии в 1945 г. Таков высокопрофессиональный, по-военному четкий и ясный, исторически, научно и стратегически абсолютно обоснованный вывод возглавлявшего в 1997—2005 гг. Академию Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В.С. Чечеватова[392].

И хотя ни избежать, ни даже еще раз оттянуть время столкновения не удалось, однако СССР однозначно стал жертвой вероломной, подлой, ничем не спровоцированной агрессии! И сколько бы ни пытались доказать иное, все равно ничего не выйдет. К тому же Сталин ловко, искусно и заблаговременно ликвидировал и угрозу двух- и даже трехфронтового нападения на СССР. Более того, заставил-таки Запад встать на сторону СССР. Хуже того. Естественно, для агрессоров всех мастей, а также союзников, в том числе, увы, и наших, учитывая, скажем вежливо, их весьма специфическое отношение к СССР. Как черт ладана опасавшийся войны на два фронта Гитлер получил-таки ее именно на два фронта. И даже не на два, а на три фронта, потому как советское руководство очень быстро развернуло мощное партизанское движение в тылу врага. К тому же в качестве противника Гитлер схлопотал-таки мощную антигитлеровскую коалицию в составе

[392] В полном объеме мнение генерал-полковника В.С. Чечеватова выглядит так: «**СССР… “перенес”** (в 1939—1940 гг. — *А.М.*) границу на сотни километров на запад от Москвы, Киева, Минска, Ленинграда, что явилось одной из основных причин срыва плана “Барбаросса”, рассчитанного на молниеносный первый удар. …До начала Смоленского сражения 10 июля 1941 года немецкие войска, наступая со средним темпом до 34 км в сутки, продвинулись в глубину СССР до 680 км, 10 сентября — к концу сражения — они углубились еще до 250 км темпом до 3,7 км в сутки, а оставшиеся до Москвы 250 километров войска вермахта преодолевали с огромными потерями со средним темпом уже до 2,9 км в сутки. Если бы не вырванные у Гитлера 250—350 км пространства от старой границы СССР, Смоленское сражение по времени стало бы битвой за Москву со всеми вытекающими последствиями. Отсюда вывод: “Гитлер еще до начала боевых действий против СССР проиграл И.В. Сталину две самые важные стратегические операции — битву за Пространство и битву за Время, чем и обрек себя на поражение уже в 1941 году”». Приводится по Интернету.

СССР, США и Великобритании, за которыми стояло полмира. Хотя англосаксы далеко не сразу открыли действующий Второй фронт на европейском континенте — длительное время они предпочитали разбираться с Германией на африканском континенте, а с Японией — на Тихом океане. Угроза нападения Турции была также ликвидирована дипломатическими средствами. Япония тоже получила войну на два фронта — уже давно, с 1937 г., и не без поддержки национально-освободительной борьбы китайского народа со стороны СССР, тянувшуюся войну в Китае и войну с США и Великобританией, как лидером Британского Содружества наций. Союзники Гитлера получили в качестве противника все ту же антигитлеровскую коалицию — Сталин намертво дожал и Лондон, и Вашингтон, вынудив их объявить войну союзникам рейха. Наши союзники же получили мощнейший внутренний фронт... в поддержку СССР, и сколько бы они ни желали, особенно на первых порах, не очень-то вмешиваться в дела помощи Советскому Союзу, их внутренний фронт поддержки Советского Союза не позволил им этого сделать.

Так что какие могут быть претензии к Сталину? Осуществленная до 22 июня и осуществлявшаяся Сталиным далее стратегия вступления государства в войну была не только правильной, но и единственно возможной в тех конкретных условиях. Как ни пытался Гитлер представить свое нападение на СССР как «превентивное», как акт защиты от готовящейся агрессии СССР, Сталин его переиграл! Это была блестяще реализованная стратегия, в колоссальной степени предопределившая **ВЕЛИКОЕ 9 МАЯ 1945 года.**

Однако в части, касающейся выбора **стратегии вступления вооруженных сил в войну**, за что персональную ответственность несли лично нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба, тогда генерал армии Г.К. Жуков — здесь мы возвращаемся к тому, что он наплел писателю Симонову, — то вот тут генерал-полковник ГРУ Н.Ф. Червов, чье мнение было приведено выше, увы, не совсем точен — в реальности же никакой **«недооценки Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания**

войны и ее ведения в первые часы и дни» попросту НЕ ИМЕЛО МЕСТО БЫТЬ!

Достаточно даже беглого взгляда на давно опубликованные тексты выступлений Жукова, Тимошенко и ряда других военачальников на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, чтобы мгновенно убедиться в том, что они прекрасно все знали, в том числе и о существе самого начального периода современной на тот момент войны, условий развязывания такой войны и ее ведения в первые часы и дни, очень трезво оценивали военно-стратегическую ситуацию, прекрасно понимали суть блицкрига и даже выдвигали весьма серьезные предложения по совершенствованию подготовки войск к отражению агрессии. Подчеркиваю, все это давным-давно опубликовано и любой может ознакомиться с этими материалами[393].

Но если высшее военное командование и в целом высший командный состав прекрасно знали об этом,

если разведка (как сообщество разведывательных и контрразведывательных служб СССР накануне войны) с честью выполнила свой долг перед Родиной и обеспечила высшее военное командование всей необходимой для выработки соответствующих стратегических решений по эффективному отпору агрессии Германии информацией,

если Сталин не придавал никакого серьезного значения германскому блефу насчет операции **«Морской лев»,** поскольку уже в ноябре 1940 г. ясно осознавал, что это действительно блеф, а далее разведка представила еще более убедительные доказательства того, что это и в 1941 г. такой же блеф,

если Сталин никаких матерных резолюций не писал, а наоборот, очень тщательно изучал всю поступающую информацию,

если ни о каком доверии И. Сталина убаюкивающим письмам Гитлера и речи быть не может, ибо никакого обмена письмами между

[393] См.: Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993. Т. 12. С. 129—151, а также РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 1—52. Материалы выступлений высших командиров НКО и ГШ на расширенном Военном совете РККА в декабре 1940 г.

ними по вопросу о концентрации германских войск у советских границ не имело места быть,

если государственный переворот в конце марта 1941 г. в Королевстве Югославии в вопросе о якобы имевшем место переносе даты нападения СССР никакого значения не имел, потому как переноса как такового не было и в помине — время нападения было определено Гитлером за два месяца до этого переворота, еще 31 января 1941 г., в директиве по стратегическому развертыванию войск вермахта, где и было указано 21 июня как дата нападения, скорректирована фюрером же 30 апреля на 22 июня, что кстати говоря, было четко установлено советской разведкой примерно 12 июня 1941 г. Это не перенос, но всего лишь корректировка. 14 июня произошла также и корректировка часа начала боевых действий — вместо 3 ч. 30 мин. по берлинскому (среднеевропейскому) времени было приказано начать войну против СССР в 3.00 утра также по берлинскому времени. И это тоже всего лишь корректировка. Вся история с переворотом в Югославии, который организовали поименно названные в соответствующей главе английские разведчики, и немедленно последовавшими за ним внешнеполитическими шагами нового югославского правительства, была откровенной провокацией Англии, действовавшей руками югославов, дабы поскорее столкнуть Германию и СССР в смертельной схватке, иначе ей, Англии, пришел бы конец.

Одну из решающе ключевых ролей в определении времени нападения на июнь 1941 г. сыграло хищническое стремление нацистских главарей захватить зерновые посевы Советского Союза еще зелеными, чтобы самим уже прибрать к рукам урожай, ибо в 1941 г. Третий рейх вступил при полном отсутствии национального зернового резерва. Высшее советское руководство (как, впрочем, и высшее военное командование) прекрасно знало об этом по детальным донесениям разведки. Немалую роль сыграло также и поражение ближайшего союзника Гитлера в Европе — Муссолини, наглухо увязшего в Греции, вследствие чего Гитлеру и пришлось прийти ему на помощь, утвердив операцию по оказанию содействия Муссолини в Греции еще в ноябре 1940 г., то есть до утверждения плана нападения на СССР.

Если никакого серьезного внешнеполитического (как, впрочем, и внутриполитического) промаха в составлении и публикации знаменитого Сообщения ТАСС от 13/14 июня 1941 г. не имело место быть, так как оно преследовало цель показать всему миру, но прежде всего будущим союзникам по антигитлеровской коалиции, то есть США и Англии, что не СССР явится виновником развязывания неизбежной войны между Германии и СССР, а именно Гитлер. Ко всему прочему это сообщение ясно показывало связанной с Германией Тройственным пактом Японии, что у нее нет и не будет оснований для присоединения к агрессии Третьего рейха против СССР, так как именно гитлеровская Германия явится агрессором. Значение и цель этого Сообщения в нацистском Берлине поняли еще тогда, в середине июня 1941 г., так что пора и отечественным историкам уразуметь эту простую истину. А что касается внутриполитического аспекта этого Сообщения, то вот его оценка Маршалом Советского Союза А.М. Василевским (уж извините за повтор): **«…Думаю, уместно остановиться на известном Сообщении ТАСС от 14 июня. Это сообщение и сейчас нередко толкуется вкривь и вкось. Говорится, к примеру, что оно сыграло чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну. Слов нет, оно вызвало в первый момент у нас, работников Оперативного управления, некоторое удивление. Но за ним не последовало новых принципиальных указаний относительно Вооруженных сил и пересмотра прежних решений о боевой готовности, и мы пришли к выводу, что это дипломатическая акция нашего Правительства и в делах Наркомата обороны ничто не должно измениться. К тому же Н.Ф. Ватутин уже к концу дня разъяснил, что целью Сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев. Поэтому считаю неправильным представлять Сообщение ТАСС как документ, который якобы успокоил и чуть ли не демобилизовал нас»!**[394]

[394] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 120.

Если, наконец, вся экономика СССР, да и вся страна, были подчинены решению задач по подготовке к отпору грядущей агрессии, **то как при таких исходных данных, о которых высшее военное командование накануне войны прекрасно знало, можно было в послевоенное время опуститься до утверждений о том, что-де высшее руководство СССР не верило в возможность войны в 1941 г., а высшее военное командование Советского Союза ничего толком не знало о планах противника, его стратегии и тактике, силах и вооружениях, времени и дате его нападения?**

Это каким же всеобъемлющим отсутствием ума, совести и чести — как воинской, научной, так и обычной, человеческой — надо (было) обладать, чтобы талдычить такое и тогда, и в наше время, когда так много рассекречено, опубликовано и находится в открытом доступе?!

И что же тогда в сухом остатке? **Во-первых,** упоминать всуе о какой бы то ни было неосведомленности высшего военного командования СССР накануне войны о планах германского командования, его стратегии и тактике, подлинном направлении главного удара, силах и вооружениях, наиболее вероятном сроке нападения и точной дате начала агрессии и т.п. в наше время просто отпетая подлость!

А, **во-вторых,** в сухом остатке остается откровенное игнорирование самим высшим военным командованием как исторических закономерностей и очевидностей, а также всех сведений разведки о планах наиболее вероятного противника, его стратегии и тактике, направлении главного удара, его силах и вооружениях, так и аналитически обобщенных данных об уже прошедших боевых действиях наиболее вероятного противника на других театрах военных действий, особенностей последних, в том числе и непосредственно прилегающих к границе, и, увы, состояния собственных войск и коммуникаций на наиболее вероятном театре военных действий в случае агрессии.

Современному человеку, тем более после десятилетий свирепо разнузданной антисталинской пропаганды, разрушившей едва ли не

все основы объективного восприятия исторической информации в отношении советского, прежде всего сталинского, периода истории, с насильственно вдолбленными антисталинским сознанием, варварскими стереотипами в отношении недавней истории родного Отечества и примитивно-клиповым мышлением, чрезвычайно трудно не столько даже уяснить все это, сколько прежде всего просто воспринять, хотя бы в минимуме, то, что тогда произошло. А речь-то ни много ни мало идет о том, что в период с ранней осени 1940 г. по 21 июня 1941 г. в военном планировании СССР в целях отражения грядущей агрессии гитлеровской Германии произошло нечто немыслимое.

Прежде всего, как это ни парадоксально, накануне войны усилиями Тимошенко, Мерецкова, а затем и Жукова (и других тоже) армия на какое-то время приводилась в небоеспособное состояние! Именно так в свое время охарактеризовал Маршал Советского Союза М.В. Захаров то, что натворили Тимошенко, Мерецков и Жуков накануне войны: **«В условиях надвигавшейся войны, когда вырисовывались явные признаки готовившегося нападения фашистской Германии на СССР в самые ближайшие месяцы, предпринятые меры по коренному переустройству основных видов вооруженных сил и родов войск были не только ошибочными, но и весьма опасными. По существу, армия на какое-то время приводилась в небоеспособное состояние»[395].**

Точно такой же вывод сделали и авторы блестящего труда «1941 год — уроки и выводы»: «Весь комплекс основных мероприятий по перевооружению и оснащению формируемых частей и соединений армии, особенно танками, артиллерией и самолетами, планировалось завершить лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны он оказался невыполненным… **Безусловно ошибочной явилась также и одновременная реорганизация основных родов войск в западных приграничных военных округах. В условиях непосредственной угрозы нападения фашистской Германии это привело к тому,**

[395] *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний. В книге Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 405.

что в момент агрессии, по существу, не оказалось полностью боеспособных стрелковых, танковых, моторизованных, авиационных соединений и частей»[396].

Между тем самый элементарный, самый примитивный анализ тех данных, которые предоставляла разведка, со всей очевидностью показывал, что нападение произойдет до конца первого полугодия 1941 г. (а такие данные поступали с самого начала), что означало, что при наличии таких сведений уже нельзя было ни предлагать правительству, ни настаивать перед правительством, ни тем более практически затевать столь крупномасштабные реформы в технически и с точки зрения логистики очень сложных родах войск, на плечи которых по официально фигурировавшему замыслу отражения агрессии возлагалась главная задача — быть главной ударной силой и разгромить в пух и прах проклятого агрессора, если он посмеет напасть на СССР.

И уж тем более нельзя было исподволь вынашивать сумасбродные планы отражения агрессии, которые сами же после войны обозвали **«безграмотным сценарием вступления вооруженных сил в войну».**

В этой связи особенно поражает то обстоятельство, что высшее военное командование того времени, представленное едва ли не в абсолютно подавляющем своем большинстве выходцами из крестьянской среды, настолько оторвалось от своих корней, что когда разведка неоднократно сообщала (к тому же на ранней стадии отслеживания агрессивных приготовлений Германии), что немцы планируют **«захватить посевы зерновых, пока они зеленые»,** что можно было сделать только в середине, максимум до конца июня (не говоря уже о конкретном упоминании самого июня месяца, включая ориентировочную и даже точную дату), оно никак не отреагировало, а после войны пустилось во все тяжкие, утверждая, что-де они ничего не ведали о времени нападения, да и вообще во всем виноват Сталин! А что уж тогда требовать от сегодняшних, выросших на «демократическом» асфаль-

[396] «1941 год — уроки и выводы». С. 96—97.

те и не нюхавших реального пороху «диванных стратегов», вещающих с ученым видом знатоков всего и вся из всех СМИ, и даже утюгов и кофеварок?!

Мало того что, по существу, армия на какое-то время приводилась в небоеспособное состояние, так ведь вдобавок к этому «советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако, в отличие от немецкого блицкрига, наши так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению»[397].

По сути дела, эти всеохватывающие процессы — неуместные реформы, приведение армии в небоеспособное состояние и непродуманный подход к выбору стратегии отражения агрессии предрешили неминуемую неизбежность трагедии 22 июня 1941 г.

А начало непродуманному подходу к выбору стратегических действий по отражению грядущей агрессии было положено еще ранней осенью 1940 г., когда лично наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко, а затем им же, но уже совместно со вновь назначенным начальником Генерального штаба РККА генералом армии К.А. Мерецковым был инициирован процесс ничем не обоснованных принципиальных изменений в оценке возможных действий противника и соответственно наших ответных действий. В результате произошло следующее:

I. Ничем не обоснованное и откровенно противоречившее и историческим закономерностям, и явным очевидностям, и первичным данным разведки о том, что противник уже осенью 1940 г.

[397] «1941 год — уроки и выводы». С. 135.

проявлял большую активность на направлениях ПРИБОВО и ЗАПОВО[398], **резкое изменение в определении направления главного удара противника в планах НКО и Генштаба РККА.** В итоге абсолютно незаконным образом особый приоритет приобрело Юго-Западное направление как якобы направление главного удара противника, что открыто не афишировалось, но к чему Сталин не имел никакого отношения. **Особенно поражают два обстоятельства, при которых это произошло. Во-первых,** это изменение в пользу Юго-Западного направления совершенно необъяснимым, каким-то мистическим образом совпало с изданием **«Указания штаба оперативного руководства ОКВ руководству Абвера о мероприятиях по дезинформации советского военного командования. 6 сентября 1940 г.»** (**обратите особое внимание на п. 2**): «В ближайшие недели концентрация войск на востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте. Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на восток. В то же время Россия должна понять, что в Генерал-Губернаторстве (оккупированная гитлеровцами часть Польши. — *А.М.*), в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства. Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе.

[398] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. Приложение IV. Сноска на с. 592. В ней, в частности, отмечалось, что «<…> информация об активности германских войск касалась в основном полосы Прибалтийского и Западного особых военных округов».

Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т.п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усилилась за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например о нумерации полков, численности гарнизонов и т.п., могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает Главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба Верховного главнокомандования Йодль»[399].

Достоверно неизвестно, удалось ли советской разведке добыть сведения об этом указании — никаких реальных зацепок нет, хотя агентура в абвере имелась. Главное тут в том, что уже в начале **сентября** 1940 г. немцы начинают продвигать нам дезинформацию о том, что их главные силы будут сосредотачиваться южнее Полесья, а уже 18 сентября, а затем и (особенно) 14 октября Мерецков вместе с Тимошенко представляют Сталину и Молотову очередные варианты проекта «Соображений…», в которых предлагается считать приоритетным удар главных сил вермахта по Украине, и, значит, и нам там надо иметь больше наших сил!

[399] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfuhrungsstab). 1940—1945 (далее KTB-OKW), München, 1982. Bd.1. S. 973.

Во-вторых, еще более поразительно то, что упомянутое изменение произошло при полном и незыблемом постоянстве во всех вариантах проекта **«Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.»** (за исключением «Соображений по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией и ее союзниками» якобы от 15 мая 1941 г.) прогноза выдающегося аса советского Генштаба Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова о том, что **«основным, наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным является вариант ее действий с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан». Прогноз Шапошникова о том, где будут сосредоточены главные силы противника, — вообще никогда не изменялся, чему есть четкое картографическое подтверждение!**

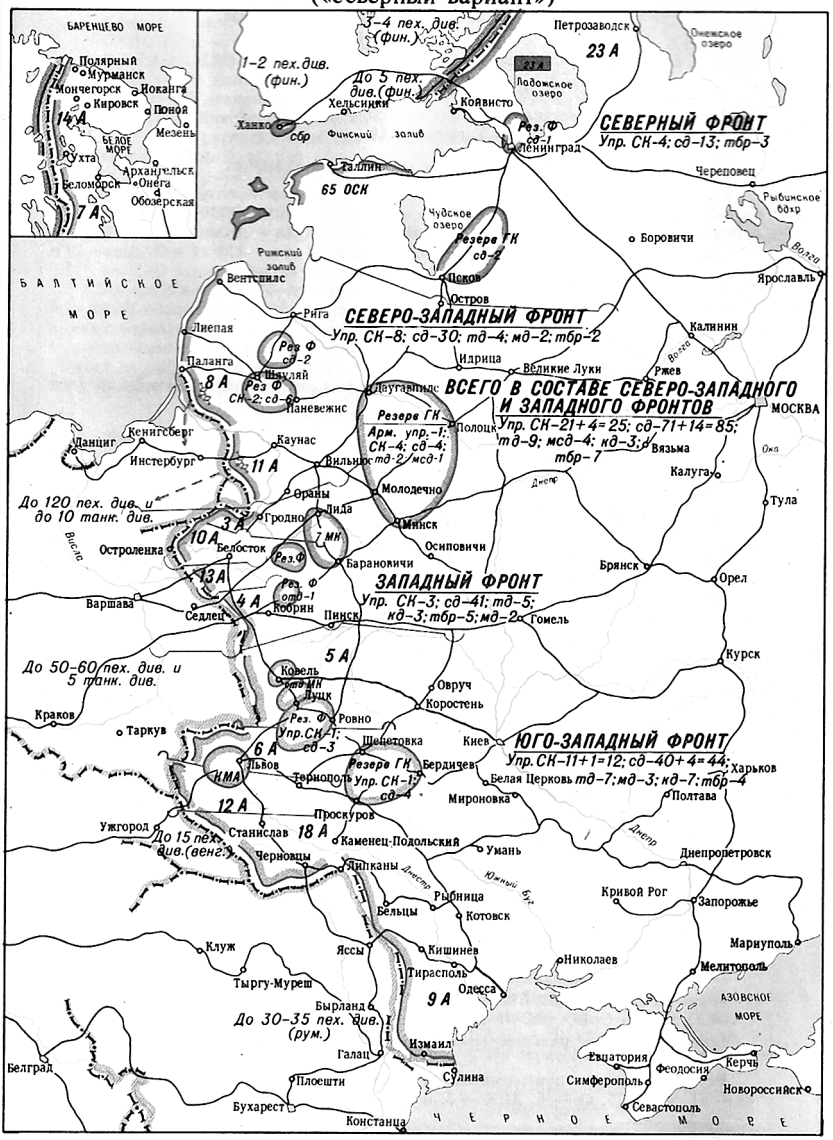
Даже беглого взгляда на эти две карты-схемы, опубликованные в качестве приложений № 15 и № 16 в книге «1941 год — уроки и выводы», вполне достаточно для того, чтобы убедиться, что, пускай и не совсем точно по количеству сил, но главные силы фрицев в обоих случаях ожидались только на их левом фланге. Проще говоря, совместно выдвигавшийся Тимошенко и Мерецковым тезис о необходимости считать Южное направление в качестве основного, что было отражено в вариантах проекта «Соображений …» от 18 сентября и 14 октября, в планах Генштаба так и осталось не более чем предложением! Главный удар по планам Генштаба, что в «южном», что в «северном» вариантах, которые Генштаб должен был подготовить с отработкой планов развертывания и в округах к 1 мая 1941 года, предусматривали удар главных сил вермахта только севернее Полесья!

Аналогичное картографическое подтверждение привел также и маршал М.В. Захаров.

Маршал М.В. Захаров отмечал по этому поводу: **«Но с приходом на должность Наркома обороны тов. С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба тов. К.А. Мерецкова взгляды на страте-**

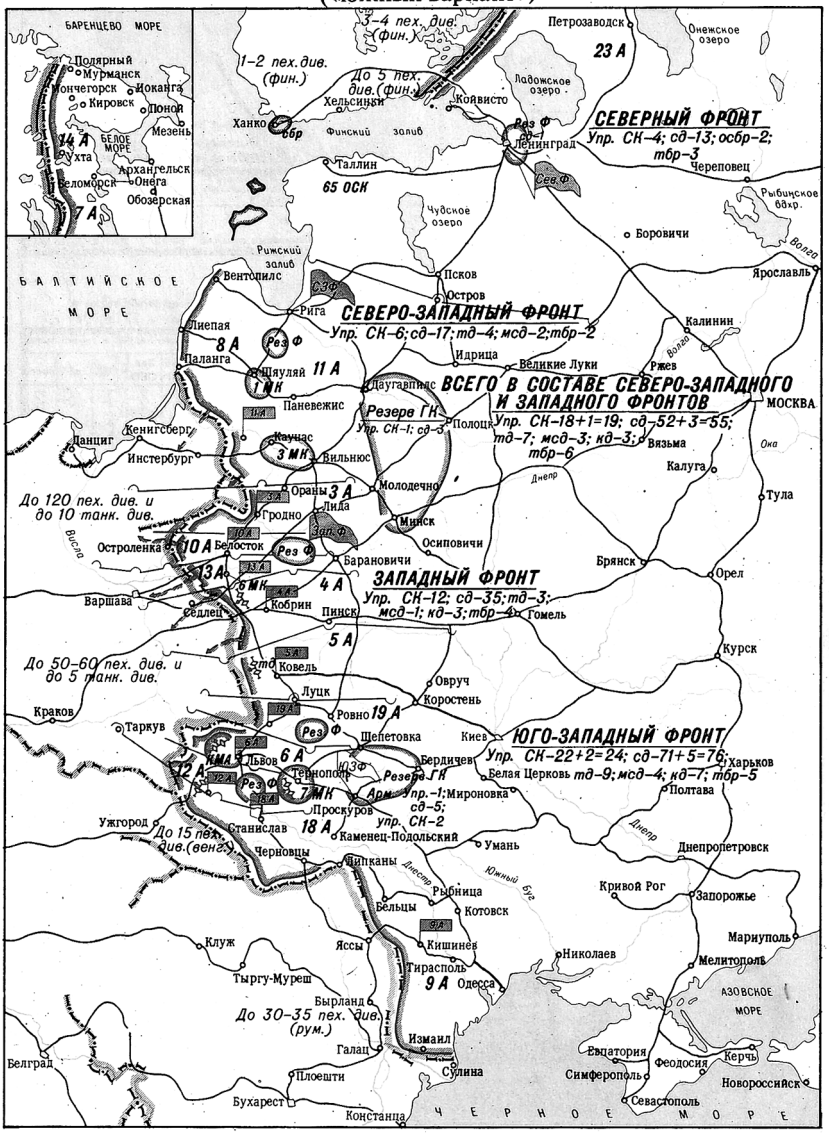
Приложение 16

СХЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ («северный вариант»)



Приложение 15

СХЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ
(«южный вариант»)



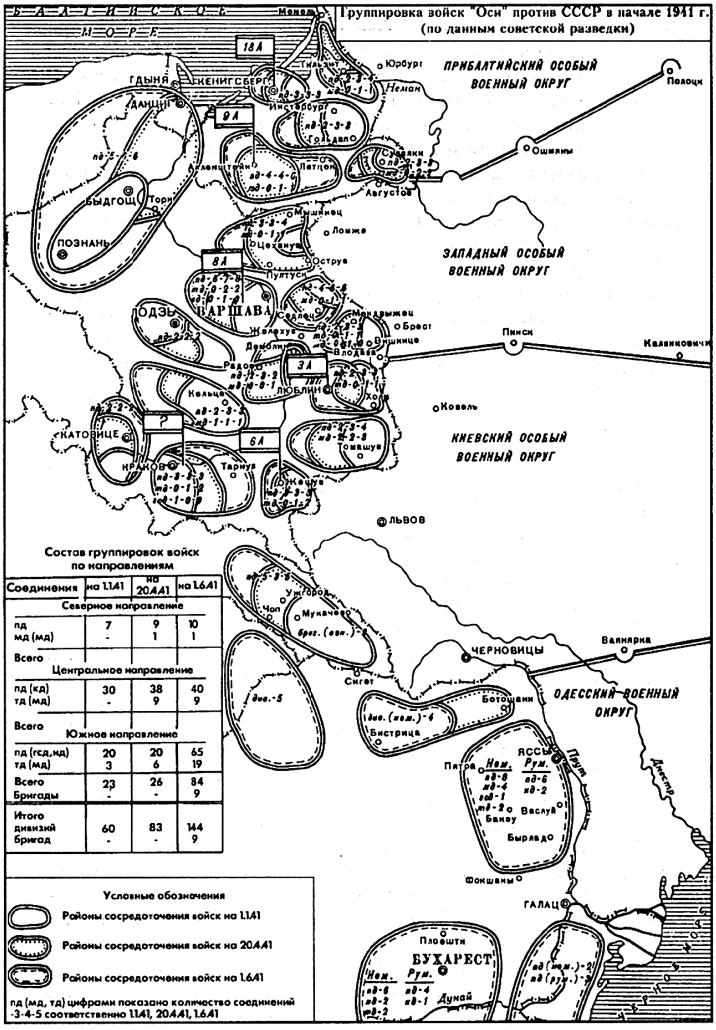


Схема опубликована Маршалом Советского Союза М.В. Захаровым в книге «Накануне великих испытаний», которая является неотъемлемой частью общей книги его мемуаров под названием «Генеральный штаб в предвоенные годы». М., 2005. С. 397

гическое сосредоточение и развертывание резко меняются, хотя в оценке возможных действий противника расхождений не было.

Главная группировка советских войск создается южнее Припяти для выполнения следующей стратегической задачи: "Мощным ударом в направлении Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне"[400].

В плане стратегического развертывания указывалось: **"Удар наших сил в направлении Краков, Бреслау, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительно политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши". По этому варианту и была развернута Красная Армия к началу Великой Отечественной войны»[401].**

А в прижизненном издании книги **«Генеральный штаб в предвоенные годы»** маршал М.В. Захаров отмечал по этому вопросу следующее: **«По сравнению с прежним в новом плане нет каких-либо заметных изменений в оценке противника и своих войск, в распределении наших сил и в постановке им боевых задач, а также избираемых способах борьбы. Но совсем иными стали взгляды на решение коренного вопроса обороны страны на Западном театре.** В представленном плане **Генеральный штаб предлагал главные силы Красной Армии в зависимости от обстановки развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное решение на развертывание, по мнению Генштаба, зависело от той военно-политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Поэтому в условиях мирного времени считалось необходимым иметь разработанными оба варианта.**

[400] Маршал Захаров тогда дал такую ссылку: Архив ГОУ ГШ, оп. 240-48 г., д. 528—V.

[401] *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний в книге «Генеральный штаб в предвоенные годы». М. 2005. С. 421.

Существенно новым моментом в сентябрьском проекте плана являлось признание, что основным его вариантом следует считать развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой предполагаемых намерений противника, приведенной в плане»[402].

Слегка забегая вперед, сразу же отметим, что именно в этом и сконцентрирована вся исходная суть совершенного высшим военным командованием подлога и обмана — прекрасно знать, где на самом деле гитлеровское командование сосредоточит свои главные силы, причем фиксируя это на картах, и тем не менее постоянно утверждать и разрабатывать некие планы, исходя из того, что немецкое командование якобы сосредоточит свои главные силы на Юго-Восточном (для СССР — Юго-Западном) направлении.

Но если бы было возможно вести речь только о подлоге и обмане. Увы, но негатив этого подлога и обмана куда глубже, куда опасней. Дело в том, что уже на этой стадии начинает выползать суть некоторых положений «Плана поражения СССР в войне с Германией», представленного маршалом Тухачевским во время следствия на Лубянке. Мало того что именно оттуда проистекала непонятно на чем основанная уверенность, что главным направлением удара явится Украина: **«<…> Территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина: следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий»[403].** Неужто Тухачевский и вовсе не понимал того, что впоследствии отмечал в своих мемуарах маршал М.В. Захаров: **«<…> Южный театр военных действий, ограниченный Карпатами и припятскими болотами, имел малую оперативную емкость. Состояние коммуникаций в Венгрии и Румынии не позволяло**

[402] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М. 2005. С. 176.

[403] Показания М.Н. Тухачевского следствию, озаглавленные «План поражения», приведены по: Военно-исторический журнал. 1991, № 8, а также: *Сойма В.* (полковник ФСБ в отставке). Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 61—165.

осуществить своевременное сосредоточение достаточно мощной ударной группировки и внезапное вторжение в пределы СССР, а также обеспечить ее всем необходимым. Пугали Гитлера ненадежный балканский тыл, а также необходимость преодолевать в ходе наступления многочисленные реки, протекавшие в этом районе с северо-запада на юго-восток. Приведенные мотивы заставили немецко-фашистское руководство придерживаться северного варианта при нападении на СССР, который по всем предъявляемым требованиям имел существенный перевес по отношению к южному»[404].

Ведь как впоследствии не без изысканной иронии и немалой доли едкого сарказма отмечал маршал Захаров: **«Было бы наивным утверждать, что указанные негативные стороны Юго-Западного театра военных действий оставались неизвестными нашему Генеральному штабу. Скорее всего их отнесли в то время к числу второстепенных и при оценке обстановки в расчет не приняли <…>»[405].**

Можно, конечно, сказать, что ну да и черт с этими глупостями Тухачевского! Можно, но не нужно. Потому что эти глупости почему-то выползли в 1940—1941 гг. при разработке плана отражения грядущей агрессии. Кстати, тут и Жуков в бытность командующим Киевским особым военным округом подсуетился, представив в Генштаб записку (якобы не позднее 15 декабря 1940 г.), правда за подписью начальника штаба КОВО генерал Пуркаева, что-де фрицы точно ударят главным ударом на Юго-Западном направлении. Гитлер еще не подписал пресловутую директиву № 21 — «Вариант Барбаросса», ГРУ еще не располагало более или менее серьезными данными о плане грядущей агрессии Германии, а Жуков и все командование КОВО уже точно знали, где фрицы долбанут главным уда-

[404] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 181—182.

[405] Там же. С. 182.

ром?! Что ни «стратег», так точно «гений»… с претензией на лавры Нострадамуса…

Проще говоря, наши высшие военачальники — нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальники Генштаба РККА генералы армии К.А. Мерецков и Г.К. Жуков, — под предлогом того, что якобы они ждут главный удар немцев на юге, с осени 40-го по май 41-го пытались убедить Сталина усилить КОВО нашими главными силами, прекрасно зная при этом, что южнее Полесья немцы в принципе не могут выставить свои главные силы из-за малой оперативной емкости этого региона и сложных условий самой местности южнее Полесья!

А подлые глупости Тухачевского не просто выползли. Именно в «Плане поражения СССР в войне с Германией» прозвучал еще более опасный, стратегически чрезвычайно опасный тезис о том, что **«Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической»**[406]**.**

Охренеть, какой у нас был «гениальный, но невинно убиенный стратег»! Это ж каким надо было быть подлым идиотом, чтобы предполагать совершенно фантастической для замыслов Гитлера задачу полного разгрома СССР с походом на Москву!? Неужели и впрямь не понимал, на кой черт Гитлера привели к власти в Германии?!

Увы, но точно такая же ситуация сложилась и в 1941 г. Взгляните на схему ожидания Жуковым и Тимошенко направлений ударов вермахта — она слева[407]. А затем взгляните на правую схему — это схема реально имевших место направлений ударов вермахта 22 июня 1941 г.

---

[406] Показания М.Н. Тухачевского следствию, озаглавленные «План поражения», приведены по: Военно-исторический журнал. 1991, № 8, а также: *Сойма В.* (полковник ФСБ в отставке). Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 61—165.

[407] Схема взята из книги В. Лота «“Альта” против “Барбаросса”». М., 1995.

Почему через четыре года после расстрела Тухачевского вдруг всплыла эта поразительно преступная аналогия с тем, что он написал в плане поражения, нагло проигнорировав особое стратегическое значение Белорусского (Западного) направления?! Жуков, например, до конца своей жизни так и не смог вразумительно объяснить (за исключением не имеющих ни малейшего основания бредовых ссылок на Сталина), каким это образом советскому командованию удалось столь лихо прозевать главный удар на Западном (Белорусском) направлении! Предпринимаемые на протяжении многих десятилетий любые попытки и потуги всевозможных толкователей и комментаторов его «воспоминаний и размышлений» дать хоть какое-нибудь мало-мальски вразумительное объяснение столь «феноменальному зевку» привели лишь к тому, что дали исключительно убедительные аргументы в пользу того, что **прозевали-то главный удар на Западном (Белорусском) направлении более чем СОЗНАТЕЛЬНО!**

Так, и поныне очень авторитетный военный историк современной России генерал армии М.А. Гареев много лет кряду объяснял, что **«направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — и в этом состояла одна из серьезных оши-**

бок), а применительно совсем к другим способам действий, когда западные военные округа после кратковременного отражения вторжения противника и завершения отмобилизования армии должны были переходить в наступление. Но для подобного способа действий, которые не состоялись, упомянутый выше вариант направления сосредоточения на Юго-Западном направлении был вполне обоснованным и более выгодным, чем на Западном направлении. Главный удар на юго-западе пролегал по более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника...»[408].

Как многоопытный профессиональный военный, генерал армии Гареев не мог не отметить и того, что **«совсем другие условия, а, следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, более выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался»[409].** И он же: **«...Невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск»[410].**

Ну и, наконец, апофеоз объяснений генерала армии М.А. Гареева — **если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это означало бы, что «приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления пре-**

[408] *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 50.

[409] *Гареев М.А.* Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать // «Красная звезда». 1991. 27 июля.

[410] *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 128.

восходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»[411].

Последний министр обороны СССР маршал Советского Союза Д.Т. Язов и вовсе со всей маршальской прямотой рубанул правдуматку о том, что **«план отражения фашистской агрессии носил контрнаступательный характер»[412],** подчеркнув далее, что **«в основе подготовки начальных операций лежала идея мощного ответного удара с последующим переходом в решительное наступление по всему фронту. Этому замыслу была подчинена и вся система стратегического развертывания Вооруженных сил. Ведение стратегической обороны и другие варианты действий практически не отрабатывались»[413].** Маршал забыл только два слова — **немедленного и молниеносного ответного удара.** Впрочем, и так понятно, что он хотел сказать.

Опубликовавший почти тридцать лет назад в **«Военно-историческом журнале»** статью под названием **«Развертывание**

[411] *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 119—120.

[412] Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 13.

[413] Там же.

оперативного тыла в начальный период войны» генерал-полковник Г.П. Пастуховский прямо указал, что **«...в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций. Варианты отмобилизования и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отрабатывались»**[414]. Таких практически безапелляционных свидетельств предостаточно в отечественной историографии.

Но тогда остается только одно: и Тимошенко, и Мерецков (как также причастный к этому подлогу и обману предшественник Жукова), и сам Жуков тоже полагали совершенно фантастической для замыслов Гитлера задачу полного разгрома СССР с походом на Москву! А, следовательно, «прозевали» главный удар германского командования на Западном (Белорусском) направлении вполне СОЗНАТЕЛЬНО!

Между тем в реальности же не было причин ни для подлога, ни для обмана, ни тем более не было никаких серьезных оснований для резкого изменения в одном из важнейших вопросов — в определении направления главного удара противника, кроме, увы, узко клановых интересов формировавшейся в то время во главе РККА «киевской мафии» — генералов — выходцев из Киевского особого военного округа.

В отечественной историографии о Великой Отечественной войне долгое время замалчивался тот факт, что еще к началу весны 1941 г. в высшем военном командовании СССР сложился крепко спаянный клан так называемой «киевской мафии» — мафии генералов — выходцев из Киевского особого военного округа. Клан этот стал складываться еще с середины 1940 г., когда наркомат обороны возглавил С.К. Тимошенко. Маршал Советского Союза М.В. Захаров предельно аргументированно обосновал одну из главнейших,

[414] *Пастуховский Г.П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны. Военно-исторический журнал, 1988, № 6. С. 18—25.

если не самую главную, причину столь резкого изменения прогноза в определении направления главного удара немецких войск: **«Перенацеливание основных усилий Красной Армии на Юго-Западное направление в плане стратегического развертывания <…> отчасти <…> можно объяснить и тем, что ключевые посты в Генеральном штабе, начиная с лета 1940 года, постепенно заняли специалисты по Юго-Западному направлению. С назначением Народным комиссаром обороны маршала С.К. Тимошенко, до этого командовавшего Киевским Особым военным округом, произошли крупные перестановки в Генштабе. В июле 1940 года из Киевского Особого военного округа в Генеральный штаб были назначены: генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин (начальник штаба округа) — сначала на должность начальника Оперативного управления, затем первого заместителя начальника Генштаба; генерал-майор Н.Л. Никитин — начальником мобилизационного управления; корпусной комиссар С.К. Кожевников (член Военного совета КОВО) — военным комиссаром Генштаба. В феврале 1941 года командующий КОВО генерал армии Г.К. Жуков выдвигается на пост начальника Генштаба. В марте этого года на должность начальника Оперативного управления Генштаба переводится заместитель начальника штаба КОВО генерал-майор Г.К. Маландин, а начальник отдела укрепленных районов штаба КОВО генерал-майор С.И. Ширяев — на должность начальника укрепленных районов.**

Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение Юго-Западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание, на наш взгляд, невольно приковывалось к тому. что было более знакомо, тщательно изучено и проверено, что "прикипело к сердцу", длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало

на второй план наиболее весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий.

Подобный метод подбора руководящих работников Генерального штаба нельзя признать удачным. Никакого повода или веских оснований к широкому обновлению его состава в условиях приближавшейся войны, да к тому же лицами, тяготевшими по опыту прежней деятельности к оценке обстановки с позиций интересов командования Юго-Западного направления, не было»[415].

«<...> А эти люди, вполне естественно, привыкли работать в интересах своего региона и знали его особенности лучше, чем другие оперативные направления. После назначения наркомом обороны бывшего командующего КОВО С.К. Тимошенко он тут же пригласил бывшего начальника штаба этого округа Н.Ф. Ватутина на должность начальника Оперативного управления Генерального штаба, начальника мобилизационного отдела штаба КОВО генерал-майора Н.Л. Никитина — на должность начальника Мобилизационного управления Генерального штаба. Бывший командир механизированной бригады и начальник автобронетанковых войск КОВО И.Я. Федоренко становится начальником Автобронетанкового управления РККА. Бывший командующий 6-й армией КОВО Ф.И. Голиков становится начальником Главного разведывательного управления (на тот период правильно Разведывательного управления. — ???А. М.) и заместителем начальника Генерального штаба. Бывший член Военного совета КОВО корпусной комиссар С.К. Кожевников назначается на должность военного комиссара Генерального штаба. Эти люди пользуются особым расположением наркома...»[416] А каждый из выдвиженцев Тимошенко, естественно, потащил за собой своих людей.

[415] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 180—181.

[416] *Рунов В.А.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009. С. 99. Рунов опирается на мнение Маршала Советского Союза М.В. Захарова.

И тоже непосредственно из КОВО или из числа выходцев из КОВО. Кстати говоря, именно члены «киевской мафии» были в первую очередь представлены на переаттестацию для присвоения введенных тогда генеральских званий.

Именно «киевская мафия» и **«выдавила»** из Генерального штаба двух его начальников. Сначала Б.М. Шапошникова (формально Шапошников ушел с поста начальника ГШ в конце августа 1940 г. «по состоянию здоровья»), а затем и К.А. Мерецкова, которые в одиночку, естественно, не могли противостоять целому клану, каждый из представителей которого спокойно обходил начальника ГШ и выходил прямо на наркома. Кстати говоря, обратите внимание, что Сталину, судя по всему, не очень-то понравилось, что Тимошенко стал тянуть едва ли не всех подряд из Киевского округа. И начальником ГШ вместо выдавленного Тимошенко Шапошникова поставил Мерецкова, не относившегося к «киевской мафии». Правда, и этот долго не засиделся на посту главы «мозга армии». Тоже «ушли», точнее, откровенно сам напросился на то, чтобы его «ушли» — Сталин снял его с должности начальника ГШ за пассивное поведение на посту НГШ и по итогам проведённых в ГШ КШИ в январе 41-го.

«Г.К. Жуков, назначенный в середине января 1941 года начальником Генерального штаба РККА с должности командующего Киевского Особого военного округа... полностью поддерживал мнение о подготовке противником главного удара на Украине. По крайней мере, в своих мемуарах он признается, что при переработке оперативного плана в феврале—апреле 1941 года Генеральный штаб по-прежнему исходил из того, что главный удар немцев будет нанесен на Украине... Георгий Константинович высказал ряд существенных замечаний по Плану развертывания, отработанному его предшественниками. М.В. Захаров пишет: “С назначением генерала армии Г.К. Жукова начальником Генерального штаба план стратегического развертывания весной 1941 г. вновь стал предметом обсуждения

и уточнения". М.В. Захаров пишет, что последняя корректировка этого документа была проведена в мае — июне 1941 года. Документ был написан, как и прежде, А.М. Василевским, а затем скорректирован Н.Ф. Ватутиным. Идея сосредоточения основных усилий на Украине остается в силе»[417].

Отметим также еще одну, не менее уникальную сторону процесса формирования «киевской мафии». Когда военная контрразведка в начале февраля 1941 г. была передана в ведение Наркомата обороны, то руководящие посты в 3-м Управлении НКО заняли… выходцы из Особого отдела Киевского округа! Ставший начальником 3-го Управления комиссар государственной безопасности 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев до этого назначения служил в КОВО[418], его заместитель — Федор Яковлевич Тутушкин — также выходец из КОВО[419]. Проще говоря, военная контрразведка оказалась в руках не просто абстрактного армейского генералитета, а в самом прямом смысле слова в руках чекистских генералов — членов «киевской мафии». Вот это была ситуация, когда, выражаясь современным языком, у генералов было не просто все схвачено, а железно все схвачено. Мало того что военная контрразведка передана (это был очень серьезный промах со стороны Сталина) в подчинение Наркомата обороны, так она еще и в руках тех генералов-чекистов, которые служили вместе с армейскими генералами в КОВО.

И вот что особенно важно. Вариант **«Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.», который был разработан под руководством Тимошенко — Мерецкова и датирован 18 сентября 1940 г., уже имел резкий акцент на Юго-Западное направление как на основное, где следует развертывать главные силы РККА, потому что якобы именно там германское командо-**

[417] *Рунов В.А.* 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009. С. 98.

[418] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 38.

[419] Там же. С. 207.

вание развернет свои главные силы. Проще говоря, письменное утверждение о том, что-де немецкое командование сосредоточит свои главные силы на Юго-Восточном (для СССР Юго-Западном) направлении появилось на бумаге до представления первого варианта Советскому правительству. Новый вариант проекта документа представили Сталину и правительству уже с таким резким акцентом, который был сохранен и в варианте от 14 октября 1940 г.! Но к появлению такого резкого акцента в первом после Шапошникова варианте проекта документа с одним и тем же названием СТАЛИН НЕ ИМЕЛ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ!

Потому что Сталин действительно не считал Юго-Восточное (для СССР Юго-Западное) направление предпочтительным для верховного германского командования направлением главного удара по СССР. Посудите сами:

А. Советская разведка смогла добыть сведения о проводившихся еще в конце 1936 года в Генеральном штабе вермахта стратегических командно-штабных играх на картах, а также о некоторых их итогах. В частности, о том, что уже тогда, несмотря на огромный буфер в лице панской Польши, немцы взяли Минск **на 5 сутки** картографической агрессии. Однако еще большее значение имеет глобальный вывод, который сделало верховное германское командование по итогам этих игр: **«Никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»!**[420] Данные об этих играх и выводах германского командования по их итогам были доложены Сталину еще 10 февраля 1937 г. — в виде изложения доклада военного атташе США в Берлине от 4 декабря 1936 г. — о практическом обсуждении в Германии планов войны против СССР: «В своем докладе майор Смит сообщает, что ему удалось добыть данные о совещании германского военного министерства, состоявшегося в последних числах ноября 1936 года. На совещании был поставлен вопрос о германской ориентации на Востоке и стра-

[420] Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997, Т. 3. С. 6.

тегической позиции Германии. На совещании выступили Бломберг, Фрич, Геринг, которые изложили несколько вариантов войны против СССР и критику этих вариантов. В своем заключительном слове Фрич заявил, что **никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос создания базы для операций в самой Восточной Польше. С этим согласились все.**

Резюмируя, майор Смит отметил, что можно совершенно точно сказать, что ни одна группа, имеющая здесь значение в военном министерстве, не верит в возможность ведения войны против СССР без важной политической перемены в Варшаве»[421].

Конкретно в то время Восточная Польша — это Западная Белоруссия, которая в результате освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 г. вошла в состав СССР. То есть уже в то время — в конце 1936 г. — начале 1937 г. — было понятно, или, по крайней мере, должно было быть понятно, что вопрос о нападении Германии на Польшу был предрешен еще тогда, в ноябре 1936 г. Причем не только ради уничтожения «версальского ублюдка», как Гитлер называл Польшу, но и прежде всего ради создания соответствующего наиболее выгодного плацдарма для нанесения главного удара по СССР. **Потому как именно с этого плацдарма в Восточной Польше и начинается наиболее короткий путь в глубь России, прямиком ведущий к ее столице — Москве. Да и вообще, повторю, исторически сложилось так, что этот маршрут стал «традиционным» для любой западной сволочи, что с мечом шла на Русь (к слову сказать, не случайно и в наше время Запад столь отчаянно пытается подорвать Республику Беларусь, дабы облегчить себе решение военных задач при нападении на Россию).**

Проще говоря, еще тогда Сталин знал, что именно Белорусское, в терминах 1941 г. — Западное направление явится направ-

[421] *Замойский Л., Нежников Ю.* У роковой черты. Советская разведка накануне войны. В сб. Архивы раскрывают тайны… // Сост. Н.В. Попов. М., 1991. С. 332.

лением главного удара грядущего нападения Гитлера. А память у Сталина была могучая и очень цепкая.

Б. В своей посмертной книге **«Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»** выдающийся советский разведчик П.А. Судоплатов прямо указал, что правительство СССР, то есть прежде всего Сталин, сделало не только безошибочный вывод о неизбежности войны, но и о том, что **«главным театром военных действий станет Западное направление»!** Обратите внимание на то, что Судоплатов указал не Западный театр военных действий, **а именно же Западное направление, где развернутся главные действия противника.** Пройдя горнило страшной войны и блестяще окончив военную академию, Судоплатов прекрасно разбирался в военном деле и отлично понимал значение тех или иных военных терминов.

В. Во многих беседах с писателем Феликсом Чуевым ближайший соратник Сталина В.М. Молотов неоднократно подчеркивал, что перед войной он обсуждал со Сталиным вопрос о стратегии и тактике советской обороны в связи с грядущей агрессией Германии. И, в частности, осознавая, что пока еще Красная Армия уступает по силе вермахту, и потому, очевидно, придется отступать, **они обсуждали вопрос, до какого рубежа возможно отступление — до Смоленска или далее.** Вот его слова: **«Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать — до Смоленска или до Москвы, и это перед войной мы обсуждали».** Но Смоленск — это традиционное продолжение Белорусского направления! Смоленск исторически является ключевой точкой в обороне Москвы на Западном направлении! **И поэтому вовсе не случайно возник вопрос о строительстве 3-й линии УР именно за Смоленском, то есть за спиной ЗАПОВО, в 300 км от Москвы!** То есть и он, и особенно Сталин ясно понимали, что главный удар Германия будет наносить именно на этом направлении, потому как острие стратегии агрессора в войне на уничтожение государства всегда направлено именно на захват столицы государства, которое запланировано уничтожить. Тем более что Москва — это не

только центр политической и государственной власти, но и также с военно-стратегической точки зрения крупнейший промышленный центр и одновременно крупнейший транспортный узел в европейской части России (тогда СССР). Потому и обсуждение у них получилось такое. Кстати говоря, Молотов также одновременно категорически отрицал еще в советские времена возобладавшее с нелегкой руки маршала Жукова утверждение о том, что-де Сталин полагал Украинское направление направлением главного удара вермахта, что якобы главной целью Гитлера был захват Украины, едва ли не в первую очередь.

Г. В марте 1941 г. по указанию Сталина проводилась специальная инспекция ВВС Западного особого военного округа. Казалось бы, исходя из логики повсеместных утверждений о том, что Сталин полагал Украинское направление направлением главного удара вермахта, инспекция должна была бы быть проведена в первую очередь именно в Киевском особом военном округе. Так нет же! Именно же в **ЗАПОВО** ее провели и выявили колоссальный, реально грозивший катастрофой жуткий бардак, который покрывали Тимошенко и Жуков.

Д. В середине мая 1941 г. в Генштабе проводились малоизвестные, если вообще известные, командно-штабные игры — **внимание! — по действиям ВВС именно ЗАПОВО в отражении агрессии. А также — по действиям ВВС ПРИБОВО в случае нападения Германии! То есть на наиболее опасных для страны направлениях!** Казалось бы, опять-таки, исходя из логики все тех же повсеместных утверждений о том, что Сталин полагал Украинское направление направлением главного удара вермахта, такие игры должны были бы быть проведены в первую очередь именно по действиям ВВС Киевского особого военного округа. Так нет же! Провели игры именно же по действиям **ВВС ЗАПОВО и ПРИБОВО.**

Е. Создатель советской авиации дальнего действия Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов зафиксировал в своих мемуарах факт персонального звонка Сталина командующему Западным особым военным округом Д.Г. Павлову буквально

дней за десять до начала войны. Оставляя в стороне содержание этого телефонного разговора Сталина с Павловым, ибо это другая тема, отметим самое главное. **А главным является то, что Сталин звонил именно командующему ЗАПОВО и интересовался положением дел именно в ЗАПОВО и как ведут себя немцы на направлении именно этого округа!** Не командующему КОВО, как он должен был бы сделать, если исходить из логики повсеместных утверждений о том, что именно он полагал Украинское направление направлением главного удара вермахта, а именно командующему ЗАПОВО.

Ж. За неделю до начала войны, то есть 15 июня, по прямому приказу Сталина заместителем наркома обороны по боевой подготовке генералом армии К.А Мерецковым была осуществлена повторная инспекция состояния ВВС ЗАПОВО[422]. И опять был выявлен бардак.

З. По указанию Сталина за четыре дня до начала агрессии, в течение одного светового дня силами **ВВС ЗАПОВО** и в теснейшей координации с погранвойсками НКВД СССР в Белоруссии была произведена воздушная разведка вдоль всей линии границы в полосе компетенции ЗАПОВО. Об это уже говорилось выше. И опять, исходя из логики все тех же повсеместных утверждений о том, что Сталин полагал Украинское направление направлением главного удара вермахта, такая воздушная разведка должна была бы быть проведена в первую очередь именно вдоль линии границы в полосе компетенции именно КОВО. Так нет же! Провели воздушную разведку именно же в полосе компетенции ЗАПОВО.

И. Согласно письменному свидетельству бывшего управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева, которого Сталин постоянно привлекал в качестве секретаря во всех важных совещаниях, во время первого (ориентировочно в 14.00) доклада наркома обороны Тимошенко об обстановке на фронтах 22 июня 1941 г., Сталин первым делом поинте-

[422] *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 2003. С. 208.

ресовался, как обстоят дела у Павлова, то есть как обстоят дела на Западном фронте[423]. **Обратите особое внимание — Сталина интересовало не как обстоят дела на Юго-Западном или Северо-Западном фронтах, а именно на Западном фронте.** Проще говоря, это еще одно важное свидетельство того, что Сталин постоянно считал самым важным именно это направление, потому что кратчайший путь на Москву лежит через Брест—Минск—Смоленск. К слову сказать, это полностью совпадает с более поздними признаниями В.М. Молотова о том, что Сталин именно так и предполагал, попутно откровенно называя ложью утверждения Жукова о приоритете для Сталина Украинского направления. Молотов был прав, так как точно знал, что пришедший на пост начальника ГШ Жуков еще более активно стал протаскивать идею усиления КОВО, Юго-Западного направления, главными силами РККА. Впрочем, Сталин на это давление явно не поддался, и количество дивизий в КОВО с августа 40-го по июнь 41-го не увеличилось в принципе. А когда в начале мая 41-го пришло время выводить за спины ЗАПОВО и КОВО армии РГК из внутренних округов, то две армии были направлены в КОВО (Кирпоносу), на Украину, и две в ЗАПОВО (Павлову), в Белоруссию. Еще три армии РГК находились вокруг Москвы.

II. Следующим, но по сути-то одновременным шагом после незаконного и необоснованного изменения прогноза о направлении главного удара явилось введение в орбиту стратегического планирования того времени, обладавшего двойным дном тезиса о необходимости в первый же этап войны отрезать противника от его баз и союзников на Балканах:

— во-первых, потому что именно этим тезисом и прикрывалось, и одновременно умышленно скрывалось точное понимание руководством НКО и ГШ РККА, где на самом деле немецкое командование сосредоточит и развернет свои главные силы. Ведь на самом-то деле

[423] Из воспоминаний Управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева. Отечественная история, № 2, 2005. С. 7—8. Публикацию подготовил руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН д.и.н. Г.А. Куманев.

у руководства НКО и ГШ не было никаких сомнений в том, что немецкое командование сосредоточит и развернет свои главные силы севернее устья р. Сан (севернее Бреста).

— **во-вторых,** потому что автоматически возникшее в результате резкого изменения в определении направления главного удара противника искушение нанести мощный удар по не главным силам противника, столь же автоматически привело к тому, что руководство НКО и ГШ РККА стало исподволь готовиться к нанесению своего главного удара своими главными же силами (КОВО) по не главным силам немцев. Руководство НКО и ГШ прекрасно знало — этот прогноз, еще раз подчеркиваю, также никогда не изменялся, — что гитлеровское командование действительно сосредоточит (и реально же сосредотачивало — еще раз взгляните на приводившиеся выше карты-схемы) и развернет (и реально же развернуло) на Юго-Восточном (для СССР — Юго-Западном) направлении свои хотя и внушительные, но отнюдь не главные силы.

В результате такого подхода самым радикальным образом был нарушен основополагающий принцип военного искусства — при защите от агрессии против главных сил противника должны быть выставлены свои главные силы (в обороне), или по меньшей мере необходимо выставить такую группировку своих сил, которая была бы достаточна для обороны. Иначе оборону не удержать и нападающего не окоротить и уже тем более не обескровить, не говоря уже об уничтожении и тем более подготовке к контрнаступлению.

Не случайно, что как предупреждение Тупикова, так и, например, информация Р. Зорге, намертво зафиксировавшая самую суть вредоносности избранной стратегии **— что против не главных сил немцев наши выставили главные силы, вместо того чтобы выставить главные силы против главных сил фрицев, что немцы, увы, зафиксировали,** а также некоторые другие данные разведки, например, о запланированном германским командованием взятии славного Минска на пятые сутки с начала боевых действий, не были доложе-

ны Сталину. В противном случае, тем более после трагедии 22 июня, список «невинных жертв сталинизма» широко пополнился бы такими знаменитыми ныне фамилиями, что…

И что бы в дальнейшем ни делало руководство НКО и ГШ накануне нападения, нарушение этого основополагающего принципа уже автоматически не могло не сказаться самым негативным образом при реальном нападении Германии.

«Крупный просчет в создании исходной группировки войск состоял в несоблюдении одного из основных принципов военного искусства — решительного сосредоточения (массирования) сил и средств на избранных направлениях. Это обнаружилось сразу же в первых сражениях. Например, войска Западного фронта в Белоруссии вынуждены были сражаться в каждый момент времени с превосходящими силами противника из-за стремления прикрыть войсками всю полосу обороны. Вторые эшелоны (резервы), предназначенные для нанесения контрударов и для усиления, во многих случаях выдвигались по частям с запозданием и использовались для затыкания “дыр”. Раздробленность исходной группировки войск приграничных округов была обусловлена, конечно, не политикой, а военным искусством. Результатом ее стала трагедия для наших войск — многочисленные “котлы” (Белостокский, Слонимский, Новогрудский), фланговые удары, охваты, прорывы в глубину, огромные потери в живой силе и технике. То есть немцы, используя наши ошибки, повторили в основном те же приемы военных действий, что были в германо-польской войне, только в более крупных масштабах»[424].

Тезисом же о необходимости в первый же этап войны (без четкого определения его временных рамок) отрезать противника от его баз и союзников на Балканах прикрывалось/скрывалось неадекватное реалиям стремление ударить по не главным силам немцев с плацдарма КОВО своими главными силами главным же ударом в порядке реализации уже в то время втуне вынашиваемого замысла операции немедленного (молниеносного) контрнаступления по факту нападе-

[424] *Червов Н.Ф.* Провокации против России. М., 2003. С. 73—76.

ния. Согласно высокопрофессиональной экспертной оценке этого замысла одним из наиболее авторитетных военных специалистов современности, в прошлом старшего офицера Оперативного управления современного Генштаба — М.М. Ходаренка, это было планирование операции без цели, в пространство, в никуда, не говоря уже о том, что ни от каких союзников такой удар Германию никак не отрезал бы [425].

III. Следующим шагом стало введение в орбиту стратегического планирования противоречившей законам и канонам военного искусства идеи о двойственном планировании с выбором варианта развертывания своих основных сил в зависимости от того, где противник развернет свои главные силы (хотя принципиально невозможно отрицать целесообразность планирования разных вариантов). Появление такой идеи в орбите стратегического планирования со своей стороны также откровенно грозило крайне негативными последствиями:

— во-первых, потому что альтернативы выставлению против главных сил противника собственных главных сил или, по меньшей мере, такой группировки своих сил, которая была бы достаточна для обороны, **— НЕТ.** Нарушение этого незыблемого закона военного искусства автоматически вело к трагедии. 22 июня 1941 г. наглядно это показало со всей жутко кровавой убедительностью.

— **во-вторых,** потому что к моменту установления разведкой направления развертывания главных сил противника при условии, что современные на тот момент войны начинались внезапно заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми силами, просто не осталось бы времени не только для выбора того или иного варианта, но и прежде всего для самого сосредоточения и развертывания своих главных сил. Оно ведь так и произошло. Ведь прекрасно же знали, что в основе гитлеровского блицкрига — массированный удар танковыми группами при столь же массированной поддержке авиации и артилле-

[425] *Ходаренок М.М.* Урок, оплаченный большой кровью. Независимое военное обозрение. 2001, 22 июня.

рии, который не оставит ни шанса, ни тем более времени для сосредоточения и развертывания своих сил. Это тем более было важно для обороны столь гигантского в своих пространствах государства, как СССР, протяженность линии сухопутной границы которого между побережьями Балтийского и Черного морей составляла примерно 3375 км. Собственно говоря, именно это-то и произошло 22 июня 1941 г., когда пришлось в срочном порядке перебрасывать войска с Юго-Западного направления на Западное — в помощь Западному фронту.

Все это еще накануне назначения генерала армии Г.К. Жукова начальником Генерального штаба уже не могло не привести к тому, что идея в ответ на нападение немедленно (молниеносно) ударить по немцам в порядке реализации уже в то время вынашиваемого замысла операции немедленного (молниеносного) контрнаступления не просто возобладала, но и исподволь, жестко же потребовала резкого изменения сути и принципов обороны, заложенных в официально доложенный высшему советскому руководству и в целом им одобренный, но официально же не утвержденный, но тем не менее принятый за рабочую основу проект плана отражения агрессии.

С приходом же на пост начальника ГШ Г.К. Жукова, **во-первых,** завершился процесс формирования **«киевской мафии» и, во-вторых,** как следствие, с одобрения все того же Тимошенко был резко активизирован инициированный еще осенью 1940 г. упомянутый выше процесс. И в конце концов де-факто он завершился в первом полугодии 1941 г. **окончательной подменой принципа обороны на этапе сдерживания и отражения первого удара агрессора на неадекватный складывавшейся обстановке и реальным возможностям приграничной группировки РККА принцип.** В единственном официально доложенном высшему советскому руководству и в целом одобренном и потому принятом за основу проекте плана отражения агрессии среди главных задач РККА на Западном ТВД **на первом месте** стоит: **«1. АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ ПРОЧНО ПРИКРЫВАТЬ НАШИ ГРАНИЦЫ В ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ВОЙСК».** И далее по

всему тексту этого документа главная задача именуется точно так же, в том числе и в сочетании с выражением **«АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА».** Ничего другого насчет принципа обороны там не было предусмотрено. И только спустя определенное время, необходимое главным силам армии для отмобилизования, сосредоточения и развертывания — не ранее чем через **30 суток** с учетом пропускной способности наших дорог и расстояний — РККА могла быть готова к ответным контрнаступательным действиям, причем только при наличии благоприятных условий. А за это время армии приграничных округов соответственно должны были изматывать и уничтожать армии противника. Но чтобы эти армии смогли выполнить столь сложную боевую задачу, и прежде всего устойчиво противостоять активно поддерживаемому авиацией и артиллерией германскому танковому блицкригу, необходимо было выставить как минимум равные, но лучше бóльшие силы, нежели немцы. А не так, как было 22 июня, когда, например, по плану против **30** германских дивизий на направлении ПРИБОВО должны были быть выставлены **16** дивизий РККА, а в итоге на рассвете 22 июня фрицев встречали растянутые вдоль границы **9** наших приграничных стрелковых дивизий с линией обороны протяженностью **40 км** у каждой, хотя по Уставу должно было быть не более **8—10 км.** Прочная оборона может быть построена только в том случае, если врагу противопоставлены как минимум равные, но лучше превосходящие силы.

Между тем 22 июня 1941 г. войска встречали врага в состоянии, которое, вежливо говоря, было более чем вопреки самому элементарно здравому смыслу. Взгляните на таблицу **«Сосредоточение сил на направлениях действий танковых групп немецко-фашистских войск к утру 22 июня 1941 г.»,** которая приведена на **стр. 474 первого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» (в 6 томах),** изданного в Москве **в 1960 г.** В состав редакционной комиссии входили видные советские военачальники, прошедшие войну: маршалы Советского Союза — И.Х. Баграмян,

Ф.И. Голиков, А.А. Гречко, В.Д. Соколовский, генералы — П.А. Белов, Л.Ф. Ильичев, В.В. Курасов, видные советские ученые-историки и другие. Приводимая ниже таблица составлена под контролем высших военачальников на основе, как указано в этом томе, следующих материалов: Архив МО СССР, ф. 229, оп. 9776, д. 5, л. 7; ф. 208, оп. 355 802, д. 39, л. 1, ф. 209, оп. 5561, д. 8, л. 17.

Сосредоточение сил на направлениях действий танковых групп немецко-фашистских войск к утру 22 июня 1941 г.

Танковые группы вермахта	Состав первого эшелона танковых групп вермахта	Фронт наступления танковой группы, км	Советские части на этом направлении
4-я ТГР	1, 6 и 8-я танковые дивизии (свыше 600 танков) и 268-я пехотная дивизия	40	125-я стрелковая дивизия
3-я ТГР	7, 12 и 20-я танковые дивизии (свыше 600 танков)	50	128-я стрелковая дивизия и один полк 188-й стрелковой дивизии
2 ТГР	3, 4, 17 и 18-я танковые дивизии (свыше 800 танков)		Части и подразделения 6, 42 и 75-й стрелковых дивизий, 22-й танковой дивизии (в состоянии неготовности)
1 ТГР	299, 111, 75, 57, 298, 44-я пехотные дивизии. В первом эшелоне 1-й танковой группы танковые дивизии (до 600 танков) развертывались непосредственно за пехотными дивизиями.		87-я и 124-я стрелковые дивизии

И это враг имел только в первом эшелоне: «Данные этой таблицы свидетельствуют, что противник в первых эшелонах своих танковых групп имел неизмеримо больше сил, чем наши соединения, расположенные вблизи границы. Конечно, за передовыми советскими соединениями в глубине территории округов находилось немало других наших войск, однако условия для нанесения первоначального удара были исключительно благоприятны для врага, а быстрый захват им инициативы определил успех этого удара»[426].

В таком состоянии войска оказались в результате того, что одновременно произошла — также де-факто — и полная подмена ранее адекватного политическим целям нацистской Германии четко определенного наиболее вероятного направления главного удара вермахта, прикрывать который активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника должны были сразу два округа — ЗАПОВО и ПРИБОВО. Напоминаю, что речь идет о Минском направлении как сердцевине Белорусского и в целом Западного направления. Вместо Западного (Белорусского) направления главным стало Юго-Западное (Украинское) направление. Взгляните на ниже приводимую таблицу, в которой отражено изменение задач округов к 22 июня 1941 г., что явилось прямым следствием появления на свет пресловутого очень далеко не шедевра стратегического планирования якобы от 15 мая 1941 г.[427]

[426] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. В 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 475.

[427] Таблица составлена на базе материалов, опубликованных в Независимом военном обозрении, № 22, 2000.

Изменение задач приграничных округов (фронтов) с 18.09.1940 г. по (ориентировочно) 15.05.1941 г. (фактически до 22.06.1941 г.)

Наименование документа	Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный особый военный округ (Западный фронт)	Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт)
Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. от 18 сентября 1940 г. № 103202/ ов. ЦА МО РФ. Ф.16. Оп. 2951. Д. 239. Л.197-244.	Прочно прикрывать Минское, Минско-псковское и Риго-Псковское направления, не допустить вторжения немцев на нашу территорию. По сосредоточению войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн, совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии	Прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточению войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. Способствовать Юго-Западному фронту, с переходом его в наступление, разбить Люблинскую группировку противника	Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточению войск, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Петраков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р. Одер

Наименование документа	Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный особый военный округ (Западный фронт)	Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт)
Соображения по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией и ее союзниками (якобы от 15.05.1941 г.) ЦАМО РФ. Ф.16. Оп. 2951. Д.237. Л.1-15	Упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустить вторжения противника из Восточной Пруссии. Обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника	Упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника	Окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин. Ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлении и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце. В дальнейшем наступать в северном или северо-западном направлении для разгрома сил северного крыла противника и овладения территориями бывшей Польши и Восточной Пруссии

Напоминаю, что **«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. от 18 сентября 1940 г. № 103202/ов»** были доработаны в соответствии с рекомендациями высшего руководства СССР (ориентировочно) от 5 октября 1940 г. и в уточненном виде доложены высшему руководству СССР 14 октября 1940 г. Последний документ тем не менее официально и письменно не был утвержден — никаких свидетельств письменного утверждения высшим советским руководством он не имеет. Однако документ был в целом одобрен и потому принят за рабочую основу. Одновременно было предложено разработать два варианта. Высшее военное командование СССР должно было разработать во исполнение согласованных рекомендаций высшего государственного руководства ДВА варианта выставления наших главных сил против главных сил противника, причем в целях обороны и отражения агрессии. То есть «северный» и «южный» варианты. А вот за кем было оставлено право выбора того или иного варианта в зависимости от того, где и на каком конкретно направлении разведка достоверно зафиксирует сосредоточение главных сил противника, четко не было оговорено. В целом принято считать, что за высшим руководством СССР. Практически всеми историками этот документ расценивается как официальный, что не является адекватным действительному статусу этого документа — подчеркиваю, он был всего лишь в целом одобрен, но письменно не утвержден и потому принят за рабочую основу, требующую доработки. В соответствии с этим документом, у войск приграничных округов основная задача была **прочно прикрывать указанные им направления «активной обороной»** и «активными действиями по сковыванию сил противника». В соответствии с этим единственным в целом одобренным, но так и не утвержденным документом у войск приграничных округов основная задача была **прочно прикрывать границы «активной обороной» и «активными действиями по сковыванию сил противника». И только потом, после отмобилизования и сосредоточения основных сил и только при наличии благоприятных к тому условий, переход в решительное контрнаступление, в котором главную скрипку должны были играть войска КОВО.**

Этим «Соображениям…» якобы от 15 мая 1941 г. предшествовали практически аналогичные «Соображения…» якобы от 11 марта 1941 г. (ВИЖ, 1992, № 2, стр. 18—22). Ни один из этих двух документов никогда не докладывался Сталину и даже не покидал стен Генштаба! Более того. Эти документы не были подписаны ни Тимошенко, ни Жуковым. А один из «всплывших» на просторах исторических весей вариантов этого документ якобы от 11 марта, как выяснилось только в июне 2010 г., и вовсе оказался фальшивкой. Генеральная задача согласно документу якобы от 15 мая 1941 г. заключалась в том, чтобы **«упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». По оценке профессионального военного эксперта, план был преисполнен не только поразительнейшей необоснованностью и бессмысленностью, особенно идеей удара в никуда, но и беспрецедентной тупостью, так как в преамбуле этого плана прямо сказано, что враг уже отмобилизовался и развернул свои войска, тем более что и разведка сообщала то же самое! Что в таком случае можно было упредить?!**

Очевидно же, что произошло резкое изменение задач у всех трех округов — у **ПРИБОВО и ЗАПОВО** напрочь исчезла задача прочного прикрытия Минского направления как сути Белорусского направления. Более того. У этих округов появилась задача прикрытия упорной обороной, которая планировалась «узкой лентой» стрелковых дивизий на самой границе, с резко увеличенными против уставной нормы полосами обороны на этой границе, но не имевшими 100-процентной штатной численности, серьезной противотанковой артиллерии и лишенными своей ударной силы в лице изъятых в пользу механизированных корпусов танковых батальонов. В известных номерных майских 1941 г. директивах Генштаба и НКО округам предписывалось: **«...2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа. <...> II. Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими указаниями: 1. В основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и созданных по линии госграницы полевых укреплений**

с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего развития их. Обороне придать характер активных действий...»[428]

После войны бывший начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта, хорошо известный всем историкам и исследователям Второй мировой войны генерал Франц Гальдер рубанет — намертво пригвоздит: «**Русское военное руководство потерпело крушение со своим принципом жесткой обороны»!**[429]

А у **КОВО** исчезла задача прочного прикрытия границы, зато появилась **«простая»** задача типа: **«Окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин. Ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлении и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце. В дальнейшем наступать в северном или северо-западном направлении для разгрома сил северного крыла противника и овладения территориями бывшей Польши и Восточной Пруссии».** Потрясающе «гениально»! С Юго-Западного фланга с боями наступать на север или на северо-запад, чтобы разгромить силы северного крыла противника и овладеть территорией, в частности, Восточной Пруссии! Охренеть, насколько же это «гениально»! Военный эксперт высшего уровня М.М. Ходаренок, мнение которого об этом «плане» приводилось выше, был предельно ясен и конкретен. А можно было бы и покрепче высказаться, ибо наступать с Львовского выступа с задачей, преодолев с боями не одну тысячу километров, разгромить силы противника на его северном крыле и овладеть территорией Восточной Пруссии — о, для этого надо было не просто органически ненавидеть штабную работу, а именно же позвериному, люто по-жуковски ненавидеть и презирать саму необходимость сначала думать, а потом что-то излагать на бумаге.

Проще говоря, исходя из сумасбродных замыслов Мерецкова и Жукова, войска КОВО должны были рвануть в превентивный, а если не будет разрешено, то в немедленное (молниеносное) встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения. Разрешение на превентивный удар дано не было, потому что об этом они даже и не заика-

[428] ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1—3.

[429] Цит. по: *Орлов А.* Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 407.

лись, потому что сей до фантастичности глупейший план Сталину не докладывался ни в бумажном виде, ни устно (хотя сам Жуков еще в середине 60-х гг. прошлого века заявил п-ку ВНУ ГШ В. Анфилову, что он вместе с Василевским якобы пытались в середине мая доложить Сталину эту идею, на что тот пообещал отправить их к прокурору за такие предложения, правда, тут надо иметь в виду, что Анфилов «вспомнил» об этом разговоре и утверждении Жукова через 34 года), однако войска КОВО, ставшие с раннего утра 22 июня войсками Юго-Западного фронта, в соответствии с пресловутой директивой № 3 все-таки рванули в это самое немедленное (молниеносное) встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения под руководством лично Жукова. Варварски жуткий итог хорошо известен.

Самое парадоксально примечательное заключается в том, что и де-юре, и на бумаге сам первоначальный замысел сдерживания и отражения первого удара агрессора сохранялся. Подмена происходила не столько своеобразно, сколько в привычном для чиновников любого ведомства «ручном режиме». Изложенные в единственном официально доложенном высшему советскому руководству и в целом им одобренном и потому принятом за основу проекте плана отражения агрессии замысел отражения агрессии и лежавший в его основе принцип обороны де-юре сохранялись только на бумаге, ибо де-юре их изменить было невозможно — ведь документ-то был в целом одобрен высшим советским руководством и потому принят за рабочую основу, требовавшую определенной доработки (в частности, было предложено разработать два варианта, которые ныне известны как «южный» и «северный», карты-схемы которых были приведены выше).

Этот упомянутый выше и принятый за рабочую основу документ никто не отменял и, более того, официально, то есть решением правительства СССР, официальных изменений в него де-юре не вносилось! Многочисленные же черновые, никем не подписанные и никому из высшего советского руководства никогда не докладывавшиеся различные варианты разных проектов, напоминающие больше прожекты, которыми постоянно тычут все, кому не лень — не в счет! Эти писульки хороши лишь для фиксации резко отклонившегося от заданного принятым за рабочую основу

документом курса незаконного полета «стратегической мысли» сначала Тимошенко, затем дуэта Тимошенко — Мерецков, но более всего дуэта Тимошенко — Жуков. А если прибегнуть к сталинской аллегории, то все эти бумажки хороши только для прокурора или для военной контрразведки…

Факт подмены именно в этой части упомянутого документа — «Соображений…» в варианте Шапошникова и есть краеугольный камень всего того, что натворили Тимошенко и Жуков. И, как следствие, также де-факто произошла и подмена направления сосредоточения основных сил приграничной группировки РККА на Юго-Западное направление, включая и выделенные дополнительные силы. При этом внешне все выглядело как подготовка к отражению агрессии. В реальности же — подготовка к немедленному (молниеносному) по факту нападения контрнаступлению с одновременным молниеносным же переносом боевых действий на территорию противника. К слову сказать, германское командование своевременно зафиксировало такой характер сосредоточения и достаточно ясно для себя осознало суть и наиболее реальные его цели.

Между тем, еще раз подчеркиваю это обстоятельство, ни де-факто, ни тем более де-юре прогноз ГШ со времен Шапошникова о том, на каком конкретно направлении ожидается сосредоточение главных сил немцев, не изменялся вплоть до 22 июня 1941 г. включительно. Это подтверждается как документами, приведенными выше, картами-схемами в работе ВНУ ГШ «1941 год — уроки и выводы», так и работами таких военных профессионалов высшего уровня, как маршал М.В. Захаров.

А в итоге произошла — опять-таки де-факто — и полная подмена самого замысла отражения агрессии на иной, поразительно неадекватный реально складывавшейся обстановке и реальным возможностям приграничной группировки, в том числе, а, быть может, и в самую первую очередь, ее транспортным и в целом логистическим возможностям.

Еще раз напоминаю, что де-юре единственный официально доложенный высшему руководству СССР, в целом им одобренный и потому принятый за рабочую основу проект документа никто не отменял, более того, официально, то есть решением правительства СССР, официальных изменений, тем более принципиальных, в него не вносилось. Даже разрабатывавшийся в первоочередном порядке «южный вариант» и то не был доведен до такого уровня, чтобы его доложить руководству СССР.

Единственным официально доложенным высшему руководству СССР, в целом им одобренным и потому принятым за рабочую основу проектом документа предусматривалось прочное прикрытие границ, сдерживание и отражение первого удара противника активной обороной и активными действиями по сковыванию его сил в период отмобилизования и сосредоточения основных сил РККА, только после чего и только при наличии благоприятных условий предполагался переход в широкомасштабное контрнаступление.

Изложенное на бумаге в упомянутом проекте документа последовательное планирование очередности операций было совершенно нормальным и естественным. Именно так поступает Генеральный штаб, если он на самом деле «мозг армии», а не его противоположность.

Де-факто же осуществленная негласная и незаконная подмена всего и вся привела к тому, что авторы блестящего исследования «1941 год — уроки и выводы», увы, только в 1992 г. смогли жестко констатировать: «**Советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако, в отличие от немецкого блицкрига, наши так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению».**

Не менее естественно и то, что де-факто же осуществленная негласная и незаконная подмена всего автоматически привела и к тому, что вся подготовка к отражению грядущей агрессии покатилась совершенно по иному руслу, что наиболее ярко проявилось именно в КОВО, как только там появился новый командующий генерал Кирпонос, который и прибыл в округ именно с задачей организовать немедленное встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения Германии[430]. **Проще говоря, прочное прикрытие границ, сдерживание и отра-**

[430] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М., 1971. С. 49—51.

жение первого удара агрессора активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника своими хотя бы равными и способными сдержать первый удар противника силами де-факто было полностью отринуто.

Отражение грядущей агрессии стали негласно подготавливать в виде немедленного (молниеносного) по факту нападения встречного (фланговой) контрнаступления или, говоря языком того времени, немедленными встречными операциями вторжения/глубокими наступательными операциями. Ради этого войска на основной части границы (дивизии прикрытия границы) вытягивались узкой лентой статичного фронта, не имевшие полного штата дивизии получали полосы обороны, ширина которых в несколько раз превышала установленный норматив — от 30 до 60 км, а в отдельных случаях и более того. Основная же часть войск округов стягивалась на фланги — в пресловутые Львовский и Белостокский выступы, что откровенно провоцировало германское командование на использование варианта Канн, что, собственно говоря, и случилось. В результате была резко понижена устойчивость стрелковых дивизий в обороне. Прежде всего, тем, что в результате «стахановских методов» формирования неуместно огромного количества механизированных корпусов стрелковые дивизии лишились танковых батальонов — едва ли не основного средства их поддержки (не говоря уже о целом ряде других, хорошо известных негативных моментов). Все это создавало практически абсолютную гарантию разгрома приграничной группировки РККА. **«Советские дивизии, — отмечал в своей книге "Провокации против России" генерал-полковник ГРУ Червов, — находясь непосредственно вдоль границы, располагались "узкой лентой" на фронте 40—50 км каждая. Они должны были, по замыслу Наркомата обороны и Генерального штаба, в разыгравшемся приграничном сражении прикрыть завершения отмобилизования и развертывания основных сил западных военных округов. Но это для них была заведомо невыполнимая задача, так как на направлениях «танковых клиньев» (главных ударов) гитлеровцы создали шести-восьмикратное превосходство в силах и средствах. Складывалась ситуация, при которой немецкие войска имели возможность наносить поражение нашим войскам по частям: сначала всеми силами обрушиться на немногочисленные соединения и части, расположенные вдоль границы; затем преодо-**

леть сопротивление главных сил прикрытия приграничных округов и, прорвавшись на оперативную глубину, напасть на войска вторых эшелонов и резервов этих округов (фронтов). В этом была роковая ошибка Генштаба»[431].

Уважаемый генерал оперировал явно средней величиной — на самом деле полосы обороны у этих приграничных дивизий в зависимости от округов составляли в среднем **от 30 до 90 км (ПРИБОВО — 33 км, ЗАПОВО — 47 км, КОВО — 50 км, ОДВО — 90 км)[432].** В отдельных случаях были полосы обороны **протяженностью до 100** (например, 15-й СК генерала Федюнинского, КОВО) **и даже 200 км[433].** Вот так и была сформирована эта самая **«узкая лента»,** а заодно и иллюзия едва уловимого некоего смысла в изначально не столько бессмысленном, сколько крайне опасном статическом фронте вдоль границы. Потому что одним только фактом столь растянутых по протяженности полос обороны — согласно Полевому уставу (ПУ) 1941 г. протяженность полосы обороны стрелковой дивизии должна была составлять не более **8—10 км[434]** — стрелковые дивизии, не имевшие к тому же в абсолютном своем большинстве штатно положенной по уставу численности — как правило, **8** тыс. чел., как утверждал в своих мемуарах Г.К. Жуков, хотя определенная часть из них имели **10—12** тыс. чел., но все равно не дотягивали до положенных **14 483 чел.[435]** — их устойчивость в обороне и в целом обороноспособность многократно заведомо понижалась, тем более при отсутствии танковых батальонов и противотанковой артиллерии. В результате, несмотря на исторически беспрецедентные героизм, мужество, храбрость и отвагу, столь присущие нашим славным воинам в любые времена, они не могли долго держать упорную оборону, которой от них требовали предвоенные директивы. Разделите, например,

---

[431] *Червов Н.Ф.* Провокации против России. М., 2003. С. 73—76.

[432] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2008. С. 301—302.

[433] Объективности ради следует отметить, что в отдельных случаях не было никакой необходимости строго соблюдать уставной норматив по ширине полосы обороны для дивизий в 8—10 км. Например, 72-я гсд под командованием Абрамидзе имела полосу обороны шириной примерно в 100 км, но там, где она дислоцировалась, были ГОРЫ. Однако именно там, где местность позволяла немцам вводить в бой свои ТГ, наши сд на границе растягивались до 40 и более км. Естественно, результат был более чем плачевный.

[434] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2008. С. 301—302.

[435] История Второй мировой войны. В 12 т. М., 1974, Т. 3. С. 340.

8 тыс. или даже **10—12** тыс. хоть на **40**, хоть **30**, хоть **50**, хоть, наконец, на **60** или **90** км (в метраже, естественно) и вы сами увидите, что на метр линии их обороны приходилось значительно менее одного солдата.

Между тем излюбленная тактика командования германских пехотных дивизий, особенно в момент начала агрессии, заключалась в том, что они шли в прорыв, **во-первых,** имея протяженность фронта прорыва пехотной дивизии до **4—6 км,** а при необходимости — сужали **до 2,5 км**[436], а, **во-вторых**, в результате могли наступать с плотностью примерно до **4 и более пехотинца на метр линии прорыва, а то и больше.** Да к тому же пехотные дивизии вермахта в момент начала агрессии имели численность без малого **17** тыс. человек. А у нас подавляющая часть стрелковых дивизий обладали вдвое меньшей численностью живой силы, а прикрывать/оборонять должны были полосы, которые по своей протяженности были **от 4 до 10 раз больше, чем фронт наступления** германской пехотной дивизии. **Просто для сведения:** одна пехотная дивизия вермахта в момент вторжения — это **16 859 чел., 299** орудий и минометов, в том числе **72** противотанковых орудия[437].

В свою очередь ширина участка прорыва для одной армии вермахта определялась всего в 25—30 км[438]. Можете представить себе, что происходило с нашей стрелковой дивизией, если у нее полоса обороны была протяженностью хотя бы 30 км. Представили?! Вот как одна дивизия могла удержаться против целой армии, да еще и будучи практически ополовиненной в численности живой силы, не говоря уже о другом?! А если у нашей дивизии полоса обороны была 40, 50 и даже 60 км, а одна германская армия (или Танковая группа) шла в прорыв на участке шириной в 25—30 **км,** то догадываетесь, что происходило с нашей стрелковой дивизией?!

Аналогичная ситуация была и с более крупными воинскими соединениями. Например, стрелковым корпусам по ПУ 1941 г. полагалось иметь полосу обороны протяженностью **20—25 км**[439], а на деле вышло **84—92 км**[440]. А у одной армии вермахта в наступлении (в прорыве) ширина участка всего **25—30 км! Нетрудно догадаться, что происходило на фронте с таким стрелковым корпусом?!**

---

[436] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 85—92.

[437] *Анфилов В.А.* Провал «Блицкрига». М., 1974. С. 72.

[438] История Второй мировой войны. В 12 т. М., 1974, Т. 3. С. 340.

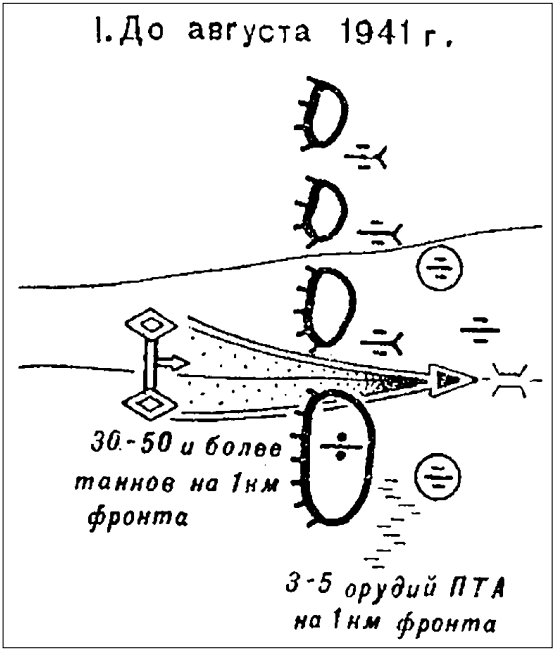
[439] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2008. С. 301—302.

[440] Там же.

Согласно тому же ПУ 1941 г., у наших армий ширина фронта обороны не должна была превышать **80—100 км**[441]. А на самом деле было **170—176 км**[442]**, и то в среднем.**

Между тем, согласно действовавшему в вермахте уставу, **группе армий** полагалось наступать (в прорыве) на фронте **100—150 км**[443]. **Догадываетесь, какая участь ожидала нашу отдельно взятую армию?!**

Кстати говоря, аналогично по смыслу была построена и противотанковая оборона — взгляните на приводимую ниже схему.



Профанация противотанковой обороны накануне и в начале войны. Схема была составлена почти сорок лет назад опытнейшим профессионалом — командующим ракетными войсками и артиллерией Сухопутных сил СССР маршалом артиллерии Г.Е. Передельским[444]

---

[441] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2008.

[442] Там же.

[443] История Второй мировой войны. В 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 340.

[444] Победа под Москвой: Материалы военно-научной конференции. М., 1982. С. 109.

Ведь знали же наши генералы, что германское командование свою основную ставку в блицкриге делает на танковые войска, и тем не менее соизволили ограничиться всего-то **3—5** стволами противотанковой артиллерии на 1 км фронта при условии, что фрицы перли с плотностью в **30—50, а нередко и до 80** танков на тот же километр! Достаточно было максимум двух залпов этой танковой армады, чтобы навсегда закопать эти **3—5** стволов вместе с их расчетами. Даже если бы они перли только уставной плотностью танков в прорыве, которая составляла **20—30** танков на 1 км, то все равно результат был бы тот же. А ведь по господствовавшим тогда в РККА воззрениям в обороне полагалось **10** стволов противотанковой артиллерии на 1 км. И то ведь было мало. **Но в итоге-то оказалось вдвое-втрое меньше?!** Себе-то в наступлении определяли аж **100** стволов противотанковой артиллерии, а гансы, что, на картонках ездили и **100** стволов нашей противотанковой артиллерии никак не заслуживали?! Естественно, что танковые армады Гудериана, Гота и других гитлеровских чертей стремительно продвигались в глубь советской территории, преодолевая в сутки по несколько десятков километров, особенно в первые дни агрессии.

Так что ничего удивительного в том, что фрицы буквально мгновенно проламывали и сметали с лица земли такое прикрытие/такую оборону. Удивительно другое, что после войны в беседе с писателем Симоновым у бывшего предвоенного начальника ГШ хватило ума деланно поражаться той якобы колоссальной мощи удара, с которой фрицы обрушились на наши передовые войска, а попутно еще и втолковывать известному писателю, что-де это и есть внезапность!? **А кто учудил такую дислокацию наших передовых войск, да еще с 80—100-километровыми в общей сложности брешами в полосе обороны Западного округа (севернее и южнее Бреста)?![445] Кто узаконил столь бесконечные по своей протяженности полосы обороны для дивизий 1-го эшелона западных округов на границе, которые в принципе были не способны сдержать натиск ТГ немцев, даже если бы их в марте усадили бы в окопы на границе, и даже**

[445] Приводится по данным генерала М.А. Гареева. См.: Мужество. 1991, № 5. С. 256.

если бы уже в феврале их укомплектовали бы по штатам военного времени?! Кто игнорировал откровенные письменные протесты командиров, прямо указывавших, что они будут не в состоянии удержать и тем более устойчиво оборонять такие полосы?! Ведь начальник военной разведки Голиков откровенно предупреждал наших генералов на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава о такой тактике немцев[446]. Зачем же надо было, вежливо говоря, вводить в безальтернативное заблуждение известного писателя и тем более все валить на Сталина?!

Вермахт был действительно сильной, хорошо вооруженной и оснащенной, слаженной и обкатанной в двухлетних боях армией. Спорить или оспаривать это бессмысленно и глупо. Однако никакой сверхъестественной мощью чертовы фрицы не обладали. Это наше командование виновато в том, что так расставило свои войска. Фрицы всего лишь по-военному грамотно воспользовались ситуацией.

Что касается упомянутого уважаемым генералом созданного германским командованием **шести-восьмикратного превосходства в силах и средствах на направлениях «танковых клиньев» (главных ударов),** то едва ли следовало повторять вслед за бывшим предвоенным начальником ГШ этот тезис. Уж кому-кому, но генерал-полковнику военной разведки не могло не быть понятным, причем изначально, что это не те цифры, о которых стоит говорить. В начале агрессии фрицы шли в прорыв с плотностью **от 30 до 50 (а нередко и до 80)** танков на 1 км фронта прорыва. Учитывая же, что в начале агрессии в танковой дивизии вермахта было в среднем примерно до **200** танков, то, следовательно, она могла идти в прорыв на фронте протяженностью в **4 км.** И на таком же фронте вместе с танковой дивизией, как правило, наступала еще и пехотная дивизия. А нередко еще по соседству, но бывало, что и вместе, наступала моторизованная дивизия вермахта. **Просто для сведения**: одна танковая дивизия вермахта в момент вторжения — это **16 000 чел.,** в среднем до **200** танков, **192** орудия, в том числе **53** противотанковых, **25** бронемашин[447], а одна моторизированная

[446] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 85—92.

[447] *Анфилов В.А.* Провал «Блицкрига». М., 1974. С. 72.

дивизия вермахта в момент вторжения — это **14 029 чел., 37** бронемашин и **237** орудий и минометов, из которых **63** противотанковых[448]. О пехотной дивизии было сказано выше.

И в таком случае более чем уместно, оправданно и аргументированно обосновано следует говорить не о **6—8**-кратном превосходстве фрицев, а как минимум на порядок большем превосходстве. И то, подчеркиваю, как минимум на порядок, потому что в реальности почти повсеместно вследствие указанных причин, допущенных по вине нашего же командования, превосходство фашистских гадов было на несколько, а то и несколько десятков порядков больше, сколь бы парадоксально сие ни прозвучало. **Ведь в действительности одной немецкой дивизии в полосе ее наступления примерно 4—5 км в обороне противостоял в лучшем случае отдельный батальон от стрелковой дивизии, так как наша дивизия была растянута до 40—50 км!**

Абсолютно не желая стращать уважаемых читателей ужасными цифрами, но хотите верьте, хотите нет, однако если произвести принципиально жесткие арифметические действия, то подлинное превосходство фашистских гадов над каждым нашим солдатом в момент начала агрессии и первые часы агрессии было на уровне **от 300 до 1000 раз** в зависимости от фронта, конкретной армии, корпуса и дивизии и полосы их обороны[449].

…Короче говоря, осуществленная и приведшая к таким последствиям подмена была не только полной де-факто, но и прежде всего незаконной, негласной, неофициальной, ни с кем из высшего руководства СССР не согласованной. И что особенно важно еще раз подчеркнуть, так это то, что де-юре, то есть на бумаге, никаких следов подмены оставлено не было! Если, конечно, не считать никогда официально не докладывавшегося Сталину — ни в бумажном виде, ни

[448] *Анфилов В.А.* Провал «Блицкрига». М., 1974. С. 72.

[449] Если кого-то заинтересовала эта проблема, то осмелюсь рекомендовать свои книги: 1. «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина» (М., 2007, выдержала два издания). 2. Фундаментальное исследование в двух томах: том 1 — «22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна», том 2 — «22 июня. Детальная анатомия предательства» (оба тома вышли одновременно в 2012 г., выдержали три издания); 3. Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии? М., 2019.

устно — бессмысленного документа якобы от 15 мая 1941 г. Достигнуто это было очень просто. Всего лишь вербальной, то есть устной перестановкой акцентов. Даже невзирая на то, что военным было приказано к маю 41-го разработать два варианта развертывания наших главных сил — «южный» и «северный».

Правда, кое-что на бумаге все-таки осталось — в виде тех же в спешке составленных в мае — июне 1941 г. проектов планов обороны государственной границы ПВО, которые оказались в Генштабе в буквальном смысле лишь накануне 22 июня и, естественно, не были рассмотрены и утверждены, поскольку там и зависли. Потому что к моменту поступления этих документов в НКО и ГШ на их руководство навалились уже другие, еще более неотложные задачи по приведению войск в боевую готовность в связи с данными разведки о нападении, что осуществлялось в ручном режиме в основном Жуковым, но в соответствии с замыслом пресловутого немедленного (молниеносного) по факту нападения контрнаступления с плацдарма КОВО. В заключительной части этого якобы плана якобы от 15 мая 1941 г. прямо указано, что начальник Генерального штаба отдал все необходимые распоряжения в соответствии с замыслом этого якобы плана (проще говоря, указав это, Жуков имел в виду директивы на развёртывание войск под этот план, который был положен на бумагу еще в конце апреля, но сами эти директивы под этот план так и не ушли в западные округа.

То есть всему тому, что должно было стать только следствием отмобилизования и сосредоточения своих основных сил под прикрытием активной обороны и активных действий по сковыванию главных сил противника, то есть контрнаступлению, которое должно было быть начато только после этого и только при наличии благоприятных условий, совершенно незаконно был придан статус главной цели и одновременно главного же метода. Причем не просто контрнаступлению, а именно же немедленному, то есть молниеносному, контрнаступлению по факту нападения Германии, да к тому же с задачей молниеносного же разгрома вторгшегося противника на его же территории. И при этом, как пока-

зали офицеры ВНУ ГШ в работе «1941 год — уроки и выводы», наши контрнаступательные действия в режиме контрблицкрига по факту нападения «не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией»!

Именно такая де-факто (вербальная) перестановка акцентов в расстановке целей и методов позволила относительно спокойно, не опасаясь обвинений в измене или, по меньшей мере, в подлоге, сотворить тот самый «безграмотный сценарий вступления вооруженных сил в войну», за который пришлось заплатить **27** миллионами жизней.

Тем более что неоднократно упоминавшийся проект документа, увы, был всего лишь в целом одобрен и потому принят за рабочую основу. Прямого письменного утверждения проекта этого документа, увы, не имело место быть. Едва ли стоит подвергать сомнению то обстоятельство, что у высшего руководства СССР, очевидно, были свои причины для такой позиции, как, впрочем, не подлежит сомнению и тот факт, что подобная ситуация открывала широкое поле для разных стратегических экзерсисов генералов. Судя по всему, в том числе и в этом был если и не роковой, но очень серьезный просчет Сталина. Нельзя было оставлять генералам слишком широкое поле для маневров, когда на кону стоит судьба Родины.

В результате неизбежно возникшей двойственности (если не того более) проводившихся мероприятий, вся реализация незаконно, негласно и неофициально измененного плана отражения агрессии стала осуществляться к тому же на редкость крайне неадекватными средствами, методами и приемами, в том числе зачастую в пожарном порядке. Ну, а если и вовсе по-простому, то на фоне и без того откровенно кореживших армию многочисленных, далеко не всегда и не во всем продуманных и тем более уместных реформ, начался невообразимый бардак с подготовкой соответствующих документов и особенно резкое изменение сути и характера войсковых учений — их перенацелили сугубо на наступательные операции.

Хуже того. Бардак объективно оказался более чем путаным сознательно, яркое доказательство чему директивы НКО и ГШ о разработке в мае 1941 г. последних перед войной уже не столько планов прикрытия, а именно планов обороны государственной границы и ПВО, которые требовалось отработать к началу июня и представить в ГШ, но которые при этом так и остались неизвестными командованию многих корпусов и дивизий. Зачем это было сделано — непонятно, причем непонятно именно потому, что до этого уже были разработанные, более или менее отработанные в войсках и заложенные в «красные пакеты» планы прикрытия.

Фактически это едва ли не окончательно сбивало с толку командование на местах, некоторая, но именно же незначительная часть которого и сама была рада оказаться сбитой с толку, дабы иметь на будущее оправдание своей нерадивости или, увы, измены. Пример бывшего командующего ЗАПОВО Д.Г. Павлова и других — ярчайшее тому доказательство.

Естественно, что не признавать сам факт осуществленной дефакто незаконной подмены, ни тем более отвечать за крайне негативные последствия этой подмены, известные как трагедия 22 июня и гибель 27 миллионов советских граждан (об экономическом ущербе уж и не говорю), ни Жуков, ни Тимошенко, ни Василевский, ни другие военачальники, принимавшие в этом участие, категорически не хотели!

Потому-то они самым бессовестным образом врали и валили все на Сталина (и на разведку). Особенно Жуков и Василевский. Тимошенко, правда, предусмотрительно увернулся от написания мемуаров. Другие маршалы, генералы военной поры не отставали в столь неприглядном деле, за исключением всего лишь Великого Маршала Великой Победы К.К. Рокоссовского, Главного маршала авиации А.Е. Голованова, Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, Маршала Советского Союза М.В. Захарова, написавших одни из самых честных и объективных воспоминаний о войне (кстати говоря, книга маршала М.В. Захарова «Накануне великих испытаний», изданная ограниченным тиражом типографией Академии Генерального штаба

в 1969 г., в которой начальник ГШ М.В. Захаров подробно показал всю суть подмены, была засекречена до 1992 г.).

Вот что в реальности скрывается за выводом авторов блестящего исследования «1941 год — уроки и выводы» (так уж получается, что без автора не обойтись): «Советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако, в отличие от немецкого блицкрига, наши так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению».

«Естественно, это привело к поражению», потому что действительно «если стратегия вступления государства и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае».

Единственное, что до сих пор непонятно, так это мотивы такого «непродуманного» выбора. То ли и впрямь в Наполеоны захотелось и даже переплюнуть его, то ли что-то еще, похуже… Хотя для Уголовного кодекса РСФСР того времени это было бы безразлично — что легендарная 58-я статья, что 193-я статья однозначно гарантировали расстрел, если, конечно, удалось бы сразу установить истинные причины такого катастрофического поражения. А подозрения в отношения Генерального штаба и вообще штабов частей и соединений уже ставшей действующей армии были очень серьезные, что отчетливо видно по директивным документам военной контрразведки в первые же дни войны.

А ведь разведка откровенно же предупреждала, что произойдет (уж простите за повтор): **«Красная армия, не имея подготовленных рубежей обороны внутри страны, широко разветвленной аэродромной сети и заранее подготовленных путей сообщения, после первого удара будет стремительно отходить назад, не имея возможности задержаться ни на одном заранее подготовленном рубеже… Немцы одновременным ударом в нескольких направлениях прорвут фронт и разъединят Красную армию на отдельные группы, в дальнейшем будут стремиться окружить и уничтожить их. Особую роль сыграют подвижные войска, которые после прорыва быстро проследуют в глубину, выйдут на пути отхода Красной армии и произведут окружение. Большая роль в этих действиях отводится авиации и воздушным десантам. По времени всю эту операцию (разгром армии и выход на меридиан Москва) предполагается осуществить в один-полтора месяца».**

При наличии приведенных выше данных разведки и таких острейших предупреждений всерьез говорить о какой-то непродуманности выбора столь опасной стратегии — увы, невозможно. Можно лишь только уяснить, почему авторы «1941 — уроки и выводы» избрали вариант именно дипломатической формулировки — «**Советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий».**

Так зачем же это было сделано, тем более при столь умопомрачительном уповании на иллюзорный успех стратегии молниеносного разгрома вторгшегося противника вместо организации серьезной обороны как реальной и необходимой предтечи решительного контрнаступления?!

Зачем сознательно был сделан такой непродуманный выбор стратегии молниеносного разгрома вторгшегося противника в сочетании с протаскиванием столь крупномасштабных реформ основных видов вооруженных сил и родов войск?!

Для чего были нужны столь неуместные как по времени, так и, особенно, по сути крупномасштабные реформы в техни-

чески и с точки зрения логистики очень сложных видах и родах войск?!

Каковы истинные мотивы таких действий, такого якобы непродуманного выбора, приведшего к столь катастрофическим последствиям, особенно, если учесть, что обо всех этих и иных здесь не названных проблемах танковых войск, ВВС и ж.-д. транспорта прекрасно знали?!

Ведь результат-то всего этого, включая в первую очередь негласную подмену официально фигурировавшего замысла отражения агрессии на «безграмотный сценарий» немедленного (молниеносного) встречно-лобового контрнаступления по факту нападения с заведомо негодными средствами и, увы, целями тоже, хорошо известен!

Да, наша Великая Родина победила в той войне! Да, наша Великая Родина тогда обрела всемирное могущество одной из самых великих держав мира, которое, правда, столь бездарно растеряла после 1991 г., но с большим трудом ныне восстанавливает!

Но нам, увы, никуда не деться от того факта, что та страшная война разбойно украла у нашего народа 27 миллионов полных сил и светлых помыслов наших сограждан, в основном выросших уже при советской власти! Это была исторически беспрецедентно разбойная кража самого бесценного ЗОЛОТОГО ФОНДА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК — ВЗРАЩЕННЫХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ СОЗИДАТЕЛЕЙ НОВОГО, СЧАСТЛИВОГО БУДУЩЕГО!

После войны Сталин с горечью произнес: «В этой войне мы потеряли самых лучших. И это еще непременно скажется!» Оно и сказалось, и не только сказалось, но и, увы, сказывается по сей день…

Заключение

Тяжелейший путь к Великому 9 Мая 1945 г. И.В. Сталин начал с осознания и ликвидации, допущенных, увы, им самим промахов. Прежде всего, сконцентрировал всю власть в государстве в своих руках — и глава партии, и глава правительства, и нарком обороны, и председатель ГКО, и Верховный Главнокомандующий. Кстати говоря, едва только был создан ГКО во главе со Сталиным, как матерый штабной волк Франц Гальдер, возглавлявший в 1941 г. Генеральный штаб сухопутных сил вермахта, уже с 14 июля начал фиксировать в своем дневнике тревожные для агрессора симптомы — сопротивление советских войск резко возросло.

Жукова и Тимошенко отправил на фронт, предварительно круто их отругав за попытку все неудачи первых часов списать на внезапность, а в Генеральный штаб был возвращен мудрый ас Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, одновременно был ужесточен контроль за деятельностью штабов всех уровней и, естественно, за командованием всех уровней. Военная контрразведка была изъята из Наркомата обороны и возвращена в альма-матер — на Лубянку, разделение НКВД на НКВД и НКГБ также было ликвидировано и воссоздан единый НКВД.

И началась великая и тяжелейшая работа — резко возросшее ожесточенное сопротивление советских войск сопровождалось величайшей в истории человеческой цивилизации эвакуацией и передислокацией военно-промышленного комплекса на восток, где, как это ныне абсолютно точно установлено, уже были подготовлены соответствующие производственные площади и площадки для немедленного развертывания производства оружия и боевой техники.

Путь к Великой **Победе был проложен с помощью 9971 постановления ГКО, в том числе посредством 2256 постановлений сугубо по военным вопросам.**

Под руководством Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина наши славные вооруженные силы провели 9 кампаний, осуществили 51 стратегическую, 250 фронтовых и 1000 армейских операций, в ходе которых были уничтожены, разгромлены и взяты в плен 606,5 дивизии лютого врага, 505,5 гитлеровских и 100 дивизий союзников Третьего рейха.

Были освобождены 1211 городов, в т. ч. 727 советских, 484 иностранных, а также бесчисленное количество иных населенных пунктов.

Но справедливо, абсолютно законно гордясь феерически блистательнейшей Победой в Великой Отечественной войне, нашим Великим 9 Мая 1945 г., мы никогда не сможем забыть иные, фантастически катастрофические итоги войны. Вы только вдумайтесь в эти страшные итоги.

Почти 27 млн человек — общие демографические потери СССР в войне.

Абсолютно точное число безвозвратных военных потерь до сих пор не установлено. До сих пор по-человечески еще не упокоены останки нескольких сотен тысяч наших славных воинов, отдавших свои жизни за нашу свободу и независимость.

После войны 25 млн человек осталось без какого-либо жилья. Полностью или частично были разрушены 1710 городов и городских поселков, более 70 тысяч деревень и сел, 32 тысячи различных предприятий, уничтожены производственные мощности по выплавке 60 % стали, 70 % угля, 40 % нефти и газа. Разрушено 65 тыс. км железных дорог.

Разорено 100 тысяч колхозов и совхозов, зарезано и угнано в Германию 7 млн голов лошадей, 17 млн голов КРС, 20 млн голов свиней, 27 млн голов овец и коз.

Советскому Союзу пришлось дважды перебазировать ядро своего ВПК, а затем еще и воссоздавать свой промышленный потенциал в европейской части государства.

Чтобы уничтожить лютого врага, 34,5 млн советских граждан вынуждены были одеть солдатские шинели.

Война нанесла фантастический экономический ущерб. Страна лишилась одной трети своего национального богатства. Общий экономический ущерб был оценен в 2,6 триллиона рублей 1945 г., что по курсу 1937 г., ибо он действовал в СССР до 1 марта 1950 г., это примерно 500 млрд долларов 1945 г.

А что собой представляют эти самые 500 млрд долларов 1945 г., легко уяснить из следующего факта. Сообщая в марте 2017 г. о смерти одного из виднейших и влиятельнейших миллиардеров США — Н. Рокфеллера (кстати, одного из реальных пособников и спонсоров Гитлера), — американская печать указала, что в 1937 г. он получил в наследство от скончавшегося в тот год отца 1,4 млрд долларов, которые — прошу особого внимания — в осуществленном непосредственно американскими специалистами пересчете по курсу 2010 г. составили бы 336 млрд долларов. То есть разница в 240 раз! Так вот, если эти самые 500 млрд долларов США, в которые тогда был оценен нанесенный СССР ущерб, умножить в 240 раз, то получится столь умопомрачительная цифра, что даже и не сразу сообразишь, как ее назвать: 120 000 000 000 000 современных долларов США! И это по курсу 2010 г., а ныне и того более! А если еще попытаться перевести эти современные доллары в современные же рубли, то любой калькулятор точно заклинит. Вот такой невероятно фантастический ущерб нанесла СССР гитлеровская агрессия!

Вот во что обошелся великой стране «безграмотный сценарий вступления вооруженных сил в войну»!

Содержание

ГЛАВА 1
Не оскорбляйте разведку — она доложила не только точно, но и информативно емко. Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования 3

ГЛАВА 2
Уповал ли Сталин на то, что пока Гитлер не разберется с Англией, он не рискнет напасть на СССР, переносил ли фюрер дату нападения на СССР, какую роль в этих упованиях Сталина и переносах Гитлером даты нападения сыграл и сыграл ли вообще государственный переворот в Королевстве Югославия весной 1941 года? 73

ГЛАВА 3
«Спасибо» Бенито Муссолини, острому дефициту зерновых резервов Германии, или Почему Гитлер выбрал именно июнь 1941 г. для нападения на СССР? 122

ГЛАВА 4
Доверял ли Сталин Гитлеру и имел ли место обмен посланиями между Сталиным и Гитлером накануне войны, или Как на самом деле родилось знаменитое Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г.? 139

ГЛАВА 5

Так начертал ли Сталин матерную резолюцию на донесении разведки? 256

ГЛАВА 6

Замолвим словечко о несчастной «красной кнопке». Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования (военно-стратегические аспекты, часть 1) 337

ГЛАВА 7

Так кто же и в чем виноват? Резюме по итогам предыдущих этапов разведывательно-исторического исследования (военно-стратегические аспекты, часть 2) 381

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 443

Научно-популярное издание

Мартиросян Арсен Беникович

22 ИЮНЯ 1941:
ТАЙНЫ БОЛЬШЕ НЕТ

Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И.В. Хренов*
Оформление и подготовка обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48—70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48—71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 26.04.2021. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ .